

**Казанский
федеральный**
УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

**Казанский федеральный университет
Институт международных отношений**

**Российская академия наук
Институт всеобщей истории**

**Российское историческое общество
Казанское отделение**

**Российское общество интеллектуальной истории
Казанское отделение**

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Сборник статей и сообщений

Том 1

**КАЗАНЬ
2020**

УДК 930
ББК 63.3
В84

*Печатается по рекомендации кафедры всеобщей истории
Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Редакционная коллегия:

**Н.В. Антонова, Н.Ю. Бикеева, Р.М. Валеев, П.В. Георгиев,
Г.П. Мягков (сост., отв. редактор), Э.В. Рунг, Р.Р. Хайрутдинов,
Е.А. Чиглинцев (сост., отв. редактор), Л.М. Шмелева**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **С.И. Маловичко**
(Московский государственный областной гуманитарный институт);
доктор исторических наук, профессор **П.С. Кабытов**
(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева)

В84 **Всеобщая история и историческая наука в XX – нача-
ле XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. / сост. и
отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. – Казань: Изда-
тельство Казанского университета, 2020. – Т. 1. – 382 с.**

ISBN 978-5-00130-261-2 (т. 1)
ISBN 978-5-00130-260-5

В сборник включены материалы II Международной научно-образовательной конференции «Личность, общество и государство в истории Запада и Востока: Всеобщая история и историческая наука XX – начала XXI века» (Казань, 14–16 ноября 2019 г.), посвященной 20-летию Российского общества интеллектуальной истории и 75-летию кафедры всеобщей истории Казанского университета и приуроченной к 215-летию основания Казанского университета. Статьи представлены учеными вузов и академических институтов Российской Федерации, Белоруссии, Польши, Украины.

Книга адресована научным работникам, преподавателям вузов, учителям, аспирантам, магистрантам и студентам, всем тем, кто интересуется проблемами теории и методологии исторического познания, истории исторической науки.

УДК 930
ББК 63.3

ISBN 978-5-00130-261-2 (т. 1)
ISBN 978-5-00130-260-5

Могущество памяти: всеобщая история и ее исследователи в социокультурном измерении

*Но в памяти такая скрыта мощь
Что возвращает образы и множит...*

Д. Самойлов

Очередные юбилейные или круглые даты, подкрадывающиеся к нам, вроде бы, планово, но всё равно неожиданно, будоражат память, пробуждают воображение, настойчиво требуют выплеска накопленных знаний о юбиляре и многолетних наблюдений за его эволюцией. Это особенно плодотворно тогда, когда объектом осмысления становятся не отдельные люди, а институции, в свою очередь, состоящие из ярких и самодостаточных личностей. Тогда память демонстрирует всю свою историческую мощь, создавая многогранный и многофигурный портрет не только той самой институции, но и эпохи в целом. Именно такими воистину эпохальными нужно признать «юбиларов», которым посвящена прошедшая конференция. И хотя локация каждого из них имеет различные очертания, вместе они отражают то состояние изучения всеобщей истории, которое характеризует теснейшее переплетение локального, общенационального и международного уровней, позволяющее представить картину в ее предельной полноте.

Очередной, надеюсь все-таки – очередной, а не последний, семидесятипятилетний юбилей кафедры всеобщей истории Казанского университета это, как и всегда, очередной всплеск эмоциональных воспоминаний бывших студентов о лучших годах своей жизни и о самых любимых своих наставниках, а для нынешних сотрудников – прекрасный повод осмыслить перспективы развития.

Когда в середине лихих военных лет в Казанском университете в результате разделения единой кафедры истории была организована кафедра всеобщей истории, вековая традиция исследований в этой области была уже прервана. Потому о прямой преемственности

говорить не приходится. Присутствие в Казани некоторых известных историков-всеобщников, эвакуированных в начале войны вместе с Академией наук СССР, не стало системообразующим фактором. Всё нужно было начинать с нуля.

В качестве заведующего кафедрой на основе совместительства был приглашен М.Д. Бушмакин, занимавший пост заведующего подобной же кафедрой в педагогическом институте. О составе кафедры в первые пять лет ее существования мало что известно. Подлинное становление кафедры началось с деятельности А.С. Шофмана, который возглавил ее в 1948 г.

Воспитанник ленинградской школы классической филологии, А.С. Шофман прибыл в Казань после нескольких лет работы в Ашхабаде, будучи уже достаточно опытным преподавателем. Переезд был вынужденным, вызванным трагическими последствиями ашхабадского землетрясения. В Казани предстояло создать достойный одного из старейших университетов страны центр изучения зарубежной истории, и прежде всего, любимой древней истории. Наряду с самим А.С. Шофманом стержневой фигурой новой кафедры стал В.И. Адо, инициатор приглашения его в Казань. Все поколения студентов с конца 40-х и до конца 70-х гг. прошлого века хранят добрую память об этом выдающемся преподавателе, что нашло отражение и в нескольких публикациях данного сборника.

С середины 50-х гг. XX в. на кафедре остаются выпускники исторического отделения КГУ А.Д. Константинова, А.В. Сергеев, П.Б. Уманский. А.Д. Константинова положила начало изучению на кафедре *personalia* выдающихся российских антиковедов, исследовав творчество основоположника российского антиковедения М.С. Куторги. Значительны были достижения созданной П.Б. Уманским школы исследователей Американской буржуазной революции XVIII в. А.В. Сергеев стал уникальным специалистом, соединившим в себе глубокие знания в медиевистике и славяноведении.

Начинает формироваться тот костяк преподавателей, который неизменным пройдет вместе с А.С. Шофманом все годы его заведования. Это молодые и талантливые выпускники кафедры рубежа 60–70-х годов В.Д. Жигунин, Р.Н. Имангалеев, М.Г. Юнусова. Первый из них, самый известный из учеников А.С. Шофмана, профессор В.Д. Жигунин подхватил эстафету учителя, возглавив кафедру в 1986 г. (в 1991–2001 гг. – зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков). Он не только продолжил исследования в области античного македоноведения, но и создал оригинальную синтетическую теорию всемирной истории, которая высоко оценена отечественной наукой. Но были и столь же молодые и не менее талантливые, которые, начав работать на кафедре, по разным причинам вынуждены

были покинуть alma mater, преподавать в других вузах Казани и других городов, но никогда не порывали тёплых связей с кафедрой и её руководителем. Это Г.В. Атласов, Ю.А. Михайлов, Б.В. Царёв, Л.А. Бурганова, о некоторых из них вспоминает в нашем сборнике аспирантка начала 1970-х гг. Э.Б. Петрова. Среди них был и Г.П. Мягков, который в конечном итоге сумел полноценно вернуться на кафедру в качестве медиевиста, достойно заменив одного из её корифеев А.В. Сергеева, дело которого как славяноведа продолжил Я.Я. Гришин.

Попытки административного внедрения на кафедру тех, кто не был воспитан кафедрой, результата не дали: кафедра уже стала самостоятельным, живым организмом, который отвергал чуждые элементы, даже если они и несли в себе рациональное зерно. Так произошло с кратковременным пребыванием на посту заведующего кафедрой крупного историка-медиевиста А.И. Данилова, который практически не оставил в Казани следа, зато вскоре стал главой знаменитой томской школы медиевистов-методологов. Так произошло и с очень спорной попыткой интегрировать в Казанский университет профессора В.В. Иванова, ставшего в последующем создателем казанской школы исторической социологии на базе Казанского финансово-экономического института.

Между тем на кафедре сформировались своеобразные секции из собственных университетариев. После роспуска отделения классической филологии здесь оказались латинисты М.А. Галеева, и М.Д. Блохина, возвратилась, получив замечательный учительский опыт, А.З. Ханина, образовалась секция методики преподавания истории, в которую вошли филолог по образованию Н.А. Бурмистров и историк М.М. Базина. Особо нужно сказать о сформировавшемся «восточном секторе», состоявшем из двух дам, преподавательскую деятельность которых с легкой руки самарского историка, выпускника Казанского университета, П.С. Кабытова теперь называют не иначе как «колоритной» (см. с. 247 настоящего издания) – Н.А. Мазитовой и Л.И. Шайдуллиной.

Столь разнообразных специалистов с «лица не общим выражением» объединяла принадлежность к одной кафедре, причастность к которой они всегда дорожили. Кафедра своими силами проводила методологический семинар, который был много интереснее общефакультетского. Каждый из преподавателей один раз в год читал доклад по наиболее актуальным теоретическим проблемам той отрасли знаний, которой он занимался – от глубочайшей древности до горячей современности. И все слушали, и задавали вопросы, и заинтересованно обсуждали. То же было и на традиционных итоговых научных конференциях кафедры. Столь искренний интерес к тому, что волнует каждого из коллег, и создавал единый жизнеспособный

коллектив, которым всегда была кафедра всеобщей истории. Разделение её на две части на рубеже 1980 – 1990-х годов, обогатило и развило узкую специализированную проблематику, но и ущемило традиционную «всеобщность».

Возвращение единой кафедры всеобщей истории оказалось процессом весьма драматичным, прежде всего с точки зрения изменения кадрового состава единой кафедры. Но за несколько лет возрожденного существования кафедра сумела вернуть общее чувство сопричастности к различным проблемам всемирной истории. И сегодня основная тенденция развития кафедры – это прочное вхождение в мировое образовательное и исследовательское пространство, как за счет развития собственного кадрового потенциала, так и за счет привлечения ведущих ученых России и зарубежных стран к преподавательской и исследовательской деятельности, в том числе, и на постоянной основе. Этому будут способствовать модернизация имеющихся и создание новых магистерских программ, нацеленных, возможно, и на англоязычную образовательную среду и реализуемых в партнерстве с ведущими университетами мира (например, программа по публичной истории), а также расширение сети зарубежных университетов-партнеров. В этом отношении важна та исследовательская проблематика, которой занимаются члены кафедры. Так, обращение к изучению рецепции исторического прошлого уже привело к активному и постоянному двустороннему партнерству с Гумбольдт-университетом в Берлине, а намечаемый проект, посвященный практикам коммеморации от античности до современности, должен осуществляться в тесной кооперации с британскими специалистами.

Могущество памяти проявляется не только в том, что подобная проблематика объединяет кафедру со многими российскими и зарубежными партнерами, но и в том, что эта память о наших коллегах, работавших на кафедре в былые годы, невольно «возвращает образы и множит», поскольку за ними стоят те историки-всеобщники, творчество которых наши учителя специально изучали. Мы говорим об А.В. Сергееве, а представляем гигантскую фигуру казанского слависта В.И. Григоровича, мы вспоминаем А.С. Шофмана, невольно думая о его работах, посвященных казанским антиковедам Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостову, имя А.З. Ханиной навсегда сплетено для нас с ее исследованием жизни и творчества выдающегося медиевиста, основателя отечественной испанистики В.К. Пискорского; имя Н.А. Мазитовой сопряжено с именем одного из крупнейших российских востоковедов А.К. Казем-Бека. От наших учителей ни точка памяти тянется уже к тем, которые стали основными сотрудниками кафедры в последние десятилетия прошлого века и в первые

десятилетия века текущего, к тем, кто в XXI веке учит всеобщей истории новые поколения студентов. Сегодня на кафедре работают прямые ученики А.С. Шофмана, В.Д. Жигунина, В.С. Королева, Г.П. Мягкова, П.Б. Уманского, М.Г. Юнусовой.

Юбилей кафедры не случайно оказался совмещен в рамках международного форума историков с 20-летием Российского общества интеллектуальной истории. Дело в том, что казанское отделение РОИИ стало одной из первых его региональных организаций. Основы отделения в Казани заложены были именно в Казанском университете, именно историками-всеобщниками, поскольку организатором, а затем и бессменным председателем Общества в Республике Татарстан стал профессор Г.П. Мягков, известный в стране специалист по историографии всеобщей истории. Для РОИИ обращение к развитию науки всеобщей истории также является одним из приоритетных направлений. В разные годы под эгидой Общества прошли конференции, которые были посвящены корифеям российской дореволюционной историографии всеобщей истории. Особое внимание в ходе этих конференций было уделено деятельности профессиональных сообществ и исследовательских центров, прежде всего, российских университетов, состоянию научных коммуникаций в самых разнообразных их проявлениях, издательским проектам и университетским образовательным программам. И в конференции, которая прошла в ноябре 2019 г. в Казани, большая секция под номером один была названа «Всеобщая история как предмет научной рефлексии», привлекая внимание не только традиционными постановками проблем национальных историографий или персоналий исследователей и преподавателей отдельных разделов всемирной истории, но и новаторскими обращениями к историсофским построениям, с одной стороны, и опыту репрезентации зарубежной истории для массовой аудитории (от школьных и вузовских курсов – до популярной литературы и медиа-продукции) – с другой. А еще в трех секциях по периодам и локациям (от древности до современности на Западе и Востоке) обсуждалась заглавная проблема конференции – личность, общество и государство в истории. Обращение к самым разнообразным темам в рамках именно всеобщей истории позволили, как красиво сформулировал в своем докладе один из участников конференции, обозначить «модусы равновесия Вселенной», что обязательно включают в себя и аспекты исторической памяти, могущество которой обеспечивают человечеству его дальнейшее существование.

***Е.А. Чиглицев**, доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории КФУ*

Раздел 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ ПРОШЛОГО

УДК 930.1

Репина Л.П.

Интеллектуальная история в России: двадцать лет спустя

В статье намечаются реперные точки двадцатилетнего развития интеллектуальной истории как трансдисциплинарного научного направления, сосредоточившего в своем обширном предметном пространстве исторические аспекты изучения всех видов интеллектуальной деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты. Автор подчеркивает интегративный потенциал концепции культурно-интеллектуальной истории в ее интерпретации исследователями, которые группируются вокруг журнала «Диалог со временем» и Российского Общества интеллектуальной истории.

Ключевые слова: новая культурно-интеллектуальная история, пространство интеллектуальной истории, интеллектуальная культура, трансдисциплинарность, тексты и контексты

Во второй половине 2010-х гг. в ряде историографических обзоров и учебных пособий уже предпринимались попытки определить место интеллектуальной истории в системе актуального исторического и шире – социально-гуманитарного знания. Результаты этих попыток неоднозначны. К примеру, в учебнике по теории и методологии истории под редакцией А.И. Филюшкина раздел «Интеллектуальная история» включен в главу 10 «Изучение истории как изучение культуры» и соседствует с отдельными разделами «История дискурсов и история понятий» и «Memory studies». Интеллектуальная история получает определение как «одна из наиболее интенсивно развивающихся отраслей исторического знания, изучающая интеллектуальное наследие (идеи, теории, тексты) через призму культуры и социокультурного окружения их носителей (в отличие от истории и истории идей, с которыми она тесно связана» [5, с. 265].

Наиболее обстоятельно содержательные и организационные аспекты развития интеллектуальной истории освещены в статье Г.И. Зверевой «Интеллектуальная история в современной России:

институты и направления» [1], в которой обсуждается ряд конкретных вопросов, связанных со становлением и распространением изучения интеллектуальной истории в России в период с конца 1990-х до настоящего времени. Как видно из самого названия статьи, центральное место в ней занимает рассмотрение различных форм институционализации интеллектуальной истории, а также специфика и разнообразие ее проблемных полей. Особое внимание уделено деятельности профессиональных обществ и научных центров, состоянию научных коммуникаций, издательским проектам разного уровня и масштаба, работе постоянных научных семинаров и появлению университетских образовательных программ. Г.И. Зверева ярко продемонстрировала разнообразие трактовок интеллектуальной истории приверженцами ее отдельных версий или направлений и подчеркнула, что «классические» теории и инструментарий второй половины XX – начала XXI века российские исследователи берут не в готовом виде, а критически перерабатывают и адаптируют к своим целям» [1, с. 297]. При этом Г.И. Зверева резонно предпочла воздержаться от строгих и развернутых дефиниций, ограничившись указанием на то, что «эта междисциплинарная область гуманитарного знания трактуется исследователями очень широко» [1, с. 293]. Предметные приоритеты интеллектуальная история чаще всего определяют через понятие пространства, чему было положено начало опубликованной в «Диалоге со временем» известной статьей С.А. Экштута «Пространство интеллектуальной истории» [6].

Существуют многочисленные варианты определения предмета интеллектуальной истории: одни из них слишком узки (вроде «истории интеллектуалов»), другие чересчур расплывчаты (как было в свое время с «историей ментальностей»). В некоторых версиях обнаруживается упрощенное представление о возможности сконструировать интеллектуальную историю, как складывают из отдельных фрагментов мозаику – из истории науки, истории политической мысли, истории философии, истории литературы и т.д., с проецированием в прошлое структуры современного интеллектуального пространства [см.: 7; 8]. Однако специфика предметного поля интеллектуальной истории, как я ее понимаю, состоит не в его постоянном расширении, а в изначальной интегративной природе его концептуализации: здесь происходит не приращение участков, а вариации ракурса, уровня и масштаба исследования, смена точек стыковки разнонаправленных линий анализа. Поиск новых перспектив ведется по всем азимутам [2]. Однако, означает ли это, что все появляющиеся в отдельных сегментах интеллектуального пространства результаты исследовательских поисков попадают в сферу интеллектуальной истории?

«Что такое интеллектуальная история?». Этот вопрос был поставлен в заголовок моей вводной статьи к первому выпуску «Диалога со временем». Не имея намерения дать какое-то нормативное определение, я тогда предложила лишь размышления по поводу целого набора проектов отдельных замечаний относительно предмета и методов интеллектуальной истории, которые имели хождение в современной историографии. Однако наиболее продуктивным оказалось обращение к давней программе «истории идей» Артура Лавджоя, не реализованной ни самим автором, ни его преемниками и фактически забытой на долгие десятилетия [9]. Программа Лавджоя во многом предвосхитила те повороты в интеллектуальной истории, которые стали особенно заметными в последнее десятилетие XX века: сначала маятник качнулся от «биографии идей» в противоположную сторону – к «истории интеллектуалов» и «социальной истории идей», акцентирующих роль социального контекста, но решающую роль в переосмыслении и переопределении интеллектуальной истории сыграла история ментальностей уже на стадии «культурного поворота». В предложенной мной программе развития интеллектуальной истории, сформулированной в 1998 г., содержание последней было обозначено как история всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

Современная интеллектуальная история не является ни субдисциплиной, ни направлением, опирающимся на какую-то одну научную парадигму. Нежелание ограничивать спектр возможных теоретико-методологических перспектив является устойчивой и вполне осознанной позицией. Вместе с тем исследовательский приоритет интеллектуальной истории – изучение рефлексивного и когнитивного аспектов прошлого человеческого опыта – сегодня все больше опирается на принцип его социокультурной контекстуализации в духе проекта «новой культурно-интеллектуальной истории», в которой человеческая субъективность должна выступать в ее истинной целостности, неразрывно соединяющей категории сознания и категории мышления. Другой вопрос – как это возможно реализовать в практике конкретного исследования, с помощью какого концептуально-методологического инструментария?

Такая модель исследования была нами сконструирована на базе интегральной концепции интеллектуальной культуры [4]. Интеллектуальная культура каждой эпохи многослойна: это и так называемая элитарная, и профессиональная культура, и идеи, разлитые в обществе (на разных его уровнях). Интеллектуальная культура состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, которые включают элитарные и «народные» типы дискурса, манеру думать, читать, писать и говорить. Характерные черты

интеллектуальной культуры определяются материальными и социальными условиями и «внешними» интеллектуальными влияниями. Интеллектуальная культура – это не абстрактные идеи, а совокупный ментальный и вербальный фонд того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации. Важно еще раз подчеркнуть: интеллектуальная культура – это не только тексты, она имеет коммуникативную природу.

Разумеется, интегральная установка реализуется в конкретных исследованиях в разной степени. В этом плане наиболее перспективными представляются исследования в русле «истории интеллектуальной культуры», направленные на анализ категорий мышления (мыслительного инструментария), интеллектуальной деятельности и продуктов человеческого интеллекта в рамках общекультурной парадигмы и включающие анализ не только способов концептуализации окружающей природы и социума, но также всех форм, средств и институтов интеллектуального общения. Такое видение теоретической перспективы конкретных исследований позволило объединить усилия специалистов, чьи профессиональные интересы связаны с изучением всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты, без каких-либо хронологических и географических ограничений. Именно такой «просторной» интерпретации интеллектуальной истории придерживаются редакция журнала «Диалог со временем» и основное ядро участников РОИИ как в крупных коллективных научно-исследовательских и издательских проектах, так и в своих индивидуальных разработках и образовательной практике.

Библиография

1. Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель – XXI век. 2018. № 4. С. 288-302.
2. Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2014. 848 с.
3. Историки в поисках новых перспектив: коллективная монография / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с.
4. Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. Вып. 22. С. 5-15.
5. Теория и методология истории: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А.И. Филюшкина. М.: Юрайт, 2016. 323 с.
6. Экштут С.А. Пространство интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2001. Вып. 4. С. 13-26.
7. Bavaj, Riccardo. Intellectual History, Version 1.0 // Docupedia–Zeitgeschichte. 2010. URL: http://docupedia.de/zg/Intellectual_History
8. Gordon, Peter E. What is Intellectual History? A frankly partisan introduction to a frequently misunderstood field. URL: http://projects.iq.harvard.edu/files/history/files/what_is_intell_history_pgordon_mar2012.pdf

9. Lovejoy A.O. The Great Chain of Being. A Study of the History of an Idea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 3-23.

Репина, Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук; профессор, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; lorinarepina@yandex.ru

Intellectual History in Russia: Twenty Years Later

The article outlines the benchmarks of the twenty-year development of intellectual history as a transdisciplinary research field that has concentrated in its vast subject space the historical aspects of the study of all types of intellectual human activity, including its conditions, forms and results. The author emphasizes the integrative potential of the concept of cultural-intellectual history in its interpretation by researchers who are grouped around the journal «Dialogue with Time» and the Russian Society for Intellectual History.

Keywords: new cultural and intellectual history, the space of intellectual history, intellectual culture, transdisciplinarity, texts and contexts.

Repina Lorina Petrovna, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; lorinarepina@yandex.ru

УДК 94

Чеканцева З.А.

Проблематика времени в исторической культуре Антропоцена

Включенность истории во время очевидна. Но у времени тоже есть история. В статье показано как историки в трандисциплинарном режиме идентифицируют вновь возникающие формы восприятия исторического времени и истории; как историческое познание, признав свою неразрывную связь с политикой, ищет способы освобождения от тирании настоящего.

Ключевые слова: история, историческое время, режимы историчности и темпоральности, социальное воображаемое, политика

На 35 международном геологическом конгрессе в Кейптауне (2016 г.) ученые констатировали, что мы уже более 50 лет живем в новой геологической эпохе, получившей название Антропоцена [12]. В дискуссиях о ее содержании и границах, специалисты пришли к выводу, что речь идет о беспрецедентном в истории Земли событии, которое по значимости превосходит переходное историческое время рубежа XVIII и XIX веков. Возможно, анализ этого события поможет ответить на вопрос, что такое наша современность, а также лучше понять радикальные трансформации последних

десятилетий в мире и познании [1]. В том числе активное вторжение в науку трансдисциплинарности как ключевой интеллектуальной идеи/практики, необходимой для понимания времени, в котором мы живем. Речь идет не только о согласовании геологического и социального времени [7], но также о переосмыслении времени исторического [8; 9; 10].

В 1929 году Й. Хейзинга представил историю «как интеллектуальную форму, в которой культура рассказывает о своем прошлом». Сегодня такое понимание истории может стать точкой отсчета для дискуссии об историческом времени. Определение исторической науки, принадлежащее М. Блоку, сегодня вспоминают преимущественно в критическом контексте. Хотя многие историки и сейчас отождествляют время, историю и историческое изменение. При этом время воспринимается, вопреки общей теории относительности Эйнштейна, как реальное и абсолютное, т.е. так, как понимал его И. Ньютон. Однако на протяжении прошлого века философы и ученые гуманитарии (Ж. Зиммель, Ж. Гурвич, В. Беньямин, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ф.К. Помпьян, Р. Козеллек, Ф. Анкерсмит, Ж. Ле Гофф, П. Рикер, Ф. Артог и др.) предложили немало полезных идей, позволяющих в материале показать историчность исторического времени.

В культуре нового тысячелетия происходит фундаментальное изменение темпорального опыта. Формируется другое восприятие времени и истории как сферы познания. На смену концепции линейного, необратимого и прогрессивного времени, приходит концепция времени нелинейного с иными характеристиками. В линейном времени ключевые модусы – прошлое, настоящее и будущее – отделены друг от друга, а их принципиальная закрытость является основой таких институтов Модерна как архивы, музеи, автономная историческая дисциплина. Альтернативное понимание исторического времени, воплощенное в разных формах, связано, прежде всего, с идеей «множественной темпоральности». Осмысление «темпорализации времени» (Ф. Артог) породило такие новые понятия как *режимы историчности, режимы темпоральности, политика времени, презентизм, аллохронизм* и проч. Обсуждается понятие исторической дистанции как обязательного в «объективном» историческом исследовании разрыва между прошлым и настоящим. А также перформативный характер установления границ между базовыми темпоральными модусами. Полностью реабилитирован анахронизм как недопустимая в историческом исследовании темпоральная ошибка [2].

С конца 70-х годов прошлого века историки вместе с философами, социологами, антропологами, географами, лингвистами,

психоаналитиками интенсивно обсуждают принципиально важные эпистемологические вопросы, связанные с темой исторического времени. Каким образом взаимодействует «порядок времени» и историческая реальность? Из каких темпоральностей сотканы хорошо известные и новые модели всемирной истории: национальная, универсальная, глобальная? Какие ритмы, наполняют пространственные масштабы этих моделей? Каким образом в разнообразных культурах различают привычные для нас модусы времени: прошлое, настоящее и будущее? Как и почему осмысление темпоральной проблематики в междисциплинарном режиме трансформирует историю как науку и профессиональную идентичность историка? [3].

В конкретно-исторических исследованиях главные модусы времени и определенные темпоральности, свойственные различным явлениям, присутствуют как реляционные категории, содержание которых формируется в практиках. Исследуется тесная взаимосвязь этих модусов и их историческая изменчивость, а также гетерогенность каждого из них. Хорошо обоснована мысль о том, что концепция исторического времени, сформировавшаяся в XIX веке, применима лишь для истории Запада. Созданная в русле этой концепции периодизация и ее имплицитный телеологизм предопределяет содержание теорий модернизации и глобализации, а также западную версию «историцистской» истории. В русле такой истории время было объединено с пространством, а отношения историков со временем во многом зависят от того, в каком регионе они работают [11]. В связи с кризисом режима историчности модерна историки проявляют озабоченность по поводу современного статуса прошлого и отношений между прошлым и будущим [5; 6]. Обсуждение вопроса о темпорализации времени выявило необходимость переопределить историчность истории [4].

В XXI веке на смену детерминистскому историзму, стержнем которого остается при всех нюансах самоценность «прошлого», приходит мультитемпоральный подход, основанный на идее подвижности границ между основными модусами времени и их постоянном взаимодействии. Включенность прошлого в настоящее меняет представление о предмете исторической науки, о соотношении истории и памяти, о материальных и аффективных формах этого взаимодействия. Новое ощущение времени проявляется не только в исследовательской практике ученых, но и в жизни: в коммеморативных практиках, в музейных экспозициях и художественных выставках, в политических движениях и реальной политике. Все это изучается в трансдисциплинарном режиме и осмысливается в историографии. При этом ключевыми являются понятия исторического

опыта, обновленный концепт «историчность» и многочисленные темпоральности.

Библиография

1. Кобылин И. «Климат-контроль»: негативная универсальность антропоцена // Художественный журнал. 2018. № 106.
2. Рансьер Ж. Анахронизм и истина историка // Социология власти. 2016. № 2. С. 203-223.
3. Репина Л.П., Чеканцева З.А. «Прошлое в настоящем», или Темпоральные модусы исторического сознания и нарратива // Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начало XXI века. Коллективная монография под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон. 2018. Глава 2.
4. Чеканцева З.А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века // Диалог со временем. Вып. 65. 2018. С. 5-20.
5. Bachet J. Défaire la tyrannie du présent. Temporalites émergentes et future inédits. Paris La Découverte. 2018. 315 p.
6. Bantigny L. L'oeuvre du temps. Mémoire, histoire engagement. Paris: Edition de la Sorbonne, 2019. 189 p.
7. Chakrabarty D. Anthropocene Time // History and Theory 57. 2018. N 1. P. 5-32.
8. Conrad S. What is global history? Oxford: Princeton University Press. 2017. 300 p.
9. Johannes F. Le temps et les autres. Comment l'anthropologie construit son objet. Traduction française par Estelle Henry-Bossoney et Bernard Müller. Toulouse, Anacharsis, 2006. 313 p.
10. Lorenz C. et Tamm M. Who knows where the time goes? // Rethinking History: Journal of Theory and Practice. 2014. 18 (4). P. 499-521.
11. Rao V. N., Shulman D., Subrahmanyam S. Textures du temps: écrire l'histoire en Inde. Paris: Éd. du Seuil. 2004. 418 p.
12. Zalasiewicz J. The Extraordinary Strata of the Anthropocene // Environmental Humanities: Voices from the Anthropocene, ed. S. Oppermann and S. Iovino London: Rowman and Littlefield International. 2017.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия; zinaidachekantseva@gmail.com

Time in the Anthropocene historical culture

The inclusion of history in the time is obvious. But time also has a story. The article shows how historians identify in a transdisciplinary mode emerging modalities of the relation to time and history, and how historical knowledge, recognizing its inextricable link with politics, is looking for ways to get rid of the tyranny of the present.

Keywords: history, historical time, regimes of historicity and temporality, social imaginary, political

Чеканцева Зинаида Алексеевна, Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zinaidachekantseva@gmail.com

Вжосек Войцех

**История – это наука о культуре.
Идея интенциональности Йозефа Марголиса
в контексте исторического конструктивизма**

Автор собирает аргументы за тезисом, что науки исторические и науки о культуре – это одно и то же, потому что это науки о человеке.

Ключевые слова: история, антропология, культурная импутация, интенциональность, Й. Марголис.

С одной стороны, мы имеем на познающей стороне культуры исследователя, например, антрополога, на другой – исследуемую им культуру.

Сходным образом я предлагаю толковать познавательную ситуацию историка. На одной стороне – актуальный порядок культуры, включая актуальные стандарты исторического познания и исследования, иначе говоря, обязывающие методологические стандарты и методические практики историографии, на другой – прошлое, причем не само по себе, а заключенное в убеждениях (представлениях) о том, какое оно. Прошлое – это прошедшая общественная действительность, а скорее, как я предпочитаю говорить, культура в широком значении этого слова. Так что «на этой» стороне историк как представитель культуры или, как сказал бы Людвик Флек, как носитель «стиля мышления» или «представитель научного сообщества», тогда как «на той» – прошлое, то есть прошлые состояния культуры [14].

Идея культурной импутации [8, р. 135-144] является, как я полагаю, приемлемым способом артикуляции эпистемологических и методологических проблем, которые рассматриваются в равной мере в отношении как культурной антропологии, так и истории. Более того, она соединяет культурологический дискурс с эпистемолого-методологическим и, благодаря убеждению, что исторически закрепился тот способ осмысления исторического познания, который предполагает, что осмысление происходит в соотношении субъект / объект, эта идея соответствует распространенным среди историков взглядам на нее. Историки же почти повсеместно исходят из дуализирующей стратегии. Они (и не только они) привыкли описывать свои исследовательские предприятия как игру субъект / объект. Более того, они показывают, что действуют так, как будто эта стратегия была очевидной.

Непосредственным мотивом, побудившим меня использовать идею культурной импутации для описания исторического

познания, было сравнение историографической операции с практикой антропологического познания / исследования. Это случилось, когда я пробовал понять тот успех, которого добилась новая история под знаком исторической антропологии. Меня поражало, почему затяжной роман истории с антропологией, озаглавленный рождением этноистории, оказался настолько плодотворным, особенно для истории. Это ведь ей принесло зримую пользу сближение с антропологией. В результате это история стала, я думаю, больше наукой о культуре, чем антропология – исторической наукой [5].

Обе дисциплины, то есть история и этнология (этнография), как справедливо заметил когда-то Ж. Ле Гофф, зажили по соседству друг от друга в произведении Геродота. Позднее историография пошла своим путем, и вновь этнографическое (антропологическое) осмысление мира сблизилось с историей в просветительской мысли, чтобы после периода формирования идентичности и суверенности обеих наук о человеке во второй половине XIX в. вновь взаимно сближаться во второй половине ушедшего столетия под видом исторической антропологии, одного из наиболее многообещающих направлений исторической литературы.

Я сопоставляю стратегию исторического познания с антропологическим и утверждаю, что как антрополог реализует свое познание, которое можно описать следующим образом: культура исследует культуру, – так то же самое можно сказать об историке. Историк исследует прошлое, которое в связи с иногда значительным отдалением во времени многократно предстает перед ним резко отличным (удивительно другим) от культуры, которую он репрезентирует. Аналогично классический антрополог: он тщательно изучает экзотические (сегодня уже не только такие) проявления современной ему культуры, часто отдаленной в пространстве от его родной культуры. Оба выслеживают сходства и различия между исследующей и исследуемой культурой, стремясь их описать, понять и интерпретировать. Принимают оба при этом простое наблюдение, что культура разнообразна во времени и пространстве. Для историка различия в наибольшей мере определяются временем, для культурного антрополога прежде всего – пространством.

Историк, как и антрополог, исследует другую культуру в свете своих мыслительных категорий, заимствованных из обывающего в его время исторического (культурного) порядка. Он рассматривает прошлое через объектив мира, к которому он принадлежит. Современность исследует прошлое, скажет Коллингвуд. Настоящее задает вопросы прошлому, скажут Марк Блок и Люсьен Февр. *“Pas*

problème, pas histoire», – писал Февр. А проблемы берутся из настоящего¹.

Эрнест Кассирер так воспринимает этот вопрос: «Историческое знание есть ответ на определенные вопросы, ответ, который может дать прошлое; но сами вопросы порождены и продиктованы настоящим – нашими настоящими интеллектуальными интересами, равно как и современной нравственной жизнью и социальными потребностями» [12, с. 651].

Уорд Гуденафа и Йозеф Марголис.

Вслед за Флорианом Знанецким я полагаю, что науки о человеке – это науки о культуре. И наоборот, каждая наука о культуре – это наука о человеке. А если это так, то каждое состояние вещей, осмысленное исторически (историческое состояние вещей) может быть культурологически реконцептуализировано. И наоборот, остающиеся в контексте наук о культуре *data* могут быть переинтерпретированы исторически.

В специфическом контексте, который не является невинным как для исторических наук, так и для наук о культуре, а именно в контексте проблемы релятивизма и постановки под вопрос существования культуры как таковой, эти вопросы американским филологом Йозефом Марголисом формулируются так: «(...) как в дофилософском, так и в философском контексте постановка под вопрос реальности мира культуры сразу же и неизменно приводила бы нас к парадоксу. Это, по моему мнению, приводило бы – как писал американский философ – к сомнению в нашем собственном существовании. С моей точки зрения, мы сами являемся артефактами культурной жизни, созданными благодаря превращению представителей *homo sapiens* в субъекты, наделенные языком и культурой и способные (благодаря этому процессу) к выделению интенциональных

¹ Как Бенедетто Кроче, чьим творчеством вдохновлялся автор “The Idea of History”, и Марк Блок, в чьей «Апологии истории» звучат идеи этих первых, и наконец, Г.-Г. Гадамер [11, с. 355–363] придают конститутивную роль вопросу о познании, в том числе об историческом познании / исследовании. «Каждый шаг в ходе рассуждений зависит от постановки соответствующего вопроса. Вопрос – это гремучая смесь в пистоне патрона, движущая сила каждого взрыва» [13, с. 260]. См. также: [10, с. 4–18], где я поддерживаю тезис, что «дефиниции», *quasi* дефиниции, служащие рефлексорным ответом на вопрос (что это?), являются элементарными экзистенциальными гипотезами – элементарными культурными импутациями. Это так, поскольку уже основания вопросов (*datum questionis*) являются экзистенциальными микрогипотезами. В результате вопросы, задаваемые исследуемой культуре (наверное, самый простой – «что это?», с удивлением: «а это что же?», подталкивают к «поиску» префигурирующего смысла „*definiendum*” в запасниках смыслов исследуемой культуры. Ответ эти вопросы, видимо, заключает в себе импутации, идущие со стороны дефинирующей (исследующей) культуры.

свойств во всем, что мы создаем или делаем, в том числе и в нас самих» [3, S. 76].

Все, что может считаться (...) денотатом того, что относится к культуре, – уверяет Марголис, – должно содержать в качестве одной из своих черт, свойство быть историческим объектом. Это может казаться абсолютно очевидным, хотя это и гораздо более существенно, чем кажется, поскольку определяет, что (1) объекты культуры, но не неодушевленные объекты природы, обладают в качестве своей внутренней черты, части своей «природы», определенной «историчностью»; (2) эта историчность не может быть осмыслена таким же образом, каким осмысливаются чисто физические свойства; (3) восприятие историчности в своей основе необходимо для анализа и понимания мира культуры; (4) восприятие (...) истории является продолжением человеческого самовосприятия, понимания себя и своего общества; (5) восприятие явлений культуры невозможно отделить от восприятия физических явлений».

Во-вторых, я принимаю положение, согласно которому расширение поля исторических исследований, наступившее в течение XX в., позволяет утверждать, что объектом истории является весь круг человеческих феноменов, а значит, по меньшей мере сфера, называемая культурой, которая понимается в антропологическом смысле, а значит, как синтез так называемых «материальной культуры» и «культуры духовной». Современная историография присваивает себе право заниматься всем человеческим, а значит, также и тем фрагментом мира, который обычно причисляют к природе. Однако культурно освоен только тот ее фрагмент, который остается в орбите деятельности и мышления человека [9]¹

Тем не менее, как можно заметить, в современной историографии, также, как и в этнологии, антропологии, этнографии и культурологии, или, как нам кажется более правильным, в культуроведении, речь идет о культуре в широком смысле. Она вписывается, подобно принимаемой мной социально-регулятивной концепции культуры, в известное определение Уорда Гуденафа: «(...) в состав культуры данного общества входит все, что нужно знать, или также и то, во что нужно верить для того, чтобы поступать приемлемым для ее представителей способом в рамках некоторой социальной роли, принимаемой каждым из них. Поскольку культура является чем-то таким, чему люди должны учиться, в отличие от того, что они наследуют биологически, то она в конечном итоге является

¹ А. Палуицкая видит данный вопрос таким образом: «Итак, если творения природы не приручены культурой, то они не существуют объективно-культурным образом: просто мы не можем ими пользоваться и не знаем, что они существуют» [4, S. 123].

результатом обучения, она является знанием в самом общем и релятивистском образе понятия смысле этого термина. Принимаем сформулированное выше определение, что культура не является материальным явлением, что она не состоит из вещей, людей, поведения и эмоциональных переживаний. Скорее, она представляет собой организацию этих явлений. Ее составляют те формы, которые вещи приобретают в человеческом мышлении – модели их восприятия, иначе говоря, – их интерпретации» [цит. по: 2, S. 228-229]¹.

В подходе к науке, в том числе историографии, современная науковедческая рефлексия настолько внимательна к культурному контексту, который воздействует на ее идентичность и развитие, что в принципе можно принять, что это культура, а от ее имени историческая наука с помощью «делегированных» на это своих профессиональных представителей, то есть историков, исследует свое прошлое [7, S. 13]².

По этим причинам, рассуждая об историческом познании, я в равной мере и открываю субъектность познания благодаря тому, что субъективна исследующая культура, и принимаю к сведению, что объектом познания / исследования является культура, или (это уж кому как угодно) ее прошлое. Этот подход позволяет учитывать факторы вненаучной обусловленности историографии, а также не упускать исследований даже самых экзотичных проявлений человеческого бытия в мире прошлого.

В результате можно сказать, что культура сама себя исследует, что из-за отсутствия другой более сильной допустимой познавательной инстанции обращается в дистинкцию: историческое познание является авторефлексией культуры, ее самосознанием.

Библиография

1. Kmita J. Konieczne serio ironisty. O przekształcaniu się problemów filozoficznych w kulturoznawcze, Wydawnictwo Naukowe UAM. Poznań, 2007.

¹ В другой работе J. Kmita читаем: «(...) интенциональное действие Марголиса всегда нацелено на определенный результат с перспективы знания, содержащегося в директивах и нормах культуры, интегрирующей данное сообщество. Видно, что действие Марголиса является нашим символическим действием, или же таким, которое подпадает под директивы, регулирующие культурное действие: оно является тем, что мы будем называть (...) культурным действием» [1, S. 59].

² Ян Поморский так комментировал (кажется, соглашаясь) мои тезисы работы «История – культура – метафора»: «Так *историография становится* не столько источником познания культур, о которых она интенционально говорит (которые исследует), сколько *источником познания самой познающей культуры*» [6, S. 378. Курсив – Я.П.]. Им (нам) не мешает и тот, казалось бы, очевидный факт, что у них в распоряжении, что ни говорим, нет исследуемого объекта, так как таковым является прошлое.

2. Kmita J. Późny wnuk filozofii. Wprowadzenie do kulturoznawstwa, Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań 2007.
3. Margolis J., Margolis J. Czym w gruncie rzeczy jest dzieło sztuki? Wykłady z filozofii sztuki, red. naukowa Krystyna Wilkoszewska, Przekł. W. Chojna, K. Gucałski, M. Jakubczak, K. Wilkoszewska, Universitas Kraków, 2004.
4. Pałubicka A. Narzędzie i rzecz w perspektywie kulturoznawczej // Heidegger w kontekstach / pod red. N. Leśniewskiego. Bydgoszcz: Epigram, 2007.
5. Polasik K. Antropologiczny rekonesans historyka. Szkice o antropologii historycznej. Bydgoszcz: Oficyna Wydawnicza Epigram, 2007.
6. Pomorski J. Historiografia jako autorefleksja kultury poznającej // Świat historii. Prace z metodologii historii i historii historiografii dedykowane Jerzemu Topolskiemu z okazji siedemdziesięciolecia urodzin / pod red. W. Wrzosek. Poznań, 1998.
7. Wrzosek W., Historia – Kultura – Metafora. Powstanie nieklasycznej historiografii, FNP, Leopoldinum, Wrocław, 1995 [рус. перев.: Вжосек В. Культура и историческая истина; пер. с пол. К.Ю. Ерусалимского. М.: Круть, 2012].
8. Wrzosek W. The Problem of Cultural Imputation in History. Relations between Cultures versus History // Historiography between Modernism and Postmodernism. Contributions to the Methodology of the Historical Research / ed. J. Topolski. Atlanta; Amsterdam 1994. (Poznań Studies in the Philosophy of Sciences and Humanities. Vol. 41). P. 135-144.
9. Блок М. Апология истории... 2-е изд. М., 1986.
10. Вжосек В. Между дефиницией и метафорой // История и современность. 2005. № 4. С. 4-18.
11. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.А. Журиной, С.Н. Земляной, А.А. Рыбаков, И.Н. Бурова; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
12. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / пер. Б. Вимер, С.О. Кузнецов, А.Н. Малинкин, М.И. Левина, Ю.А. Муравьев, С.А. Ромашко; сост. С.Я. Левит, Л.В. Скворцов; науч. ред. П.С. Гуревич, Е.А. Жукова; отв. ред. Л.Т. Мильская. М.: Гардарики, 1998.
13. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М., 1980.
14. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / сост., предисл., пер. с англ., нем. польск. яз., общая ред. В.Н. Поруса. М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

***Вжосек Войцех**, доктор истории, профессор, заведующий сектором методологии истории и истории историографии Института истории Университета им. Адама Мицкевича в Познани, Польша; wrzosekster@gmail.com*

History is a science of culture. The idea of intentionality of Joseph Margolis in the context of historical constructivism

The author collects arguments for the thesis that historical sciences and cultural sciences are one and the same because they are human sciences.

Keywords: History, anthropology, cultural imputation, intentionality, Margolis

***Wzhosek Wojciech**, Doctor of History, Professor, Institute of History, Head of the Department of Methodology of History and History of Historiography, Adam Mickiewicz University in Poznań; Chef of Interdisciplinary Historical Seminar Foundation Jerzy Kmita Institute and Poznań Society for the Advancement of Arts and Sciences; wrzosekster@gmail.com*

Пиков Г.Г.

Этнокультурный трансфер

Французские исследователи М. Эспань и М. Вернер в 1980-е гг. в ходе изучения влияния немецкой философии и литературы на интеллектуальную мысль Франции XVIII-XIX вв. впервые ввели в научный оборот понятие «культурный трансфер». Благодаря научной школе М. Эспаня – М. Вернера были разработаны методологические принципы культурного трансфера, позволившие затем на рубеже XX-XXI вв. значительно расширить хронологию, географию, объектно-предметную сферу их использования в разных гуманитарных науках. В новом тысячелетии понятие культурный трансфер стал употребляться в широком смысле как глобальное перемещение слов, концептов, образов, людей, товаров, денег, оружия. Назрела необходимость критического осмысления и концептуализации данного понятия в новых социокультурных условиях и обобщении накопленного опыта его междисциплинарного исследования с целью дальнейшего применения и развития. Анализ вводимого понятия «этнокультурный трансфер» подразумевает перенос в конкретную регионально-культурную среду каких-либо элементов, характерных для другого этнического, культурного и даже географического ареала, и их последующую трансформацию. Исторический материал свидетельствует, что данный термин не только возможен, но и необходим. Разного рода перемещения происходили в период цивилизаций, если и не регулярно, то часто, а следовательно, должны быть осмыслены системно, как проявление действия общецивилизационных закономерностей.

Ключевые слова: культурный трансфер, этнокультурный трансфер, этнические передвижения, цивилизация, культура, межкультурная коммуникация.

Этнические передвижения всегда были в центре внимания культур и народов. В последние десятилетия стали активно развиваться имагологические исследования. Взбудоражила научную общественность концепция М. Эспаня, которая пытается осмыслить взаимодействие соседних культур, уже не с помощью старых идеологических стереотипов и исследовательских технологий, а под новым углом зрения [8, с. 13-31; 9, с. 7-18]. Центральным у М. Эспаня и его последователей является понятие «трансфера» как формы динамичного культурного обмена [1, с. 302-313; 3, с. 23-27; 10, с. 142-146]. В данном случае можно отметить, что слово «трансфер» применяется и в значении более близком первоначальному смыслу: «перемещение» целого или его части, а не просто отдельных идей, мода на них. Этнос в таких случаях представлен либо первоначальным субстратом, либо осколком большого целого, оставшегося в другом геофизическом измерении («евреи» как начало, готы как часть германцев, в массе своей проживающих за пределами Римской империи, западные кидани как кара-китай, т.е. народ китаев без родины).

Это происходит на территории всей Евразии и, следовательно, является универсальным процессом, находящим отражение в конкретной ситуации в той или иной степени [2].

Одной из форм таких передвижений в традиционный период является этнокультурный трансфер (ЭКТ). В той или иной степени он связан с военными перемещениями, но не может быть сведен только к ним, иначе говоря, не может быть обозначен как «завоевание». Древние евреи искали свободной земли для поселения, вестготы, спасаясь от нашествия гуннов, вошли в пределы Римской империи, надеясь на помощь ее правительства. Те и другие вскоре столкнулись с нежеланием местного населения иметь их в качестве соседей. Если евреям удалось закрепиться в этой «Земле Обетованной», то вестготы в конечном итоге вынуждены были уйти с территории Фракии и Мезии через всю Римскую империю в Галлию, а потом в Испанию. Рюрик со своей дружиной дал начало новой династии, которая достаточно быстро трансформировалась в славянскую. Кидани поселились на свободных землях Восточного Туркестана (XII-XIII вв.), стали еще одним компонентом в этнической мозаике региона, оказались востребованы в качестве управляющей прослойки и на всем протяжении своей центрально-азиатской истории не вели захватнических войн. Основное внимание они уделили управлению регионом. Похожее «клонирование» базовой культуры, развившейся в ином цивилизационном ареале, представляют и Крестовые походы. Ярким явлением близкого типа является переселение мадьяр (венгров) с Урала в Паннонию, болгар во Фракию. Более частные и более сложные варианты – приход русских в Сибирь, европейцев в Америку, римлян в Причерноморье. Как события они все строго индивидуальны, но как процесс типичны и подобны.

Везде мы видим, что толчком для этого процесса служит социальный или политический катаклизм, который заставляет передвигаться уже достаточно сложившиеся народы со сложившейся парадигмой цивилизационного существования. Это дает основание именовать такой процесс именно этнокультурным, а не военно-политическим. Задействованы все сферы – политика, экономика, культура, политика сама по себе имеет немалое значение, военные аспекты, так или иначе, присутствуют, но процесс быстро выходит из сферы грубой политики и начинается цивилизационное строительство, часто в виде симбиоза с местной культурой (варяги, болгары, готы).

Обязательной предпосылкой ЭКТ является длительная предыстория как самоопределение и оформление этноса, культуры и парадигмы развития. Эта форма существования этноса или его части напрямую связана со всей предыдущей историей, этапом которой и становится.

Сначала идет формирование народа, который может долго искать «родину» (древние евреи до Ханаана, готы до создания своего царства в Крыму, кидани в додинастический период). Народ может всю жизнь провести на этой сцене и потом сойти с нее – такова судьба многих народов древности. Однако, возможен, чаще всего вынужденно и переход (по горизонтали) на другую территорию: евреи переходят в состояние рассеянного этноса, готы бегут от гуннов и в конечном итоге оказываются в Галлии и Испании. Кара-китаи как осколок киданьского этноса вытесняются чжурчжэнями в Центральную Азию. Начало этому трансферу дает политическая катастрофа и в поисках механизма ликвидации ее последствий используются различные идеи: движение в «землю обетованную», просто поиски пригодной для проживания земли (готы), возрождение своего прежнего государства (кидани).

В ходе этнокультурного трансфера происходит перемещение довольно больших групп, к тому же уже оформленных в той или иной степени институционально. У древних евреев уже фактически был «Моисеев закон», у готов и киданей опыт государственного строительства. Вернуться в «первобытное состояние» они уже не могли и потому на новом месте возводили уже привычную для них идеологическую или этатическую конструкцию. Более мелкие или случайно образовавшиеся группы, отдельные люди просто входили в состав местного населения и максимально растворялись в нем. Если новая конструкция по каким-то причинам исчезала или распалась, ее строители или их потомки очень долго помнили этот опыт, более того, часто с него начинали новый этап своего исторического развития. Так, после киданей до сих пор существуют многочисленные группы «кытай» или «ктай» во многих регионах Центральной Азии и Восточной Европы. Формально они входят в состав киргизов, казахов, узбеков, поволжских народов, но позиционируют себя как особую «кость».

О сохранении, например, имперской и элитарной киданьской культуры свидетельствовало многое. Это – киданьская письменность, специфическая киданьская одежда, система государственных праздников, киданьская мифология и обряды, организация армии, философия войны, налоговая система (с учетом китайского опыта), оборонительная стратегия, финансовая система, киданьская литература, о которой упоминают многие кидани и монголы, киданьский язык и др. Киданьская культура в Восточный Туркестан пришла не столько в виде артефактов, сколько в качестве программы строительства и перспективного развития.

Мы имеем дело с сознательно и тщательно разработанным проектом ЭКТ, когда основатель западнокиданьского государства

Си Ляо (Западное Ляо, 1128–1218) Елюй Даши, будучи еще в составе правительства последнего киданьского императора, предлагал перенести политический центр государства в районы дислокации племен [4, с. 50-60; 5; 6; 7, с. 32-43]. Даже в те времена понятие «суверенитет» не было пустым. Западные кидани смогли сохранить государственный суверенитет, лишь перенеся его, транслировав в совершенно иную цивилизационную среду. Иероглифы Си (Западное) и Ляо резко повышали статус созданного пришельцами с Востока государственного образования («го»): это уже не квазигосударство кочевников, а государство, вполне сопоставимое с тангутским Западным (Си) Ся или китайскими пятью династиями. Объявлять о создании принципиально нового государства у них не было никаких оснований и прав.

Это один из самых впечатляющих в истории результатов действия механизма этнокультурного трансфера.

Трансфер – вынужденная мера. Евреи «бегут» из Египта, готы разбиты в Польше, а потом и в Крыму. У германцев и евреев своей зоны еще не было, у киданей она была, но ее стремительно заселяли пришельцы с востока – чжурчжэни. Германцы были рассеяны на очень широкой территории, где, однако, места для стабильного поселения не хватало, да и земля лесиста и болотиста. И оседлые народы, и кочевые, сознательно (как всегда, в своей истории) завоевывают чужие земли, бьются друг о друга, как слоны в посудной лавке.

Как правило, пришельцы располагаются в своего рода «серой зоне», т.е. минимально освоенной с обеих сторон. Они стараются не выходить все же за пределы своей цивилизационной зоны. Перемещение идет в уже знакомую зону, в рамках которой уже передвигались или были близки по своей культуре и ментальности. Это «варварская» территория у германцев, Ближний Восток у древних евреев, территория расселения балто-славян.

Кидани пошли на территорию, куда уже распространялся ислам, но сделали это вынужденно, да и пошли к «своим» киданям в количестве 16 тысяч шатров, давно уже обитавшим в Восточном Туркестане. Здесь уже целый ряд веков появлялись китайцы, – селились выходцы из Восточной Азии – чаще всего тюрки, но было много и монголов, в частности, киданей. Были налажены активные экономические связи с Восточной Азией («киданьские» ворота в Самарканде).

Елюй Даши, видимо, изначально понимал, что новая территория для реванша не пригодна. Он надеялся сначала обосноваться между этими регионами – в киргизских землях, чтобы впоследствии объединить северные племена, однако, после экспедиции неудачной экспедиции туда своего полководца Сяо Валила стал

завоевывать новую «землю обетованную». Ее он уже назвал лишь «страной» – это не синоним «родины», но обозначение своей, т.е. киданьской территорией («Западное Ляо» – «Си Ляо»), т.е. западной частью «родины». Есть «домен», а есть «страна» как эксклав в «серой» зоне. В то же время, он неустанно говорил о своем желании вернуться на родину. Мусульмане, пусть и не сразу, но приняли это, ибо увидели в киданях некую стену против беспокойных восточных кочевников и, тем более, китайской экспансии. Новое положение было, возможно, даже более выгодно мусульманам, чем киданям.

ЭКТ действительно часто приводит к смене «родины» на «страну». Рюрик ушел из Скандинавии, но остался «русью». Бретань долго считалась частью Великобритании. Малороссия воспринималась как клон Великороссии, хотя в ней уже существовала своя древняя культура, но именно пришельцы из Северной Руси стали определять ментальность и культуру, а, значит, во многом и историю территории.

ЭКТ не простое копирование, а начало новой «истории», своего рода «брачный союз» пришлого и местного субстратов. «Ребенок» не будет похож ни на «отца» (евреи, Рюрик, кидани), ни на «мать» (которая воспринималась как более отсталая).

Пришельцы максимально автаркизируются – живут в отдельных кварталах и гарнизонами (варяги, киданьский «город шатров» («квартал») близ центрального в регионе города Баласагун, арабские кварталы). Монголы вообще не захотели жить внутри более перспективной культурной зоны. История показала, что «татары» и сейчас живут замкнуто, хотя и рассеялись в других регионах, но лишь как этническое меньшинство.

Финал истории ЭКТ зачастую весьма печален. Уникальность «пришлой» культуры не дает возможности полностью сохраниться в иной этнической и культурной ситуации. Готы, кидани исчезают, евреи сохраняются преимущественно как ментально-биологический тип, сочетая свою культуру с общемировой культурой в интерпретации Европы.

Библиография

1. Дмитриева Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Новое литературное обозрение. 2011. № 4. С. 302-313.
2. Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Париж, Самарканд: МИЦАИ, 2013. 312 с.
3. Лобачёва Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2010. № 8 (98). С. 23-27.

4. Пиков Г.Г. Западное Ляо (1125–1218) как результат этнокультурного трансфера // Народы и религии Евразии. 2019. Т. 1. № 18. С. 50–60.
5. Пиков Г.Г. Западные кидани. Новосибирск, 1989. 196 с.
6. Пиков Г.Г. Киданьская элита в историческом контексте (907–1218). Новосибирск: Изд-во «Манускрипт», 2016. 506 с.
7. Пиков Г.Г. Проект Бэй Ляо (Северная Ляо, 1122–1141) // Народы и религии Евразии. 2018. № 4 (17). С. 32–43.
8. Эспань М. Межкультурная история филологии // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 13–31.
9. Эспань М. О понятии культурного трансфера. Предисловие // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия) / Под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня. М.: ИМЛИ РАН. 2009. С. 7–18.
10. Zhou Y. The Impact of Cultural Transfer on Cross-cultural Communication // Asian Social Science. 2008. Vol. 4. № 7. P. 142–146.

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, Новосибирский государственный университет; *gennadij-pikov@yandex.ru*

Ethno-cultural transfer

French researchers M. Espagne and M. Werner in the 1980s in the course of studying the influence of German philosophy and literature on the intellectual thought of France in the XVIII–XIX centuries for the first time introduced the concept of «cultural transfer» into scientific circulation. Thanks to the scientific school of M. Espagne – M. Werner was developed the methodological principles of cultural transfer, which allowed then at the turn of XX–XXI centuries significantly expand the chronology, geography, object and subject scope of their use in various humanitarian Sciences. In the new Millennium, the concept of cultural transfer began to be used in a broad sense as a global movement of words, concepts, images, people, goods, money, weapons. There is a need for critical understanding and conceptualization of this concept in the new socio-cultural conditions and generalization of the accumulated experience of its interdisciplinary research for further application and development. The analysis of the introduced concept of «ethno-cultural transfer» implies the transfer to a specific regional and cultural environment of any elements characteristic of another ethnic, cultural and even geographical area, and their subsequent transformation. Historical material shows that this term is not only possible, but also necessary. All sorts of movements occurred in the period of civilizations, if not regularly, then often, and, therefore, must be understood systematically as a manifestation of the action of General civilizational laws.

Keywords: cultural transfer, ethno-cultural transfer, ethnic movements, civilization, culture, intercultural communication

Pikov Gennadij Gennad`evich, Doctor of History, Doctor of Cultural Studies, Professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; *gennadij-pikov@yandex.ru*

Воробьева О.В.

Гуманитарные науки в России: проблемы и перспективы

В центре внимания автора находятся основные проблемы и перспективы развития гуманитарных наук в России. Автор полагает, что в современных программных документах Российского государства недостаточно осмыслен так называемый социально-гуманитарный аспект функционирования науки и инноваций, за которым стоит мощный конгломерат проблем и возможностей, и намечает перспективы развития этих наук для усиления их фундаментальной и практической значимости.

Ключевые слова: гуманитарные науки, гуманитарное образование, гуманитарные технологии

Динамичные изменения современного мира поставили перед российской наукой множество новых задач, нашедших отражение в Стратегиях научно-технологического развития России и других программных документах российского государства в сфере науки и образования [см.: 3]. Однако *данные изменения чаще всего осмысливаются вне их гуманитарной компоненты*, в сфере интересов которой находится формирование нового типа личности (готовой к диалогу, восприимчивой к расширяющейся информационной среде, умеющей адаптироваться к быстро меняющимся условиям, способной к постоянному самообучению, творческому решению профессиональных и жизненных задач и т.д.), новых моделей поведения и деятельности, новых способов управления, формирования глобального мышления. В том числе *недостаточно осмыслен т.н. социально-гуманитарный аспект функционирования науки и инноваций*, за которым стоит мощный конгломерат проблем и возможностей, начиная с использования социальных и культурных знаний как одного из источников творчества и инноваций и заканчивая осуществлением прогнозов и форсайтов, экспертиз сценариев развития и управленческих решений, выявлением рисков и последствий в процессе нарастающего влияния науки на природу, общество и человека; формирование ценностных ориентаций и образовательных перспектив.

Отмеченные выше глобальные изменения влияют не только на науку, но и на всю систему образования, которое тоже становится гуманитарным, т.е. переориентируется со сферы предметного знания, которое требовало энциклопедического усвоения основ наук, *на культуры языка и мышления* по поводу конкретных учебных дисциплин. Важно, что такое понимание образования не требует насыщения его разнообразными гуманитарными дисциплинами, между которыми осуществляется взаимодействие.

Гуманитаризация образования означает, что целью его является формирование особой культуры критического мышления (по поводу физики, математики, истории и т.д.). Без этого важного условия преподавание даже гуманитарных дисциплин является негуманитарным, поскольку обращает мысль к содержательной предметности, а не к процессуальной работе самого сознания. Получается, что гуманитарность – это даже не только и не столько профессия, сколько, говоря словами О.И. Генисаретского, *трансфессия*, т.е. практика, выводящая субъекта за пределы какого-либо предмета, это открытая сетевая структура [см. об этом подробнее: 1].

В этой ситуации очень важен *отход от преимущественно технико-экономического понимания приоритетов и результатов научно-технологического развития России* на историческую перспективу, сведения оценок прогресса человека, общества, государства к технологическим и экономическим критериям; признание *особого статуса социально-гуманитарных наук как важнейшего ресурса противостояния технологически ускоренному разрушению природы и общества, фактора познания, диалога и управления в российских и мировых научных проектах*; использование современных гуманитарных технологий в информационно-технологическом развитии российского общества (выявление потребностей, интересов, мотивов и пр.) [2]. Принимая во внимание не только фундаментальную, но и обозначенную выше научно-практическую значимость социальных и гуманитарных наук, наиболее важными видятся следующие приоритеты развития этих наук на ближайшие годы.

Во-первых, повышение эффективности системы исследований и инноваций в России посредством стимулирования глубоких изменений в научной среде за счет *изучения способов производства, распространения и применения знаний* (в том числе в диагностике, экспертизе, управлении), *развития цифровых технологий* в социальных и гуманитарных науках, в результате чего наука должна стать более открытой, доступной, глобальной, прозрачной, целостной.

Во-вторых, обеспечение *со-развития и смычки научного знания, бизнеса и общества* в самых разных аспектах – от экономического и инновационно-технического до ценностного – путем учета социально-гуманитарного фактора как одного из факторов инноваций, инструмента *диагностики и экспертизы технологических проектов* с целью включения бизнеса и общественности в практику функционирования науки, в том числе для стимулирования интереса к науке и инновациям, лучшего использования и распространения результатов научной работы, выстраивания отношения доверия между наукой и обществом, повышения научной и культурной информированности и компетентности граждан.

В-третьих, повышение практической значимости социальных и гуманитарных наук через противодействие социокультурным угрозам и содействие ориентации граждан в современном мире международных, межконфессиональных, межэтнических и прочих отношений посредством *анализа и разработки инструментов и механизмов производства, трансляции, потребления информации и культурной продукции*, а также путем развития «публичных» наук; сохранение историко-культурного наследия народов России, в том числе посредством изучения *самобытности и принадлежности различных общин, регионов и наций*, актуальность которых возрастает в эпоху глобализации и массовых миграций, а также в условиях развития информационных технологий.

Убеждена, что идентификация передовых областей должна отражаться в институциональных решениях, а именно в создании сети научных центров федерального и регионального уровня, специализирующихся на разработке и продвижении социальных и гуманитарных технологий; кадровой и финансовой поддержке сильных и перспективных школ социально-гуманитарных исследований, способных стать фактором развития конвергентных наук и технологий; целевых конкурсах поддержки исследований по приоритетным направлениям развития социального и гуманитарного знания.

Библиография

1. Воробьева О.В. О современном состоянии и перспективах развития гуманитарного знания: взгляд историка // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 162-173.
2. О ценности гуманитарных наук. – URL: <http://gefter.ru/archive/6539> (дата обращения: 17.08.2019).
3. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. – URL: <http://www.youngscience.gov.ru/media/files/file/dVwMOeQ2OsjrSsodEazQjnkmlCrTHSfh.pdf> (дата обращения: 15.08.2019).

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; vorobushek1@yandex.ru

Humanities in Russia: problems and prospects

The author focuses on the main problems and prospects of the Humanities in Russia. The author believes that in basic program documents of the Russian state the so-called social and humanitarian aspect of functioning of science and innovations behind which there is a powerful conglomerate of problems and opportunities is insufficiently comprehended, and outlines prospects for these sciences to enhance their fundamental and practical significance.

Keywords: Humanities, Humanities education, Humanities technologies

Vorobyeva Olga Vladimirovna, Candidate of History, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; vorobushek1@yandex.ru

Кцюева С.Г.

Интеллектуальная биография Карла Ясперса в контексте его собственного психоисторического метода

В статье анализируются особенности метода составления психобиографий выдающихся интеллектуалов, автором которого является немецкий мыслитель XX в. Карл Ясперс. Данный метод не является универсальным и требует корректировки в каждом конкретном случае его применения. Цель статьи видится нам в раскрытии общих принципов составления интеллектуальной биографии Ясперса, следуя его же собственному методу. Если речь идет об интеллектуальном наследии Ясперса, то адекватное его постижение невозможно без его целостного интегрированного анализа, несмотря на то, что оно «разбросано» по целому ряду направлений естественнонаучной и социально-гуманитарной мысли.

Ключевые слова: Карл Ясперс, Вильгельм Дильтей, Фридрих Ницше, психоистория, интеллектуальная биография, метод.

Психоистория как исследовательское направление возникла в послевоенное время в США. В ее рамках исследуется психологическая мотивация поступков людей прошлого. Основоположник данного направления де Моз изучал эмоциональную природу социального и политического поведения больших социальных групп. Позже в данное направление влился жанр психобиографии (Эриксон, Мюррей и др.).

Однако в Европе того времени параллельно складывалось идентичное направление. В качестве основных идейных предпосылок превращения психоистории в отдельную дисциплину можно считать труды немецкого философа, социолога, историка и психолога Вильгельма Дильтея [1, с. 270-730], классифицировавшего науки в зависимости от предмета исследования на естественные («науки о природе») и социально-гуманитарные («науки о духе»), ориентированные на постижение внутреннего опыта человека, восприятия им тех или иных событий и явлений. В этой связи особая роль отводилась им психологии, которую он считал методологическим ключом к пониманию дистанцированных в пространстве и времени событий посредством реконструкции мотивов, установок, чувств и представлений их участников.

Неоценимый вклад в становление психоистории как самостоятельной науки внес немецкий психиатр, философ и политический публицист Карл Ясперс. Основой исследовательской уникальности подхода Ясперса служит его собственная интеллектуальная гетерогенность как профессионального психиатра, разработавшего

в психиатрии собственный метод и неординарного философа с неохватной эрудицией. С профессиональных позиций он мог более чем кто-либо в философской среде судить о различного рода психологических особенностях изучаемых личностей. Он был уверен, что великие мыслители прошлого, несмотря на огромное количество аналитических трудов, посвященных изучению их творчества, в основном остались неверно понятыми. Причину он видел в неправильном их прочтении, поскольку адекватное понимание великих мыслителей невозможно без погружения в обстоятельства их жизни, которые делятся на внешние (историческая ситуация, включая политико-юридическую систему, общественную мораль и профессиональную систему на макроуровне, и неформальные требования, семью и частную жизнь – на микроуровне) и из внутренние (темперамент, задатки и способности, болезни, склонности и т.д.).

Важно отметить, что Ясперс был одним из крупнейших психиатров своего времени. Его «Общая психопатология» [4] стала библией экзистенциальной психиатрии, настольной книгой любого специалиста в этой области медицины. Психоисторический метод Ясперса был разработан им только для изучения «Великих» интеллектуалов; на его основе он составил интеллектуальные биографии Августина Блаженного, Николая Кузанского, Фридриха Ницше. Вероятнее всего, они, как самые «кризисные» творцы, были наиболее близки пониманию Ясперса.

Суть метода выражается в следующих шести пунктах:

1) *не изучать интеллектуальное наследие «Великих» как некую систему взглядов.* Ясперс считал ошибочным систематизацию отдельных концепций как самостоятельных достижений. Подобное «вырывание» из контекста ведет к вопиющему искажению идей и, как следствие, их неверной интерпретации. Известный русский философ Г. Шпет называл его «сферой разговора» [3, с. 11-12], поскольку в разговоре смысл не статичен, а динамичен и позволяет творить новые предметные формы мыслимого, т.е. сфера разговора – подвижное смысловое образование, своего рода динамичный коммуникативный контекст.

2) *не изучать интеллектуальное наследие «Великих» изолированно от обстоятельств их рождения, формирования и становления.* Иными словами, недостаточно просто заниматься тем, что Великий создал как мыслитель, поэт, писатель, творец собственной биографии. Мало знать о нем как о гении, необходимо двинуться путем самого гения, стремясь постигать мотивы, вызванные внешними и внутренними обстоятельствами. Этого невозможно достичь без подробного изучения обстоятельств жизни, выделяя в их ряду поворотные;

3) великая личность должна постигаться полностью, в ее максимальной целостности. Нельзя делить интеллектуальное наследие на аспекты и составлять о них суждения как об отдельных, изолированных друг от друга объектах (скажем, Августин Блаженный как создатель «первой мировой истории»), характеризуя их как отдельные объекты, а тем более выделять в их ряду преобладающие. Тем более необходимо избегать суждений об авторе по отдельным объектам его творчества. Это – ложный путь, ведущий к упрощению и, как следствие, препятствующий адекватному пониманию истины. Ясперс считает такой подход к пониманию мыслителя некорректным, поскольку подобные попытки ведут к сужению Великого, делая его более однозначным, чем он был. Иными словами, невозможна систематизация отдельных концепций как «самостоятельных» достижений мыслителя. По мнению Ясперса, это ведет к их неверной интерпретации;

4) для каждого «Великого» мыслителя необходим свой уникальный способ понимания. Каждый Великий мыслитель совершенно уникален, именно в этом и состоит сущность его величия. Это, в свою очередь, означает, что нет, и не может быть универсального ключа, некоего единого, общего алгоритма, подходящего к пониманию каждого. Различные способы мышления должны и постигаться по-разному, поскольку среди Великих мыслителей прошлого нет двух одинаковых учений, жизней и судеб;

5) суть индивидуализирующего метода – в погружении в ситуацию, что способствует конкретизации, а, следовательно, приближению к истине. При составлении интеллектуальной биографии Великого необходимо «следовать за ним в его действительности».

6) стремиться объяснять поведение и идеи «Великих» с позиций психолога: «Ценность и истинность чего бы то ни было определяется посредством выяснения того, как он к этому пришел» [3, с. 8], а это возможно лишь путем применения методов психологии.

Составление интеллектуальной биографии, как упоминалось выше, невозможно без исторического контекста, что, в свою очередь, требует от исследователя погружения в историческую среду исследуемого объекта. В этой связи единственно возможной методологической базой, на наш взгляд, могут служить принципы интеллектуальной истории, основывающиеся на междисциплинарном подходе. Именно междисциплинарность позволяет связать воедино исторический, личностно-психологический, социокультурный и исторический контексты, вне рамок которых решить поставленные перед исследованием подобного рода задачи не представляется возможным.

Говоря о необходимости погружения в ситуацию, что единственно способствует адекватному пониманию любого великого

мыслителя, Ясперс предостерегает об опасности анализа интеллектуального наследия, что называется «по частям», в отрыве от целого и от контекста, в котором идеи рождались. На это указывал еще Ницше: «Худшие читатели – те, что подобно мародерствующим солдатам тащат то, что им нужно, пачкая и приводя в беспорядок все прочее, и обрушиваются с ругательствами на целое» [2, с. 194]. Изолированное изучение вырванных из контекста отдельных достижений мыслителя приводит, по мнению Ясперса, к вопиющему искажению его идей и, как следствие, к их неверной интерпретации. Подобное понимание самого Ясперса, где его личность неотделима от его философии, можно считать формулой, выведенной им самим для решения задачи адекватного постижения смысла его идей. Иными словами, невозможно понимание сути учения без понимания личности, а понимание личности невозможно без погружения в ее эпоху и ситуацию. Таким образом, суть психоисторического метода Ясперса – в прояснении экзистенции. Он не является шаблонным. У него нет заданной схемы, которая в равной степени была бы применима к изучению любого мыслителя. Скорее, суть метода в индивидуальном постижении, в необходимости выработки отдельного метода для каждого.

Попытка постичь интеллектуально-мировоззренческий комплекс самого Ясперса посредством его же собственного психобиографического метода позволила составить максимально целостное представление о нем как о психиатре, философе, политическом публицисте. Изучение различных аспектов наследия Ясперса в качестве самостоятельных концепций не может способствовать их адекватному пониманию: они взаимодополняют друг друга. Так, вклад Ясперса в область психиатрии становится до конца понятным лишь после знакомства с его философией человека, а его историческая концепция невозможна для понимания в отрыве от его политических взглядов. И то, и другое проясняется при погружении в обстоятельства его жизни и тех событий, которые ключевым образом влияли на эволюцию его личности.

Такого рода субъект-субъектное отношение, предполагающее эмпатическое вступление исследователя в диалог с Ясперсом – основной методологический прием, позволяющий максимально адекватно постигать интеллектуальное наследие в его исторической целостности.

Библиография

1. Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270-730.
2. Ницше Ф. Странник и его тень. М.: REFL-book, 1994. 400 с.

3. Щедрина Т.Г. “Я пишу как эхо другого...”: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М.: Прогресс Традиция, 2004. 416 с.
4. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.

Кцоева Султана Гильмидиновна, доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия; *sultana_t@mail.ru*

The intellectual biography of Karl Jaspers in the context of his own psychohistorical method

The article analyzes the features of the method of compiling psychobiographies of prominent intellectuals, authored by a German thinker of the twentieth century Karl Jaspers. This method is not universal and requires adjustment in each specific case of its application. The purpose of the article is seen by us in revealing the general principles of compiling an intellectual biography of Jaspers, following his own method. If we are talking about the intellectual heritage of Jaspers, then its adequate comprehension is impossible without its holistic integrated analysis, despite the fact that it is "scattered" in a number of areas of natural science and socio-humanitarian thought.

Keywords: Karl Jaspers, Wilhelm Dilthey, Friedrich Nietzsche, psychohistory, intellectual biography, method

Ktsoeva Sultana Gilmidinovna, Doctor of History, Professor, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia; *sultana_t@mail.ru*

УДК 930.2

Гарбузов Д.В.

Проблема подлинности и фальсификации истории: оригинал и подделка как культурно-исторический феномен

Рассматривается проблема подлинности и фальсификации истории, исходя из концепции Жана Бодрийера о различных историко-культурных типах связи между вещами и знаками и о формировании знаково-символической гиперреальности.

Ключевые слова: история, событие, знак, рассказ, оригинал, подделка, производство, симуляция, знаково-символическая гиперреальность

Существует классический идеал объективного исторического рассказа, когда единственная истинная линия вытекающих друг из друга фактических событий находит точное протокольное вербальное описание. Однако он не соответствует современной постнеклассической научной рациональности. Согласно релятивистской физике и квантовой механике даже простые физические события критически зависят от конкретной системы наблюдателя. Например, события, одновременные для одного наблюдателя, могут происходить в разной последовательности для других и, соответственно,

единственной истинной последовательности событий просто не существует [1]. Что же касается собственно исторических событий, связанных с существованием человека в обществе, то отделить фактическую часть события от его когнитивного восприятия и осознания участниками и наблюдателями принципиально невозможно, поскольку они составляют необходимый и неустранимый элемент самого события [2]. Поэтому сомнение в подлинности описания – это вполне естественный компонент любого исторического рассказа и неизбежная методологическая проблема исторической науки. Тем не менее, можно утверждать, что по каким-то причинам проблема подлинности и фальсификации истории является особенно острой именно для современной ситуации. Легко заметить, что само понятие истории сегодня практически не существует в единственном числе, речь почти всегда идет об историях, как альтернативных описаниях, порою весьма далеко отстоящих друг от друга.

Глубокий культурологический анализ данной проблемы предложил выдающийся французский философ Жан Бодрийяр [3]. Он связал ее с процессами эмансипации, т.е. освобождения, раскрепощения знаково-символической реальности, так называемой семиосферы. Такого рода процессы характерны для обществ, имеющих уже довольно длительную историю существования и достаточно далеко оторвавшихся от своих генетических истоков. Смысл этих процессов заключается в том, что знаки, т.е. символические значения, отрываются от своей непосредственной связи с вещами, избавляются от обязанности нечто обозначать и освобождаются для структурной, комбинаторной игры по правилу полной недетерминированности, сменяющему более раннее правило детерминированной эквивалентности. Началом такого процесса характеризуется западная европейская культура эпохи Возрождения. Начиная с этого времени, сменились три порядка или этапа операциональной связи между вещами и знаками. Бодрийяр обозначает их как: 1) *подделка*, господствует в «классический» период – от Возрождения до промышленной революции; 2) *производство*, господствующий тип промышленной эпохи; 3) *симуляция*, главный тип постиндустриальной эпохи, т.е. нынешнего времени.

О чем идет речь? В частности, базовый тип *подделки* рождается вместе с Возрождением, когда феодальный строй размывается строем буржуазным и возникает открытое состязание в знаках отличия. В кастовом или клановом обществе это невозможно, так как человек здесь всецело закреплен за своим местом в социальной структуре и межклассовые переходы отсутствуют. Знаки отличия в таких обществах защищены социальным запретом, обеспечивающим им полную ясность: каждый знак недвусмысленно отсылает

к определенному социальному статусу. Поэтому в данном типе обеществ подделка невозможна, разве что как кощунственная черная магия соответственно, и смешение знаков отличия наказывается как серьезное преступление. Таким образом, в кастовых обществах – феодальных или архаических – общее число знаков отличия невелико, их распространение ограничено, а их полновесность поддерживается социальным запретом.

Каждый знак (смысловое значение) представляет собой межклассовое или межличностное обязательство. Такие знаки ни в коем случае не произвольны, они не связаны со свободным выбором человека. Такого рода произвольность появляется только тогда, когда знаки вместо того, чтобы связывать двух и более лиц узлами социальной связи, начинают в качестве формального означающего отсылать к разнообразным свойствам внешнего мира, которому никто ничем не обязан, а значит, и не может накладывать на людей взаимные обязательства. Иными словами, знаки утрачивают свою статусно-иерархическую функцию и сохраняют только формальные лингвистические функции. В это момент и рождается феномен *подделки*. Иными словами, подделка – это переход от ограниченного числа знаков отличия к их мультипликации, массовому тиражированию. Эти новые знаки выражают уже не особенности социальной структуры неравенства, а лишь формальную лингвистическую состоятельность и игру.

Это поколение формальных, игровых знаков отличия испытывает недостаток естественности и именно поэтому по мысли Бодрийера в эпоху Возрождения на первый план выдвигается понятие природы. С помощью этого понятия люди эпохи Возрождения пытались обосновать естественность новой знаково-символической среды. Так в эпоху Возрождения рождается неразделимая пара понятий *природа – подделка*. Это эпоха театра и театральности как таковой. Поскольку система исключительного владения знаками сломана, это открывает путь к самым небывалым их сочетаниям, к бесконечным вариантам игры и подделки, но которые при этом движутся в направлении подражания природе. Этот проявляется на всех возможных уровнях – от ложного жилета в костюме (только спереди) до лепных интерьеров и прочих изысков барокко.

В эпоху промышленной революции рождается новое поколение знаков и вещей. Это знаки без кастовой традиции, никогда не знавшие социально-статусных ограничений, а значит, и не предполагающие подделки, так как они изначально производятся серийно, во множественном числе. Проблема единичности и уникального происхождения для них уже не стоит: они связаны не отношениями оригинала и подделки, а отношениями эквивалентности, неотличимости.

Суть массового производства заключается в том, что это процесс *исчезновения оригинала* как такового, что дает начало серии идентичных единиц, отсылающих к некоторому универсальному эквиваленту. Современному человеку это трудно понять и оценить в полной мере, но сам факт, что какую-либо вещь можно точно воспроизвести во множестве экземпляров было настоящей культурной революцией.

Однако сама по себе стадия промышленной серийной репродукции просуществовала в чистом виде недолго. Как только механический труд взял верх над живым ремесленным, т.е. с завершением первоначального накопления капитала и промышленной революции, простое серийное производство уступило место дизайну, конструктивному моделированию по исходным порождающим моделям. Начиная с этого момента, все формы уже не просто механически воспроизводятся, а изначально задумываются, исходя из их воспроизводимости. На этой стадии происходит окончательная эмансипация знаково-символической сферы, все знаки теперь свободно обмениваются друг на друга, но при этом утрачивают непосредственную связь с реальными вещами. Это уже и не подделка оригинала, и не чистая серийность, здесь все формы выводятся из порождающих моделей, путем проективного модулирования отличий. Смысл реальных вещей рождается из соотносительности с некоторой моделью, а не наоборот, вещи вторичны по отношению к мыслительным моделям. Этот новый тип связи между вещами и знаками Бодрийяр называет *симуляцией*. Главным результатом этого процесса является формирование нового типа реальности, в которой существует человек. Та исходная, изначальная реальность, которую обозначают и к которой отсылают знаки исчезает, и, одновременно, формируется тотальная знаково-символическая, виртуальная гиперреальность, в которой вещи вторичны по отношению к их когнитивному осознанию и моделированию.

Бодрийяр называет этот порядок отношений между вещами и знаками симуляцией, поскольку он по своей природе антиисторичен, он выдает искусственное за естественное, т.е. симулирует естественность. Такое «изъятие из истории» является важнейшим приемом мифологизации мировоззрения современного человека [4, с. 46], поскольку лишённые истории вещи открываются для их произвольного комбинирования в рамках знаково-символической гиперреальности. Таким образом, сама реальность, в которой существует современный человек, стимулирует альтернативность исторических описаний. Единая общая история произвольным образом распадается на множество локальных исторических нарративов, значительная часть которых генетически связана не столько с реально происходившими фактическими событиями, сколько

со свободным структурным комбинированием альтернативных возможностей в рамках знаково-символической гиперреальности.

Библиография

1. Капра Ф. Дао физики. СПб.: «ОРИС», «ЯНА-ПРИНТ», 1994. 304 с.
2. Гарбузов Д.В. История человека как результат социокультурного конструирования времени в концепции О. Розенштока-Хюсси // Вопросы культурологии. 2008. № 6. С. 25-28.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», 2000.
4. Барт Р. Мифологии // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Гарбузов Дмитрий Викторович, доктор философских наук, доцент, профессор, Волжский филиал Волгоградского государственного университета; г. Волжский, Россия; buendia@bk.ru

The problem of the authenticity and falsification of history: the original and fake as a cultural and historical phenomenon

The report examines the problem of the authenticity and falsification of history, based on the concept of Jean Baudrillard on various historical and cultural types of communication between things and signs and on the formation of sign-symbolic hyperreality.

Keywords: history, event, sign, story, original, fake, production, simulation, sign-symbolic hyperreality

Garbuzov Dmitriy Viktorovich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Volgograd State University, Volzhsky branch, Volzhskij, Russia; buendia@bk.ru

УДК 930.85

Грошева И.А., Грошев И.Л.

Образы прошлого в сознании молодёжи: конструирование новой идентичности

На основании концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана авторы статьи рассматривают проблему формирования исторического сознания и создания новой идентичности современной молодёжи – поколения миллениалов. Эмпирическую основу статьи составляет сравнительный анализ результатов всероссийских социологических исследований.

Ключевые слова: молодёжь, поколение, миллениалы, историческое сознание, коллективная память, социальная идентичность

В эпоху модернизации, глобализации, цифровизации расширение информационного пространства при увеличении скорости старения информации облегчает процессы конструирования новой реальности, формирующей историческое сознание поколения, названного с легкой руки Н. Хоува и У. Штрауса миллениалами (или поколением Y) [11]. В современном обществе риска создаётся новая

историческая картина мира путём изменения коллективной памяти, в результате совокупность исторических знаний, получаемых молодёжью, оказывается не тождественной восприятию прошлого. В связи с этим возникает необходимость изучения восприятия статуса прошлого в представлении миллениалов и выявления особенностей конструирования социальной идентичности.

Процесс социального конструирования, согласно концепции П. Бергера и Т. Лукмана, включает четыре базовых процедуры: хаби́туализация, типизация, институционализация и легитимация [1]. Фактически типизация происходит на основе усвоения определённых моделей человеческого опыта (габитуса). Поколение сначала «дедов», а затем «отцов» создаёт традиции как типизированные коллективные представления, которые в процессе передачи следующим поколениям институционализируются (распределяются роли, статусы, объективируются нормы и санкции, общие цели и др.). Затем следует оправдание (легитимация) сложившегося социального порядка. Однако идентичность есть условный конструкт, видоизменяющийся под воздействием различных ситуаций [4]. В первую очередь, трансформации идентичности способствует изменение исторического сознания молодёжи, под которым следует понимать совокупность представлений и знаний о прошлом, способов его интерпретации в настоящем, форм использования опыта прошлого для самоидентификации в настоящем, а также ориентации на будущее.

Поколение миллениалов (поколение Y) – молодые люди, родившиеся в период с 1985 по 2003 гг., большинство из которых отличаются повышенной толерантностью, ориентацией на доказательство (в бытовом плане), быстротой обучения, потребительством, инфантилизмом, не критичностью восприятия информации, прагматизмом. Доминирование виртуального общения привело к сужению внимания: они не могут читать большие тексты и запрограммированы на получение информации в сжатом виде. У них возникают проблемы с аналитическим мышлением и систематизацией информации. Они выросли в условиях кардинальных социальных преобразований, поставивших под вопрос целесообразность исторической преемственности и выдвинувших новые направления формирования коллективной памяти.

Следует отметить, что автор термина «коллективная память» М. Хальбвакс, во избежание неоднозначности, объединил коллективную память с «социальным фреймом», полагая, что одно без другого объяснить нельзя. Фрейм – это своеобразная «социальная рамка памяти»: прошлое нельзя вспомнить, его можно только запомнить. Разрушение социальной рамки приводит к тому, что знания становятся нечёткими, ускользают, что изменяет

индивидуальную память [9, с. 135]. Такое возможно как в случае естественного забывания, так и в случае намеренной фальсификации. Например, после прочтения книги Р. Колли «Вторая мировая война» будет легко подготовить новых мальчиков и девочек, готовых «правильно выступить», проливая юные слёзы, в Бундестаге. Вызывает беспокойство, что по результатам выполнения проекта Российского общества социологов (РОС)¹ (при участии авторов статьи) каждый десятый респондент полагал, что героизм участников войны чужд современной молодёжи. Вклад каждой страны в победу над фашизмом молодёжь оценила с безусловным перевесом в сторону СССР. Но в ходе третьей волны исследования (2015 г.) появилось 2,8 %, посчитавших вклад незначительным.

Немецкая историк А. Ассман, предложила рассматривать коллективную память как совокупность социальной, культурной и политической, чтобы избежать недостатков социальных фреймов в объяснительной перспективе. С этой позиции очевидно, что государство, не обладая памятью, конструирует идентичность при помощи коммеморативных практик, часто используемых для манипуляций историческим сознанием, например: установка памятников, переименование улиц и др. [10, р. 32]. К указанному можно добавить создание традиций и перенос памятных дат. Политические конструкты имеют следующие особенности: а) они не связаны с воспоминаниями других; б) сюжетны, вписаны в нарратив посредством церемоний, стимулирующих коллективное участие. В свете идей М. Хальбвакса и А. Ассман легко объяснимы поколенческие трансформации, когда практики становятся проводниками идей, противоположных идеям прадедов. Память, которую символически конструируют, основывается на актах исключения и отбора, педантично отделивающих нужные воспоминания от ненужных, значимые – от второстепенных. Однако возникающие образы в отдельных случаях интернализируются неадекватно (как в случае переноса празднования с 7-ое на 4-ое ноября). Авторы статьи ежегодно проводят экспресс-опросы в студенческих группах в преддверии ноябрьских праздников о том, что мы празднуем. В 2018 г. впервые с 2005 г. ни один из молодых людей не смог ответить на вопрос: «Какой праздник был 7-ое ноября?». Отсутствие в российском обществе согласия по важнейшим проблемам отечественной истории, трансляция политических мифологем при отсутствии патриотического воспитания негативно отражается на историческом сознании молодёжи [3, с. 83], способствует встраиванию в

¹ Общее название проекта РОС: «Российское студенчество о Великой Отечественной войне». Первая волна опросов проведена в 2005 г. (N = 2000), вторая волна – в 2010 г. (N = 3500), третья волна – в 2015 г. (N = 4754).

новую идентичность врождённого неприятия авторитета, нигилизм и даже экстремизм. Об этом свидетельствуют данные социологических исследований.

Результаты исследования «Историческое сознание студенческой молодёжи в современной России» (г. Липецк и Ростов-на-Дону, N=446, 2011 г.) подтвердили общероссийские и общеевропейские тенденции возрастания роли СМИ как источника знания о прошлом. В России зафиксировано увеличение количества студентов, безразлично относящихся к российскому гражданству и стремящихся эмигрировать [6, с. 93-95]. В ходе опроса студентов и старшеклассников (г. Курск и Вологда, N=2500, 2012 г.) выяснилось, что установки на эгоизм, социальное отчуждение, отторжение межпоколенческих связей становятся вектором развития современной молодёжи [2, с. 147]. Центром социально-политических исследований Южного федерального университета установлено, что угроза кризиса идентичности проявляется в нивелировании значимости региональной и национальной идентичности. Для жителей городов характерно стирание образа малой Родины (8 субъектов Федерации, N=4387, 2016 г.) [5, с. 115]. Практически во всех исследованиях фиксируется рост количества молодых людей, ощущающих себя «просто человеком», «космополитом» вне государства. Процесс институционализации и легитимации свободы добавил в конструкцию идентичности миллениала иллюзию связи со всем миром, чему способствовали социальные сети, и свободу от ответственности перед государством.

Несмотря на «бум памяти» (memory boom), начавшийся в 2000-е годы во всём мире, социологи отмечают феномен «индивидуализации идентичности», возникшей как прямой результат утраты непревзойденного авторитета историка. Резкая и непоследовательная смена гражданских и политических ориентаций, «набеги на историю» в СМИ привели к тому, что стало больше людей «без семейной памяти» [8, с. 21]. Биографические интервью с представителями трёх поколений, проведённых в г. Москва (31 интервью, 2017 г.) выявило, что миллениалы испытывают интерпретативный дефицит, связанный с межпоколенческими разрывами [7, с. 154]. Разрывы возникают потому, что поколение «дедов» в прошлом – это труженники, созидатели. Поколение отцов не может считать себя таковыми, потому что события 1990–2000-х гг. содержали в себе не очень приятные семейные воспоминания о стратегии выживания. Молодёжь типизировала представления о приспособлении, потребительском отношении к истории. Поколенческий разрыв исторической памяти способствует конструированию новой идентичности: люди без прошлого. Консервация памяти поколения «отцов»

негативно скажется в дальнейшей перспективе трансляции опыта, поскольку история не терпит пустот и сослагательного наклонения.

К сожалению, без должного внимания к проблеме формирования исторического сознания современной молодёжи невозможно говорить о гражданственности, социальной активности нового поколения. В настоящее время отсутствуют крупные коллективные проекты (например, БАМ), имеющие значительную идентификационную силу, силу со-действия, со-участия, партнёрства (за исключением «Крым–наш»), которые в будущем могли бы связать не одно поколение. В результате социальная идентичность молодёжи поколения Y формируется в противоречивом пространстве конкурирующих мнений, коллективного и индивидуального опыта переживаний, борьбы за право представить своё время в будущем.

Библиография

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
2. Булатников И.Е. Деструкция морального сознания современного российского общества как проблема теории и практики социального воспитания молодёжи // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. Т. 18. С. 146-152.
3. Историческое сознание российской молодёжи: монография / под общ. ред. С.В. Алексеева. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2015. 115 с.
4. Кон И.С. В поисках себя: личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
5. Магранов А.С., Деточенко Л.С. Гражданская идентичность современной студенческой молодёжи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108-116.
6. Мерзлякова И.Л., Линченко А.А., Овчинникова Э.В. Об историческом сознании современной студенческой молодежи // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 89-96.
7. Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трёх поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147-156.
8. Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // Социологические исследования. 2011. №10. С. 13-23.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
10. Assmann A. Re-framing memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter (eds.). Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe. Amsterdam University Press, 2010. P. 35-50.
11. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. New York: Vintage Books, 2000. 432 p.

Грошева Ирина Александровна, кандидат социологических наук, доцент, Московский институт государственного управления и права, Тюменский филиал, г. Тюмень, Россия; grosh@nextmail.ru

Грошев Игорь Львович, кандидат социологических наук, доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия; grosh@nextmail.ru

Images of the past in the minds of youth: the construction of a new identity

On the basis of the concept of social construction of reality P. Berger and T. Luckman, the authors of the article consider the problem of the formation of historical consciousness and the creation of a new identity for modern youth – the generation of millennials. The empirical basis of the article is a comparative analysis of the results of national sociological studies.

Keywords: youth, generation, millennials, historical consciousness, collective memory, social identity

Grosheva Irina Aleksandrovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Moscow Institute of Public Administration and Law, Tyumen Branch, Tyumen, Russia; grosh@nextmail.ru

Groshev Igor Lvovich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshliakova, Tyumen, Russia; grosh@nextmail.ru

УДК 930.2

Рыженко В.Г.

Возможности интеллектуальной истории для разработки региональных и локальных исследовательских проектов¹

Рассматривается связь проектной деятельности с предметным полем интеллектуальной истории на примере разработки и начала реализации исследовательского проекта по изучению трансформаций культурных пространств поселений разных типов в условиях перехода от символики советской эпохи к современным образам и символам памяти о прошлом

Ключевые слова: интердисциплинарная территория, парадигма памяти, локальное культурное пространство, трансформация, образы прошлого

Интеллектуальная история как предметное поле актуального исторического знания о всевозможных видах творческой деятельности, процессах творчества и его результатах [9, с. 130] получила недавно терминологический статус в ходе теоретико-методологической инвентаризации, предпринятой коллективом российских историков (так ими был назван процесс обновления понятийного аппарата исторической науки). Однако осмысление качественных изменений предмета и методологии интеллектуальной истории (само по себе являющееся творческим процессом) заняло у создателя Центра интеллектуальной истории и вдохновителя его деятельности

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329.

Л.П. Репиной полных два десятилетия [4; 4а; 4б]. Одна из новейших коллективных монографий из инициированной Л.П. Репиной серии «Образы истории» [3] органично вписывается в интеллектуальную историю как историю идей и поисков современной гуманитарной мысли. Для нас особенно важно, что в разделе «Вместо введения» Л.П. Репина подчёркивает специфику современной региональной истории: наличие наиболее перспективных подходов при использовании принципа их взаимодополняемости (локального, социально-контекстуального, системно-структурного) [3, с. 49]. По мнению Репиной, центральное место в региональной истории занимает город. Отсюда успехи уже сложившейся междисциплинарной отрасли – исторической урбанистики.

Исследовательские проекты (от идей до воплощения в соответствующей деятельности) не могут рассматриваться вне интеллектуальной истории. Обратимся к конкретному проектному примеру. На 2018 г. мы заявили коллективный исследовательский проект «Трансформации локальных культурных пространств: от символики советской эпохи к современным образам и символам памяти о прошлом». В нём мы не ограничились таким объектом как город, а расширили локальное культурное пространство до понятия «поселение». Динамика трансформаций образов и символов прошлого в локальных пространствах в зависимости от типов поселений не ставилась в качестве предмета исследования историков. Особенно это актуально для переломных (переходных) периодов истории России. Выборка поселений для выявления информации о происходивших трансформациях (крупный современный город-центр, малый город, специфическое сельское поселение) учитывала особое влияние Дороги (своего рода «живого» и динамично меняющегося места памяти о связи прошлого и настоящего). Территориально-региональный срез связан с Западной Сибирью и двумя дорогами (Московско-Сибирский тракт и Транссибирская магистраль, ставшие символами и местами памяти о появлении, развитии и трансформации специфики культурного пространства отдельных поселений, особенно интенсивно происходившими за почти три переходных десятилетия). Изучаемый набор поселений выглядит следующим образом: Омск, Новосибирск, Ишим, Тара, Тюкалинск, Куйбышев/Каинск, деревня Окунево Муромцевского района Омской области (зона притяжения к Московско-Сибирскому тракту).

Проект был поддержан РФФИ и продолжается. Динамика трансформаций культурного пространства поселений нами интерпретируется как многомерный и разномасштабный процесс. На основе существующих концепций структурирования поселенческого культурного пространства (Места памяти, памятные места, Лоци-

совокупность: общепоселенческая, топонимический язык, институциональная инфраструктура мест поселенческих коммемораций) разработана и апробируется историко-культурологическая исследовательская модель. Она соединяет ранее предложенные автором теоретико-методологические опоры: «Культурно-цивилизационный ландшафт – опорная матрица образа города» (7) и условная классификация фигур памяти (6). Первая расширена за счёт включения в матрицу музеев и самих музейных экспозиций как мест памяти о прошлом, занимающих в настоящее время промежуточное положение между официальной политикой памяти и общественно-научными инициативами. Во второй опоре сохраняются три уровня: первый – это фигуры национально-государственной памяти (их повторяемость в локальных пространствах отражает степень влияния политики памяти «сверху», в итоге возникает своеобразная «вертикаль памяти»), второй уровень составляет «капитал региональной уникальности» (в нём также проявляется официальная линия формирования коллективной памяти, но уже в виде продвижения интересов региональных элит). Что касается третьего уровня, то он включает символические «фигуры» и места памяти локального масштаба, которые становятся показателем уникальности конкретного места (пространства поселения в целом или его отдельных частей). Этими символами могут быть памятные места в виде аллей и скверов, скульптурные композиции, инициализированные в значительной степени «снизу» и рассчитанные на интерактивное восприятие.

Результаты проведённых участниками проекта в 2018–2019 гг. «кабинетных» и натуральных исследовательских действий делятся на эмпирические (накопление информации для составления «карт памяти» об изменениях культурного пространства каждого поселения) и теоретические (концептуальные). Последние подтверждают, что благодаря возможностям интеллектуальной истории создается пересечение проблемных полей нескольких научных направлений, возникает интердисциплинарная территория. На ней происходит творческий процесс анализа новых реалий и смыслов трансформирующегося культурного пространства поселений. При этом применяется, следуя принципам дополнительности и контекстуальности, сконструированный исследователями инструментарий новой локальной истории, региональной историографии, гуманитарной географии, исторической урбанистики, культурологии. Объединяющей парадигмой в данном проекте служит парадигма памяти и опора на контекст в виде современной «историографии памяти», обобщение которой началось сравнительно недавно [2]. При поиске вариантов методик исследования

учитывались наработки социологов, используемые А.С. Бреславским, А.В. Святославским, М.Я. Рожанским [1; 8; 5]. Разработаны на основе наследия И.М. Гревса и Н.П. Анциферова и топографического метода К. Шлёгеля методики натурного обследования поселений в зависимости от их типологии. Они соединяют методики «включенного наблюдения» и натуральных обследований в варианте «исследовательских экскурсий». Применительно к крупному городу использована методика обследования «по частям». Для малого города – топографическое обследование исторического центра. Для сельского поселения – методика полевого исследования в совокупности с анкетированием.

Библиография

1. Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и обrazy города (1991-2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 156 с.
2. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 50. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 59-96.
3. Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 560 с.
4. Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1. 1999. С. 5-15.
- 4а. Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 25/1. 2008. С. 5-11.
- 4б. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и исследовательская практика. М.: Кругъ, 2011.
5. Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2013. 180 с.
6. Рыженко В.Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 330-342.
7. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских практиках (региональный аспект): науч. ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 340 с.
8. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. 592 с.
9. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Втор. изд., испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. 544 с.

Рыженко Валентина Георгиевна, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; *valentina948@mail.ru*

The possibilities of intellectual history to the development of regional and local research projects

The connection of project activity with the subject field of intellectual history is considered on the example of the development and implementation of a research project to study the transformations of cultural spaces of settlements of different types in the

transition from the symbols of the Soviet era to modern images and symbols of the memory of the past.

Keywords: interdisciplinary territory, memory paradigm, local cultural space, transformation, images of the past

Ryzenko Valentina Georgievna, Doctor of history, Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; valentina948@mail.ru

XX ВЕК – ВЕК ШКОЛЫ «АННАЛОВ»? (к 90-летию основания журнала «Анналы»)

УДК 930.1(44)

Гордон А.В.

От «методической школы» к «школе Анналов» (динамика французского историознания)

Статья посвящена французской историографии первой половины XX в. В центре внимания «методическая школа» (Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос) и «школа Анналов» (М. Блок, Л. Февр). Сопоставляются методология и источниковедческие приемы двух школ. Обосновывается роль «школы Анналов» в дальнейшем развитии французской исторической науки.

Ключевые слова: историография Франции, «методическая школа», «школа Анналов», Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос, М. Блок, Л. Февр, Э. Лависс, Г. Моно

Рубеж XIX и XX вв. был опосредован в историознании Франции двумя важнейшими событиями: поражением в войне с Пруссией и учреждением Третьей республики. Оба события выдвинули на передний план реформирование исторического образования как общественно-патриотическую задачу. Целью становилось духовное объединение нации через выстраивание общего прошлого. «Не отказываясь ни от какой части отцовского наследия», французы должны почувствовать себя и «сынами старой Франции», и «гражданами современной Франции» [4, р. 324], – заявлял один из реформаторов Габриель Моно. Континуитет национальной истории ложился в основу легитимности Республики, провозглашавшей себя преемницей Великой революции.

Такой идеей было проникнуто многотомное официальное издание «История Франции», ставшее основой исторического образования в Третьей республике. То был своего рода педагогический нарратив. Эрнест Лависс, руководитель проекта, призывал в воспитательных целях наставлять общество на «бесспорных истинах»

[2, p. 96]. Наступила эпоха учебников, «история утверждающая и авторитарная, закрытая для сомнений» (П. Нора) [3, p. 876].

В соответствии с дидактическими задачами каноны историописания упрощались и, упрощаясь, фетишизировались. Это придало возникшему научному направлению особый характер, за что оно было названо «методической школой». Целью профессиональной подготовки и гарантией успеха научной деятельности становилось усвоение «правильного метода» [4, p. 321]. Считалось возможным при этом свети «основы метода к очень точным формулам» [7, с. 44].

Первая фраза программного сочинения новой школы, выпущенного в 1898 г., «Введение в изучение истории» Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса гласила: «история пишется по документам». Еще одна популярная формула: «тексты, только тексты, ничего кроме текстов» [7, с. 166]. Тексты признавались документами, корректность их воспроизведения становилась смыслом исследования. Текст–Документ–Факт – вся цепь виделась «методистам» неразрывной и самоочевидной.

Вклад «методической школы» в историческую науку Франции оказался значительным. Складывалось историческое сообщество как корпорация ученых, формировалась культура историка с «ее материальным и ментальным инструментарием», шкалой ценностей, лексикой и «профессиональной этикой, отмеченной боевым и почти жертвенным духом» (П. Нора) [3, p. 852-853].

То была прежде всего «этика установления фактов», которую высоко оценили основатели «школы Анналов». Марк Блок называл ее «законом честности», под которым понимал обязанность историка «не выдвигать никаких положений, которые нельзя было бы проверить» [5, с. 38]. А Люсьен Февр подчеркивал положительные стороны формулы «история пишется по документам»: «Честным труженикам, законно гордящимся своей эрудицией, она служила паролем и боевым кличем» [8, с. 11]. И при этом Блок и Февр противопоставляли фетишизации документа «антитезу Мишле»: история «должна быть все более и более отважной исследовательницей ушедших эпох, а не вечной и неразвивающейся воспитанницей их “хроник”» [5, с. 37].

Первые труды Блока и Февра были посвящены преимущественно экономической истории как прямой упрек Лависсу, Сорелю и другим корифеям конца XIX в., сосредоточившимся по традиции французского историописания на политических событиях и дипломатической истории. Исследовательское пространство расширялось, и в него было внесено новое гуманитарное содержание. Хотя Февр больше склонялся к цивилизационному подходу, можно сказать интерес к духовной сфере был объединяющим. Достаточно

указать на шедевр Блока «Короли-чудотворцы». Все стороны социальной действительности от экономики и структуры общества до массовых верований и политических потрясений смыкаются, считал Блок, в человеческом сознании. В том и заключена сложность исторического исследования, что его предмет «в точном и последнем смысле – сознание людей» [5, с. 83].

«За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за... сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей» [5, с. 17-18], – провозглашал Блок. «История – наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах или явлениях» [7, с. 19], – уточнял Февр. Человек как предмет истории стал *credo* школы.

Отстаивая человековедческий смысл истории, основатели «Анналов» отмежевывались от восходящей к Просвещению традиции надысторического философствования. «История не интересуется каким-то абстрактным, вечным, неизменным по сути своей человеком, – пояснял Февр, – ...но людьми, рассматриваемыми в рамках общества», членами этих обществ «в определенную эпоху их развития» [7, с. 26]. Историю людей предполагалось представить с максимально возможных точек наблюдения, чтобы воссоздать всю противоречивую многосложность их жизни. Так возникло понятие «тотальная история», ставшее методологическим принципом школы.

Расширение исследовательского пространства и новое понимание предмета исследования потребовали новых источниковедческих решений. Основатели «Анналов» пересмотрели все звенья в той цепи, которая у «методистов» вращала колесо исторического исследования. Логика фактологического анализа, при котором источник сводится к документу, а в его тексте содержится факт, была оспорена в целом и по частям.

Во-первых, указывал Блок, не все источники можно в полной мере признать документами и далеко не все документы являются текстами. Зацикленность на текстах отвергает всю дописьменную историю человечества, между тем ее изучение в конце XIX – начале XX в. бурно прогрессировало и выяснялось, что артефакты археологических раскопок отнюдь не менее достоверны, чем архивные документы. А для экономической истории необходимо знание образцов техники, для исторической географии – понимание культурных ландшафтов, изучение «всех следов, оставленных на очеловеченной земле упорным трудом многих поколений» [7, с. 11-12]. «Одним словом, – суммировал Февр, – все то, что принадлежит человеку..., означает его присутствие..., может стать документом». И самое увлекательное – «заставить заговорить немые вещи» [1, р. 428].

Во-вторых, если «методисты» сосредоточивались на «прямых свидетельствах», на фактах, которые считали необходимым сообщить авторы текстов, то основатели «Анналов» считали более ценными «оговорки», то, что сообщалось в текстах походя, ненамеренно.

В-третьих, доказывали они, факт воссоздается воображением историка, работающего с документами. Блок называл «наивным» представление «методистов» о том, что в начале работы историка лежит сбор источников и установление их подлинности, а уж потом «он пускает их в дело» [5, с. 38]. Основатели «Анналов» предлагали иную парадигму – исследование начинается с постановки вопроса. Перефразируя позицию оппонентов, выраженную фразой «Где молчат источники, нема и история», можно сказать, что их принцип – «Нет вопроса, молчит и история». Блок приводил красноречивый пример: «Кремневые орудия в наносах Соммы изобиловали как до Буше де Перта, так и потом. Но не было человека, умеющего спрашивать, – и не было доисторических времен» [5, с. 38].

Выдвижение в центр исследования проблемы, подчеркивание приоритета вопроса над источником, признание комплексной природы исторического факта – все это вело к толкованию исторического знания как бесконечного процесса. Вопреки историографии XIX века, стремившейся дать законченную картину истории Франции, вопреки установкам «методистов», историознание представляло открытым процессом, в который каждое новое поколение получало право вносить свой вклад, свое толкование. Такая историографическая картина, создателями которой стали основатели «Анналов», воспроизвелась в судьбе самой школы, последующие «поколения» которой, сохраняя лояльность основателям, радикально разошлись друг с другом, отвечая на запросы изменяющегося времени.

Библиография

1. Febvre L. Combats pour l`histoire. 2^eed. P., 1953.
2. Keylor W.R. Academy and community: The foundation of the French historical profession. Cambridge, Mass.: Cambridge univ. press, 1975.
3. Lieux de mémoire / P. Nora, ed. Paris: Gallimard, 1987. Т. 1.
4. Monod G. Du progrès des études historiques en France depuis le XVIe s. // Revue historique. N. 518. P., 1976.
5. Блок М. Апология истории или ремесло историка / пер. с фр. Е.М. Лысенко. М.: Наука, 1973.
6. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории / пер. с фр. И.И. Фроловой. М.: Иностранная литература, 1957.
7. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. М.: ГПИБ, 2004.
8. Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича и Ю.Н. Стефанова. М.: Наука, 1991.

Гордон Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ИНИОН РАН, г. Москва, Россия; gordon_aleksandr@mail.ru

From the "Methodical School" to the "Annals School" (the dynamics of French history)

The article is devoted to French historiography of the first half of the twentieth century. The focus is on the "methodical school" (S.-V. Langlois, S. Senobos) and the "Annals school" (M. Blok, L. Febvre). The methodology and source study techniques of the two schools are compared. The role of the "Annals school" in the further development of French historical science is substantiated.

Keywords: historiography of France, "methodical school", "school of the Annals", S.-V. Langlois, S. Senobos, M. Blok, L. Febvre, E. Laviss, G. Mono

Gordon Aleksandr Vladimirovich, Doctor of History, Chief Researcher, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; gordon_aleksandr@mail.ru

УДК 94:91

Золотов В.И.

Социальное пространство в «геоистории» Фернана Броделя и втором томе «Всемирной истории»

В современном историческом знании понятие пространства определяется как социальная реальность в принятых границах, «ансамбль невидимых связей». Взаимовлияние универсального и локального в мировой истории включает различные варианты адаптации и ассимиляции общества к воздействиям, внешним по отношению к изучаемым сообществам. Пространство «геоистории» Ф. Броделя с различными уровнями пространственно-темпорального состояния общества подверглась критическому анализу, его социальные характеристики, прежде всего. В очерках П. Уварова «Что такое Средние века?» и «Роскошь феодализма» пространство мир-системных связей Западной Европы обусловлено контекстом пульсаций Великой степи и внутренних условий формирования общества Латинского Запада. Его адаптация определяется правами владельца земли, отсюда особый тип личности, интегрирующей ролью церкви, развитием городских институтов и структур, правом, постепенным изменением роли королевской власти.

Ключевые слова: пространство, «ансамбль невидимых связей», локальное и универсальное, адаптация и ассимиляция

Рубеж наших столетий отмечен заметным ростом разработок новых макроисторических моделей, в том числе в контексте возрастания роли социального пространства в научном (историческом) познании. Особое внимание обращается на смену уровней пространственной организации современного мира и характера иерархичности мир-системных связей [5, с. 198-199; 3, с. 7-9]. «Пространственный поворот» побуждает к существенному переосмыслению понятия пространства в связке пространство–время. Пространство в историко-теоретическом смысле осознаётся не только как

синоним территории, это простейший случай, но и как помещённая в определённые рамки социальная реальность, ансамбль невидимых связей [2, с. 299]. «Ансамбль невидимых связей» определяет сущностное его наполнение, взаимодействие целого ряда импульсов и обстоятельств, их векторы и тренды – от природно-географического, политического, хозяйственного, культурологического, религиозного до особенностей массового сознания и менталитета.

Пространство «геоистории» Ф. Броделя с разными уровнями существования общества, в 1958 году было дополнено концепцией «долгого времени» [6, с.117], которое охватывает собою всё, что можно помыслить в истории человечества, вплоть до геологических структур ландшафта. Однако она же стала предметом критики части научного сообщества, прежде всего, касающейся социального содержания пространства. Целый ряд рецензентов отмечал, что они не в состоянии постигнуть того, «как организована иерархия разных ритмов; каково соотношение между «структурами», подчиняющимися «времени большой протяжённости» и «конъюнктурами», времени более краткого». Отсутствие этих связей сделало «тотальную историю» конгломератом разрозненных явлений и процессов, образующих не логически связанное целое, а пёструю мозаику. Одно из основных сомнений этой критики сводится к непризнанию истории ментальностей как сущности, определяющей основные векторы общественного развития. [4, с. 118-119]. В полемике Ф. Броделя с К. Леви-Строссом антропология последнего с её новыми возможностями доступа к социальному бессознательному звучала более убедительно [см.: 6, с. 117-118].

Пространство мир-системных связей в очерках П.Ю. Уварова [7; 8] предложена другая картина формирования пространства средневековой цивилизации, на других эпистемологических и эвристических основаниях. Автор исходит из того, что «пояс цивилизаций», растянувшийся от Западной Европы и Северной Африки до Дальнего Востока, вполне можно назвать средневековой Мир-Системой, охватывающей к началу средневековья большинство населения Старого Света [7, с. 8]. О динамике и векторах пространства средневековых цивилизаций говорит уже то, что первоначально её «ядром» были номады и «кочевые империи», в конце Средневековья им стала Западная Европа.

Пространственно-темпоральное состояние локальных цивилизаций этого пояса во многом определяется пульсацией Великой Степи. Внешнее воздействие актуализирует роль внутренних факторов, взаимодействие между локальным и универсальным. Иллюстрация такого взаимодействия в вопросе автора: «Почему лишь одному

региону – Западной Европе – в определённый (но исторически очень важный) период удалось вырваться вперёд»? [7, с. 15].

Для феодального Запада основной ячейкой не только хозяйственной, но и политической жизни являлась сеньория (дополненная общиной и приходом). Около Тысячного года Запад переживал стремительное изменение. Политическая власть оказалась в руках собственников сеньорий, осуществлявших судебные, административные и военные функции. Тотальное господство над людьми и землёй уравнивалось ролью общины и прихода как главной ячейки социальной жизни, возможностями творчества того же владельца земли. Укрепление владельческих прав на пожалованные земли могло стать благом для хозяйственного развития. Но это неминуемо вело к ослаблению государства, или, точнее говоря, такое укрепление находилось в функциональной зависимости от ослабления государства. А слабое государство в окружении соседей с сильной правящей элитой долго прожить не могло. Запад же стал исключением в силу временного отсутствия таких соседей [8, с. 816]. После христианизации венгров Европа была защищена от постоянных набегов, от калейдоскопической смены государственных образований. В этих обстоятельствах главной интегрирующей силой феодальной Европы была *ecclesia*. Именно церковь обеспечила успешное сочетание сильной местной власти с единством «христианского тела», закрепляя единство окормляемого ею пространства. Ценностные установки, правовые традиции и цивилизационные особенности оказываются весьма существенными для макродинамических показателей [8, с. 816-817].

Современное понимание глобальной истории подразумевает наличие множества локальных вариантов и траекторий развития. Однако стоит вспомнить давнее утверждение М. Блока о том, что «дух сравнительной истории... проникает в локальные исследования: без них она бессильна, но они без неё бесплодны» [4, с. 88]. «Новая компаративная история» (в разных версиях)... сосредотачивает внимание на существующих множественных взаимосвязях, взаимообменах и взаимовлияниях между сравниваемыми объектами и их культурно-историческими контекстами [5, с. 225-226]. Первоначальной задачей «глобальной истории» является, по мнению историков «глобалистов», интерпретация взаимодействия между локальным и универсальным. Процесс такого взаимодействия включает различные варианты адаптации и ассимиляции к воздействиям, внешним по отношению к изучаемым локальным обществам [5, с. 204].

Воздействие импульсов Великой Степи генерирует внутренние процессы развития локальных цивилизаций. Региональные особенности политических, хозяйственных, социальных, культурных процессов определяют разнообразие вариантов адаптации, гибели, изменений исторической действительности на пространстве от Тихого океана до Атлантики. Внешнее воздействие касается и роли государства, и взаимоотношений внутри правящего сословия, церковно-политических процессов, наконец, того типа личности, который и определяет лицо цивилизации.

Библиография

1. Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человечество в истории. 2001. М., 2001.
2. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
3. Верменич Я.В. Историческая лимнология. Проблемы концептуализации // Диалог со временем. № 40. 2018.
4. Гуревич А.Г. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.
5. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
6. Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2016.
7. Уваров П.Ю. Что такое Средние века? // Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян; ИВИ РАН. М.: Наука, 2011. Т. 2. Средневековая цивилизация Запада и Востока / Отв. ред. П.Ю. Уваров. 2012. С. 5-15.
8. Уваров П.Ю. «Роскошь феодализма» // Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян; ИВИ РАН. М.: Наука, 2011. Т. 2. Средневековая цивилизация Запада и Востока. С. 810-818.

***Золотов Всеволод Иванович**, доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия; viz.volic@yandex.ru*

Social space in F. Brodel's «geohistory» and in second volume «World History»

Abstracts: In modern historical knowledge notion “space” comprehends as social reality of fixed limits, “ensemble” invisible ties. Interinfluence universal and local in world history includes adaption and assimilation various versions relatively external influences reference local communities. F. Brodel's “geohistory” space with different levels society existence was called in question, first of all, its social interpretation. The space world-system ties of West Europe in P. Uvarov's essays “What is Medieval Ages” and “Luxury of Feudalism” is causes by context Great Steppe pulsation and inside conditions of forming Latin West community. Adaptation the society was defined by estate rights, hence special type of personality, integrative role of *ecclesia*, municipal structures and institution, law, universities, gradual modification royal power role.

Keywords: space, “ensemble” invisible ties, local and universal, adaptation and assimilation

***Zolotov Vsevolod Ivanovich**, Doctor of History, Professor, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia; viz.volic@yandex.ru*

Калимонов И.К.

Кино и историческая память через призму творчества Марка Ферро

Статья посвящена вкладу французского историка Марка Ферро в исследование роли визуальных средств фиксации исторической памяти и воздействию последней на общественное сознание и эволюцию общества.

Ключевые слова: аудиовизуальные источники, имидж эпохи, невербальное воздействие на сознание, мировоззрение общества, формирование образов прошлого, критика источников, память как мифология

Историк Марк Ферро известен не только во Франции как специалист по формированию мира представлений. В современном обществе мир представлений или виртуальная реальность превращается в один из факторов, определяющих социальное поведение человека и таким образом оказывающим влияние на его эволюцию. В первую очередь речь идёт о процессе фиксации исторических реконструкций в образах на уровне массового сознания. Конечно же, исключительную роль в таком воздействии на социальную память оказывают визуальные средства отображения этих реконструкций. Поэтому Ферро уделил этому вопросу особое внимание в ряде своих работ. Своим интересом к истории кино М. Ферро обязан П. Ренувену, который был соавтором фильма о Первой мировой войне (1964). Как позже вспоминал М. Ферро, в это время историки вели острые дебаты о критериях научности описания истории, отстаивать в которых собственное мнение было нелегко [см.: 2, с. 111]. «Непрозрачность реальности» кино, о которой постоянно говорит М. Ферро, заставляет его рассматривать прошлое через призму «образов», доносимых до нас аудиовизуальными источниками, что наиболее наглядно видно в случае экранизации истории. М. Ферро последовательно доказывает, что средства «открытия» новых образов прошлого могут быть различны, например, фото или кино может выступать в качестве критического инструмента официальной истории и, наоборот.

Поясняя значение такого процесса, Ферро обращается к наиболее трагическим событиям XX века. «Нацистский режим придавал особое значение кино, особенно когда дело касалось воспитания молодежи. Уже с апреля 1934 г. кельнский гитлерюгенд начал пропаганду кино как средства воспитания» – писал М. Ферро [12, с. 136]. Кинематограф обладает привилегированной возможностью создания исторических образов по «заказам», и средства для этого концентрируются, как правило, в одних и тех же руках. Власть над

средствами массовой информации и доступ к широкой публике имеют сегодня профессиональное значение: она определяет направление и степень влияния на сознание людей.

Формирование таких образов и картин прошлого связано с взаимодействием специальных коммуникативных средств: фото, радио и телевидения [9]. Тот факт, что развитие таких технологий не просто облегчают или улучшают человеческую жизнь, но и определяют мощное воздействие на психические, социальные и культурные системы, придает им особое значение. Если воспринимать фильм с точки зрения источника, то он, как и любое другое свидетельство о прошлом, может иметь много значений. Эта позиция в определенной мере делает понятным, почему описание истории не может быть одномерным. Лингвистический поворот, который обозначил проблему семантики понятий, в равной мере относится и к символам зрительных образов, которые для прочтения и интерпретации требуют особых приемов. Часто кинематограф создает не только рассказы об исторических событиях, но и пытается синтезировать источники о великих личностях, которые уже «занесены» в анналы истории. Не случайно, фильмография постоянно задается целью описать жизнь людей в новом ракурсе, который спроектирован авторским видением создателей фильмов. Примерами таких фильмов являются истории о жизни любых известных в истории персонажей, будь то М. Ганди или Наполеон. Здесь происходит не столько факт подбора материала, сколько характер его оценки и интерпретации, который, безусловно, зависит не только от автора, но и от зрителя картины. Не случайно в эпоху СМИ, как и во времена художественного изображения военных баталий эпохи Просвещения, автор создания образа имеет претензии на расстановку своих акцентов художественными средствами патетики или средствами символики. Часто автору все равно, какой ценой дается нам истина о прошлом. Поэтому для того, чтобы узнать эту цену, историки обращаются сегодня к анализу символики представлений, которая позволяет нам определить свое отношение к прошлому [10, с. 512].

Как показывает история, это может происходить с определенными скрытыми намерениями, что наглядно видно на примере анализа аудиовизуальных средств. Здесь уместно напомнить о том, что уже начиная с XIX века, искусство фотографии выступает в качестве новой формы визуализации, которая находится в поле особого притяжения. Общие варианты фотографий, будь то фотоискусство, фоторепортажи или фотодокументы, адаптируют мотивы из архивов истории. Фотография как бы рецепирует старую форму образов, и интерпретирует их, дополняя и переписывая традиционные формы через новые визуальные образцы.

Такие средства наиболее наглядно демонстрируют возможность того, как запечатленный образ может становиться иконой событий. В этом случае исторический фильм влияет на мировоззрение общества, что и раскрывает Ферро в ходе анализа советских фильмов «Александр Невский» (1938; режиссер С. Эйзенштейн) и «Андрей Рублев» (1964-1966; режиссер А. Тарковский). В обоих фильмах, считает он, режиссеры ставят перед собой идеологические задачи, в результате чего у зрителя формируется искусственно созданные образы прошлого. Если мы будем говорить об истории броненосца «Потемкин», то в данном случае «Потемкин» как легенда возобладали над «Потемкиным» как реальной действительностью [5, р. 162]. Не случайно, и сегодня этот фильм продолжает оставаться мощным инструментом истории, которая по-прежнему жива, несмотря на противоречия с объективной реальностью. Большая часть рассказа из этого фильма является иллюзорной, чего не отрицал и сам С. Эйзенштейн. Так, готовясь к празднованию годовщины событий 1905 года, С. Эйзенштейн признался: «Что бы мы ни говорили о событиях на Черноморском флоте этого времени, оно связано в истории отнюдь не с мятежом броненосца "Потемкин". Но мы должны знать правду в другом свете, даже если нет ничего более далекого от истины, чем исторический апофеоз броненосца "Потемкин"» [цит. по: 5, р. 163]. Картины прошлого, приобретая такое «знаковое» содержание, в зависимости от культурного аспекта событий, обладают возможностью быть понятными без слов и комментариев. С точки зрения психологии, это происходит еще и потому, что визуальный образ способен обращаться одновременно «к глазу и к уху»: он объединяет словесное с невербальным, и звуковое с визуальным воздействиями. Поэтому в раннем европейском модерне подобные формы представления истории были частью ритуалов для оказания прямого влияния на зрителя [3, с. 33]. Сегодня такой формой выступает, прежде всего, кинематограф.

М. Ферро показывает характер такого воздействия также на примере экранизации колониальной истории. «Колониальная пропаганда» и по сей день, считает он, традиционно проводится с помощью аудиовизуальных средств [4, р. 213]. Особенно значимую роль играет здесь кинематограф, который образно «облагораживает» кровавое прошлое колониализма. М. Ферро рассказывает нам на страницах своих исследований о том, как фильмы режиссера Жана Ренуара, созданные при поддержке французского правительства, стали показательным примером «переосмысления» отношений между Францией и Алжиром. Такие фильмы «открывают» для зрителя новые страницы отношений бывшей метрополии и бывшей колонии, где жизнь европейца может протекать при полном

отсутствии коренного населения. Его как бы вообще не существует, а Африка выглядит безмятежной французской провинцией. В аналогичном жанре был снят еще в 1934 году фильм Жака Фейдера, который стал официальным шаблоном прославления имперского наследия [4, р. 217]. «Открытие» таких страниц истории не просто искажало истину о прошлом, но и привело к осложнению отношений с современными странами Черной Африки. Даже те, кто прежде терпимо относился к колониальной истории, запечатленной в ее традиционных анналах, стали повторять вслед за одним из героев М. Ферро: «За улыбкой европейцев, в самой глубине души можно почувствовать, что раньше они нас захватывали, грабили и эксплуатировали.. а теперь они хотят отнять еще и последние жалкие остатки сокровенной памяти, самосознания.. добраться и до них» [12, с. 40]. Таким способом кино не просто создает собственное представление о прошлом, но и влияет на настоящее негативным образом.

Для М. Ферро фильм выступает медиумом-посредником между его автором и зрителем, донося определенный зафиксированный автором смысл. Это смысл является субъективным видением автором исторических событий, где нередко смешивается реальное и вымышленное: ни сплаваются в единый «текст» образа. Принадлежность кино к искусству дает автору возможность подчеркивать или затенять определенные исторические события весьма специфическими способами: через душевное напряжение или переживания участников событий. Хорошо известно, что тема скорбящего или отчаявшегося человека относится к наиболее впечатляющим документам, которые делают наглядными горе и страдания людей. Если в кадре кино изображен страдающий человек, события, сопутствующие его горю, кажутся более достоверными, чем описание в любой другой форме. Таким образом, в индивидуальных образах представленные ценности всегда имеют шанс сохраниться. Поэтому аудиовизуальные источники нередко становятся носителями «имиджа эпохи», что налагает на автора особую ответственность.

На примере анализа кино, М. Ферро показывает, как формируются определенные «установки» мировоззрения. «Исторический процесс в качестве объекта экранизации, зачастую становится средством идеологии, изменяющим общественное сознание. Это позволяет говорить, что в отдельных случаях исторический источник, выступает как «источник и причина» (*agent et source*) для замены официальной истории. «Когда камера показывает улики хода исторического процесса, она открывает его скрытое политическое значение» – писал В. Бениамин в 1931 году [1, S. 5, 56]. Поэтому нередко образ истории сам побуждает зрителя к размышлению над заложенной в нем символикой.

Библиография

1. Benjamin W. Kleine Geschichte der Fotografie (1931). Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Drei Studien zur Kunstsoziologie. Frankfurt a. M., 1963.
2. Bertin-Maghit J.-P., Ferro M. Débat animé par Isabelle Veyrat-Masson. Leshistoriens et les médias / Béatrice Fleury-Villatte (dir.). Récits médiatiques et histoire-Bry sur Marne, INA / L'Harmattan, 2003.
3. Burke P. Eyewitnessing: The Uses of Images As Historical Evidence. Cornell University Press, 2001.
4. Ferro M. Histoire des colonisations des conquêtes aux indépendances. XIII–XX siècle. Paris: Seuil, 1994.
5. Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire. Paris: Calmann-Lévy, 1994.
6. Блудилина Н.Д. Запад в русской литературе XVIII века: Автореф. дис. ...д-ра филолог. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 42 с.
7. Булатов Р.Б. Муниципальная власть и проблемы ее реализации в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: Дис. ...д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 363 с.
8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. 471 с.
9. Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии: сборник / ред. А.О. Бороноев. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 43-55.
10. Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2004. 728 с.
11. Титов С. Авторитет в Зазеркалье // Рос. газета. 2005. 2 февр. № 19.
12. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Вышш. шк., 1992. 351 с.

***Калимонов Ильдар Кимович**, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; Kazan-Kalimonov@mail.ru*

Cinema and historical memory through the lens of creativity marc ferro

Article is devoted the contribution of French historian Mark Ferro to research of a role of visual means of fixing of historical memory and influence of last on public consciousness and society evolution.

Keywords: audiovisual sources, image of an epoch, nonverbal influence on consciousness, outlook of a society, formation of images of the past, the critic of sources, memory as mythology

***Kalimonov Ildar Kimovich**, Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; Kazan-Kalimonov@mail.ru*

Новосёлов А.Л.

Методология изучения «чудесного» в трудах М. Блока и Ж. Ле Гоффа

В статье рассматривается исследовательский инструментарий французских историков, представителей школы «Анналов» Марка Блока и Жака Ле Гоффа, который они использовали при изучении феномена «чудесного» в средневековых текстах. Прослеживаются методологические влияния смежных наук на принципы работы М. Блока и Ж. Ле Гоффа. Показывается генезис проблематики «чудесного» в работе М. Блока «Короли-чудотворцы» и в исследованиях Ж. Ле Гоффа, объединённых в книге «Средневековый мир воображаемого». Акцентируется внимание на применении методов социологии М. Блоком в описании королевского обряда возложения рук, в ходе которого происходили чудесные исцеления золотушных больных. Отмечаются семиотические и литературоведческие основания методологии Ж. Ле Гоффа в разработке словаря «чудесного» и принципах его анализа в средневековых исторических источниках.

Ключевые слова: чудеса, М. Блок, Ж. Ле Гофф, школа «Анналов», историческая антропология

Среди множества проблем, которые поставили представители школы «Анналов», особое место занимает проблема «чудесного» в средневековой культуре. К этой теме обратились в разное время два ярчайших учёных «новой исторической науки» – Марк Блок и Жак Ле Гофф. «Короли-чудотворцы» М. Блока, впервые вышедшие в свет в 1924 г., по праву считаются первым исследованием, затрагивающим феномен чуда. Выдающийся французский историк принял за ответ на вопрос, почему в средневековой Англии и Франции существовала вера в чудесное действие королевского обряда возложения рук, исцеляющего золотушных больных. Примерно через полвека после этого, в конце 1970-х гг. другой «анналист» Ж. Ле Гофф обратился к тематике «чудесного». В «Средневековом мире воображаемого» он несколько отошёл от конкретного исторического исследования, которое было проделано М. Блоком. Ж. Ле Гофф представил концептуальный взгляд на «чудесное», предложив периодизацию, классификацию и терминологический словарь «чудесного» на Средневековом Западе.

Для того чтобы в полной мере оценить вклад М. Блока и Ж. Ле Гоффа в разработку важной и интересной проблемы «чудесного» и продолжить её изучение, необходимо понять, какими методами работали историки. Как известно, исследовательский инструментарий у представителей школы «Анналов» был сугубо индивидуальный [2, с. 675], поэтому интересно было бы сравнить приёмы работы М. Блока и Ж. Ле Гоффа.

Примечательно, что предисловие к переизданию «Королей-чудотворцев» в 1982 г. написал Ж. Ле Гофф. В нём он не только подробно изложил генезис книги, её структуру и содержание, но и обозначил некоторые собственные соображения по данной тематике. Для понимания методики работы М. Блока с материалом «чудесного» важно представить методологические основы его исследования. По мнению Ж. Ле Гоффа, замысел «Королей-чудотворцев» зародился у М. Блока во время первой мировой войны [3, с. 17-18]. Здесь проявился «регрессивный метод», который характерен для «анналистов» – понимание прошлого через настоящее [3, с. 19]. Но в работе М. Блока этот метод не нарушает принцип историзма. Наоборот, психология солдат военного времени, подверженная всяческим слухам и мифам, оказалась близка к ментальности средневековых людей, чей образ мысли также во многом определялся легендами, одной из которых и было королевское чудо исцеления. Более того, в конце своей работы М. Блок называет это чудо «плодом коллективного заблуждения» [1, с. 578].

По мнению Ж. Ле Гоффа, «Короли-чудотворцы» «взросли на междисциплинарной почве» [3, с. 22]. Из множества наук, для своей книги М. Блок позаимствовал принципы и методы работы: широта объекта исследования (будущая «тотальная» история), компаративистика, социологический метод.

В основу «Королей-чудотворцев» положено описание. М. Блок, опираясь на обширный круг источников, реконструирует королевский обряд возложения рук и подробнейшим образом описывает его, не упуская ни одной детали. Для этого описания М. Блок использует не только текст, но и образ (иконография). Информативность текста и образа дополняет жест, являющийся частью обряда и содержащий немаловажные сведения. Описание М. Блока методическое и скрупулёзное, очень близкое к этнографическому и социологическому. Он подобно этнографу и социологу фиксирует то, что непосредственно наблюдает. Однако материал для наблюдений извлекается Блоком из исторических источников.

Ж. Ле Гофф обращает внимание на терминологический «словарь» М. Блока, которым автор пользуется в «Королях-чудотворцах». Примечательно, что М. Блок часто применяет социологические термины: «коллективные представления» и «коллективное сознание». При этом он сохраняет и терминологию исторических источников, которые по своему происхождению преимущественно были церковные и вследствие чего часто называли элементы народных верований «суевериями» [3, с. 43-46].

От описания королевского «чуда» М. Блок осуществляет переход к его анализу через сравнительно-исторический метод.

Сравнение особенностей королевского обряда и восприятия чудесного исцеления от него больных золотухой в Англии и Франции позволяет рассмотреть уникальные и особенные черты верований в это чудо. Точно этот метод Блока назвал А.Я. Гуревич: «компаративистика, нацеленная на индивидуализацию» [2, с. 677].

Справедливо предположить, что интерес к сфере «чудесного» у Ж. Ле Гоффа родился из компаративистики. В 1974 г. он озвучил доклад на коллоквиуме «Необычное и чудесное в средневековом исламе» [4, с. 42], в котором, по всей видимости, сравнивал представления о «чудесном» на средневековом Западе и Востоке. Далее, результаты этой работы оказались созвучны «Другому Средневековью» и стали его продолжением, вышедшим в книге 1985 г. «Средневековый мир воображаемого». Первая часть этой книги посвящена феномену «чудесного».

Ж. Ле Гофф был нацелен скорее на перспективу исследования «чудесного» и поэтому представил план работы по его изучению. Уже первая фраза главы «Средневекового мира воображаемого», посвящённая «чудесному», выдаёт основную методологическую установку историка: «Подход к определению роли чудесного в культуре и обществе следует искать прежде всего на лексическом уровне, который, не будучи основным, является тем не менее первоочередным» [4, с. 42]. Уклон к филологии, лингвистике и семиотике характерен для Ж. Ле Гоффа. Подтверждением этому служат и частые ссылки на семиотику и литературоведа Цветана Тодорова, разработавшего теорию фантастического [4, с. 47, 53].

«Воплощение в слова феноменов мира воображаемого» требует, в соответствии с методикой Ж. Ле Гоффа, анализа словаря «чудесного» [4, с. 20-21]. Сам Ле Гофф проделал большую работу по сбору чудесных историй и составлению перечня чудесного на средневековом Западе. В семантическое поле «чудесного» Ж. Ле Гофф предложил включать не только церковное определение, но и народное отношение, пытаясь тем самым понять специфику восприятия чудесного, магического и чудотворного учёной и народной культурами [4, с. 44].

Ж. Ле Гофф наметил классификацию, хронологию и некоторые функции «чудесного» [4, с. 20, 48-49]. Все эти выводы служат методологической основой для перспективных исследований.

Наконец, Ле Гофф, следуя за М. Блоком и Л. Февром, призывает к реализации принципа «тотальной истории» в изучении «чудесного», обращая внимание на необходимость определения места «чудесного» в политике, науке и истории [4, с. 50-53].

Любопытно обратиться к критике методологических построений Ж. Ле Гоффа в изучении «чудесного». Отечественный историк

А.Л. Юрганов справедливо замечает, что при противопоставлении христианского чуда чудесному как «мир официальный, доктринальный миру неожиданных, сверхъестественных происшествий, событий», французский историк ничего не говорит о природе христианского чуда [5, с. 120]. То есть, по сути, религиозный смысл чудес Ж. Ле Гоффом, с точки зрения А.Л. Юрганова, игнорируется, что значительным образом ослабляет теоретические построения французского историка.

Таким образом, изучение феномена чуда является актуальной проблемой, как для современных историков, так и для филологов, психологов, социологов и антропологов. Методологическую основу изучения «чудесного» заложили М. Блок и Ж. Ле Гофф, показав не только большой потенциал этой тематики, но и эффективность использования социологических и семиотических методов её изучения. Метод описания, который не особо приветствуется историками, при опоре на широкий круг источников и пристальное внимание к деталям, характерное М. Блоку, может значительно помочь в историческом исследовании «чудесного». Тоже может быть сказано и про осторожное и тщательное сравнение схожих явлений мира «чудес» у разных народов. Наконец, чтобы вести диалог с прошлым, задавать источникам вопросы, важно знать их язык, представлять значение терминов, которые применялись в прошлом к наименованию необычных явлений и чудес, поэтому, следуя за Ж. Ле Гоффом, семиотический анализ также должен стать исследовательским оружием историка в изучении «чудесного».

Библиография

1. Блок М. Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и Англии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
2. Гуревич А.Я. М. Блок и историческая антропология. Послесловие // Блок М. Короли-чудотворцы. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 667–678.
3. Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 11–58.
4. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Издат. группа «Прогресс», 2001. 440 с.
5. Юрганов А.Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2006. 433 с.

Новосёлов Александр Леонидович, соискатель, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; alnov092@mail.ru

Methodology for the study of the “miraculous” in the works of M. Block and J. Le Goff

The paper examines a research toolkit by French historians, Annals School representatives Mark Block and Jacques Le Goff, which they used in exploring the phenomenon of "wonderful" in medieval texts. Methodological influences of related sciences on the

principles of work of M. Block and J. Le Goff are traced. The genesis of the "wonderful" problem is shown in M. Block's work "The Miracle Kings" and in the studies of J. Le Goff, united in the book "The Medieval World of the Imaginary." Emphasis is placed on the application of the methods of sociology by M. Block in the description of the royal rite of laying hands, during which miraculous healings of golden patients took place. The semiotic and literary grounds of the methodology of J. Le Goff in the development of the dictionary "wonderful" and the principles of its analysis in medieval historical sources are noted.

Keywords: miracles, M. Block, J. Le Goff, Annals School, historical anthropology.

Novosyolov Aleksandr Leonidovich, Applicant, Kazan Federal University, Kazan, Russia; alnov092@mail.ru

УДК 930(460) "19"

Прокопенко С.А.

Хайме Висенс Вивес и «историографическая революция» в Испании

В 1950–1960-е гг. в испанской исторической науке во многом под влиянием «Анналов» началась «историографическая революция». В наибольшей степени она затронула области Новой и новейшей истории. Ключевую роль в этом процессе сыграл барселонский либеральный историк Х. Висенс Вивес (1910–1960). В статье рассматриваются особенности творчества Х. Висенса и причины распада его школы.

Ключевые слова: Х. Висенс Вивес, Ф. Бродель, «Анналы», историография, Испания

В 1960–1980-е гг. в испанской исторической науке развернулась «историографическая революция». Наиболее важными явлениями этой революции стало инкорпорация в Испании теоретических, методологических, концептуальных достижений и проблематики «тотальной истории», американской версии «новой экономической науки» и неомарксистской историографии. Наибольшее влияние оказали французские «Анналы» в броделевском варианте «тотальной истории».

Причины популярности «Анналов» в Испании объяснялись общим упадком национальной исторической мысли в условиях идеологических ограничений авторитарного режима. Напомню, что уже 28 января 1939 г. началась коренная перестройка системы испанского университетского образования, а затем и тотальная чистка преподавательского корпуса. В Барселонском университете были уволены, сосланы и даже приговорены к тюремному заключению за нежелательную политическую деятельность 134 преподавателя – более половины всего профессорско-преподавательского состава [7, р. 157]. Действовал и такой фактор как традиционное влияние французской либеральной мысли и французской историографии в Испании. Многие лидеры «Анналов» начинали свою карьеру как

испанисты (вспомним докторские диссертации Л. Февра, Ф. Броделя, П. Шоню). Напомню, что во время недолгого правления Хосе [Жозефа] I Наполеона, во Францию были вывезены фонды Генерального архива Симанкас, касающиеся франко-испанских отношений. На этих документах выросло не одно поколение испанистов.

В Испании видными пропагандистами идей «новой исторической науки» стали прошедший стажировку в Высшей школе практических исследований А. Эйрас Роэль (1931–2017) [см.: 8], основные достижения которого связаны с исторической демографией (Университет Сантьяго де Компостела) и В. Васкес де Прада Вальеда (1925 г.р.), специализировавшийся в сфере экономической истории (Университет Наварры). Но главная роль в историографическом перевороте всё же сыграл барселонский историк Х. Висенсу Вивесу (1910–1960).

Творчество самого Висенса Вивеса не выходит за рамки либеральной исторической мысли, но значение его деятельности много шире. Он выразил начало качественной перестройки каталонской историографии, освобождавшейся от рецидивов националистического «романтизма», ярким примером чего служили работы А. Ровира-и-Виржиля (1882–1949) [4, р. 285–286, 303–304]. Ему – медиевисту – удалось возродить интерес к «современной истории» (т.е. истории XIX–XX вв.), внести решающий вклад в дело превращения экономической истории в самостоятельный раздел исторических знаний. Опираясь на концепцию «глобальной истории», Х. Висенс предложил свою интерпретацию отечественной истории. Она специфически отразила начало диалога т.н. «двух Испаний», стала составной частью процесса размывания устоев франкистской идеологии.

Высочайший профессионализм, организационные способности, семейный капитал, на который было создано издательство «Vicens Vives», позволили ему создать коллектив единомышленников, получивший название «школа Висенса Вивеса», «школа Висенса» или «барселонская школа». О гигантской организационной работе Х. Висенса говорят, в частности, его деловые письма в связи с институтом Gallach и проектом «История культуры». Большая часть их (свыше четырёхсот) опубликована в 1990-е гг. [см.: 3]. Оплотом Висенса Вивеса стал Центр международных исторических исследований (1949) и секция Новой истории Института «Иеронима Зурита». В 1951 г. вышел первый номер ежегодника «Исследования по новой истории», где были сформулированы цели и принципы новаторского направления в испанской историографии. В этом программном заявлении («Десять пунктов Исследований» говорилось: «Мы глубоко верим в то, что история есть жизнь во всём своём сложном разнообразии. Тем самым мы не чувствуем себя связанными каким-либо априорным предубеждением, ни методом, ни целью.

Мы презираем материализм за его односторонность, позитивизм – за его схематизм, идеологизм – за легкомыслие» [10, р. 528]. Главным проектом «школы Висенса Вивеса» стала многотомная «Социальная и экономическая история Испании и Америки». Самыми новаторскими оказались тома, охватившие XVI–XX столетия. В основу изложения были положены броделевское деление общества на ряд структур и теорию их развития с разными скоростями. Не касаясь вопроса о степени реализации командой Висенса Вивеса заявленных целей, отмечу существование различий с Броделем во взглядах на исторический процесс и, как следствие, в методике его анализа. При всём искушении использовать приёмы и методы структурализма, бесполезные в «большой теории», Х. Висенс не желал заходить слишком далеко, опасаясь дегуманизации истории. Если представители «Анналов» броделевского этапа подчёркивали обыденность истории, то испанский исследователь тяготел к изучению переломных моментов прошлого. Вследствие этого он проявлял больший интерес к процессам цикличного и конъюнктурного типов, чем к концепции «большой временной продолжительности». В этом смысле он скорее примыкал к французской школе Э. Лабрусса – П. Виляра [9, р. 56]. Другой особенностью Висенса Вивеса стало применение «доктрины поколений» для решения проблемы взаимодействия разных структур.

Существенной чертой творчества Висенса Вивеса стало расширение всех «поля исследования». Особое внимание он уделил броделевской новелле – концепту «геоистория», в том числе демографии. Любопытно, что сам Х. Висенс «Анналы», заявившие о себе в полный голос в 1950 г. на IX (Парижском) Международном конгрессе исторических наук, охарактеризовал как демографическое.

Главное препятствие в историческом познании Х. Висенс видел не в природе исторического факта, а в его изолированности. Разрешить эту проблему должен был, по его мнению, метод, основанный на анализе гомогенной серии фактов. Девятый пункт манифеста группы новаторов прямо утверждал: «Один факт может содержать правду, двести нас освободят от ошибки, что намного важнее» [10, р. 529]. Статистический метод имел для историка такое значение, особенно в занятиях XIX–XX вв., что некоторые исследователи считали его стержнем новой школы [2, р. 638].

В середине 1960 гг. «школа Висенса Вивеса» раскололась. От ортодоксальных последователей и соратников мэтра (Х. Регла, П. Волтес Боу, Х. Меркадер Рибя, А. Джутглар, Х. Надал) отделилась марксистская группа (Дж. Фонтала Ласарó, Э. Жиральт-и-Равентос, Х. Солé-Тура). Дело не только в преждевременной смерти Висенса Вивеса: что обиднее – в момент его международного признания

[6, p. 158]. Сказались дальнейшая радикализация в испанском обществе и активное проникновение в страну марксизма/неомарксизма (в историографии образцы воплощения марксистской методологии дали П. Вильяр и М. Туньон де Лара). Проблема заключалась и в угасании «обновленческого импульса» самих «Анналов», о чём в середине 1970 гг. громко возвестил (на мой взгляд, преждевременно) Дж. Фонтана [5, p. 298]. В российской историографии первой указала на эту статью С.П. Пожарская (1928–2010). Однако, по прошествии времени, становится ясным, что наибольшие успехи мировой историографии в XX столетии связаны с трудным диалогом марксистской и либеральной мысли, с теми школами, которые пытались взять лучшее у этих двух направлений. И немалую положительную роль в этом сыграл в Испании Х. Висенс Вивес.

Библиография

1. Conferència de clausura // Manuscrits. 1997. № 15. P. 171-180.
2. Enciclopedia de la cultura española. T. V. Madrid, 1968. 789 p.
3. Epistolari de Jaume Vicens Vives. Vol. I-II, a cura de J. Clara, P. Cornellà, F. Marina i A. Simon. T. II. Girona, 1994, 1998. 261, 577 p.
4. García Cárcel R. Jaume Vicens Vives: vida, obra y pensamiento // Revista de historia Jerónimo Zurita. 1998. № 73. P. 283-310.
5. Fontana i Lázaro J. Ascens i decadència de l'escola dels "Annales" // Recerques: Història, economia i cultura, 1974. N. 4. P. 283-298.
6. Fontana i Lázaro J. L'epistolari de Jaume Vicens Vives. Notes de lectura // Manuscrits. 2001. N.19. P. 157-162.
7. Ribas i Massana, A. La Universitat Autònoma de Barcelona (1933-1939). Barcelona: Edicions 62, 1976. 267 p.
8. Saavedra Vázquez M. del C. Antonio Eiras Roel. Mestre de historiadores e renovador do modernism español // Eduga. Revista Galega do Ensino. 2019. № 77. – URL: <http://www.edu.xunta.gal/eduga/72/foro/antonio-eiras-roel> (дата обращения: 5.08.2019).
9. Tuñon de Lara M. Metodología de la historia social de España. Madrid, 1973. 284 p.
10. Vicens Vives J. Obra dispersa. T. II. Barcelona, 1967. XIV, 587 p.

Прокопенко Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, руководитель Центра истории и культуры АНО «ЦСИ Ульяновской области», г. Ульяновск, Россия; sergio1957@mail.ru

Jaime Vicens Vives and the Historiographic revolution ”in Spain

The “historiographic revolution” began in Spain mainly under the influence of the “Annals” in 1950-1960 years. This most clearly manifested in the fields of Modern and Contemporary History. Liberal historian J. Vicens Vives (1910-1960) from Barcelona played a key role in this process. The article discusses the features of the creation of J. Vicens and the reasons for the disintegration of his school.

Keywords: J. Vicens Vives, F. Braudel, “Annales”, History of Historiography, Spain

Prokopenko Sergej Alekseevich, Doctor of History, Head of the Center for History and Culture of the Autonomous Non-Commercial Organization “Center for Contemporary Arts of the Ulyanovsk Region”, Ulyanovsk, Russia; sergio1957@mail.ru

Румянцева М.Ф.

**Структурная история в 1950–1970-е годы:
социальная история Вернера Конце –
второе поколение школы «Анналов» –
источниковедение в СССР**

На методологической основе источниковедения историографии проводится сопоставление тенденций европейской и советской историографии 1950–1970-х годов. Фиксируются варианты перехода от метанарратива к структурной истории: социальная/структурная история в Германии (Вернер Конце), второе поколение школы «Анналов» (Фернан Бродель), феноменологическая концепция источниковедения в СССР (научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института). Показано отличие источниковедческой концепции как имеющей эмпирическое основание – систему видов исторических источников.

Ключевые слова: источниковедение историографии, структурная история, школа «Анналов», феноменологическая концепция источниковедения, виды исторических источников

С началом XXI века, с переходом от постмодерна к постпостмодерну, все отчетливей проявляется тренд к созданию глобальной истории, о чем свидетельствует, например, проведенная в 2016 году Институтом Всеобщей истории Российской академии наук конференция «Всемирная история и новые вызовы исторической науки: национальные, транснациональные и интернациональные подходы». Но, с другой стороны, несмотря на стремление к созданию глобальной истории, не удастся обнаружить удачных опытов такого глобального нарратива. Вероятно, если что-то не получается, то, прежде чем упорствовать в своих попытках, стоит поразмыслить, почему не получается и выполнима ли эта задача в принципе. На мой взгляд, задача выстраивания глобальной истории, если и разрешима, то только как задача компаративного исследования. И к этой познавательной ситуации как нельзя лучше подойдет афоризм непопулярного нынче классика, на который я обычно ссылаюсь, говоря о компаративном подходе: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» [Ленин В.И. Заявление редакции «Искры» (1900)]. Но в данный момент наша задача не столько в том, чтобы найти границы для размежевания, сколько в выявлении общих (или, как минимум, сопоставимых) тенденций в европейской и российской / советской историографии.

Исследовательская гипотеза состоит в том, что в 1950–1970-е годы как в европейской, так и в советской историографии, – хотя

и в разных вариантах, и в разной степени, – проявляются тенденции перехода от метанарратива, как преобладающей формы историописания, к структурной истории: социальная / структурная история в Германии (Вернер Конце) – второе поколение школы «Анналов» (Фернан Бродель) – феноменологическая концепция источниковедения, восходящая к эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского и развиваемая в эти годы в Историко-архивном институте, в СССР [9].

Наиболее радикальный вариант структурной истории предложил немецкий историк Вернер Конце (1910–1986) [см.: 7], который считал, что структурная история должна выполнить задачу исторического синтеза, учитывая в первую очередь «не *res gestae*, а структуры в их непрерывности и трансформации» [8, с. 176]. Но недостатки столь жесткой структурализации обнаружились весьма быстро, и «маятник качнулся» в другую сторону – истории повседневности как нового тренда социальной истории в Германии [8].

Но самое существенное влияние на стремление от метанарратива к структурной истории оказали масштабные труды Фернана Броделя (1902–1985), лидера и идеолога второго поколения Школы «Анналов» [2; 3]. В программной статье «вторых “Анналов”» «История и общественные науки» (1958), констатируя социальный характер исторической науки и определяя ее место в кругу социального знания, Ф. Бродель пишет: «Науки о человеке переживают сегодня общий кризис. Поставленные перед необходимостью аккумуляции новых знаний и взаимного сотрудничества <...> все они испытывают трудности, вытекающие из их же собственного прогресса. Успехи наиболее динамичных из них оказывают прямое или косвенное влияние на все остальные, независимо от того, высказывают они в этом потребность нет. И тем не менее все они еще скованы рамками устаревшей концепции гуманитарного знания, которая стада для них сегодня прокрустовым ложем» [1, с. 115]. Характеризуя свой метод выхода из «прокрустова ложа», Бродель заявляет, что его цель – «...предложить приемлемую схему истории мира на базе данных весьма неполных, но все же слишком многочисленных для того, чтобы попытаться охватить их целиком» [2, т. 3, с. 7].

В этот же период параллельно Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института (в настоящее время консолидированная на базе сайта Источниковедение.ru [6]) активно разрабатывает видовую характеристику и методику анализа отдельных видов исторических источников [9, с. 143–156], что в конечном счете привело к конституированию источниковедения в самостоятельную субдисциплину исторической науки в связи с определением его автономного объекта – системы видов

исторических источников. Этот подход был зафиксирован в учебном пособии «Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории», подготовленном Научно-педагогической школой источниковедения и изданном Российским государственным гуманитарным университетом в 1998 г. [5; переизд.: 2000, 2004]. В изданном в 2015 г. (2-е изд. 2019) НИУ «Высшая школа экономики» учебном пособии «Источниковедение» [4] этот структурный подход распространен и на историографические источники.

Таким образом, источниковедение также выбирается из «прокрустова ложа гуманитарного знания» и движется в сторону социальных наук: структурированный по видам корпус исторических источников позволяет системно репрезентировать породивший этот корпус социум, в качестве определенного преимущества источниковедения как варианта структурного подхода в историческом познании можно рассматривать то, что анализ систем видов исторических источников дает твердое эмпирическое основание для определения моментов перехода в трансформации структур: система видов исторических источников меняется отчетливо. Этот принцип лег в основу компаративного источниковедения [10, с. 226], которое, на мой взгляд, и может послужить методом выстраивания глобальной истории не как метанарратива, а как компаративной структурной истории.

Библиография

1. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: сб. ст. / ред. И.С. Кон. М.: Прогресс, 1977. С. 115-142.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1986-1992. Т. 1-3.
3. Бродель Ф. Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002-2004. Ч. 1-3.
4. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков [и др.]; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685. [3] с.
5. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
6. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения / А.А. Бондаренко и др. – Электрон. дан. [М.: Б. и.], сор 2010-2019. – URL: <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.
7. Козелек Р. Вернер Конце: традиция и обновление // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 214-226.
8. Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 174-189.
9. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сборник / сост. Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева; под ред. В.А. Муравьева. М.: РГГУ, 2001. 227 с.
10. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.

Румянцева Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; mf-r@yandex.ru

Structural History in the 1950s–1970s: Werner Conze's Social History – the Second Generation of the Annals School – Source Studies in the USSR

On the methodological basis of source study of historiography the trends of European and Soviet historiography of the 1950s-1970s are compared. Variants of transition from the meta-narrative to the structural history are fixed: social/structural history in Germany (Werner Conze), the second generation of the Annals School (Fernand Braudel), the phenomenological concept of source study in the USSR (Scientific and pedagogical school of source studies of Institute for History and Archives). The article shows the specificity of the source study concept as having an empirical basis – a system of types of historical sources.

Keywords: source study of historiography, structural history, Annals School, phenomenological concept of source study, types of historical sources

Rumyanceva Marina Fedorovna, Candidate of History, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia; mf-r@yandex.ru

УДК 94(4)

Саезянова Г.Д.

Историческая антропология Средневековья: традиции и новации

Создание Группы исторической антропологии долгого Средневековья во Франции стало новым этапом в институционализации актуального направления в исторической науке, тесно связанного со школой «Анналов». В центре внимания автора научные традиции и векторы в развитии исторической антропологии. Анализ методологии и проблематики исследований, состава участников и их научной деятельности показывает, что сегодня Группа исторической антропологии долгого Средневековья является актором в развитии исторической антропологии во французской медиэвистике.

Ключевые слова: историческая антропология долгого Средневековья, французская медиэвистика, современная историография, школа «Анналов», Ж. Ле Гофф

Вопреки пессимистическим настроениям отдельных высказываний рубежа XX–XXI веков [2, с. 33; 3, с. 137; 7, с. 279] историческая антропология как самостоятельное направление в исторической науке продолжает развиваться и находить своих сторонников. Ведущая роль в этом процессе, как и полвека назад, принадлежит французской исторической науке. В частности, три года назад в рамках Центра исторических исследований в Париже была создана Группа исторической антропологии долгого Средневековья. Определить вклад современных

исследователей в развитие идей третьего и четвертого поколения «Анналов» является актуальной задачей интеллектуальной истории.

Новое структурное подразделение Высшей школы социальных наук в Париже было создано на базе Группы исторической антропологии Средневекового Запада [5] и Группы схоластической антропологии. Название новой Группы включает в себе три важных момента, которые фактически определяют основу методологического подхода французских исследователей. Во-первых, самоидентифицируя себя среди последователей различных направлений в исторической науке, члены Группы выдвигают на передний план историческую антропологию, которую отличает, прежде всего, междисциплинарный подход в исторических исследованиях. Во-вторых, продолжая традиции Ф. Броделя и Ж. Ле Гоффа, французские медиевисты отводят ключевое место понятию «долгих Средних веков», которое за последние десятилетия продемонстрировало свою продуктивность в исследовании социокультурных аспектов развития Средневекового общества. В-третьих, отказываясь от европоцентризма в названии, авторы нового проекта выражают нацеленность на компаративизм в исторических исследованиях. Эвристический потенциал широкого применения компаративистского подхода в исторической науке всегда подчеркивался историками-анналистами [10].

Исследовательское поле Группы исторической антропологии долгого Средневековья сконцентрировано вокруг четырех проблем: антропология знаний, антропология визуального, антропология верования, антропология вещей.

Антропология знаний рассматривается участниками проекта как часть интеллектуальной истории во взаимосвязи с социальной историей, основное внимание сконцентрировано на взаимодействии средневековых знаний и социальной и политической организации средневекового общества. Исследователей интересует широкий спектр вопросов на стыке истории, теологии, философии, права, медицины: эволюция и взаимодействие разных типов знаний, используемых в религиозных обрядах, магических действиях, научных трактатах, способы конструирования и трансляции знаний и т.д. Основной доминантой антропологии визуального являются понятие «имаго» [9], разработанное Ж.-К. Шмиттом, и понятие «образ-объект» [1], предложенное Ж. Баше. Рефлексия темы образов продолжается историками в изучении визуальной культуры и ее связи с материальностью, городского пространства, места изображений в церковном пространстве и в жилых помещениях. Вера, слово, убеждение, письменная традиция, изучаемые ныне в рамках антропологии верований, являются предметом многолетних размышлений историков. Новации в этой области связаны прежде

всего с расширением географических рамок исследований благодаря включению источников по истории Востока, а также тематического поля, которое складывается на пересечении антропологии верования, антропологии знаний и антропологии визуального (например, тема религиозного образа). Антропология вещей отсылает к исследованиям Л. Леви-Брюля, который рассуждал об объектах, тождественных человеку в силу их сопричастности (например, волосы, тень, одежда, имя и др.) [4]. Природа взаимодействия между человеком и не человеком, процесс одомашнивания живых существ, отношение к окружающей среде, категория идентичности и другие проблемы находятся в центре внимания Группы исторической антропологии долгого Средневековья.

Очевидно, что разделение участниками проекта исследовательского поля на четыре сегмента является условным, поскольку все они тесно связаны между собой. Однако конструирование четырех осей исследования является важным шагом в развитии теории исторической антропологии, свидетельствующим об осмыслении проблематики исследований и научной традиции.

Участниками нового проекта Центра исторических исследований стали историки, вдохновленные идеями третьего поколения «Анналов», прежде всего Жака Ле Гоффа. Странники обновления исторической науки – Этьен Анхейм, Жером Баше, Жак Берлиоз, Мари-Анн Поло де Больё, Ален Буро, Шарль де Мирамон, Пьер Монне, Филипп Морис, Жан-Клод Шмитт [6] – продолжили исследования в русле движения «Анналов», взрастили новое поколение историков (Гревэн Бенуа, Венсан Дебийе, Беатрис Делоренти, Пьер-Оливье Дитмар, Перар Одри), совместно с которыми ведут активную научно-исследовательскую работу, образовательную и педагогическую деятельность в рамках Группы исторической антропологии долгого Средневековья. Кроме того, некоторые участники Группы входят в состав редакционных комитетов научных журналов, в т.ч. Этьен Анхейм является членом редакции журнала «Анналы. История. Социальные науки». За годы реализации проекта была проведена серьезная работа: опубликованы средневековые источники, подведены первые итоги исследований (в т.ч. совместных с немецкими и итальянскими историками), переизданы актуальные труды членов Группы.

Группа исторической антропологии долгого Средневековья явилась воплощением творческих замыслов Ж. Ле Гоффа. Опираясь на научное наследие движения «Анналов», участники Группы изучают средневековое общество в историко-антропологическом ключе. Для нового поколения исследователей историческая антропология являет собой их осознанный методологический выбор.

Осмысливая проблемное поле исторической антропологии, Группа сформулировала четыре основные области исследования: антропология знаний, антропология визуального, антропология верования, антропология вещей. Историческая антропология стала исследовательской площадкой для актуальных в исторической науке теорий (в особенности теории образа [8, с. 24]). Вместе с тем реализация исследовательской программы Группы исторической антропологии долгого Средневековья сопряжена с трудностями, возникающими на пути к компаративизму, с которым связывают перспективы обновления исторической антропологии.

Библиография

1. Баше Ж. Средневековые изображения и социальная история: новые возможности иконографии // Одиссей. Человек в истории: сборник / Гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 2005. С. 152-190.
2. Бессмертный Ю.Л. Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994-1997 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 29-42.
3. Гуревич А.Я. Подводя итоги... // Одиссей. Человек в истории. М., 2000. С. 125-138.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Академический проект, 2015. 428 с.
5. Поло де Больё М.А. Жак Ле Гофф и история становления Группы исторической антропологии средневекового Запада. In *Memoriam* // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2014. № 38. С. 133-142.
6. Саезьянова Г.Д. Жан-Клод Шмитт: интеллектуальная биография историка // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 258–266.
7. Трубникова Н.В., Уваров П.Ю. Историческая антропология и школа «Анналов» // Теория и методология истории / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 263-286.
8. Чеканцева З.А. Нужна ли историку теория образа? Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв. // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 23-35.
9. Шмитт Ж.-К. *Culture Imago* // *Анналы на рубеже веков – антология* / отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 2002. С. 79-104.
10. Schmitt J.-Cl. *Anthropologie historique* // *Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre*. 2008. № 2. – URL: <http://cem.revues.org/index8862.html> (дата обращения: 15.04.2019).

Саезьянова Гульназ Дамировна, кандидат исторических наук, ассистент, Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия; gulnaz.ds@mail.ru

Historical Anthropology of the Middle Ages: traditions and innovations

The establishment of the Group of Historical Anthropology of the Long Middle Ages in France was a new phase in the institutionalization of the current trend in historical science, closely related to the Annales School. The author focuses on scientific traditions and vectors for historical anthropology development. The analysis of the research methodology and issue, the participants and scientific activities shows that today the Group of Historical

Anthropology of the Long Middle Ages is an actor of historical anthropology progress in French Medieval Studies.

Keywords: Historical Anthropology of the Long Middle Ages, French Medieval Studies, Modern Historiography, Annales School, J. Le Goff

Saetzyanova Gulnaz Damirovna Candidate of History, Assistant Lecturer, Kazan State Medical University, Kazan, Russia; gulnaz.ds@mail.ru

УДК 930(450) "19"

Селунская Н.А.

Школа «Анналов» и итальянистика XX в.: медиевист и мыслитель Пьер Тубер

В данной работе анализируется роль французской историографической мысли в развитии итальянистики, дается оценка особой роли представителя третьего поколения школы «Анналов» Пьера Тубера в развитии исследований итальянского средневековья, подчеркиваются особенности его научного вклада в проблему изучения региональной истории, истории «озамкования» и создания систем личных связей.

Ключевые слова: историография, итальянистика, Средневековая история, «Анналы»

XX век – золотой век итальянистики, которая постоянно стремилась первой опробовать инновации в области исторических исследований. Популярные изложения истории историографической школы «Анналов» (от учебников до Википедии) противопоставляют линию развития исторической мысли во Франции и исторической мысли в Италии, прежде всего, линия развития «Анналов» противопоставляется микроистории как наиболее известной историографической тенденции, но, по сути, не только микроистории, а исторической школе Италии в целом. Этот взгляд требует корректировки, по моему мнению.

В любом мифе есть некоторое рациональное зерно, в данном случае, достаточно легко, особенно при беглом знакомстве с темой, поверить, что итальянская историография и историография французская являлись ярыми соперницами, а микроистория и вовсе возникла в 1970-е годы в Италии благодаря усилиям Леви и Гинзбурга именно как реакция на увеличение влияния среди западноевропейских исследователей социальной историей в интерпретации представителей школы «Анналов».

Однако, при таком противопоставлении теряется одна из важных доминант школы «Анналов», а именно развития исследований по итальянистике третьим поколением школы. Прежде всего следует

проанализировать вклад итальяниста Пьера Тубера, историка-исследователя процесса «озамкования» и создания сопутствующих ему систем личных связей, региональной истории и ее «структур» (на примере региона Лация), который также является и исследователем средневекового права, итальянских статутов общин [5; 6; 9; 10; 11].

Пьер Тубер вместе со своим коллегой и соратником Ле Гоффом воплотил собой целый этап развития традиции «Анналов», собственно, создав историографию третьего поколения школы. Это поколение историков школы Анналов появляется в академическом мире почти параллельно с трендом Микроистории и Case studies в медиевистике, но еще в тот момент, когда сохранялось влияние на историков элементов структурализма и марксизма. Пьер Тубер всегда был исследователем с четкой идеологической позицией (левого дискурса), мыслителем, способным восхититься теоретическими построения социологов и философов, лингвистов и антропологов культуры, оценить подчас провокационные идеи совершенно разных мыслителей, таких, как Малиновский, Альтюссер, Бурдьё, поскольку и сам является мыслителем.

При этом в области собственно исторических, медиевистических исследований Тубер всегда был бунтарем, который противопоставил свои штудии итальяниста образцам типовых исследований по истории Севера Франции и Англии, современных его диссертационной работе и выходивших во Франции. С другой стороны, по отношению к работам итальянских историков разных толков от Табакко до Фругони Тубер испытывал восхищение, о чем неоднократно говорил в своих интервью.

На мой взгляд, точно так и тренд Микроистории возник в Италии не как сигнал конфронтации с влиянием французской историографии школы «Анналов», но как противодействие собственному национальному историографическому тренду юридической и экономической истории, а также рутинному краеведению. Пьер Тубер как исследователь итальянского средневековья был достаточно близок историографическим позициям, ориентирам и направлениям, предшествовавшим расцвету микроисторического анализа. Тубер также развивал собственный подход к региональным исследованиям, которые являлись альтернативой и новой микроистории, и традиционному краеведению.

Можно признать некоторые моменты различия национальных исторических школ и идеологических ориентиров, можно говорить и о поиске альтернатив «Анналам» в итальянистике 70–80-х и далее, но все же эта школа играла заметную роль и в Италии. И, наоборот, представители «Анналов», занимаясь проблемами развития Средиземноморья, не могли не взаимодействовать с традиционной

и микроисторической итальянистикой. Со стороны итальянистов всего мира, в т.ч. специалистов-историков – представителей Италии, никогда не отрицался ни огромный вклад Пьера Тубера, ни его предшественников, связанных с «Анналами». Более того, основной труд Тубера стал рецензироваться почти одновременно в Италии, Франции, России (СССР) почти сразу после выхода публикации и продолжает привлекать внимание специалистов-рецензентов вот уже почти половину столетия [1; 2; 3].

Сам Пьер Тубер говорит об итальянских историках Табакко и Виоланте и их избранных трудах [12; 13], прежде всего как об историографических ориентирах, повлиявших на него самого, а соответственно, и на весь историографический путь школы «Анналов» (коль скоро именно Тубер являлся и является одним из важнейших представителей исторической мысли «Анналов»).

В плане информативности монументальное исследование П. Тубера, касающееся структур Лация и Сабини, впечатляет любого читателя. Естественно, нельзя не признать, что эта монография Тубера стала важным этапом в развитии историографии Лация и Папских земель. Но эта работа настолько же известна по названию и настолько часто упоминаема в библиографических обзорах, насколько же мало использована по сути (большинством охотно цитировавших Тубера и включавших его монографию в библиографические списки). Оценивая вклад школы «Анналов» и ее представителя Пьера Тубера в итальянистику, необходимо прежде всего говорить о подходах к исследованию региональной истории, которые наметил Турбер, изучая структуры Лация.

Тубер избрал для изучения один из самых противоречивых по характеру развития краев Италии и один из самых мало изученных и изучаемых периодов. Экономическое развитие земель Папской области более позднего периода сравнительно мало анализировалось, поскольку оно не укладывается в рамки стереотипа восприятия Италии как флагмана развития Европы, примера социально-экономических преобразований: здесь была менее разнообразная специализация отраслей ремесла и торговли по сравнению с регионами Тосканы и Ломбардии, отсутствие экономически доминирующего городского центра и слабость коммунальной демократии не давали возможности найти параллелей с городским расцветом и возрождением *цивитас* центральной и северной Италии.

Предшествовавший же «коммунальному» этап истории период «озамкования» вызывал принципиально иные трудности у исследователей. Не хватало общей оценки и целостного взгляда, не хватало ответа на вопрос о возможных критериях регионального единства. Ни природно-ландшафтные особенности, ни экономические

факторы не способствовали складыванию единства земель Папской области. Тем не менее на этом локальном уровне существовал определенный ряд типичных зависимостей и взаимосвязей, выстраивания систем персональных связей, взаимоотношений города и контадо. Многообразное значение и функции замков и процесса средневекового озамкования внимательно рассматривается в итальянистике во многом благодаря трудам Тубера [7; 8].

Можно предположить, что важным шагом к уяснению сложной структуры Лация объекта исследования региональной истории стала способность выделить критерии формирования систем подчинения и соподчинения коммун в папских землях, что и было осуществлено Тубером в его фундаментальном труде. Естественно, логика развития сеньориального господства церкви отнюдь не самоочевидна и прямолинейна. Однако наиболее сложной составляющей исследований Папской области, на мой взгляд, является выходящая за рамки институциональной истории тема изучения социально-правовых связей, норм, гарантий (которые создавались как между сеньорами и общинами, так и между самими общинами). Весьма важен вопрос о том, как взаимодействовали общины контадо с другими, более мощными институтами, корпорациями или коммуной крупного города. Такой важнейший механизм подчинения (как индивидуального, так и коллективного), каким являлось создание системы вассальных связей, различным образом трактуют работы историков и представителей тренда культурной антропологии, а изложение вопроса с точки зрения историка права охватывает сложный комплекс юридических отношений – от прав юрисдикции до прав землевладения.

На мой взгляд, разнообразие проявлений сеньориальной власти в Папской области и форм ее взаимодействия с более или менее автономными общинами было рассмотрено Тубером под девизом изучения структур Лация более обстоятельно и успешно, чем это делалось по той же теме с использованием концептов микроисторического исследования. Роль регионального фактора, который последовательно изучал и изучает Пьер Тубер, стала восприниматься как важнейшая проблематика среди итальянистов в самой Италии, что способствовало развитию понятий о территориальном и региональном государстве. Хотя Тубер, как и другие представители «Анналов», пытался создать именно школу, коллективное действие историков, семинар под собственным руководством, никто из учеников мастера во Франции не встал с ним вровень и даже не унаследовал его тему и подход. Пожалуй, с оговорками, можно назвать продолжением линии Тубера (талантливое источниковедение и неомарксистский курс) в итальянистике за пределами Италии

англоязычные инновации, которые переводятся на итальянский язык и находят отклик [14].

Библиография

1. Бессмертный Ю.Л. P. Toubert. Les structures du Latium médiéval. Le Latium méridional et la Sabine du IXe siècle à la fin du XIIe siècle. Ecole Française de Rome, Palais Farnèse. Rome, 1973, XXIX—1500 p. et XV. П. Тубер. Структуры средневекового Лациума. Южный Лациум и Сабиния с IX до конца XII вв. Рим, 1973 // Средние века. 1976. №40.
2. Fumagalli V. L'incastellamento come fatto di organizzazione fondiaria nel Lazio di Toubert e nell'Italia settentrionale padana // *Quaderni storici*. Vol. 11, No. 32 (2), Imprenditorialità e speculazione nell'unità italiana (maggio/agosto 1976). P. 766-771.
3. Lauwers M. LA STORIA MEDIEVALE SECONDO PIERRE TOUBERT // *Studi Classici e Orientali*. Vol. 58 (2012) / P. 215-237. – URL: https://www.jstor.org/stable/24189405?seq=1#page_scan_tab_contents
4. Published by: Società editrice Il Mulino S.p.A. – URL: <https://www.jstor.org/stable/43776283>
5. Toubert P. Dalla terra ai castelli. Paesaggi, agricoltura e poteri nell'Italia medievale. Torino, Einaudi, 1997.
6. Toubert P. Histoire de l'Italie médiévale // *L'histoire médiévale en France. Bilan et perspectives*. P.: Seuil, 1991.
7. Toubert P. Incastellamento // *Dictionnaire du Moyen Âge* / Éd. par C. Gauvard, A. de Libera et M. Zink. P.: PUF, 2002. P. 707–711.
8. Toubert P. L'incastellamento, mode d'emploi // *Les sociétés méridionales à l'âge féodal. Hommage à Pierre Bonnassie*. Toulouse: CNRS-Université de Toulouse-Le Mirail, 1999. P. 119–124.
9. Toubert P. La liberté personnelle au haut Moyen Âge et le problème des "arimanni" // *Le Moyen Âge*. 1967. Vol. 73. P. 125–144.
10. Toubert P. Les statuts communaux et l'histoire des campagnes lombardes au XIVe siècle // *Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École Française de Rome*. 1960. Vol. 72. P. 397–508.
11. Toubert P. Les structures du Latium médiéval. Le Latium méridional et la Sabine du IXe siècle à la fin du XIIe siècle. Rome; Paris: École française de Rome, 1973.
12. Toubert P. Préface // Tabacco G. *L'Italie médiévale. Hégémonies sociales et structures du pouvoir*. Chambéry: Université de Savoie, 2005.
13. Violante C. *La società milanese nell'età precomunale*. Bari: Laterza, 1953.
14. Wickham Ch. *Sonnambuli verso un nuovo mondo. L'affermazione dei comuni italiani nel XII secolo*. Roma, Viella, 2017.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИВИ РАН, Москва, Россия; Liquidmodernity@gmail.com

Annales and Italian studies in XX c.: Medievalist and thinker Pierre Toubert

The paper deals with the analysis of the impact of French historiography in the Italian studies and the special role of P. Toubert as the representative of 3rd generation of Annales in the research on the field of Italian medieval history, in particular the process of "incastellamento" and the creation of the system of personal links.

Keywords: Historiography, Italian studies, Medieval history, Annales

Selunskaya Nadezhda Andreevna, Candidate of History, Senior researcher Center for Intellectual History, Moscow Russian academy of Sciences, World History Institute, Moscow, Russia; Liquidmodernity@gmail.com

Тоштендаль-Салычева Т.А.

“Scandia” – шведские “Annales”?

Новое направление в шведских исторических исследованиях начала XX века

В статье предлагается сравнительный анализ шведского журнала “Scandia” и французского “Annales”, общие признаки возникновения которых были очень похожи. Автор связывает появление скандинавского журнала со сменой парадигм в шведских исторических исследованиях начала XX века и показывает ведущую роль в этом процессе Лаурица и Курта Вейбуллей.

Ключевые слова: “Scandia”, “Annales”, братья Вейбулли, шведская историография, критика источника, научная школа, научное направление

Развитие науки всегда происходит одновременно по многим направлениям, и каждая новация обусловлена достижениями в смежных, а порой и в достаточно отдаленных друг от друга областях. Гуманитарные исследования не являются исключением. В предлагаемой статье речь пойдет о процессах, связанных со сменой парадигмы в шведской историографии в первые два десятилетия XX века, а более конкретно – о выходе в конце 1920-х годов нового исторического журнала Scandia. Tidskrift för historisk forskning («Скандия. Журнал исторических исследований»), внешние обстоятельства появления которого во многом напоминают соответствующие события, связанные с созданием французских Annales d'histoire économique et sociale («Анналы экономической и социальной истории»).

Условия возникновения обоих журналов были удивительно похожи. Прежде всего – время: первый номер шведского увидел свет в 1928 году, на год раньше французского. Во Франции против устаревшей столичной парижской школы выступили историки из Стасбурга, а в Швеции ученые сконской провинции из университета Лунда (до 1658 года территория Сконе принадлежала Дании) бросили вызов консервативному историческому сообществу научной столицы страны Уппсале. И в Швеции, и во Франции идеологическая платформа ученых новых журналов зиждилась на радикально-либеральных позициях и демократических взглядах. И, наконец, личная дружба Марка Блока и Люсьена Февра во Франции составляла параллель отношениям шведа Лаурица Вейбулля и датчанина Эрика Арупа. Эти личные и творческие контакты сыграли решающую роль в вопросе рождения новых журналов как в Швеции, так и во Франции.

В статье «Скандия – журнал с иным пониманием» первая женщина-профессор истории в Швеции Биргитта Уден писала: «Совершенно очевидно, что и Вейбуль, и Аруп были воодушевлены теми же чувствами, что и историки, сгруппировавшиеся вокруг *Annales*: традиционное историческое исследование было посредственным, и должно было произойти изменение. Средством такого изменения стал журнал с "иным пониманием"» [2, S. 187].

На последней странице нового шведского журнала был помещен сформулированный его титульным издателем – Лаурицем Вейбуллем – текст, который определял кредо нового направления в шведской историографии: «Скандия. Журнал исторических исследований» выбирает историю скандинавского Севера в качестве исследовательского поля. В рамки этого поля включаются темы большого культурного, социального и политического значения для жизни отдельных североευропейских народов и государств, а также проблемы взаимоотношений между этими странами.

Задачей данного журнала является проведение более строгого источникововедческого подхода, проявившегося раньше всего в изучении древних грамот и в классической филологии, а теперь в большей степени строго сформулированного и ставшего общепринятым в исторических исследованиях. Журнал постарается отметить всякие тенденции, чуждые чисто научному воззрению и будет стремиться к безусловной объективности. Принятие позиций, продиктованных национальными, политическими или религиозными преференциями не совместимо с научными принципами, на службе у которых состоит это издание.

Цель исторической науки заключается в том, чтобы устанавливать исторические факты и на их основе ясно и точно представлять, как в прошлом строилась духовная и материальная жизнь во всесторонней причинной связи. В тех случаях, как это часто бывает, когда имеющийся в распоряжении историка материал не является полным, историк без боязни обязан констатировать его большую или меньшую недостаточность. Исследование, не построенное на исторических фактах, добытых из критически просеянного материала, а вращающееся в трясине свободных предположений и романтических гипотез, не достигнет никаких прочных научных результатов. Стремление данного журнала состоит в создании исторической реконструкции, покоящейся только на достоверных исходных материалах.

В кредо нового журнала подчеркивалась также важная роль рецензий, которые предполагалось печатать на страницах *Scandia*, кроме того назывались страны, авторы которых будут приглашены к сотрудничеству: Швеция, Дания, Норвегия и Финляндия.

Сформулированные Лаурицем Вейбуллем задачи выявили контраст между двумя шведскими журналами: *Scandia* и *Historisk tidskrift*. Так, в программном заявлении *Scandia* культурные и социальные проблемы истории намеренно были выдвинуты на передовые позиции по сравнению с господствовавшей в стране политической историей в ее идеографическом варианте. И в этом повороте проявилась еще одна общая черта шведского и французского новаторских журналов: в обоих случаях налицо было стремление расширить горизонты исторического видения и выработать взгляд на человека и общество в прошлом с учетом существования множества факторов действительности.

Пожалуй, на этом и заканчивается перечисление общих черт между “*Scandia*” и “*Annales*”. Следует признать, что общее между ними скорее носило поверхностный характер, а то, что их отличало, касалось существенных вопросов. Так, например, в приведенных выше задачах шведского журнала в отличие от французского отсутствовало упоминание экономической истории, вместо этого упор делался на историко-культурные исследования. Правда, как отмечает Б. Уден, «культурологический взгляд на историю, представителем которого был Лауриц Вейбуль, не исключал растущего интереса к значению экономических факторов» [2, S. 190].

Если быть придирчиво точным, то в Швеции за новации одинаково радели оба брата Вейбулли: старший – Лауриц (1873–1960) и младший – Курт (1886–1991). Совершенно очевидно, что и Эрик Аруп, и братья Вейбулли не придавали экономическим факторам такого большого значения, как это делал Марк Блок. Экономические вопросы у скандинавов занимали подчиненное положение при рассмотрении «игры персонажей», или роли личности в истории [2, S. 191].

Кроме того, французский журнал М. Блока и Л. Февра был в большей степени восприимчив к идеям материализма и даже марксизма [1, с. 70–71], в то время как шведский был индифферентен или нейтрален по отношению к нему. Л. Вейбуль воспринимал марксизм как «застереотипизированное», чуждое понятие и как «шаблон» [2, S. 191].

К отличительным сторонам французского и шведского журналов относится и их позиция по вопросу методов исторического исследования, в частности, о необходимости применения междисциплинарного подхода. Если в “*Annales*” с порога отменялись традиционные устаревшие принципы написания истории, то в “*Scandia*” критика источника ставилась на первое и главное место, в то время как сам тип методов исторического творчества, по существу, оставался в русле традиций конца XIX века.

В шведской историографии имеются различные точки зрения по поводу степени близости “Scandia” и “Annales”. Если Б. Уден чаще подчеркивала общие черты этих двух журналов, то Р. Тоштендаль не склонен их преувеличивать, он выделяет традиции вейбуллианского направления, уходящие своими корнями в идеи Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, изложенные во «Введении в историческую науку» (1898) [3, S. 113].

Имеет смысл остановиться на понятии «школа» по отношению к научному творчеству и педагогической практике братьев Вейбуллей. В советской и российской традиции укоренился именно термин «школа», часто с добавлением слова «позитивистская». В Швеции историки, пишущие на эти темы, не без дискуссий пришли к единому мнению, что это явление шведской историографии начала XX века следует называть «направлением». Главным сторонником этой точки зрения выступает Рольф Тоштендаль, и его аргументация сводится к тому, что ученики Вейбуллей, начиная с их первого поколения, исповедовали довольно отличные (хотя и родственные) взгляды на основные принципы научного исторического исследования [3, S. 107-108].

Библиография

1. Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М.: «Мысль», 1980.
2. Odén B. Scandia – tidskrift för en annan uppfattning // Historia och samhälle. Studier tillägnade Jerker Rosén. Lund: Studentlitteratur, 1975. S. 179-208.
3. Torstendahl R. & Odén B. Den Weibullska riktningen // Historie-skrivningen i Sverige (redaktörer: Gunnar Artéus, Klas Åmark). Lund: Studentlitteratur, 2012. S. 107-134.

Тоштендаль-Салычева Тамара Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, директор Российско-шведского учебно-научного центра, Российский государственный университет, г. Москва, Россия; Почетный доктор Уппсальского университета (Швеция); tamarats@inbox.ru

Scandia as Swedish Annales? A New Direction in Swedish Historical Research at the Beginning of the 20th Century

The article presents a comparative analysis of the Swedish magazine *Scandia* and the French *Annales*, which have similar features in their origin. The author associates the Swedish magazine's appearance with the paradigm change in the Swedish historical research at the beginning of the 20th century and demonstrates the leading role of Lauritz Weibull and Curt Weibull in this process.

Keywords: Scandia, Annales, the Weibull brothers, Swedish historiography, strict scrutiny of sources, historical “scientific” school, historical “scientific” direction

Torstendahl Salytjeva Tamara, Candidate of History, Associate Professor, Director of the Russian–Swedish Center for Education and Research, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, Honorary Doctor of Uppsala University (Sweden); tamarats@inbox.ru

Раздел 2

ИСТОРИК В ИСТОРИИ: ЛИЧНОСТЬ, ТРУДЫ, КОММУНИКАЦИИ

Система научных коммуникаций в науке

УДК 930.1"18"

Алеврас Н.Н., Скворцов А.М.

Проблемы историографии и методологии истории в диссертациях российских историков первой половины XIX в.

Работа выполнена в рамках проекта, посвящённого диссертационной культуре дореволюционных историков. Анализируя проблематику диссертаций первой половины XIX, авторы пришли к выводу, что молодое формирующееся научное сообщество существенное значение придавало философским и методологическим рассуждениям.

Ключевые слова: диссертационная культура, учёная степень, диссертация, историография, историки России

Первые десятилетия формирования университетской системы в России и профессионального исторического знания пришлось на период известной полемики вокруг «Истории» Н.М. Карамзина и совпали с активным рецептивным процессом усвоения теоретико-методологических и философских инноваций, воспринимаемых из опыта западноевропейской науки [1, с. 129-137]. Это стало предпосылкой актуализации отмеченной проблематики.

Из 409 защищенных в российских университетах в XIX– начале XX в. диссертаций по историческим наукам, на первую половину XIX столетия пришлось 85, или 20,78 % от их общего числа. Из данного количества диссертаций нами выявлено 14 работ, которые можно квалифицировать как историографические и методологические по своему замыслу и содержанию.

Представим интересующую нас микро-группу соискателей ученых степеней и их исследований в системе некоторых

статистических характеристик. Лидером в создании «методологических» диссертаций историков оказался Харьковский университет [2, с. 244-264], где было защищено 9 работ данного типа. Три диссертации были подготовлены в Московском, по одной – в Санкт-Петербургском и Киевском (Св. Владимира) университетах. Хронология защит свидетельствует, что в период становления университетской и диссертационной систем особо выделяются 1820–1830-е гг. В этот период из рассматриваемой группы было защищено 10 диссертаций. Характерно, что в период подъема интереса к созданию историографических и методологических диссертаций общая диссертационная активность была еще весьма скромной (всего 23 диссертации). На долю методологически ориентированных диссертаций этих десятилетий пришлось соответственно 43,47 % от числа работ, защищенных в изучаемый период.

Пик общей диссертационной активности в рамках первой половины XIX в. пришелся на 1840–1850-е гг., когда было защищено уже 58 диссертаций (68,23 % от их числа в первой половине XIX в.). Но в это время интерес диссертантов к тематике отмеченного типа стал резко падать: всего 6,9 % работ. В 1840–50-е гг. в пространстве действия Устава 1835 г. и Положения об ученых степенях 1844 г. было защищено три методологически ориентированных диссертации, в первой половине 1860-х гг. – одна. Имеется в виду историографическая по типу докторская диссертация харьковского историка М.Н. Петрова, опубликованная им в виде монографии еще в 1861 г., а защищенная в Московском университете в 1865 г. уже по условиям новых версий Устава 1863 г. и Положения об ученых степенях 1864 г.

В поле нашего внимания находятся группы диссертаций историков-всеобщников и историков-русистов. Диссертации по всеобщей истории чаще имели прикладной характер, их тематика дублировала преподаваемые соискателями учебные курсы либо же являлась, по сути, вступительной лекцией к историческому курсу, где выражалось понимание автором предметного поля науки о прошлом. Отсюда следует большой хронологический и проблемный охват защищаемых работ: И.А. Ставровский (1841) предпринял попытку исследовать средневековье как часть всемирно-исторического процесса и с позиций истоков современных ему явлений; И.А. Сливцкий (1839) изучал влияние колоний на политические перевороты Нового времени; А.Л. Метлинский (1839) осмыслил понятие «цивилизация» и его основные элементы. Диссертанты философски трактовали заявленные проблемы, опираясь главным образом на современную им западную литературу и практически не работая с историческими источниками. Показательна характеристика источников

по истории средних веков, данная Ставровским: «тощие и бесвязные монастырские иносказательные рассказы». В этих словах кроется подход автора: отсутствие интереса к критическому осмыслению источников и апеллирование к уже готовым выводам зарубежных коллег. Сливацкий, доказывая прогрессивное влияние колоний на общественную жизнь Европы, также не прибегает к данным документов, а излагает общеизвестные факты, впрочем, делает это довольно изящно. Соискателям важно было проявить не столько научные способности в области всеобщей истории, сколько умение синтезировать и литературно обработать известный материал, продемонстрировав свой педагогический талант. Однако в диссертационных исследованиях во вводной части имеется чёткая постановка проблемы, её актуализация, небольшой историографический обзор, структуризация материала по разделам, что в совокупности свидетельствует о становлении определённых научных канонов.

В работах Н. Корсуна (1824), В.Ф. Цыха (1833), М.Н. Петрова (1861) представлены первые попытки осмысления историографии как научной дисциплины. Зачастую авторы исходили из идеалистических представлений о науке. Так, Корсун видел назначение исторических сочинений в достижении Вечного, Сверхчувственного, сближении с Божественным. Но всё же цель истории диссертанты усматривали (в духе XVIII в.) не в изучении отдельных событий, а в целостном понимании процессов. При этом учёные отходят от представления об узкоспециальном назначении историографии, давая педагогические наставления о том, как не потеряться неопытному читателю в огромном массиве литературы (Цых), характеризуя специальные исторические дисциплины (Корсун), выявляя достоинства и недостатки национальных исторических традиций и отдельных сочинений (Петров). Предпринимаются первые в отечественной науке классификации исторических источников. Так, Цых предлагал их делить на нравственные, политические и религиозные, а саму историю изучать не по отдельным временным периодам, а по географическо-культурным ареалам.

Отдельное место занимает магистерская диссертация И.Н. Среднего-Камашева «О различных мнениях об изящном» (1829). Автора интересовали философские интерпретации истории человечества и оценивание философами сущности и значимости в этом процессе развития искусств и эстетики. Этот подход он сопровождал последовательным сравнительным анализом воззрений древних и «новейших» философов, сохраняя при этом позицию интерпретатора-критика их идей.

Авторы диссертаций по русской истории представлены в лице А.З. Зиновьева (1827), Н.Г. Устрялова (1836), А.Ф. Федотова (1839),

Н.И. Павловского (1852). Их можно отнести к категории первопроходцев в сфере создания основ методологии и историографии русской истории. При этом каждый из диссертантов выступил на этом поприще в своем амплуа. Зиновьев явился основателем историографического жанра; Федотов существенно обогатил пространство русской историографии и, задав критический угол зрения в адрес «Истории» Н.М. Карамзина, подвел промежуточные итоги известной полемики по этому вопросу. Устрялов представил проект методологии русской истории, опиравшийся на «прагматический» подход и сопровождавшийся попыткой выработать общие принципы и правила ведения исторических исследований. Особое место занимает рукописный текст диссертации Павловского: он в ее названии одним из первых использовал термин «историография» и предложил свою версию направлений в русской исторической науке первой половины XIX в.

Библиография

1. Киселёва Ю.А. Истоки становления историографии как учебной дисциплины в Харьковском университете: первая треть XIX века // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. Вип. 10.
2. Куценко Н.А. Из истории российского кантоведения. Харьковская философская школа первой половины XIX века // Кантовский сборник. 2009. Вып. 1.

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия; vhist@mail.ru

Скворцов Артём Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия; artjom-skvorcov@yandex.ru

Problems of historiography and methodology of history in the dissertations of Russian historians first half of the XIX century

The work was carried out as part of a project dedicated to the dissertation culture of pre-revolutionary historians. Analyzing the problems of dissertations of the first half of the XIX century, the authors came to the conclusion that the young emerging scientific community attached significant importance to philosophical and methodological considerations.

Keywords: dissertation culture, scientific degree, dissertation, historiography, Russian historians

Alevras Natalia Nikolaevna, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia; vhist@mail.ru

Skvortsov Andrei Mihailovich, Candidate of History, Associate Professor, Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia; artjom-skvorcov@yandex.ru

Гришина Н.В., Выдрин О.В.

Траектории академических карьер историков-всеобщников XIX – начала XX вв.

На основе введённого авторами понятия «диссертационная культура» презентуются процессы формирования среды учёных в российских университетах. В статье представлен выборочный анализ созданной базы данных о диссертантах и диссертациях по историческим наукам. В частности, анализируются академические карьеры историков-всеобщников.

Ключевые слова: диссертационная культура, историко-научное сообщество, база данных, университет

В основу данной публикации положена созданная авторами база данных об историках-диссертантах и диссертациях по истории, уже введенная в научный оборот [1]. Обобщённые показатели базы содержат сведения о 280 диссертантах и 409 диссертациях. Из общего числа диссертаций, вошедших в базу данных по разряду «всеобщая история» было защищено 129 диссертаций (45 докторских, 84 магистерских). Подчеркнем, что к историкам-всеобщникам мы также относим ученых, защитивших диссертации, объект изучения которых исторический, но защищены они были по философии, греческой, римской, восточной, славянской словесности, классической филологии, истории Востока и некоторым другим научным разрядам. Эта группа представлена 136 диссертациями (среди которых 81 магистерская и 55 докторских). Общее число диссертаций, подвергшихся исследованию в данной публикации, – 265, они принадлежат 180 авторам. Таким образом, число историков-всеобщников в общем количестве диссертантов историков составляет без малого 65 %.

Опираясь на классификацию российских университетов на столичные (Московский, Санкт-Петербургский), региональные (Казанский, Новороссийский, Киевский, Харьковский) и приграничные (Дерптский, Варшавский), предложенную авторами проекта под руководством Труде Маурер [2], мы попытались выявить особенности «диспутной миграции» [3, с. 8] и академических карьер историков-всеобщников.

Распределение защит диссертаций историками-всеобщниками по университетам выглядит следующим образом. Первое место принадлежало Петербургскому университету, в котором всеобщниками было защищено 74 магистерских и 49 докторских диссертаций.

Лидерские позиции Петербурга подкреплялись наличием в нем Восточного факультета, давшего 28 диссертаций исторической проблематики. Можно отметить, что, судя по статистике защит, в Петербурге сложились более сильные традиции изучения всеобщей истории по сравнению с отечественной историей. Второе место было у Московского университета, где было защищено 33 магистерских и 23 докторских диссертаций. При этом Москва более чем в 2 раза отставала от столицы, но в то же время отрыв двух столичных университетов от всех остальных был весьма существенным. На третьем месте оказался Дерптский университет с 20 магистерскими и 7 докторскими диссертациями. Далее вузы расположились следующим образом: Харьковский – 13 и 7; Университет Св. Владимира (Киевский) – 14 и 5; Казанский – 5 и 4; Новороссийский – 2 и 4; Варшавский – 4 и 1 соответственно. Таким образом, в выстраиваемом рейтинге за лидирующими столичными университетами следовал Дерптский университет, а дальше разместилась группа региональных вузов.

«Диспутная миграция» при выборе университета для защиты диссертации у историков-всеобщников была невысокой, как и в целом в историко-научном сообществе (83 % магистров оставались в своем университете для защиты докторской диссертации) [1]. Из 63 магистров-всеобщников, чьи диспуты прошли в столичных университетах, 56 (89 %) защитили докторские диссертации в Москве или Петербурге; 5 – в региональных (к примеру, В.И. Модестов, В.К. Надлер); 2 – в приграничных университетах (один из них А.Г. Брикнер).

Тенденция защиты в *alma mater* несколько сглаживается применительно к региональным и приграничным университетам. Так, из 20 магистров, защитивших диссертации в региональном вузе, только 12 (60%) для защиты докторской предпочли университет той же категории, остальные защищались в столичных университетах. К примеру, И.В. Лучицкий, защитивший магистерскую диссертацию в Казанском университете, получил докторскую степень в Санкт-Петербурге. Такая же карьерная траектория была у востоковеда И.Н. Березина. Д.М. Петрушевский и Е.В. Тарле «мигрировали» для защиты докторской диссертации из Киевского университета в Москву и Санкт-Петербург соответственно. Из 8 магистров приграничных вузов 5 (62,5 %) выбрали в качестве мест защиты докторских сочинений Дерптский университет; 2 защищались в столичных университетах; 1 – в региональном.

В целом пик академической мобильности пришлись на 1860-е, 1880-е, 1900-е гг. Вероятно, это было связано с введением в действие новых уставов университетов и реформированием

диссертационной системы. Отметим, что в эти десятилетия в целом наблюдается нарастание числа диссертационных диспутов. Со второй половины XIX в. столичные университеты начинают притягивать все большее количество диссертантов. При этом диссертанты, защищавшиеся в других университетах, часто находили место службы в некотором третьем месте, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что они находились вне складывающихся в университетах научных школ, а их карьерные перспективы в *alma mater* изначально были туманными.

Библиография

1. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Выдрин О.В. Диссертационная культура российских университетов XIX – начала XX века // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 100-110.
2. Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
3. Якушев А.Н., Кузнецов А.В. История русской диссертации в исследованиях Г.Г. Кричевского // Омский научный сборник. Серия «Общество. История. Современность». 2007. № 3.

Гришина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия; natalyagrishina@mail.ru

Выдрин Олег Владимирович, старший преподаватель, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия; vydrin.oleg@gmail.com

Academic Career Trajectories universal historians of the 19th - early 20th centuries

Relying on the notion of “dissertation culture”, the authors focus on the emergence of academic environment at Russian universities. The paper provides a selective analysis of the database based on the authors and their dissertations on historical sciences. In particular, the academic careers of universal historians are analyzed.

Keywords: dissertation culture, historical academic community, database, university

Grishina Natalya Vladimirovna Candidate of History, Associate Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia; natalyagrishina@mail.ru

Vydrin Oleg Vladimirovich, Senior Lecturer, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia; vydrin.oleg@gmail.com

Ауров О.В.

Научное наследие С.Д. Червонова (1955–1988) и его роль в развитии российской испанистики

Сергей Дмитриевич Червонов (1955–1988) заложил основы исследования социально-экономической и правовой истории испанского средневекового города, показал ранее недооцененные возможности фуэро (памятников средневекового городского права Кастилии и Леона) как исторического источника, положил начало публикации кастильских рукописных материалов из российских собраний, проявил себя как замечательный педагог. Трагическая гибель прервала его жизненный и творческий путь, однако, лучшее из сделанного им получило дальнейшее развитие в трудах российских испанистов.

Ключевые слова: история средневековой Испании, советская медиэвистика, В.К. Пискорский, испанский средневековый город, королевство Кастилия и Леон

Жизненный и творческий путь Сергея Дмитриевича Червонова (1955–1988) оказался трагически кратким. Ныне его имя известно лишь узким специалистам [2; 14; 15; 16]. Между тем, его научное и педагогическое наследие занимает существенное место в истории отечественной испанистики; ему и посвящен настоящий доклад.

Выпускник Московского университета, любимый ученик А.Р. Корсунского, С.Д., после смерти последнего, стал его преемником на кафедре истории Средних веков Исторического факультета МГУ в качестве специалиста по истории средневековой Испании.

Как исследователь-медиэвист С.Д. изначально занимался военно-политическими проблемами истории ранней Реконксты (VIII–X вв.). Впоследствии, в аспирантуре, по инициативе А.Р. (в последние 10 лет жизни активно занимавшегося историей Высокого Средневековья [4]), С.Д. обратился к истории средневекового города XII–XIII вв. Убежденный марксист, он занимался, в первую очередь классической социально-экономической историей, проблемой соотношения торгово-ремесленных и сельскохозяйственных занятий в структуре хозяйства городских поселений центральной Испании. В этой сфере ему удалось сделать ряд важных наблюдений, касающихся истории сукноделия, упадок которого в исследуемом регионе, как было аргументировано доказано С.Д., являлся реалией относительно позднего периода, начиная с XVI в., тогда как в XII–XIII вв. ситуация была еще принципиально иной.

Кроме того, в процессе своей работы на основе анализа всех доступных видов источников – нарративных, нормативных и документальных (с естественным для марксиста акцентом на последних двух видах), – впервые в отечественной историографии С.Д. дал всесто-

роннее описание оригинального института местной власти – кастильско-леонской территориальной общины (консехо), уделив особое внимание роли последней как элемента военной организации королевства Кастилия и Леон. Несмотря на время, прошедшее с момента написания диссертации (1982 г.), многие наблюдения С.Д. в этой области сохраняют научное значение до сих пор.

В процессе исследования С.Д., не имевший возможности работать в испанских библиотеках и архивах, сумел выявить в отечественных собраниях и глубоко изучить основные памятники средневекового городского права Кастилии и Леона – поселенные хартии и местные судебники (*фуэро*) [7, с. 444-492]. Основная часть его выводов основывалась на десятках фуэро крупнейшего семейства – т.н. «семейства фуэро Куэнки», получившего распространение в десятках городов и местечек не только центральной Испании, но и Португалии, Арагона и некоторых других. В исследовании частно- и публично-правовых актов он одним из немногих обратился к неизданным текстам, осуществив в 1983 г. публикацию двух неизвестных редакций договора между Кастилией и Генуей 1146 г. из собрания архива ЛОИИ АН СССР [7, с. 227-237].

Разумеется, многие выводы С.Д. о характере института консехо отражают представления его времени [11]; часть из них в мировой науке была скорректирована уже к середине 1980-х гг. [1, с. 19-58; 9, р. 12]. Понимание социального и правового статуса и военных функций местного рыцарства в сформулированной им концепции также далеко от современной историографической ситуации [3; 5; 6; 13]. Однако и поныне достоинством его исследований являлся их комплексный характер. За диссертацией последовала серия статей, которая должна была завершиться монографией. Трагическая гибель прервала эту работу. Замысел С.Д. удалось осуществить уже без него и лишь частично [7].

Его гибель пришлось на время, когда он вступал в период профессиональной зрелости и как исследователь, и как педагог. Новая эпоха, начинавшаяся в истории страны и принесшая с собой и колоссальные трагедии, и невиданные ранее возможности, прошла уже без него. Однако его ученики (а также ученики его учеников), опираясь на его выводы и наблюдения и применяя усвоенные под его руководством знания и навыки, сумели найти свое место в этой новой реальности и продолжить дело учителя.

Библиография

1. Ауров О.В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII – середине XIV вв. М.: ИЦ РРГУ, 2012. 581 с.
2. Ауров О.В. Изучение истории средневековой Испании в России и СССР. Люди, эпохи, идеи //Исторический вестник. 2015. Т. 12 (159). С. 398-425.

3. Контамин Ф. Война в Средние века. М.: ИД «Ювента», 2001. 416 с.
4. Корсунский А.Р. История Испании IX–XIII веков. (Социально-экономические отношения и политический строй Астуры-Леонского и Леона-Кастильского королевства). М.: Высшая школа, 1976. 239 с.
5. Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. М.: Евразия, 1999. 314 с.
6. Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М.: Молодая гвардия, 2006. 356 с.
7. Червонов С.Д. Испанский средневековый город / Редакторы-составители О.В. Ауоров, Е.И. Щербакова, Н.И. Мойса, А.А. Астайкин. СПб.: Евразия, 2018. 496 с.
8. Carmen Carlé M. Del concejo medieval castellano-leonés. Buenos Aires: Instituto de Historia de España, 1968. 295 p.
9. Martínez Díez G. Las Comunidades de la Villa y Tierra de la Extremadura Castellana (Estudio Histórico-Geográfico). Madrid: Editora Nacional, 1983. 685 p.
10. Martínez Llorente F.-J. Régimen jurídico de la Extremadura Castellana Medieval. Las Comunidades de la Villa y Tierra (s. X–XIV). Valladolid: Secretario de Publicaciones. Universidad de Valladolid, 1990. 494 p.
11. Martínez Moro J. La Tierra en la Comunidad de Segovia. Un proyecto señorial urbano (1088–1500). Valladolid: Universidad de Valladolid. Secretariado de Publicaciones, 1985. 252 p.
12. Monsalvo Anton J.M. El sistema político concejil. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 1988. 494 p.
13. Powers J. F. A Society organized for War. The Iberian Municipal Militias in the Central Middle Ages, 1000–1284. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1988. 365 p.
14. Savenko J.V. Estado y perspectivas de la investigación de la historia del derecho europeo en Rusia. La Edad Media y los comienzos de la Edad Moderna // Anuario de Historia del Derecho Español. 2005. No. 75. P. 611–640.
15. Savenko J.V. Los estudios de fueros y diplomas medievales castellano-leonés en Rusia // Los Fueros de Sepúlveda. II Symposium de Estudios Históricos de Sepúlveda/Coord. J. Alvarado Planas. Madrid: Editorial Centro de Estudios Ramón Areces, S.A.; UNED, 2006. P. 273–304.
16. Variash O. Los estudios medievales en la Rusia actual // Medievalismo. Revista de la Sociedad Española de Estudios Medievales. 1995. Núm. 5. P. 257–261.

Ауоров Олег Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия; olegaurov1@yandex.ru

Scientific Heritage of Sergey D. Chervonov (1955–1988) and its part in the Hispanic Studies development in Russia

Sergey D. Chervonov (1955–1988) was a founder of studying socio-economic and legal history of medieval Iberian (Castilian and Portuguese) city in the USSR. He showed the possibilities of *fueros* (medieval municipal charters and codes of Castile and Leon) as a class of the primary sources in urban history. He was a pioneer in Spanish medieval manuscripts publication in Soviet historiography. He was a brilliant teacher. His tragical death interrupted his life, but the bests of his ideas were developed in Hispanic Studies in contemporary Russia.

Keywords: medieval history of Iberia, medieval studies in the USSR, Wladimiro Piskorskiy, Iberian medieval city, medieval kingdom of Castile and Leon

Auorov Oleg Valentinovich, Candidate of History, Assistant Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; olegaurov1@yandex.ru

Бурганова Л.А.

Альбион Вудбери Смолл – первый декан социологического факультета Чикагского университета

В статье анализируется деятельность первого декана социологического факультета Чикагского университета. Определяется вклад А. Смолла в теоретическое и организационное оформление социологии в Новом свете.

Ключевые слова: американская социология, социологический факультет, Чикагский университет, учебник по социологии, нравственно-этическое основание социологии, Американский социологический журнал, Чикагская социологическая школа, А.В. Смолл, Дж. Винсент

Альбион Вудбери Смолл (1854–1926) – одна из самых ярких фигур в американской социологии конца XIX – начала XX вв. Он внес крупный вклад в профессиональное и организационное оформление американской социологии. Подобно многим ранним американским социологам он не имел специальной социологической подготовки. Альбион Смолл готовил себя к роли священника, обучался теологии в американских учебных заведениях, а также в университетах Германии. Во время обучения в Лейпцигском и Берлинском университетах он познакомился с идеями немецких социальных экономистов Г. Шмоллера (1838–1917) и А. Вагнера (1835–1917), а также с учениями австрийских социологов – органициста А. Шеффле (1831–1903) и социал-дарвиниста Г. Ратценхофера (1842–1904). По мнению Д. Мартиндейла, А. Смолл был одним из немногих американских социологов того времени, серьезно читавшим К. Маркса и испытывавшим влияние его идей [1, р. 129]. Сам Смолл, высоко оценивая вклад Маркса в развитие социальной теории, сожалел о том, что официальная университетская наука не отдает ему должного [2, р. 809–810].

В Америку Смолл вернулся без докторской степени, но с набором идей, составивших основу его теоретической позиции на протяжении всей его научной карьеры. Докторскую степень он получит в 1889 г., завершив курс обучения в университете Джонса Гопкинса. Его диссертация, выполненная в традициях факультета, была посвящена генезису американской нации [3]. Несколько лет А. Смолл посвятил преподаванию истории, политической экономии, социологию в Колби Колледже, где после защиты докторской диссертации вплоть до 1892 г. занимал пост президента.

В 1892 г. Смолл был приглашен на пост главы только что созданного в Чикагском университете социологического факультета – первого специализированного социологического факультета в мировой университетской практике. Тридцативосьмилетний ученый начал свою новую карьеру. Он занимал этот пост до конца своей жизни, воспитав целое поколение социологов. Именно с деятельностью социологического факультета Чикагского университета, который возглавил А. Смолл, связывается прежде всего быстрый рост интереса к социологии в академических кругах США.

Создание социологического факультета в таком городе, как Чикаго, имело особое значение для развития американской социологии и во многом определило ее основную направленность. Чикаго стал для социологов той «лабораторией», где, как, пожалуй, нигде в мире, было представлено самое широкое разнообразие типичных для крупного города социальных проблем. Быстрая урбанизация Чикаго, его промышленный и коммерческий подъем сопровождалась нарастанием экономической эксплуатации, массовыми трудовыми конфликтами, а равно коррупцией в политической сфере.

В Чикаго для Смолла начался период интенсивной исследовательской работы, основные результаты которой нашли отражение в многочисленных научных публикациях. В 1894 г. Смолл в соавторстве со своим аспирантом, а затем коллегой Дж. Винсентом издает «Введение в изучение общества», задуманный как учебник для студентов-социологов [4]. Это был первый в мире учебник по социологии, по которому учились американские студенты вплоть до 20-х гг. XX в. Этот учебник представлял собой оригинальный фундаментальный труд, в котором авторы смогли осуществить синтез и интерпретацию идей таких теоретиков, как О. Конт, Г. Спенсер, А. Шеффле и Л. Уорд.

Самой значительной книгой А. Смолла явилась его «Общая социология» (“General Sociology”), опубликованная в 1905 г. и выдержавшая после этого не одно издание. Прежде всего, А. Смолл представил здесь свое видение этапов развития социологии, уделив значительное внимание анализу теории Г. Спенсера, А. Шеффле и Г. Ратценхофера. Ученый исходил из своей идеи о том, что каждый из этой тройцы разработал ценные для социологии идеи, которые должны быть синтезированы в одну общую методологию. Он попытался подвести под социологию нравственно-этическое основание с тем, чтобы мотивировать необходимость социального реформирования. Его этика приняла форму христианской концепции братства людей. Эта христианско-реформистская позиция Смолла, изложенная здесь, отстаивалась им последовательно на протяжении всей его жизни.

Вслед за этой книгой А. Смолл опубликовал монографию «Адам Смит и современная социология» (“Adam Smith and Modern Sociology”, 1907), примечательную тем, что в ней он стремился представить Адама Смита как предшественника современной социологии. В 1910 г. вышла его книга «Значение социальной науки» (“The Meaning of Social Science”), в которой автор выступил с идеей необходимости унификации социального знания, не исключаяющей, однако, специализации в различных областях науки. В этой работе он подчеркивал, что главной целью социальной науки является обоснованная оценка человеческих ценностей, а также создание более справедливого социального порядка.

Другая его работа «Между эрами: от капитализма к демократии» (“Between Eras: From Capitalism to Democracy”, 1913) представляет собой оригинальное и смелое (в смысле гражданской позиции автора) исследование, посвященное критике капиталистического строя, доказательству его этического банкротства и несправедливости эксплуатации. Как следует из названия книги, основным тезисом Смолла была идея о том, что американское общество находилось в переходном периоде от капитализма к новой стадии, называемой демократией. Г. Барнс считает, что эту книгу Смолла по ее значению можно сравнить со знаменитой работой Веблена «Теория праздного класса», а также с менее известным трудом супругов Вебб «Закат капиталистической цивилизации» [5, р. 775]. Основополагающие принципы и идейные позиции, выдвинутые в “Between Eras”, легли в основу знаменитого смолловского лекционного курса «Классовый конфликт» (“Conflict of Classes”), который – и это весьма показательно – ни разу не издавался в виде книги. Особую известность приобрела работа А. Смолла «Пятьдесят лет социологии в Соединенных Штатах» (“Fifty Years of Sociology in the United States”, 1916), опубликованная первоначально в “American Journal of Sociology”. Она представляет собой источник по истории американской социальной науки, основанный на обширном автобиографическом материале. В ней автор уделил большое внимание анализу развития социологических методов. Многие идеи этого очерка получили свое развитие в его статье «Будущее социологии» (“The Future of Sociology”, 1920). Последней работой Смолла стала его книга «Происхождение социологии» (“Origins of Sociology”), опубликованная в 1924 г. В ней дан анализ основных тенденций развития немецкой социальной науки на протяжении всего XIX в. и влияния последней на становление американской социологии.

Кроме этих книг, Смоллом было опубликовано множество статей в “American Journal of Sociology” по проблемам

методологии науки, часть из которых была позднее собрана и издана в виде книг. Оценивая теоретическое наследие А. Смолла в целом, надо отметить, что вклад его в развитие социологии был весьма значительным, а его организаторская деятельность отличалась размахом и интенсивностью. Он был редактором крупнейшего в мире социологического журнала “American Journal of Sociology”, возглавлял в 1912–1913 гг. Американское социологическое общество. Усилиями Альбиона Смолла Чикагский университет стал известен как авторитетный научный центр в области социологии. Заложенные им исследовательские традиции, на наш взгляд, немало способствовали формированию знаменитой Чикагской социологической школы.

Библиография

1. Martindale Don. American Sociology before World War II // Annual Review of Sociology. 1976. Vol. 2. P. 121-143.
2. Small A. Socialism in the Light of Social Science // AJS. 1912. Vol. XVII. № 6. P. 809-810.
3. Small A. The Beginnings of American Nationality // Johns Hopkins Studies in Historical and Political Science. 1890. Ser. 8. No. 1-2.
4. Small A., Vincent J. Introduction to the Study of Society. Chicago: University of Chicago, 1894. 400 p.
5. Barnes H.E. An Introduction to the History of Sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1917. 960 p.

Бурганова Лариса Агдасовна, доктор социологических наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Россия; labourg@yandex.ru

Albion Woodbury Small – First Dean Faculty of Sociology, University of Chicago

The article analyzes the activities of the first dean of the sociological faculty of the University of Chicago. A.W. Small's contribution to the theoretical and organizational design of sociology in the New World is determined.

Keywords: American sociology, Faculty of Sociology, University of Chicago, textbook on sociology, moral and ethical foundation of sociology, American Sociological Journal, Chicago School of Sociology, A. Small, J. Vincent

Burganova Larisa Agdasovna, Doctor of Sociology, Professor, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia; labourg@yandex.ru

Валеева-Хакимова Р.Р.

Музейные предметы как атрибут российско-британского культурного сотрудничества в XVI–XXI вв. (на примере экспонатов из Королевской коллекции)

В статье изучаются вопросы двустороннего культурного сотрудничества сквозь призму отдельных экспонатов из Королевской коллекции Великобритании, их места в поддержании и развитии культурного диалога, дипломатических и династических связей. Автор анализирует глубокие корни нематериальной духовной близости истории и культуры российского и британского народов. Музейные предметы рассматриваются как свидетельство неподвластной времени связи двух народов и их культур.

Ключевые слова: культурное сотрудничество, российско-британский диалог, живопись, декоративно-прикладное искусство, театр, династические связи

Проведенная в Букингемском дворце выставка «Россия: Королевская семья и Романовы» (9 ноября 2018 – 28 апреля 2019) заставила нас задуматься о культурных связях двух народов, уходящих вглубь веков. Представленные экспонаты пролистывали историю отношений России и Великобритании и их царских семей через войны, союзы, династические браки, начиная от визита Петра Великого в Лондон в 1698 г. до Николая II. Действительно, интересно, как через музейные раритеты – портреты, скульптуры, ювелирные украшения, личные вещи членов королевских семей можно проследить близкие отношения, культурные связи как между правившими монархами, так и между двумя народами в целом.

Культурное сотрудничество двух стран имеет глубокие корни. Считается, что начало дипломатических отношений было положено в 1553 г., когда британский корабль под командованием Ричарда Ченслера, пытаясь отыскать северный морской путь в Индию и Китай, оказался на русском Севере, в устье Двины-реки. Капитан был принят при дворе царя Ивана Грозного, которому и было передано послание от короля Эдуарда VI. Однако, династические отношения известны еще с XI в., а именно брака Владимира Мономаха с Гитой Уэссекской, дочерью последнего англо-саксонского короля Гарольда Гудвинсона, матерью Мстислава Великого.

Большое место в корпусе эпистолярного наследия Ивана Грозного занимает переписка с королевой Елизаветой I (11 писем) [1], которая впоследствии поддерживала переписку с Федором Иоанновичем, его женой, царицей Ириной [5; 6] и Борисом Годуновым

(известно четыре письма королевы к Борису Годунову и одно – от царя к Елизавете, охватывающие период 1597–1603 гг.) [9].

Визит Петра I в Англию в 1698 г. по личному приглашению короля Вильгельма III с целью обучения судостроению и организации морского флота оставило после себя знаменитый портрет царя придворным художником Годфри Неллером.

Георг III, хотя и не посещал Россию, очень интересовался ею, что следует из собрания сочинений в его библиотеке, в которой обнаружено несколько книг о нашей стране, включая ценный литературный источник по истории России начала XVII в. Жака Маржерета «Состояние Российской империи и Великого княжества Московии. С описанием того, что произошло там наиболее памятного и трагического при правлении четырех императоров, именно, с 1590 г. по сентябрь 1606 г.» [12]. Георг IV повелел знаменитому британскому художнику Т. Лоуренсу написать серию портретов ключевых российских офицеров, способствовавших победе над Наполеоном, как, скажем, генерала от кавалерии, старшего генерал-адъютанта Александра I Ф.П. Уварова. Дж. Доу – еще один английский портретист, кисти которого принадлежат портреты русских военачальников, включая Ф.П. Уварова. Многие из его работ хранятся в настоящее время в Государственном Эрмитаже [12].

В XIX–XX вв. упрочнились династические связи России и Великобритании, что нашло выражение и в укреплении культурного сотрудничества. Так, дочь Александра II вышла замуж за сына королевы Виктории герцога Эдинбургского принца Альфреда. Поразительно было внешнее сходство двоюродных братьев Николая II и Георга V, матери которых императрица Мария Федоровна (Дагмар), супруга Александра III, и королева Александра, жена Эдуарда VII, были родными сестрами, дочерьми короля Дании Христиана IX. В Королевской коллекции хранится рамка фирмы К. Фаберже с портретом Марии Федоровны (1895 г.), ставшая, как и многие другие работы Фаберже, частью британского собрания, по мнению А. Гузевой, благодаря схожим вкусам двух сестер [12].

Кроме того, брат Александры и Дагмар, греческий король Георг I был женат на племяннице Александра II Ольге Константиновне (бабушке герцога Эдинбургского Филиппа, мужа королевы Елизаветы II). Кстати говоря, по происхождению принц Филипп являет собой некий пример культурного единства 3 королевских семей Европы как праправнук российского императора Николая I, британской королевы Виктории и правнук короля Дании Христиана IX.

Во время своего последнего визита в Англию летом 1909 г., посещения ежегодной регаты и ужина на яхтах близ острова Уайт Николай II с супругой подарили принцессе Уэльской Мэри (с 1910 г. –

королева Мария) ограненную бриллиантами аметистовую брошь Фаберже [12]. Кроме того, в Королевской коллекции хранятся «Русская брошь» работы Фаберже 1893 г., преподнесенная российской императрицей Марией Федоровной в качестве свадебного подарка Мэри, в то время герцогине Йоркской, а также сапфировая брошь, принадлежавшая самой Марии Федоровне, приобретенная на аукционе в 1934 г. Всего в королевской коллекции находится более 600 наименований изделий Фаберже [2].

Николай II являлся обладателем нескольких высших британских знаков отличия. Королева Виктория провозгласила его рыцарем Ордена Подвязки, король Эдуард VII – почетным адмиралом британского флота, а двоюродный брат Георг V – фельдмаршалом британской армии. Однако, во время революционных событий в России правительство Великобритании сначала дало согласие на предоставление политического убежища российскому монарху, а впоследствии отказало. Личных мемуаров либо дневников, свидетельствующих о позиции самого Георга V, не имеется. Его позиция известна исключительно из официальных сообщений секретарей, дневников друзей и по дипломатической переписке, согласно которым британский король опасался свержения собственной монархии, недовольства британских социалистов и рабочего класса, неприятных последствий для него ввиду крайней непопулярности российской царской семьи как среди элиты, так и среди широких слоев британского общества [4].

В качестве протеста ввиду убийства царской семьи в период холодной войны члены королевской семьи не посещали СССР на протяжении десятилетий. В эпоху перестройки одним из жестов, символизировавших дух примирения, стало согласие королевы в 1990 г. временно передать два яйца Фаберже из личной коллекции для выставки сокровищ Фаберже в Оружейной палате Кремля. Участие экспонатов королевы на выставке в Москве засвидетельствовало на самом высшем уровне потепление в двусторонних отношениях, как бы подчеркнув, что вышеупомянутое событие начала XX в., «не будучи забытым, сегодня принадлежит истории», а современное развитие британо-российских отношений является важным для Великобритании [11, р. 7].

В новейшей истории российско-британских отношений стороны проявляли значительный интерес к музейным выставкам, музейным фондам друг друга. К примеру, во время государственного визита королевы Елизаветы II в Россию в 1994 г. она осмотрела экспозицию Третьяковской галереи, выставку «Великобритания в России», устроенную в Малом театре, приняла участие в торжественном открытии музея «Старый английский двор». В Русском музее была организована

выставка британской скульптуры «Изменяющийся мир. 50 лет скульптуры из коллекции Британского Совета», на которой было представлено 37 работ британских скульпторов XX в. [3].

Программа государственного визита Президента РФ В.В. Путина в Лондон в 2003 г. также включала несколько музейных мероприятий, в том числе посещение выставки сокровищ Фаберже в Королевской галерее Холлирудхаус в Эдинбурге.

В рамках перекрестных Годов культуры (2014) и языка и литературы (2016) прошли выставки Национальной галереи Лондона и Третьяковской галереи. В программу Года науки и образования (2017) также вошли музейные мероприятия, в том числе выставка о достижениях советской космонавтики в Музее науки (Лондон). Как мы видим, выставки экспонатов Королевской коллекции наряду с экспозициями из музейных фондов других музеев являются хоть и небольшим, но важным элементом российско-британского культурного сотрудничества.

Следовательно, в настоящее время культурное сотрудничество сконцентрировано в области нематериального культурного наследия. Народы двух стран интересуются литературой, кино- и театральным искусством, обычаями и традициями друг друга. В России с 1999 г. проводятся фестивали нового британского кино, в Лондоне с 2006 проходит фестиваль российского кино, в 2011 г. организованы российско-британский кинофорум и русский кино клуб в одном из кинотеатров Лондона. В 2005–2009 гг. в Лондоне проводился фестиваль российской культуры «Русская зима». На смену ему в 2009 г. пришел фестиваль «Русская масленица». Российские и британские поэты и писатели знакомят жителей двух стран с наследием друг друга как в рамках Международных книжных ярмарок, так и отдельных мероприятий. Россияне активно участвуют в мероприятиях, посвященных английскому языку, литературе и искусству, организуемых отделениями Британского Совета в РФ. С 2016 г. в Лондоне действует комитет «Русское наследие в Великобритании», представляющий интересы российской диаспоры.

Однако похолодание в российско-британских политических отношениях, достаточно негативная информационная среда, связанная с делом Литвиненко и Скрипалей, расхождения позиций сторон по вопросам воссоединения Крыма с Россией, ситуация на Юго-Востоке Украины и военный конфликт в Сирии, соответствующие санкции со стороны официального Лондона привели к приостановке практически всего спектра двусторонних отношений и не могли не сказаться на культурном сотрудничестве. Ввиду опасений по поводу визовой поддержки, ареста имущества российская сторона ограничила количество музейных выставок и концертов

в Великобритании [7, с. 133]. После отказа руководства Соединенного Королевства в поддержке мероприятий в рамках перекрестного Года культуры (2014) из заявленных 500 мероприятий в рамках Года культуры (2014) [8] состоялось лишь 250, по данным Британского Совета, и 100, согласно сведениям Посольства РФ в Великобритании [10].

Несмотря на имеющиеся сложности в политическом диалоге, культурные связи продолжают развиваться. Из истории взаимоотношений России и Великобритании мы выносим уроки о необходимости поддержания культурного взаимодействия, которое при благоприятной конъюнктуре станет основой для налаживания всего спектра двусторонних отношений. Музейные фонды свидетельствуют о неподвластной времени связи двух народов и их культур, нематериальной духовной близости истории и культуры российского и британского народов.

Библиография

1. Беневоленский М.Д. Переписка русского царя Ивана IV с английской королевой Елизаветой Тюдор: опыт статистического исследования // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы 12-й международной конференции молодых ученых 27–30 декабря 2001 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – URL: http://mir.spbu.ru/index.php?option=com_k2&view= item&id=448:%D0%BC-%D0%B4-%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&Itemid=78 (дата обращения: 15.06.2019).
2. Восхитительные изделия Фаберже в коллекции британской королевы Елизаветы II. – URL: <https://top-voprosov.ru/articles/voshititelnye-izdeliya-faberzhe-v-kollekcii-britanskoj-korolevy-elizavety-ii> (дата обращения: 17.06.2019).
3. Долинина К. Британская скульптура в русском музее [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 1994. № 200 (668). – URL: <http://kommersant.ru/doc/93034> (дата обращения: 29.09.2016).
4. Литвинова Я. Предательство или политическая мудрость? Почему британский король не спас семью Романовых? // BBC News. 2018. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42371193> (дата обращения: 16.04.2019).
5. Письмо королевы Елизаветы пресветлейшей Ирине Царице Русской от 24 марта 1586 года // Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593: грамоты собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1875. С. 284–285.
6. Письма царя Федора Елизавете [сентябрь 1586 г.] // Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. СПб., 1875. С. 253–269.
7. Поважная Г.И. О перекрестном Года языка и культуры. Правительство Т. Мэй – год у власти. Досрочные выборы 2017 г. М.: ИЕ РАН, 2017.
8. Попова А. «Искусство – ключ к пониманию культуры другой страны» // РБК Daily. 2013. 11 декабря. С. 11.
9. Сахаров А.Н. Переписка Елизаветы Английской с Борисом Годуновым // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 197–198. – URL: <http://Annales.info/evrope/england/boreliz.htm> (дата обращения: 15.06.2019).
10. СМИ: Британия прекратила поддерживать перекрестный год культуры с РФ // РИА Новости. 2014. 28 июля. – URL: <http://ria.ru/world/20140728/1017769448.html>
11. Flamboyant Faberge continues to tantalise; Collector's File (Features) // The Sunday Times. 1994. 27 March.

12. Guzeva A. 5 artworks from the Romanov's exhibition in Buckingham Palace // Russia beyond. 2018. 22 September. – URL: <https://www.rbth.com/arts/329148-romanov-exhibition-london> (проверено 17.06.2019).

Валева-Хакимова Римма Рафаэлевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; kamilla_vr@mail.ru

Museum objects as an attribute of Russo-British cultural cooperation in XVI – XXI centuries (based on the exhibits from the Royal Collection)

The article examines the issues of bilateral cultural cooperation throughout some exhibits from the Royal Collection and their part in maintenance and development of cultural dialogue, diplomatic and dynastic connections. The author analyses the deep roots of intangible spiritual ties between history and culture of Russian and British people. Museum objects are considered to be an evidence of timeless close connections between two nations and their cultures.

Keywords: cultural cooperation, Russo-British dialogue, painting, arts and crafts, theatre, dynastic connections

Valeeva-Hakimova Rimma Rafaelevna, Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; kamilla_vr@mail.ru

УДК 94(470) "1920/30"

Волошина В.Ю.

Институциональное пространство научных коммуникаций историков русского зарубежья в 1920–1930-е гг.¹

В статье приводится периодизация деятельности эмигрантского научного сообщества в целом и эмигрантских историков в частности. Характеризуя научные институции историков-эмигрантов, автор приходит к выводу о наличии в зарубежье полноценного научного сообщества историков и отмечает изменения в их научных коммуникациях на протяжении 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: научное сообщество, русское зарубежье, научные институции, коммуникативные практики, историки-эмигранты

История научного сообщества российского зарубежья в последние годы все больше привлекает внимание не только эмигрантоведов, но и ученых, занимающихся историей науки и социальной историей. В проблематике истории научной эмиграции можно выделить два направления: история конкретных отраслей науки, в том

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00397).

числе судьбы ученых, и история эмигрантского научного сообщества как часть социокультурного феномена российской эмиграции в целом. В данном выступлении предполагается охарактеризовать институциональное пространство научных коммуникаций российских историков, сложившееся за рубежом в 1920–1930-е гг. Под научным сообществом при этом понимается совокупность ученых-исследователей, обладающих высокой научной подготовкой, как правило, подтвержденной научными степенями и званиями, единых в понимании целей науки, находящихся в сходных условиях жизнедеятельности и придерживающихся общих нормативно-ценностных установок.

Одной из важнейших особенностей российской послеоктябрьской эмиграции считается уверенность изгнанников в их скором возвращении на родину. Она в значительной мере определяла модель поведения каждого из изгнанников, задачи и формы деятельности сообщества в целом.

По характеру задач и назначению институций в истории сообщества можно выделить три периода.

I. (1920–1924) – период становления сообщества, когда все институции создавались с единственной целью – обеспечить выживание ученых и студентов вдали от родины. В своей деятельности члены сообщества ориентировались только на будущую Россию. Они позиционировали себя единственными представителями российской науки, поэтому пытались воспроизвести формы дореволюционных институций. К 1924 году научное сообщество в основном сложилось.

II. (1924–1928) – наиболее плодотворный период функционирования сообщества. Оно было представлено различными институциями, деятельность которых осуществлялась по трем направлениям: научному, учебному и культурно-просветительному. Хотя по-прежнему сохранялась ориентация на Россию, уже в этот период предпринимаются отдельные попытки интеграции в науку стран проживания. Укрепление международного положения СССР и успех нэпа, демонстрировали незыблемость власти большевиков, меняя отношение к русским эмигрантам в странах проживания. Свертывание «Русской акции», закрытие русских вузов, приводят в конце этого периода к отказу от учебной работы. IV съезд Союза Русских академических организаций (Белград, 1928) в качестве приоритетных направлений сообщества назвал научную и культурно-просветительную работу и деятельность, направленную на сплочение сил русской диаспоры.

III. (1928–1939) – просветительский период деятельности. Научная работа на уровне отдельных представителей и сообщества в целом ориентирована на интеграцию в науку стран проживания. В деятельности русских академических групп (РАГ) она отходит

на задний план, а акцент переносится на культурно-просветительную работу. К концу рассматриваемого периода РАГ фактически превращаются в землячества ученых. Одним из направлений работы научного сообщества становится объединение усилий всех эмигрантских организаций в сохранении за рубежом традиций русской культуры и исторической памяти диаспоры.

В отличие от основной массы изгнанников, ученым нужно было не просто найти заработок, но и получить возможность продолжать научные исследования. Специфика научной деятельности заключается в том, что последняя в основном невозможна вне институционального и коммуникативного пространства научного сообщества. Необходимо было создать научную инфраструктуру (библиотеки, архивы, лаборатории, типографии и т.п.), и восстановить систему корпоративных коммуникаций, в рамках которой можно было апробировать и давать оценку специалистов научным изысканиям коллег. Актуальность объединения обуславливалась также и необходимостью социальной поддержки ученых и оказания им помощи в трудоустройстве. Российские ученые, особенно гуманитарии, испытывали серьезную конкуренцию со стороны национальных кадров, которым отдавалось предпочтение местными властями.

Эмигрантское сообщество русских историков существовало в рамках единого научного сообщества зарубежья, основной структурной единицей которого в 1920–1930-е гг. являлись русские академические группы (РАГ). Они, начиная с осени 1920 года стали появляться в большинстве европейских государств. В сентябре 1921 года в Праге состоялся I (Учредительный) съезд Союза русских академических организаций за границей. В отличие от Союза академических организаций дореволюционной России, возникшего в 1905 г., эмигрантский Союз стремился дистанцироваться от политики и свою главную цель видел в облегчении социальной адаптации ученых к новым условиям. В Уставе, принятом на этом съезде, в числе задач Союза были названы такие как координирование деятельности отдельных РАГ, представительство от имени всех русских академических организаций, «всемерное содействие к предоставлению членам Союза возможности научно работать, печатанию научных работ, подысканию мест по специальности и облегчение их материального положения». Верховным органом Союза становился съезд, созываемый ежегодно Правлением Союза. Местные РАГ получали полную автономию и наделялись правами советов факультетов дореволюционных университетов [5, л. 1-4].

Русские историки-эмигранты сыграли важную роль в институционализации научного сообщества в целом, принимая активное участие в подготовке и работе всех пяти съездов Союза и региональных

академических групп. Но все же основная их деятельность проходила в рамках институций, связанных с исторической наукой. В Праге были созданы и активно работали русское Историческое общество, Семинар академика Н.П. Кондакова, преобразованный впоследствии в Археологический институт его имени и перевезенный в Белград, Русский заграничный исторический архив, ставший не только крупнейшим архивным хранилищем зарубежья, но и исследовательским центром, культурно-исторический музей при Русском народном университете в Праге, институт изучения России и др. Деятельность этих институций не раз привлекала внимание исследователей [1; 2; 4]. Научные институции историков существовали также в других культурных центрах русского зарубежья (Белграде, Берлине, Париже), но Чехословакия, благодаря проведению «Русской акции», а также значительной концентрации высококвалифицированных историков здесь, являлась центром эмигрантского научного исторического сообщества. Наличие разветвленной инфраструктуры свидетельствует о существовании исторического научного сообщества в русском зарубежье.

Важнейшей коммуникативной площадкой продолжала оставаться периодическая печать. Большинство историков принимали активное участие в подготовке повременных научных изданий и трудов съездов Союза русских академических организаций за границей, Русского народного университета (Прага), Записок русских научных институтов (Белград, Берлин). Русские историки продолжили дореволюционную традицию выпуска общественно-политических журналов («На чужой стороне» и «Голос минувшего на чужой стороне»), выпускали различные сборники и альманахи (Историк и современник» и др.) [3]. Вместе с тем нельзя не отметить, что эмигрантские условия существования научного сообщества не могли не повлиять на формы его деятельности. Изменения затронули и коммуникативные практики. Если раньше главными площадками репрезентации результатов были международные конгрессы, научные общества, публичные диспуты, опубликованные монографии и т.п., то теперь доминировали так называемые малые формы: семинары, кружки, дискуссии, рецензии и личная переписка.

В заключение следует отметить, что в 1920–1930-е гг. в зарубежье сложилось научное сообщество российских историков-эмигрантов, которое идентифицировало себя с дореволюционными традициями организации российской науки и пыталось повторить институции и коммуникативные практики последней. Однако, по разным причинам, рассмотрение которых не входило в задачи данной публикации, в полной мере сделать это не удалось.

Библиография

1. Вандалковская М.Г. Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии: сб. статей / отв. ред. М.Ю. Досталь. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 7-25.
2. Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е годы. М.: Форум, 2013.
3. Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920-1930-е годы). М.: НП ИД «Русская панорама», 2008.
4. Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1930 гг.). Саратов: Саратовский гос. технич. ун-т, 2012.
5. Устав Союза русских академических организаций за границей. Прага, 1928 // ГА РФ. Ф. 5888. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-4.

Волошина Валентина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; valvoloshina@rambler.ru

Institutional space of scientific communications of historians of the Russian abroad in the 1920s-1930s.

The article presents the periodization of the activities of the emigrant scientific community in General and emigrant historians in particular. Describing the scientific institutions of emigrant historians, the author comes to the conclusion that there is a full-fledged scientific community of historians abroad and notes the changes in their scientific communications during the 1920s-1930s.

Keywords: scientific community, Russian abroad, scientific institutions, communicative practices, emigrant historians.

Voloshina Valentina Yurievna, Doctor of history, Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; valvoloshina@rambler.ru

УДК 93

Воробьева О.В.

Историография как транскультурный концепт

Текст посвящен проблеме историографического трансфера как разновидности культурного и научного трансфера. Автором поднимаются теоретические и методологические проблемы транскультурного взаимодействия, требующие внимания к культурным посредникам, условиям осуществления трансфера, формам его протекания, механизмам рецепции и другим факторам.

Ключевые слова: глобальная историография, научный и культурный трансфер, историографический трансфер, европоцентризм, транскультурная компаративистика

Одним из заметных явлений современной историографии является интерес к всемирной и глобальной истории, предложивших историкам не только изменение масштаба рассмотрения историографических явлений, но и – даже в большей степени – обновление

теоретического и методологического инструментария. Новизна нового взгляда связана со стремлением посмотреть на мир не через его части, а через его связи, сосредоточив внимание на тех аспектах глобальной целостности, которые имеют надгосударственную природу и пересекают разнообразные границы и перегородки. Данная перспектива актуализировала много новых исследовательских полей, одним из которых стала история трансферов, исследовательских аппарат которой формируется на стыке подходов к изучению межкультурных взаимодействий, сложившихся в литературоведении [1; 2; 3], и собственно историографических новаций, как то новая компаративная история, перекрестная история, транснациональная история и др. [см., например: 5; 6].

В последней трети XX века состоялось несколько крупных проектов [4; 7; 8], в центре внимания которых оказалась историография, занимающаяся изучением роли научных коммуникаций и их влияний на трансформацию историографических традиций и культур. Помимо интереснейшего содержания, каждый из этих проектов характеризовался повышенной рефлексивностью, в результате чего начали проявляться сильные и слабые стороны нового подхода. Пусковым фактором всех этих поисков стало ощущение недостатка прежних схем изучения межкультурных коммуникаций и исходных формулировок – культурное столкновение, контакт, соприкосновение, перенос, сращивание и др. Такие исследования, как правило, не принимают во внимание, во-первых, всей сложности и комплексности научных взаимодействий (наличие культурных посредников, влияние третьих факторов, а также взаимовлияния взаимодействующих культур и др.), во-вторых, их динамического характера. Что касается последнего, то основным здесь является учет привходящих факторов (трансфер протекает не линейно и не в одном направлении) и дополнительной подвижности трансфера, возникающей в процессе пересечения эмпирического материала и интеллектуальных операций исследователя (фиксация новых комбинаций и пересечений, в том числе за счет установления лингвистических, концептуальных, терминологических, категориальных различий). Это пересечение обнаруживается в процессе рефлексии и предполагает привлечение новых исследовательских процедур.

Но если сам подход более-менее понятен, то конкретный методологический инструментарий и сопутствующие ему эпистемологические проблемы вызывают множество вопросов. И, пожалуй, один из самых острых – возможность и способы преодоления европоцентризма в таких сравнениях (особенно, если учесть, что сам концепт «культурный трансфер» возник как попытка нейтрализации прежних линейных и однонаправленных способов рассмотрения

межкультурных взаимодействий, придя на смену идеологически окрашенным «культурным столкновениям», «переносам» и т.п.).

Ответы на эти вопросы разнообразны и, как правило, неоднозначны. Например, автор и редактор сборника «Пересекая культурные границы: историография в глобальной перспективе» Э. Фукс предлагает рассматривать каждую историографическую культуру как комбинацию элементов, обращая особое внимание на разнообразные и, как правило, борющиеся концепты внутри каждой историографии, и таким образом уходить от европоцентризма [5]. Очевидно, это предполагает и специфическое понимание науки, и ее типических институциональных форм в каждом регионе.

Возможно, дальнейшая работа с концептом историографического трансфера (и шире – научного, культурного) способна выявить и другие продуктивные пути научного осмысления проблемы трансляции и межстрановой / межрегиональной рецепции исторического знания. Самое интересное здесь – это, наверное, механизмы трансляции (каналы, посредники) и рецепции (а по сути, преобразования) трансфера. Если говорить о каналах, то, вероятно, следует обратить внимание на роль личных контактов, личных влияний, действия медиаторов, а также на возможность воспринимать трансфер либо напрямую из той традиции, которая породила базовые концепты и в которой эти концепты были наиболее успешны, либо опосредовано. Возможности рецепции тоже зависят от множества факторов: помимо культурного и политического контекстов в транслирующей и принимающей сторонах, важна, например, роль государственной научной политики, институциональных механизмов (традиции производства исторического знания, наличия научных школ, особенностей профессиональной подготовки историков, стратегии научной коммуникации), общего состояния научной дисциплины и позиции историков в междисциплинарном пространстве и множества других факторов.

Такой анализ еще раз напоминает о том, что любой культурный трансфер должен анализироваться во всей его толщине, артикулированной на разных уровнях, между которыми устанавливается множество связей, как внутренне подвижная структура, способная развернуть свой смысл только на перекрестке культур.

Библиография

1. Дмитриева Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>
2. Лобачева Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8 (98). С. 23-27.
3. Эспань М. О понятии культурного трансфера. Предисловие // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений):

Франция, Германия, Италия, Россия) / под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня. М.: ИМЛИ РАН. 2009. С. 7-18.

4. Boyd K. (ed.) *Encyclopedia of Historians and Historical Writing*. 2 vol. London, 1999.
5. Fuchs E. *Provincializing Europe; Historiography as a Transcultural Concept // Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective / Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey (Eds.) Lanham, MD: 2002. P. 1-26.*
6. Iggers G.G., Wang E.Q. (with contributions from Supriya Mukherjee). *A Global History of Modern Historiography*. Longman: Pearson Education Ltd, 2008.
7. Völkel M. *Geschichtsschreibung: Fine Einführung in globaler Perspektive*. Köln, 2006.
8. Woolf D. (ed.) *A Global Encyclopedia of Historical Writing*. 2 vol. New York, 1998.

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; доцент, научный сотрудник Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва; vorobusheki@yandex.ru

Historiography as a Transcultural Concept

The thesis of report deals with the issue of historiographic transfer as a variety of cultural and scientific transfer. The author considers theoretical and methodological problems of transcultural interactions, requiring attention to cultural mediators, conditions for the transfer, its development, reception mechanisms and other factors.

Keywords: global historiography, scientific and cultural transfer, historiographic transfer, Eurocentrism, transcultural comparativism

Vorob'yeva Olga Vladimirovna, Candidate of History, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; Associate Professor, Researcher, Center for Cognitive Program and Technologies, Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow; vorobusheki@yandex.ru

УДК 94(4)

Галямичев А.Н.

Саратовская школа историков средневекового города: прошлое и настоящее

В статье содержится информация об основных достижениях историков Саратовского университета в области изучения истории средневековых городов Европы, которые служат основой для признания существования в Саратове научной школы урбанистов, сложившейся в 1970–1980-е гг. Выявляются этапы развития научной школы и даётся краткая характеристика её современного состояния.

Ключевые слова: медиевистика, урбанистика, средневековый город, университетская наука

Саратовская школа историков средневекового города – явление, признанное как в отечественной, так и в зарубежной медиевистике. Исследование проблем урбанизма занимало видное место в кругу научных интересов саратовских медиевистов уже в процессе

формирования научно-педагогического коллектива кафедры истории средних веков Саратовского университета в 1950-е – начале 1960-х гг. (работы А.И. Озолина о бюргерской оппозиции в гуситском движении, В.А. Ермолаева о судьбах городов Германии в эпоху Реформации, М.М. Ябровой о начальном периоде колониальной экспансии Англии) [3, с. 101-108].

Однако в середине 1960-х гг. изучение городской проблематики прочно заняло центральное место в научной работе медиэвистов СГУ. С одной стороны, это было следствием правительственной политики, взявшей курс на усиление контроля над координацией проводимой в советских вузах научно-исследовательской работы. С другой стороны, само утверждение истории средневекового города в качестве центральной проблемы, вокруг которой были объединены усилия работников кафедры истории средних веков СГУ, было связано с тем, что в трудах лидера научно-педагогического коллектива, заведующего кафедрой С.М. Стама, посвящённых истории южно-французской Тулузы, была разработана оригинальная концепция истории средневекового города в рамках марксистской методологии исторического исследования. С.М. Стам обосновывал вывод о нефеодалной природе средневекового города, о городе как носителе самостоятельного общественно-экономического уклада простого товарного производства в условиях господства феодальных отношений [11; 12]. Концепция С.М. Стама не получила всеобщего признания в советской науке, не нашла отражения в вузовских учебниках, однако была с интересом встречена как в нашей стране, так и за рубежом, а – самое главное – открывала широкие перспективы дальнейшего научного осмысления самых различных аспектов истории средневекового урбанизма.

1970 – 1980-е гг. были отмечены значительными успехами саратовских урбанистов. Заметным явлением в советской медиэвистике стало издание в Саратовском университете основанного в 1968 г. межвузовского сборника научных трудов «Средневековый город» – второго в СССР (после академического сборника «Средние века») специального периодического издания по проблематике истории средних веков. Саратовский университет стал местом проведения научных конференций по проблемам урбанистики. Вышли в свет новые монографические исследования работников кафедры [8; 5; 16], выпускниками восстановленной при кафедре истории средних веков аспирантуры защищались подготовленные под руководством С.М. Стама кандидатские диссертации, активно велась работа по подготовке научных публикаций источников [10]. К концу 1980-х гг. в научной общественности сложилось мнение о саратовской школе

историков средневекового города как о вполне сформировавшемся явлении, которое заняло прочное место в отечественной медиевистике.

Рубеж 1980-х – 1990-х гг., отмеченный значительными переменами в развитии российской исторической науки, оказал существенное влияние и на судьбы медиевистики в Саратовском университете. Одним из проявлений «духа перемен» стало расширение круга исследовательских интересов историков, особенно представителей нового, входившего в научную жизнь поколения. И хотя исследования в области городской проблематики продолжали выходить в свет [9; 6], они занимали всё более скромное место в тематике научных исследований.

Одной из причин этого явления было, по-видимому, стремление к достижению научной новизны, преодолению исследовательских и мировоззренческих стереотипов, освоению достижений зарубежной медиевистики, что казалось более достижимым на путях освоения новой тематики исследований.

С начала 2000-х гг. урбанистическая проблематика стала постепенно восстанавливать утраченные в предшествующее десятилетие позиции в кругу научных интересов саратовских медиевистов. Это в значительной мере было обусловлено успешным освоением новых методологических подходов и исследовательского инструментария, что нашло наиболее яркое проявление в работах Л.Н. Черновой [13; 14; 15; 5] и Т.В. Мосолкиной [7; 5], в которых поднимаются новые для отечественной науки вопросы социальной истории английского города. В работах автора этих строк [1; 2] рассматриваются узловые вопросы экономического и социального развития городов Чехии в X–XIII вв. С проблематикой урбанистики, как правило, связывается тематика диссертационных исследований аспирантов.

Дальнейшее развитие историко-урбанистических исследований в Саратовском университете помимо главных – творческих – задач требует выработки новых решений организационного порядка. Последнее связано с двумя обстоятельствами. С одной стороны, в ходе перестройки исторического образования в СГУ была упразднена кафедра истории средних веков как самостоятельное структурное подразделение, являвшееся организующим и координирующим центром развития исследований по истории городов средневековой Европы, что создаёт определённые проблемы. С другой стороны, с середины 2010-х гг. приостановлено издание сборника «Средневековый город». Возрождение последнего видится в современных условиях первостепенно важным фактором дальнейшего развития научной школы средневековой урбанистики в Саратовском университете.

Библиография

1. Галямичев А.Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X – начала XIII в.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. 168 с.
2. Галямичев А.Н. Города Чехии в эпоху немецкой колонизации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2017. 152 с.
3. Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 151 с.
4. Ермолаев В.А. Гейльброннская программа: Программа немецкого радикального бюргерства в крестьянской войне 1525 г. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 262 с.
5. Киясов С.Е., Мосолкина Т.В., Чернова Л.Н. Лондон на рубеже эпох: мозаика повседневности (XVI–XVIII вв.) / под ред. Л.Н. Черновой. Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2015. 194 с.
6. Мосолкина Т.В. Город Бристоль в XIV–XV вв.: экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 212 с.
7. Мосолкина Т.В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.
8. Озолин А.И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Социально-политические требования. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. 120 с.
9. Солодкова Л.И. Ранний Кёльн: социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан XI–XIII вв. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 148 с.
10. Средневековое городское право XII – XIII веков: Сборник текстов / сост. Т.М. Негуляева, под ред. С.М. Стама. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 180 с.
11. Стам С.М. Движущие противоречия развития средневекового города // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 93-105.
12. Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI – XIII веков). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1969. 432 с.
13. Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: механизм властвования, социальная идентичность, частная жизнь. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 508 с.
14. Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV – XVI вв. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 363 с.
15. Чернова Л.Н. Силуэты на фоне эпохи: горожане и горожанки Лондона XIV–XVI веков: Монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2016. 121 с.
16. Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI в.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 230 с.

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; galyamichev57@mail.ru

Saratov school of historians of a medieval city: past and present

The article contains information about the main achievements of historians of the Saratov University in the study of the history of medieval cities in Europe, which serve as the basis for the recognition of the existence in Saratov scientific school of urbanists, established in the 1970s – 1980s. The stages of development of the scientific school and a brief description of its current state.

Keywords: medieval studies, urban studies, medieval city, University science

Galyamichev Aleksandr Nikolaevich, Doctor of history, Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia; galyamichev57@mail.ru

Кащеев В.И.

Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет: от «идеи университета» к ее воплощению

Многие выдающиеся представители немецкого идеализма обсуждали различные аспекты университета как института культуры. Но именно В. фон Гумбольдт ясно сформулировал принципы для деятельности нового университета как «идею университета» и основал Берлинский университет, который стал образцом для многих других высших учебных заведений в эпоху становления и расцвета национальных государств.

Ключевые слова: идея университета, наука, знание, высшее образование, немецкий идеализм, национальное государство

В переломную эпоху истории Германии на рубеже XVIII и XIX вв. появился государственный деятель и одновременно интеллектуал, который, с одной стороны, предложил идею, отвечающую запросам эпохи, а с другой – своим волевым усилием воплотил эту идею в конкретном институте культуры. Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) ясно сформулировал «идею университета» и стал создателем Берлинского университета.

В 1789 г. на территории германских государств было тридцать пять университетов, почти половина всех студентов числилась в четырех самых крупных из них: в Галле, Гёттингене, Йене и Лейпциге. Четверть века спустя осталось только шестнадцать университетов – другие либо были принудительно закрыты, либо перестали существовать из-за трудностей, возникших в ходе войн и наполеоновского вторжения. После Тильзитского мира 1807 г. Пруссия перестала быть ведущим государством в академической жизни Германии, потеряв Университет в Галле, когда этот город стал частью созданного Наполеоном королевства Вестфалия. Известны слова короля Фридриха Вильгельма III о том, что государство должно теперь возместить физические потери за счет укрепления своей духовной мощи [9, р. 28]. Важную роль в этом укреплении была призвана сыграть реформа всей системы образования, в первую очередь – создание нового национального университета.

Вопрос о состоянии и перспективах развития университета как института культуры рассматривался и решался в напряженной духовной атмосфере той переломной эпохи. В обсуждении концепции нового университета участвовали выдающиеся представители немецкого классицизма и идеализма: И.К.Ф. Шиллер, И.В. Гёте,

И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Ф.Д.Э. Шлейермахер, а также многие видные ученые этого времени.

В программной лекции «Что называют всеобщей историей и с какой целью ее изучают» (1789) И.К.Ф. Шиллер дал образ идеального исследователя (*der philosophische Kopf* – «философский ум»), который является центральной фигурой университета будущего. В трактате «Спор факультетов» (1798) И. Кант обосновал тезис о том, что в основе деятельности университета должен лежать *разум*. Каждая научная дисциплина, опираясь на философию, стремится к своей чистоте путем самокритики. Кантовский *Университет Разума* нацелен на реализацию сущности человека. В «Лекциях о методе академического занятия наукой» (1803) Ф.В.Й. Шеллинг утверждает, что только свободный человек, у которого есть понимание «органического целого всех наук», способен к академическому занятию наукой и что научное знание само по себе является целью, а не только средством для практической деятельности. В трактате «Размышления по поводу университетов с немецкой точки зрения» (1808) Ф.Д.Э. Шлейермахер обосновал необходимость «академических свобод» как для преподавателей, так и для студентов университета [3, с. 10; 8, S. 67-69]; «академические свободы» способствуют «автономной философской рефлексии» и соответствуют внутренним потребностям самого знания [5, с. 110]. И.Г. Фихте был убежден, что только в университете можно приобрести подлинную ученость, которая состоит в одновременном обладании тремя видами знаний: (1) чисто философским, (2) знанием, основанным на опыте и (3) философско-историческим знанием [3, с. 11; 8, S. 68-69].

Однако решающую роль в основании Берлинского университета сыграл В. фон Гумбольдт. Важно, что он и его брат А. фон Гумбольдт после учебы в прусском университете во Франкфурте-на-Одере продолжили свое образование в Гёттингене. Там Вильгельм посещал курсы лекций философов Г.К. Лихтенберга и И.Г. Фихте, филолога-классика Х.Г. Гейне, историка А.Л. Шлёцера [6, с. 180]. В этом университете с его особым духом свободы ведущую роль играл философский факультет и осуществлялся принцип «единства науки» [2, с. 19-20]. Позднее этот принцип и «академические свободы» составили духовную основу деятельности всех факультетов в Берлине [4, с. 62].

Летом 1808 г. В. фон Гумбольдт направил Фридриху Вильгельму III официальное письмо о создании нового университета в Берлине, а в августе король одобрил это предложение. По указу, подписанному 4 января 1809 г., В. фон Гумбольдт был назначен директором департамента культов и народного образования

министерства внутренних дел в прусском кабинете министров. В ходе интенсивной работы, продолжавшейся шестнадцать месяцев, с февраля 1809 г. по июнь 1810 г., он заложил основы новой системы образования: от народной школы и классической гимназии до национального университета [9, p. 32; 10, S. 282-285].

В 1809/10 г. В. фон Гумбольдт подготовил небольшой по объему программный текст (меморандум) «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине», в котором высказаны главные идеи и принципы, легшие в основу «классического университета» (*die klassische Universität*) эпохи становления и расцвета национальных государств [7, S. 229-241; 1, с. 68-83].

«Идея образования/воспитания» (*Bildung*) занимает центральное место в гумбольдтовской философии образования и проявилась в конкретных проектах реформирования системы учебных заведений. Идеал образования/воспитания был основополагающим для «идеи университета» В. фон Гумбольдта. Важное место в его концепции занимает и «идея науки» (*Wissenschaft*) [9, p. 39-40]. Высшие научные заведения, к которым относится университет, «возделывают» науку и дают возможность использовать полученный таким образом «материал для духовного и нравственного просвещения» (*Stoff der geistigen und sittlichen Bildung*). Они должны объединять в себе «объективную науку с субъективным образованием» (*die objective Wissenschaft mit der subjectiven Bildung*), но основного внимания заслуживает именно наука. Высшие научные заведения могут достичь своей цели лишь тогда, когда каждое из них постоянно сталкивается с «чистой идеей науки» (*der reinen Idee der Wissenschaft*) и преобладающими принципами их деятельности являются «уединенность и независимость/свобода» (*Einsamkeit und Freiheit*). Внутренне они должны быть организованы так, чтобы постоянно возобновлять «совместную деятельность» (*Zusammenwirken*) профессоров и студентов [7, S. 229-230; ср.: 1, с. 68-69]. По мнению В. фон Гумбольдта, государство должно обеспечивать университету финансовую поддержку и назначать университетских профессоров, что в некоторой степени нарушает принцип самоуправления, но гарантирует принцип «независимости» [1, с. 80-81; 6, с. 186].

Указ об основании Берлинского университета был подписан 16 августа 1809 г.; занятия начались в октябре 1810 г. Выдающиеся немецкие ученые заняли важные кафедры в новом университете: И.Г. Фихте стал на короткое время профессором философии и, кроме того, вице-канцлером (ректором) университета, в 1818 г. его сменил Г.В.Ф. Гегель; Ф.Д.Э. Шлейермахер стал профессором

теологии, К. фон Савиньи – права, К. Риттер – географии, А. Бёк – классической филологии, К.В. Хуфеланд – медицины [9, р. 34-35].

В 1828 г. *Alma mater Berolinensis* получила название «Университет Фридриха Вильгельма» в честь прусского короля Фридриха Вильгельма III, в царствование которого был учреждён. В 1949 г. университет переименован в честь братьев Гумбольдтов.

В начале XIX в. В. фон Гумбольдт ясно сформулировал «идею университета». Она воплотилась в грандиозном Берлинском проекте с его академическими свободами, ставшем на многие десятилетия образцом *Университета Культуры* в эпоху становления и расцвета национальных государств [ср.: 5, с. 101-102]. Такой университет был основан на идее культуры и стал институтом, призванным укреплять молодые национальные государства Нового времени.

Библиография

1. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине / пер. с нем. Л. Григорьевой // Современные стратегии культурологических исследований / отв. ред. Д.П. Бак. М.: РГГУ, 2000. С. 68-83.
2. Кащеев В.И. Александр фон Гумбольдт в Поволжье: отдельный регион в картине мира ученого // Россия и Германия. 2019. № 1-2 (13-14). С. 19-29.
3. Кащеев В.И. Вильгельм фон Гумбольдт, «идея университета» и Берлинский университет // Современное научное знание: теория, методология, практика: сборник научных трудов по материалам XI Международной научно-практической конференции / МНИЦ «Наукофера». Смоленск, 2019. С. 9-12.
4. Кащеев В.И. Научный историко-филологический семинар как форма становления творческой личности: Прошлое. Настоящее. Перспективы // Инновационные подходы к развитию личности. Одесса: Куприенко С.В., 2019. Ч. 2: С. 60-78, 158-162.
5. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. Корбута. М.: ИД ГУ – ВШЭ, 2010. 300 с.
6. Ростиславлева Н.В. Основатель Берлинского университета В. фон Гумбольдт как мыслитель и политик // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 179-197.
7. Humboldt W. Über die innere und äußere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin // Gründungstexte: Johann Gottlieb Fichte, Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher, Wilhelm von Humboldt / mit einer editorischen Notiz von R. vom Bruch. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, 2010. S. 229-241.
8. Müller R.A. Geschichte der Universität: Von der mittelalterlichen Universitas zur deutschen Hochschule. Hamburg: Nikol Verlagsvertretungen GmbH, 1996. 288 S.
9. Östling J. Humboldt and the modern German university: An intellectual history. Lund: Lund University Press, 2018. XVI, 292 p.
10. Scuria H. Wilhelm von Humboldt. Werden und Wirken. Berlin: Verlag der Nationen, 1970. 664 S.

Кащеев Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; kasseev@mail.ru

Wilhelm von Humboldt and the University of Berlin: from “the Idea of the University” to Its Implementation

Various aspects of the university as an institute of culture were discussed by many prominent figures of German idealism. But it was W. von Humboldt who had articulated principles for a new university as “the idea of the university” and was a founder of the University of Berlin. This university has become a model for many other ones in the era of formation and prosperity of national states.

Keywords: the idea of the university, science and research, knowledge, higher education, German idealism, the national state

Kashcheev Vladimir Ivanovich, Doctor of history, Full professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia; kashcheev@mail.ru

УДК 94:001"19"

Корзун В.П., Колеватов Д.М.

Юбилей Академии наук в первой половине XX века: практики перестроения коммуникативного поля¹

В статье идет речь о факторах, определяющих трансформации коммуникативного поля отечественной науки в первой половине XX века. Выделены особенности презентации образа советской науки на праздновании юбилеев Академии наук в 1925 и 1945 гг. Показаны доминанты этой презентации и соответствующего коммуникативного взаимодействия. В первом случае это восстановление связей с мировой наукой. Во втором – в варианте Великой Победы – идея единой мировой науки дополняется идеей авангардной роли советской науки.

Ключевые слова: коммуникативное поле науки, юбилей Академии наук, Первая мировая война, Великая Отечественная война, советская наука, государственная политика

Наука коммуникативна по своей сути. Как отмечал А.П. Огурцов, «ни ход, ни результаты, ни субъекты познания не могут быть оторгнуты от той ситуации общения, в которой осуществляется научное исследование. Каждый элемент познавательного акта и его содержания пронизан, освещен контекстом коммуникационного взаимодействия» [2, с. 13]. В процессе этого взаимодействия создается коммуникативное поле науки, понимаемое нами как «социальное пространство институций, акторов и связей, в котором рождаются, функционируют, распространяются, трансформируются и умирают научные идеи» [1, с. 293].

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00264 «Юбилей АН СССР в победном 1945 году: сценарии праздника, коммуникативное поле науки, международный резонанс».

В «минуты роковые» социальных и научных трансформаций коммуникативное поле науки пульсирует в неровном сбивающемся ритме. Происходит чередование впечатляющего расширения и обескураживающего сужения научных коммуникаций, распад/обрушение и складывание/восстановление единого научного поля, смену/борьбу концептов/идеологием и т.д. В фокусе нашего внимания один из многочисленных аспектов переформатирования коммуникативного поля отечественной науки в первой половине XX века, а именно академические коммеморации как практики интенсивного коммуницирования и репрезентации образа российской/советской науки. Речь пойдет о двух юбилеях АН СССР, отмеченных с большим размахом в 1925 и 1945 гг. Несмотря на различный культурно-эпистемологический контекст, оба юбилейных празднования проходили после грандиозных социально-политических потрясений. Оба были инициированы учеными. Катастрофа 1914, завершившая содержательно долгий XIX век, разрывает сложившиеся научные связи – республика ученых разбегается по враждующим коалициям. Происходит разрыв научных контактов российской и германской науки, наиболее интенсивно развивавшихся в предвоенный период. Но коммуникативное поле науки наделено способностью к регенерации, и уже в годы войны на различных уровнях ставится вопрос о своего рода «заместительной терапии», выполнении обвала научных и культурных связей.

Наиболее значимая попытка в этом направлении была предпринята в 1916 г., когда возникает проект создания сборника «Русская наука» и делаются первые шаги по его реализации. Он важен для нас в качестве точки отсчета, вершинного проявления традиционной, профессионально-научной коммуникативности, свободной от жесткого политико-идеологического давления, «тяжелой мощности эпохи». На этом этапе кризисные социально-политические факторы выступают, как это ни парадоксально, катализаторами процессов, вытекающих из логики развития отечественной науки и культуры, но не жесткими регуляторами их, определителями содержания. Коммуникативность рассматривается в категориях длительности, исторической нормальности – частью разумного послевоенного устройства мира должна была стать коммуницирующая наука, обязательно включающая ее российскую часть.

Реалии эпохи трагически не совпали с горизонтами ожиданий отечественных ученых. В эпоху войн и революций научная коммуникативность приобретает акцентировано-прерывистый, пульсирующий характер – периоды коммуникативного сброса, усеченной коммуникативности чередуются со сравнительно краткими моментами

«возвращаемой полноценной коммуникативности», проявлением чего можно считать академические коммеморации 1925 и 1945 годов.

Очередная грандиозная попытка явить себя международному научному сообществу, «заштопать» очевидные прорехи коммуникативного поля, связана с 200-летним юбилеем Академии наук, который отмечался в 1925 году. В современной исследовательской литературе отмечается «вписываемость» этого события в процесс восстановления «исторической нормальности» (между первой мировой и великой депрессией), уникальность его в плане размаха и актуальной научной и политической значимости – «впервые после 1914 г. Россия настолько открылась для научного сообщества», и все советские организаторы торжества – от руководителей государства до академиков – постоянно декларировали «интернациональный» характер науки», а советская пресса единодушно именовала академический юбилей «праздником ученых всего мира» [3, с. 208].

На юбилее присутствовало около 1000 делегатов из СССР и 98 ученых из 24 стран, наиболее многочисленной оказалась немецкая делегация из 28 человек во главе с Максом Планком. Научный Озирис – концепт единой науки – переживает очередное победное воскрешение. Юбилейные торжества явились наиболее театрализованной и презентативной частью – процесса восстановления / сотворения коммуникативного поля. И в то же время – укрепления статусно-престижных позиций науки в середине 1920-х гг., выражением чего явилось придание Академии наук всесоюзного статуса и перевод ее в непосредственное подчинение СНК СССР, а также оценки в духе акцентированного позитива авторитетными участниками юбилейного действия – отечественными и зарубежными учеными – развития науки в СССР, государственной поддержке его, перспектив научного сотрудничества, а также самого юбилея. Отметим и проявившуюся тревожную тенденцию вовлекаемости научного сообщества в политические игры власти, опасное пересечение научных и властных полей – от политики власти реально зависят теперь коммуникативные потенции отечественной науки.

220-летний юбилей Академии наук СССР, состоявшийся в победном 1945 году, был событием поистине впечатляющим, соответствующим эпическому характеру переживаемого момента – коммеморация коммемораций, салютационная практика почти в предельном варианте. В годы Великой Отечественной войны повышается статус науки, происходит сближение научной и властной элит, и в дни юбилея снова зазвучала идея мировой науки – базисного основания полноценной научной коммуникативности.

Коммуницирующая наука предполагается, как и в годы Первой мировой войны, частью нового рационального социального мироустройства.

Но появляются и принципиально новые моменты, соответствующие сталинскому новоимперскому мэйнстриму и настроениям значительной части отечественного научного сообщества. Это идея особой природы классической отечественной науки – патриотизм и народность рассматривались как изначально определяющие характеристики творчества ее корифеев. И продолжающая/завершающая ее, коррелирующая с ней идея авангардной роли советской науки. На полях юбилейных торжеств работает «коридорное вече», «люди, которые читали работы друг друга в течение многих лет, впервые встретились лицом к лицу, вновь начал просачиваться поток свободной научной мысли между странами, ...делегаты стали свидетелями бурного развития интеллектуальной жизни в Европе» [4, с. 73] – так воспринимается юбилейная коммуникативность австралийским биологом Е. Эшби. Он же передает программу/видение дальнейшего развития научной коммуникативности, сформулированную на приеме в президиуме Академии наук 22 июня 1945 года выдающимся советским ученым П.Л. Капицей. Основной тезис Капицы – советские ученые по праву могут претендовать на ведущую роль в единой интернациональной науке и в обустройстве ее коммуникативного поля. Дальнейшее свидетельствует, что сциентистский оптимизм П.Л. Капицы, как, впрочем, и самого Е. Эшби, подтверждается далеко не в полной мере. Вскоре в условиях начавшейся холодной войны под флагом борьбы с космополитизмом происходит очередное свертывание научных коммуникаций.

Библиография

1. Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 290-302.
2. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. С. 12-59.
3. Сорокина М.Ю. Открытая сцена, или Двухсотлетний юбилей Академии наук // На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX вв. Вып. 3. СПб.: Нестор-История. 2005. С. 206-235.
4. Ashby E. Scientist in Russia. New York, 1947.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; korzunv@mail.ru

Колеватов Дмитрий Михайлович, старший преподаватель, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; korzunv@mail.ru

Anniversaries of the Academy of sciences in the first half of the XX century: practices of reforming the communicative field

The article deals with the factors that determine the transformation of the communicative field of Russian science in the first half of the 20th century. The author highlights the features of the presentation of the image of Soviet science at the celebration of the Academy of Sciences anniversaries in 1925 and 1945. The author also shows the dominants of this presentation and the corresponding communicative interaction. In the first case, it is the restoration of communications with world science. In the second (in the version of the Great Victory), the idea of a unified world science is supplemented by the idea of the avant-garde role of Soviet science.

Key words: communicative field of science, anniversaries of the Academy of Sciences, World War I, World War II, Soviet science, state policy.

Korzun Valentina Pavlovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State University F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; valvoloshina@rambler.ru

Kolevatov Dmitriy Mixajlovich, Senior lecturer, Omsk State University F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; korzunv@mail.ru

УДК 93:070(470.40)

Крылова О.С.

Электронная интернационализация: опыт анализа сайтов исторических журналов вузов Поволжья

На примере исторических журналов Поволжья рассмотрен процесс цифровизации всеобщей истории. Установлена взаимосвязь: чем совершеннее сайт журнала, тем выше востребованность издания и его электронная интеграция в международные наукометрические базы данных. Однако не следует чрезмерно масштабировать значимость цифровизации, понимая, что она – лишь инструмент в науке.

Ключевые слова: цифровизация всеобщей истории, исторические журналы Поволжья, анализ сайтов, индексы цитирования

Научному журналу в современном научном сообществе отведена одна из ведущих ролей. Указ В.В. Путина № 599 от 7.05.2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» и последовавшие за ним нормативные акты, программы и проекты сместили фокус в сторону научных публикаций вообще и российских научных журналов в частности. От университетов стали требовать публикационные показатели в качестве очевидного средства их достижения. Необходимость интеграции российских журналов в мировую систему научных публикаций, идея открытого доступа к знаниям и разработанная в 2001 г. «Будапештская инициатива открытого доступа» обусловили важное требование к российскому научному журналу – наличие собственного сайта у издания на русском и английском языках.

Цель данного исследования: на примере исторических журналов Поволжья рассмотреть процесс цифровизации всеобщей истории, проследить наличие взаимосвязи между качественным научным изданием и его цифровым вариантом (сайтом). Материалом для исследования послужили: сайты научных журналов, публикующих исследования по всеобщей истории, система Российского индекса научного цитирования, так как эта база, во-первых, позволяет сделать оценку по многим альметрикам, а во-вторых, содержит в себе информацию о большинстве издаваемых в России научных периодических изданий, открытая научная библиотека «КиберЛенинка».

Изначально выставлялись следующие фильтры для научных исторических журналов: индексируются в РИНЦ, издаются в России, выходят в настоящее время. Системой было выбрано 270 российских журналов по историческим наукам, из них отобрались журналы Поволжья¹, публикующие исследования по всеобщей истории (из 270 их осталось 34).

Допускаем, что какие-то журналы могли быть упущены, если при регистрации в РИНЦе у них не были, например, назначены рубрикаторы ГРНТИ или не дано описание в информационной карте. Итоги анализа представлены в таблице.

Анализ сайтов исторических журналов Поволжья по всеобщей истории

Журналы, аффилиация	WoS RSCI ESCI Scopus ядро РИНЦ ERIH PLUS	Пе- ре- чень ВАК	Сайт, платформа, соцсети	Научные сооб- щества
Всего – 34, из них: – Казань – 8, – Элиста – 6, – Саратов – 4, – Волгоград, Ива- ново, Ижевск, Са- мара, Йошкар-Ола, Чебоксары – по 2, – Нижний Новго- род, Кострома, Пенза, Ярославль – по 1	WoS – 1 RSCI – 1 ESCI – 2 Scopus – 4 ERIH PLUS – 4	16	29 – представ- ляют инфор- мацию в Ин- тернете; 27 – имеют свои собствен- ные сайты; 4 – имеют группы в соцсетях; 5 – не пред- ставлены в Интернете	Журналы, выхо- дящие под эги- дой профессио- нальных научных сообществ – рос- сийских и зару- бежных, способ- ствуют привлече- нию иностран- ных ученых

¹ Под Поволжьем понимаем следующие области: *Верхнее Поволжье* (Верхняя Волга): Ярославская, Костромская, Ивановская, Нижегородская области, Чувашия. *Среднее Поволжье*: Ульяновская, Пензенская, Самарская области, Татарстан, Марий Эл. *Нижнее Поволжье*: Саратовская, Волгоградская, Астраханская области, Калмыкия.

Таким образом, как и цифровизация всех сфер жизни человека и общества, цифровизация всеобщей истории, а в данном случае переход научных исторических журналов в электронный вариант – процесс неизбежный, несущий множество положительных моментов. Установлена взаимосвязь: чем выше востребованность журнала, определяемая по количеству просмотров и загрузок статей в научных электронных библиотеках, тем совершеннее его сайт, его электронная интеграция в МНБД. Заметными журналами по истории являются те, которые выходят под эгидой профессиональных научных сообществ – российских и зарубежных, которые привлекают иностранных ученых.

Современный ученый открыт процессу цифровизации, понимая ее роль в интеграции науки в мировое научное пространство. Исторически сложилось так, что наука сосредоточена в столице. Цифровизация научных журналов позволяет привлекать столичных и зарубежных авторов, проводить при помощи видеоконференцсвязи заседания редколлегии, автоматизировать процессы приема статей, рецензирования и т.д., т.е. распространение и использование электронных форм коммуникации делают реальным развитие и продвижение журнала не только в столице, но и в регионах. Вместе с тем, выявлены минусы: красивая оболочка может оказаться «пустышкой», ввести в заблуждение красивым интерфейсом. Именно поэтому не следует чрезмерно масштабировать значимость цифровизации, понимая, что она – лишь инструмент в науке.

Библиография

1. Sondervan J., Stigter F. Sustainable open access for scholarly journals in 6 years – the incubator model at Utrecht University Library Open Access Journals. Learned Publishing. 2018. DOI: 10.1002/leap.1151
2. Потапова Н. Российские исторические журналы: три модели организации знания и сообщества // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 191-233. URL: <http://gefter.ru/archive/5355> (дата обращения: 6.08.2019).
3. Фомин-Нилов Д.В. Новая культура научных публикаций в исторической ретроспективе // Научное издание международного уровня – 2015: современные тенденции в мировой практике редактирования, издания и оценки научных публикаций: материалы 4-й Международной научно-практической конференции, 26-29 мая 2015 г. / отв. ред. О.В. Кириллова. СПб.: Сев.-Зап. ин-т упр. – фил. РАНХиГС, 2015. С. 169-173.

Крылова Ольга Сергеевна, магистрант, заведующая редакцией научных журналов, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия; vestnik.margu@mail.ru

Electronic internationalization: the experience of analyzing of historical sites journals of universities of the Volga region

On the example of historical journals of the Volga region, the process of digitalization of universal history was considered. The relationship is established: the more perfect

the site of the scientific journal, the higher the demand for the publication and its electronic integration into international scientometric databases. However, the significance of digitalization should not be overemphasized, realizing that it is only a tool in science.

Keywords: digitalization of world history, historical journals of the Volga region, analysis of sites, citation indices.

Krylova Olga Sergeevna, Undergraduate, Head of the editorial board of scientific journals, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia; vestnik.margu@mail.ru

УДК 327:94(410)

Миронов В.В.

Английская школа международных отношений как центр изучения истории международной политики

Статья посвящена изучению Английской школы международных отношений как автономного центра изучения международной политики. Цель статьи – выявить основные аспекты историографического анализа данного научного сообщества в контексте современных схолярных исследований. В работе выделены этапы развития Английской школы через анализ смены поколений, выявлены периоды эволюции концепции международного общества и обозначен круг внутренних проблем изучения сообщества. Главный вывод статьи состоит в том, что историографический анализ позволяет реконструировать внутреннюю историю и специфику данного научного сообщества.

Ключевые слова: Английская школа международных отношений, международное общество, Х. Булл

Изучение наработок других ученых выступает частью процесса формирования индивидуальной и корпоративной научной идентичности. В этом смысле, интерес к истории отдельных научных сообществ – важная историографическая задача. Не случайно, что внимание к изучению научных школ привело во второй половине XX века к становлению так называемых схолярных исследований. Сегодня актуальность изучения научных школ определяется не только тем, что их значение по-прежнему не определено, а возникновение носит вероятностный характер, но и тем, что изучение их конкретных судеб позволяет говорить об изменении роли научного знания в современном мире.

Под Английской школой международных отношений в целях данной статьи будем понимать сообщество исследователей-международников, работающих преимущественно в Великобритании и разделяющих подход к изучению международных отношений с позиций концепции международного общества. Как специфическое научное сообщество школа интересна рядом особенностей,

которые демонстрируют как традиционные аспекты схолярной проблематики, так и новые черты интереса к подобным структурам. Остановиться на некоторых из них.

Первая особенность, характерная для традиционного предмета изучения школ, состоит в том, что данное сообщество существует довольно долгое время. Английская школа стала формироваться на рубеже 1950–1960 гг. в рамках, так называемого, Британского комитета по изучению международной политики, и существует по настоящее время. В науковедческих исследованиях период существования научной школы определяется по-разному. Для эпохи так называемых дисциплинарных исследований – XIX – первая половина XX века – большинство школ существовали в пределах одного-двух поколений исследователей [3, с. 217–247]. Иначе говоря, доминирующим признаком школы выступала система отношений «учитель» (лидер школы) – «ученики». Для периода проблемной науки – фазы развития научного знания, выделяемой применительно ко второй половине XX века, хронологический цикл школы определяется еще меньше [4, с. 282–283]. В.В. Гасилов пытался, используя модель «экспоненциальной кривой», проследить судьбу школы по критерию количества публикаций и пришел к выводу, что современная школа «живет» 15–25 лет [1, с. 119–124]. Английская школа международных отношений существует приблизительно 60 лет и ее внутреннюю историю можно объективировать через анализ смены поколений исследователей. Как минимум можно говорить о специфике трех поколений исследователей внутри сообщества. Современные члены школы пишут о четвертом поколении ученых [7]. Как следствие, можно говорить о разных этапах существования школы. Первый этап – 1960–1970 гг. Второй этап – середина 1980 – 1990 гг. Третий этап – первые два десятилетия XXI века.

Данные этапы отражают не только внутреннюю специфику организации сообщества, но и особенности развития концепции международного общества. Первый этап характеризуется возникновением гипотезы международного общества и формированием специфического предмета изучения в школе. Здесь важно подчеркнуть, что для отечественной науки характерно выделение школы через специфику методов изучения [2, с. 10]. Методами как раз в школе не занимались до настоящего времени. Условно это период с 1961–1962 по 1977–1978 гг. Основной институциональной площадкой школы в этот период стал Британский комитет по изучению международной политики (1958–1985 гг.), хотя были попытки развития концепции и за его пределами: на базе журнала «Миллениум» и на кафедре международных отношений Лондонской школы экономики. Ключевыми фигурами на данном этапе существования школы можно

считать историков Г. Баттерфильда, М. Уайта и философа Х. Булла, а общешкольная проблематика была отражена в коллективной монографии «Дипломатические исследования» 1966 г. [6].

Второй этап развития сообщества приходится на два последних десятилетия XX в. Его содержание составили качественно разнородные процессы. В концептуальном смысле центр исследований сместился от изучения структурных к динамическим и историческим аспектам международного общества. В организационном отношении была предпринята сознательная попытка подключить новую генерацию исследователей к сообществу, в том числе и иностранных. Ключевыми фигурами школы на данном этапе выступали Х. Булл, в творчестве которого в 1980 г. произошли перемены, А. Уотсон, идеи которого обеспечили преемственность между поколениями, и Р. Винсент. Последний может считаться основателем новой проблематики внутри сообщества и лидером второго поколения, но его ранняя смерть в 1990 г. не позволяет говорить о создании своей школы. Центральной коллективной монографией стала работа «Экспансия международного общества», которая объединила два поколения ученых и подвела первые итоги существования сообщества [11]. На этом этапе школа получила известность за пределами Великобритании, но и внутри страны у нее стали появляться критики [8, p. 185-206].

Третий этап развития Английской школы охватывает период с начала XXI века. Центральным моментом формирования нового поколения исследователей стал раскол внутри сообщества на плюралистов и солидаристов, которые по-разному оценивали дальнейшую перспективу развития концепции международного общества. Плюралисты (Р. Джексон, Э. Харрелл) продолжают настаивать на межгосударственном характере современных международных отношений, солидаристы (Т. Дюнн, Н. Уилер), напротив, предлагают отойти от их восприятия только как политических отношений между государствами. Спор между данными позициями не завершен, но есть попытки их синтеза в рамках исторической социологии и изучения институтов современного международного общества [10]. В связи с этим Английскую школу международных отношений все чаще называют британским институционализмом [9, p. 20].

На данном этапе идеи Английской школы стали интересны в других странах и в первую очередь в США, где у сообщества появились свои сторонники. Это объясняется вниманием американских международныхников к интерпретативному подходу школы к истории международных отношений, чему традиционно мало уделяется внимания в американской науке. Теоретическую связку такого диалога в основном обеспечивает современный конструктивизм и, в частности, идеи Б. Бузана [5]. При этом конструктивизм

представляется не единственной методологией взаимодействия разных теоретических традиций. Важно, что востребованность концепции международного общества привела к тому, что изначально небольшая группа ученых, объединенных личными связями, стала восприниматься в качестве национального центра изучения международной политики в масштабах страны.

Таким образом, проведенный анализ позволяет показать специфику школы как национального кластера изучения международных отношений в Великобритании, раскрыть содержание эволюции предмета изучения внутри сообщества, исследовать проблему лидерства и сохранения Английской школы на разных этапах развития мировой науки.

Библиография

1. Гасилов В.В. Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения // Школы в науке. Отв. ред. С.Р. Микулинский [и др.]. М.: Наука, 1977. С. 119-152.
2. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М.: Высшая школа, 1974. 399 с.
3. Лайтко Х. Научная школа – теоретические и практические аспекты // Школы в науке / отв. ред.: С.Р. Микулинский [и др.]. М.: Наука, 1977. С. 217-247.
4. Хайтун С.Д. Об историческом развитии понятия научной школы // Школы в науке. Отв. ред.: С.Р. Микулинский [и др.]. М.: Наука, 1977. С. 275-283.
5. Buzan B. An Introduction to English School of International Relations: The Societal Approach. Oxford: Polity Press, 2014. 231 p.
6. Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics. Ed. by H. Butterfield, M. Wight. London: Allen & Unwin, 1966. 227 p.
7. Guide to the English School in International Studies. Ed. by C. Navari, D. Green. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. 246 p.
8. Jones R. The English School of International Relations: A Case for Closure // Review of International Studies. Vol. 7. № 1. 1981. P. 185-206.
9. Linklater A., Sukanami H. The English School of International Relations. A Contemporary Reassessments. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 302 p.
10. Mayall J. World Politics. Progress and its Limits. Oxford: Polity Press, 2000. 170 p.
11. The Expansion of International Society. Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. 479 p.

Миронов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; vvm_512@rambler.ru

English School of international relation as a center for the study history of international policy

This article is about English School of International relation as an autonomous center for the studies of international policy. The aim of the article is identify key historiographical aspects this scientific community in the contexts of modern scholar's works. The main periods of the development English school through the generational change, periods of evolution conception of International society, the circle of internal problems of the community are studies in the article. Main conclusion of the article

is that historiographical analysis allows reconstruct the internal history and the specificity this scientific community.

Keywords: English school, theory of International relations, H. Bull

Mironov Victor Vladimirovich, Candidate of History, Associate professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; vvm_512@rambler.ru

УДК 93:378

Попова Т.Н.

Кафедральная корпорация: проблемы изучения

Рассматриваются проблемы изучения кафедральной корпорации как разновидности дисциплинарного научного сообщества; выделены пять основных проблем исследования: временной режим деятельности кафедры, кафедральное научное сообщество, эволюция исследовательской проблематики, статус кафедры, историография истории кафедры; обращено внимание на некоторые параметры диахронического и синхронического анализов кафедральной корпорации как сложного институционального и социокультурного явления.

Ключевые слова: корпорация, научное сообщество, историография, дисциплинарная история

«Научное сообщество» – одно из стержневых понятий в современном наукознании [1]. Эта формула покрывает сложно структурированное явление, в котором выделяются уровни, типы и виды [6, с. 162-196]. Изучение кафедральной корпорации предполагает учет многих проблем, из которых выделим следующие.

1. Контуры кафедральной корпорации. Кафедра – университетская структура, которая имеет свою темпоральную протяженность от начала образования до определенного временного режима. При этом может изменяться как название кафедры в силу разных обстоятельств и в различные исторические периоды, так и состав кафедры – количественно и качественно. Тем не менее кафедра как таковая сохраняет свое бытие и идентичность. Таким «подвижным» по своим контурам явлениям, сопоставимым, например, с академической группой, определенной территорией, университетом и т.п., может быть адресовано понятие *куматоид* [2; 3; 7].

В формате статичности и динамики изучение кафедры-куматоида ориентирует на диахронический и синхронический анализы. Диахронический анализ кафедры-куматоида предполагает изучение истории кафедры в контексте общеисторических периодов; одновременно история конкретной кафедры может иметь собственную периодизацию в зависимости от избранных критериев (изменение названия и структуры кафедры – слияние с другими кафедрами,

разделение кафедры и т.п.; деятельность кафедры с учетом университетских Уставов и проч.). Синхронический анализ нацелен на исследование состояния кафедры в конкретный период ее существования и может иметь различную систематику параметров в зависимости от цели изучения.

II. Кафедральное научное сообщество. Диахронический анализ в сочетании с синхроническим анализом предполагает исследование кафедрального научного сообщества (КНС) в количественных и качественных измерениях: профессиональные характеристики членов КНС; личностные и индивидуально-психологические характеристики; формат коммуникативных связей (в кафедральном, факультетском, университетском, региональном, общероссийском и международном пространстве); типологии коммуникаций; вертикальные и горизонтальные связи – сквозные и внутри периодов; научные школы и т.п. Или – по параметрам: биографические, академические, коммуникативные, социокультурные [5].

Следует учитывать, что «всеобщая история» в традициях российской университетской системы была объектом изучения и преподавания нескольких структур. Например, в Новороссийском университете (1865-1920) курсы по историческим дисциплинам согласно университетскому Уставу 1863 года обеспечивались четырьмя кафедрами исторического профиля (из 11 на историко-филологическом факультете): всеобщей истории, русской истории, истории церкви и теории и истории искусств. В условиях незавершенности автономизации филологии и истории ряд предметов по истории обеспечивались иными кафедрами факультета – кафедрой классической филологии, славянской филологии и др. С 1968 г. на историко-филологическом факультете Новороссийского университета были открыты три отделения: классической филологии, славяно-русской филологии и исторических наук. В 1900-х годах на историческом отделении стали постоянно работать четыре группы специализаций: славяно-русская, всеобщей истории, истории искусств и истории философии. В связи с этим в организации научных исследований по всеобщей истории преобладал персонологический принцип; учебные курсы по различным предметам всеобщей истории обеспечивались также преподавателями разных кафедр. Поэтому контуры кафедрального и факультетского сообщества «всеобщников» не совпадали. При этом следует учесть и тот факт, что некоторые курсы в диапазоне всеобщей истории читались представителями юридического факультета [4].

При соотношении контуров КНС и «сообщества всеобщников» в целом, следует выделять «ядро» – т.н. «чистых всеобщников» (по доминирующей проблематике исследований, специализации

профессионального образования и проч.) и «периферию», которая в свою очередь включает разные по удаленности от «ядра» сферы. Каждая из этих сфер соотносится с теми историками, чьи исследовательские интересы шире ареала «титульной профессии».

III. Структура исследовательской проблематики предполагает анализ эволюции научных исследований в границах всего существования кафедры, складывание и развертывание научных традиций в изучении конкретных проблем всеобщей истории, определенных научных достижений (открытий) в общероссийском и мировом контекстах. Поскольку «всеобщая история» – это *дисциплинарный конгломерат*, важна картина соотношения разработок в области антиковедения, медиевистики, новистики, ориенталистики, славяноведения и других направлений (дисциплин) в общем пространстве всеобщей истории на кафедре, а также значимость историографических, источниковедческих и теоретико-методологических исследований членов КНС; выявление специфики дисциплинарного поля конкретной кафедры и векторов исследовательских приоритетов.

IV. Эволюция статуса кафедры. Исследование проблемы статуса кафедры в границах факультета, университета (вуза), в общероссийском научном поле и т.п. акцентирует внимание на престижности кафедры по различным параметрам. *Научные параметры:* научный авторитет кафедрального сообщества (массив и значимость публикаций, разработка новых направлений исследований, открытия эмпирического (фактуально-источниковедческого характера), образование и деятельность научных школ, создание и длительность научных традиций; реальный вклад членов КНС в «дисциплинарный генофонд» и т.п. *Вненаучные факторы:* роль представителей кафедры в системе научных властных структур, влияние членов КНС на политику в науке на разных уровнях (факультетском, университетском и т.п.). *Социокультурные параметры:* значение деятельности членов КНС в общественной и культурной жизни региона, страны и т.п. *Политико-идеологические:* деятельность представителей КНС в политической и партийной сферах, роль в формировании идеологических программ и т.п. *Персоналогические:* выдающиеся ученые – представители КНС; роль кафедры в воспитании новых поколений ученых, внесших значительный вклад в развитие исторической науки. Последний параметр предполагает акцент на персональную историю ученого (биоисториографию). Определение значимости ученого в развитии науки требует учета *масштаба личности и его вклада в дисциплинарный генофонд:* в контексте проблемы «историк второго плана»; на разных уровнях анализа (университетском, региональном,

общероссийском и т.д.); в различные временные периоды (от современной ученому эпохи до наших дней).

V. Историография истории кафедр. Изучение истории кафедры предполагает разные подходы: биографический, институциональный, историко-культурологический, дисциплинарный и проч. Дисциплинарная история конкретной кафедры всеобщей истории входит в дисциплинарную историю определенной области знания, составляющую раздел всеобщей истории в целом, например, в дисциплинарную историю антиковедения, медиевистики и т.п. *Историография истории кафедры* может рассматриваться как единый блок разноплановой исследовательской литературы в значительном временном режиме (от первых публикаций о кафедре до наших дней), так и собственно *история изучения* истории кафедры. Систематика изданий (историографических источников и историко-историографических исследований) в этом случае будет иметь различные критерии и структурирование.

Библиография

1. Бурганова Л.А., Мягков Г.П. Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 139-146.
2. Кузнецова Н. И. Нестандартная эпистемология в отечественном исполнении (сравнительный анализ концепций Г.П. Щедровицкого и М.А. Розова) // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXII. № 2. С. 184-200.
3. Одинокова Л.Ю. Территориальные рекреационные системы как социальные куматоиды // На теневой стороне: материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2004. С. 380-392.
4. Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.
5. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 410-420 [Раздел: «Дисциплинарное сообщество русистов: Кафедральная корпорация (абрис)»]; С. 43-49 [Модель биоисториографического анализа].
6. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. 392 с.
7. Розов М.А. Наука как традиция // Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1996. С. 90-105.

Попова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, профессор, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина; tnspopova@rambler.ru

Cathedral Corporation: Learning Issues

The problems of studying the cathedral corporation as a kind of disciplinary scientific community are considered; five main research problems are identified: the time regime of the department, the department of scientific research, the evolution of research issues, status of the department, historiography of the history of the department; attention is drawn

to some parameters of diachronic and synchronous analyzes of the cathedral corporation as a complex institutional and sociocultural phenomenon.

Keywords: corporation, scientific community, historiography, disciplinary history

Popova Tat`yana Nikolaevna, Candidate of History, Professor, Odessa National University named after I.I. Mechnikov, Odessa, Ukraine; tnspopova@rambler.ru

УДК 930:378

Рамазанов С.П.

Историографическая школа в Томском университете: проблема смены лидера

В докладе рассматривается история томской историографической школы, выделяются этапы ее развития, характеризуется роль лидеров этой школы на каждом из таких этапов, говорится о ситуации, связанной с прекращением существования историографической школы в Томском университете.

Ключевые слова: научная школа, университет, лидер, историография, методология истории, методологический семинар, научный руководитель

Основоположником историографической или историко-методологической школы стал крупный историк и выдающийся организатор науки и образования Александр Иванович Данилов. Школа просуществовала более пятидесяти лет, став своеобразным и важнейшим явлением в истории советской, а затем и российской исторической науки и продемонстрировав самой своей историей неразрывную связь с Томским университетом и олицетворяющими ее лидерами. Лидер школы, будучи ректором Томского университета и заведующим кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, стал читать специальные курсы по методологии истории, историографии всеобщей истории, которые не были предусмотрены утвержденной Министерством программой подготовки специалистов-историков. А.И. Данилов организовал методологический семинар историко-филологического факультета Томского университета, на котором обсуждались доклады, будущие статьи и монографии ведущих преподавателей. Семинар стал чрезвычайно популярным у профессоров, доцентов, студентов, выступил важным фактором развития историографической школы.

В начале шестидесятых годов XX века А.И. Данилов основал первый в СССР по тематической направленности ежегодник «Методологические и историографические вопросы исторической науки», который также способствовал развитию историографической школы в Томском университете. Ученый, имея определенные

и твердые марксистские позиции, тем не менее, стремился к преодолению догматов марксистско-ленинского учения, был убежден в необходимости разработки специальной методологии истории [1].

В 1967 году, став министром Просвещения РСФСР, А.И. Данилов переехал в Москву. Вслед за ним покинули Томск и подготовленные им ученики – доктора исторических наук В.В. Иванов, Н.И. Смоленский, И.И. Шарифжанов, оказавшиеся в Москве, Горьком, Казани. Эти ученики Данилова создали ряд интересных монографий, готовили немало своих учеников, но вряд ли можно говорить, что они стали продолжателями историографической школы. Место заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Томского университета занял после отъезда Данилова Борис Георгиевич Могильницкий. Фактически он и стал лидером школы, продолжив начинания своего учителя в Томском университете. Так же как и раньше выходили ежегодники «Методологические и историографические вопросы исторической науки», систематически и активно проходили методологические семинары. Вместе с тем с 1968 года регулярно – раз в два или три года – начали проводиться конференции по методологии истории, историографии и источниковедению, объединившие преподавателей и аспирантов всех исторических кафедр ТГУ.

Подчеркну, что Борис Георгиевич сумел значительно расширить проблематику историографической школы через диссертации уже своих учеников, разнообразив и собственные исследования. Определенными вехами стали выход монографии о западной психоистории [2], интерес к зарубежным новациям в исторической мысли. Борис Георгиевич расширил спецкурс по методологии истории до двух семестров, прочитал ряд специальных курсов по истории исторической мысли от античности до XX века. На спецсеминарах, студенческих научных конференциях ученый поощрял творческие поиски студентов. Так, меня, студента первого курса привлекло то, что на студенческой научной конференции, посвященной 100-летию В.И. Ленина первое место присудили студенту, критиковавшему К. Маркса. На заседании партбюро факультета Борис Георгиевич отстаивал и мое творчество, когда я на пленарном заседании студенческой конференции утверждал, что принцип партийности – основополагающий в марксизме – более узкий по отношению к аксиологическому подходу.

Бориса Георгиевича отличали глубокий теоретический анализ в научном дискурсе и в общении с коллегами, доброжелательность, спокойный тон, справедливость и обаяние. Такие качества сделали его неформальным лидером не только историографической школы, но и всего историко-филологического факультета Томского университета при присутствии более старших товарищей. При всем том

он всегда подчеркивал, что школа является школой Данилова, в крайнем случае, соглашаясь на обозначение историографической школы как «школы Данилова – Могильницкого». А А.И. Данилов вплоть до его кончины в ноябре 1980 года значился ответственным редактором ежегодника «Методологические и историографические вопросы исторической науки».

После кончины А.И. Данилова Б.Г. Могильницкий начал готовить себя к уходу с должности заведующего кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории и стал искать своего преемника. Естественно, искал он его среди своих учеников. Но некоторые из них ушли из науки и занялись бизнесом, другие по тем или иным причинам уехали из Томска, третьи просто не подходили по деловым качествам. Наконец, на рубеже девяностых и нулевых годов он окончательно остановился на Ирине Юрьевне Николаевой. И после своего восьмидесятилетия Борис Георгиевич передал ей заведование кафедрой.

Ирина Юрьевна Николаева показала себя блестящим организатором научных исследований: так, возобновились прерванные на рубеже 80 – 90-х годов конференции по методологии истории и историографии; при ее непосредственном руководстве выигрывались многочисленные научные гранты; она организовала свой семинар с аспирантами и студентами. Несомненно, ее отличала и оригинальность собственных научных исследований [4]. Ирина Юрьевна гордилась тем, что Б.Г. Могильницкий на одной из своих книг, подаренных ей, написал: «Ученому, который превзошел своего учителя». Но Ирину Юрьевну Николаеву в качестве лидера не поддержала большая часть кафедры и в целом исторического факультета, возможно, из-за ее гордости, которая поддерживалась самим Б.Г. Могильницким, неоднократно заявлявшем о ее превосходстве перед другими членами кафедры; возможно, из-за жесткости в ее обращении с коллегами. Следствием этого стало то, что Ирину Юрьевну Николаеву дважды не избрали заведующей кафедрой, ей пришлось уйти в Томский педагогический университет. В одной из своих последних статей Б.Г. Могильницкий даже говорил о перемещении томской историографической школы в Томский педагогический университет [3, с. 53]. Однако такая школа там не прижилась. А с уходом из жизни Б.Г. Могильницкого в 2014 году и И.Ю. Николаевой в 2015 году томская историографическая школа также прекратила свое существование. Кафедру истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории возглавил человек, не имеющий отношения ни к методологии, ни к историографии всеобщей истории. А методологию истории начал читать приглашенный философ.

Библиография

1. Данилов А.И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. 1961. № 3. С. 216-217.
2. Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Гулыбин Г.К. Американская буржуазная «психоистория»: (Критический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985.
3. Могильницкий Б.Г. Томский университет и его традиции // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. С. 52-53.
4. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

***Рамазанов Сергей Павлович**, доктор исторических наук, профессор, Волжский гуманитарный институт (филиал Волгоградского государственного университета), г. Волжский, Россия; ramasergej@gmail.ru*

Historiography School at Tomsk University: leader change problem

The report examines the history of the Tomsk historiographic school, highlights the stages of its development, characterizes the role of the leaders of this school at each of these stages, talks about the situation associated with the end of the existence of the historiographic school at Tomsk University.

Keywords: scientific school, university, leader, historiography, methodology of history, methodological seminar, academic advisor

***Ramazanov Sergey Pavlovich**, Doctor of History, Professor, Volzhsky Humanitarian Institute (a branch of Volgograd State University), Volzhsky, Russia; ramasergej@gmail.ru*

УДК 93:39"18/19"

Савицкий Е.Е.

Этнические выставки конца XIX – начала XX вв. и проблемы их историографического осмысления

Историографическое изучение этнических выставок связано с характером их моральных оценок, при этом характер сохранившихся источников приводит к тому, что преобладает точка зрения организаторов выставок, что в исследованиях последнего времени зачастую приводит к реабилитации устроителей «человеческих зоопарков».

Ключевые слова: этнические выставки, человеческие зоопарки, увеселительные сады, расизм, колониализм, Россия, Европа

Демонстрация этнических типов в российских зоопарках, цирках или увеселительных садах конца XIX-начала XX вв. до сих пор остается малоисследованной темой. Лишь в последнее время стали появляться отдельные посвященные ей работы, носящие характер

предварительных набросков [1; 2]. Напротив, интерес к этой теме среди обычных людей, интересующихся историей, весьма велик, о чем свидетельствуют дискуссии в интернет-форумах и публикации в прессе. Часто отправным моментом таких дискуссий оказывается обнаружение старых открыток в семейном архиве или на сайте ретро-фотографий, пользующихся в последнее время большой популярностью. Эти сайты позволяют увидеть прошлое не как нечто отвлеченное и далекое, а как то, что происходило здесь, близко, прямо в том городе и на тех улицах, где живет человек. Поэтому не удивительно, что и открытки с так называемыми «человеческими зоопарками» воспринимаются с живым интересом. При этом тут же возникает вопрос, как относиться к изображенному? Нужно ли испытывать возмущение или стыд по поводу того, что в моем городе в зоопарке или увеселительном саду показывали людей? Нужно ли создавать общественные инициативы, которые были бы посвящены осмыслению этого подзабытого прошлого, так же как предпринимаются усилия по сохранению памяти жертв войн или политических репрессий? Или, наоборот, нужно отнестись к этому спокойно-историзирующе, потому что дело это давнее, и в колониальные времена расистские развлечения были делом обыкновенным, не нужно требовать от наших предков соответствия современным критериям политкорректности.

Иногда в таких дискуссиях высказывается мнение о том, что российские человеческие зоопарки были гуманнее, чем на Западе, и для обоснования этого люди обращаются к тому, что можно найти в интернете о подобных выставках в Европе и США. При этом в англоязычном интернете, как и в российском, обнаруживаются как резко-антиколониалистские трактовки этой темы, так и ностальгические и даже откровенно расистские ретро-сайты о колониальных временах. Имеются также довольно обширные, хотя и фрагментарные по своему охвату, базы данных изображений по различным выставкам, чего, к сожалению, до сих пор нет в России. Это приводит, в частности, к ошибкам, когда перепечатанные в России европейские открытки принимаются за достоверное изображение того, что имело место в Санкт-Петербурге или Москве.

При этом российская историография мало что может предложить в помощь людям, интересующимся этой стороной прошлого, привлекательной не в последнюю в силу ее непристойности в современной культуре. В европейских и американских исследованиях, которых на тему «человеческих зоопарков» создано уже довольно много, часто можно найти упоминания как о выставках сомалийцев или дагомейцев в России, так и о демонстрации самоедов или калмыков в Европе. Помимо фактических данных об отдельных

имевших место выставках эти исследования позволяют уточнить данные о том, как организовывались показы. В ранней антиколониальной историографии они трактовались как расистские шоу, как бесчеловечная эксплуатация экспонируемых людей, которые часто погибали из-за плохих условий их содержания, и эта точка зрения до сих пор представлена в некоторых исследованиях [8]. В других исследованиях обращается на то, что тут, как и в любой сфере, были более и менее добросовестные предприниматели.

Существенной проблемой является плохая сохранность источников. Тех, кого экспонировали, уже нет в живых, и они почти не оставили свидетельств. Также весьма смутными и ненадежными являются воспоминания тех, кто в детстве видел такие выставки. Публикации в прессе главным образом имеют рекламный характер, хотя встречаются и критические публикации.

Редким исключением являются сохранившиеся в Гамбурге архивы фирмы Карла Хагенбека, занимавшейся сначала импортом в Европу экзотических животных, а потом, по мере насыщения рынка, переключившейся на организацию показа людей, как в Германии, так и в других европейских странах. Фирма Хагенбека имела партнеров и в России. В исследованиях, основанных на данных этого архива [4; 6], отмечается, что вербовка людей для экспонирования не была принудительной, более того, представителям фирмы приходилось долго торговаться об условиях с интересующими их туземцами. Отмечается, что часто экспонируемые имели большую свободу в передвижении по городу, где происходила выставка, в свободное время, и они могли даже вступать в любовные отношения с местными жительницами, что подтверждается и некоторыми другими исследованиями [3; 5]. Гибель кого-либо из экспонируемых могла становиться причиной массового участия людей в погребальной процессии, хотя это не обязательно свидетельствовало об искреннем сочувствии, а могло восприниматься как часть экзотического коммерческого спектакля [7]. Во время экспонирования люди, как правило, не были отгорожены от зрителей решеткой, даже если демонстрировались в зоопарке, и сама их демонстрация в таких местах не обязательно подразумевала уравнивание с животными. Зоопарки на рубеже XIX–XX веков еще не были столь узко специализированными, как в наше время, это были, как правило, коммерческие заведения, предлагавшие в борьбе за посетителей весьма многообразные развлечения.

Таким образом, в целом ряде современных исследований можно заметить отход от прежнего бескомпромиссного осуждения «человеческих зоопарков». Остается, однако, проблема одностороннего

характера большей части сохранившихся источников; не беспроблемной является и интерпретация исследователями тех, что имеются. В связи с этим представляется важным поиск и включение в историографический оборот российских свидетельств о таких выставках.

Библиография

1. Лескинен М.В. «Человеческие зоопарки» в России: к постановке проблемы // Новое прошлое / The new past. 2018. № 4. С. 148-163.
2. Савицкий Е.Е. Сомалийская деревня в петербургском Луна-парке в 1912 году: история и ее современные интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). Империи и нации-государства нового и новейшего времени: власть, общество, идентичность. – URL: <http://history.jes.su/s207987840002442-5-1> (дата обращения: 8.8.2019).
3. Dreesbach A. Gezähmte Wilde. Die Zurschaustellung exotischer Menschen in Deutschland, 1870-1940. Frankfurt a.M.: Campus, 2005. 371 S.
4. Rothfels N. Savages and beasts: The birth of the modern zoo. Baltimore: The John Hopkins univ. press, 2002. 268 p.
5. Schwarz W.M. Anthropologische Spektakel. Zur Schaustellung «exotischer» Menschen, Wien 1870–1910. Wien: Turia, 2001. 272 S.
6. Thode-Arora H. Für fünfzig Pfennig um die Welt. Die Hagenbeckschen Völkerschauen. Frankfurt a. M.: Campus, 1989. 204 S.
7. Wolter S. Die Vermarktung des Fremden. Exotismus und die Anfänge des Massenkonsums. Frankfurt a.M.: Campus, 2004. 216 S.
8. Zoos humains: Au temps des exhibitions humaines / Sous la dir. de N. Bancel, Pascal Blanchard, Gilles Boëtsch, Eric Deroo, Sandrine Lemaire. Paris: La découverte, 2004. 486 p.

***Савицкий Евгений Евгеньевич**, кандидат исторических наук, доцент, Российской государственной гуманитарной университет, г. Москва, Россия; savitski.e@rggu.ru*

Ethnic exhibitions of the late XIX - early XX centuries and problems of their historiographical understanding

The historical research on the ethnic exhibitions is connected with the nature of their moral assessments, while the nature of the surviving sources leads to the prevailing point of view of the organizers of the exhibitions, which in recent studies often leads to the rehabilitation of the “human zoos”.

Keywords: ethnic exhibitions, human zoos, amusement gardens, racism, colonialism, Russia, Europe

***Savitskiy Yevgeniy Yevgenyevich**, Candidate of History, Associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; savitski.e@rggu.ru*

Чикалова И.Р.**Становление научных школ в области всеобщей истории императорских университетах России**

Статья посвящена рассмотрению основных факторов, способствовавших становлению научных школ в области всеобщей истории в императорских университетах России. Выпуски из университетов, хотя каждый из них и не был многочислен, в итоге многих лет естественным образом привели к формированию элитного слоя историков, составивших цвет российской науки всеобщей истории.

Ключевые слова: всеобщая история, научная школа, университет, Российская империя

Научные школы в области всеобщей истории в России складывались под влиянием определенных факторов. Первый из них – рост университетов. Если к началу XIX в. **университетское сообщество** было представлено профессурой Московского университета, то на протяжении века оно расширилось за счет ученых Дерптского (1802), Виленского (1803–1832), Казанского (1804), Харьковского (1804), Варшавского (1816–1830, 1867), Санкт-Петербургского (1819), Киевского (1833), Новороссийского (1865), Томского (1878) университетов.

Второй фактор – начало планомерного преподавания зарубежной истории в университетах. Оно вводилось по университетскому Уставу 1804 г., хотя первоначально лекционные курсы по всеобщей истории являлись простым изложением иностранных учебных пособий. Например, в Виленском университете вплоть до его закрытия П.В. Кукольник читал лекции по зарубежной истории по 5-томной «Сокращённой всеобщей истории» Л.Ф. де Сегюра, которую он же и перевел с французского языка в свою бытность в С.-Петербурге.

Третий фактор – целенаправленная подготовка историков-всеобщников в Профессорском институте при Дерптском университете, который дважды, в 1828 и 1833 гг., набирал слушателей, а также в ходе зарубежных стажировок, активизации которых способствовал университетский Устав 1835 г. Он вводил практику двухгодичных стажировок для молодых учёных за границей, увеличивал количество профессоров и кафедр. Так появились первые профессора всеобщей истории – М.С. Куторга, преподававший в Петербургском (в 1835–1869 гг.), затем в Московском (в 1869–1874 гг.) университетах и Т.Н. Грановский, занимавший с 1839 по 1855 г. кафедру в Московском университете. Они заложили традиции изучения и преподавания в высшей школе зарубежной истории, воспитали

кадры историков, специалистов по всеобщей истории. С середины 1830-х гг. начали преподавательскую работу П.Н. Кудрявцев и С.В. Ешевский в Москве, М.М. Лунин в Харькове, М.М. Стасюлевич в Петербурге, В.Я. Шульгин в Киеве [1, с. 47-109].

Четвертый фактор – политика в сфере образования. Ужесточившаяся после революционного 1848 г., она смягчилась после окончания Крымской войны: был отменен запрет получать из-за границы без цензуры книги и периодические издания, возобновилась практика командирования наиболее способных выпускников университетов в заграничные научные центры, которая с середины 1870-х гг. стала общим правилом.

Из Петербургского университета в двухгодичную заграничную командировку отправились ученики М.С. Куторги М.М. Стасюлевич и В.В. Бауэр, с чьим именем связано начало планомерного и регулярного преподавания и изучения Новой истории в Санкт-Петербургском университете. По возвращении в университет, на протяжении 1860–1870-х гг., он трудился над «Лекциями по новой истории», изданными лишь посмертно. Из Харьковского университета в двухгодичную поездку был направлен М.Н. Петров. По ее итогам он издал отчет, а затем защитил докторскую диссертацию «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861). До 1886 г. Петров занимал кафедру всеобщей истории в Харьковском университете, сочетая преподавательскую работу с написанием курсов лекций. Его «Очерки из всеобщей истории», впервые изданные в 1868 г., переиздавались четырежды. Пяти томные «Лекции по всемирной истории», опубликованные после смерти автора, выдержали три издания [1, 121-125].

Пятый фактор – появление в российских университетах ученых уровня М.С. Куторги, Т.Н. Грановского, В.И. Герье, Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого, И.М. Гревса, которые стали наставниками для молодых историков-всеобщников и советниками в выборе направлений исследований [1, с. 137 и сл.; 3; 5]. При выборе тем исследований первоначально ориентировались на изучение истории Древнего мира и Средних веков. В этом направлении работали сам М.С. Куторга и его ученики В.В. Бауэр, В.Г. Васильевский, П.И. Люперольский, Ф.Ф. Соколов, М.М. Стасюлевич, а также Т.Н. Грановский и его ученики П.Н. Кудрявцев и С.В. Ешевский. Такие предпочтения объяснялись условиями научной деятельности: сказывалась общая ориентация европейской исторической науки на античность и средневековье, а также сковывал контроль министерства народного просвещения, следившего за благонадежностью ученых и опасавшегося близких к современности сюжетов.

Что касается новистики, то важнейшую роль в воспитании плеяды историков-новистов сыграл В.И. Герье – «основатель русской научной школы в области новой истории» [2; 3]. И хотя он читал различные курсы, в том числе и по истории Древнего Рима, и Реформации, особую роль в развитии исторического образования сыграли его лекции и семинары по Новой истории, в частности, по истории XVIII в. и Французской революции конца столетия [7]. В границах XVIII в. он выделял роль Франции, которой он посвятил отдельную книгу.

Герье не только плодотворно разрабатывал актуальные проблемы исторической науки, но и воспитал кадры молодых ученых [3]. Первым защитил магистерскую диссертацию под руководством Герье Н.И. Кареев. Герье имел прямое отношение к защите магистерских диссертаций П.Г. Виноградовым и М.С. Корелиным. Герье выбрал тему магистерской диссертации Р.Ю. Вишперу. В семинаре Герье по Французской революции как ученый сформировался П.Н. Ардашев. Учениками Герье были Е.Н. Щепкин и С.А. Котляревский. Ученики Герье, выпускники Московского университета, в разные годы сами вели научные исследования, читали лекции и проводили семинары по различным разделам всеобщей истории на его историко-филологическом факультете. Профессорами были: в 1889–1899 гг. М.С. Корелин, специализировавшийся на истории итальянского гуманизма; в 1897–1923 гг. Р.Ю. Вишпер, опубликовавший книги по античности и средним векам; в 1893–1891 гг. медиовист И.И. Иванов. В свою очередь, ученики Герье стали основателями собственных научных школ [3]. Так в С.-Петербургском университете Н.И. Кареев сосредоточил научные интересы на изучении истории XIX в. и ориентировал своих учеников на изучение событий Новой истории. Многие из его учеников – А.М. Ону, Э.Д. Гримм, В.А. Бутенко – стали впоследствии видными учеными. Параллельно с Кареевым в Петербургском университете в 1887–1910 гг. работал ученик В.В. Бауэра Г.В. Форстен. Он также создал научную школу. В числе его учеников были А.М. Петрункевич, В.Н. Забугин.

Шестой фактор – усиление роли региональных центров. Так, в Киевском университете сложилась региональная, с точки зрения размещения научного центра, но далеко не провинциальная в научном измерении научная школа И.В. Луцицкого [4, с. 40 и сл., 50-53], работы которого посвящены французской истории XVI–XVIII вв. В числе его учеников Д.М. Петрушевский, Е.В. Тарле, Н.Н. Любавич, Н.В. Молчановский, В.П. Клячин, а также основоположник испанистики в России В.К. Пискорский, ставший профессором Казанского университета, ставшего еще одним важным центром изучения вопросов всеобщей истории [4, с. 100-109]. Труды учеников

Лучицкого также не выходили за пределы XVIII в. И лишь Е.В. Тарле переступил грань веков – значительная часть его дореволюционных работ посвящена событиям XIX в.

Отмена цензурных запретов на многие направления и темы в изучении истории позволила расширить исследовательское поле и раздвинуть границы исследований. Выпуски из университетов, хотя каждый из них и не был многочислен, в итоге многих лет естественным образом привели к формированию элитного слоя историков, составивших цвет российской науки всеобщей истории. На первых порах преобладали антиковеды и медиевисты, но постепенно расширился круг специалистов и по Новой истории, новыми именами прирастали англоведение, франковедение, германистика, американистика, иберийские исследования [6].

Библиография

1. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века: От изучения Византии и славянского мира до признания русской исторической школы на Западе / Под ред. В.И. Вернадского. Изд. 2. М.: Книжный дом «ЛИБРОРКОМ», 2013. 224 с.
2. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Становление науки всеобщей истории в России: В.И. Герье и его учителя // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время: Монография / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 534-571.
3. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время: Монография / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 572-644.
4. В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сборник научных статей / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 376 с.
5. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.
6. Чикалова И.Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.). СПб.: Алетейя, 2017. 576 с.
7. Чикалова И.Р. «Старый порядок» и Революция конца XVIII века во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв. // Сборник научных статей по материалам международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения академика В.И. Пичеты / Гл. ред. А.Д. Король. Минск: БГУ, 2018. С. 371-380.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь; irina_chikalova@mail.ru

The formation of scientific schools in the field of world history imperial universities of Russia

The report is devoted to the consideration of the main factors that contributed to the establishment of scientific schools in the field of world history at the imperial universities of Russia. Graduations from universities, although each of them was not numerous, as a

result of many years naturally led to the formation of an elite layer of historians, who formed honor of Russian science of world history.

Keywords: world history, scientific school, university, Russian Empire

Chikalova Irina Romual'dovna, Doctor of history, Professor, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus; irina_chikalova@mail.ru

УДК 902:94(410) "1920/60"

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б.

Особенности коммуникации археологического сообщества Великобритании в 1920–1960-е гг. по материалам Отдела рукописей и архивов Кембриджского университета

Исследовательское сообщество Великобритании создало особый археологический дискурс, расцвет которого пришелся на 1920–1960-е гг. Особенностью дискурса стала триада: научное общество – музей – университет. Разнообразные документы фондов археологов, содержащиеся в Отделе рукописей и архивов Кембриджского университета, представляют характерные особенности коммуникации. Географическая широта контактов и научных интересов, социальное разнообразие исследователей.

Ключевые слова: археология, история археологии, архивы, археологическое общество

Развитие археологического сообщества Великобритании явление уникальное. Особый путь формирования обусловлен отсутствием социальных катастроф начала XX века, потрясших континентальную Европу этого периода. Наиболее ярким выражением этой особой формы коммуникации научного сообщества явился период 20 – 60-х гг. XX века. Триада «научное общество – музей – университет» явилась базой формирования методологии и теории археологии (культурно-исторической археологии) в Великобритании первой половины двадцатого века. Археологическое знание этого периода приобрело специфическое социальное значение в качестве помощи обществу справиться с возникающими «моральными убытками», пережить «моральный ущерб», нанесенный войнами.

С первой трети XVIII века британская археология развивалась в рамках научных обществ, от «Общества Дилетантов» и «Общества антикваров Лондона» до нескольких научных обществ в каждом графстве в настоящее время. Затем, во второй половине XIX века, научными центрами формирования научного археологического знания стали музеи (Ассоциация музеев Великобритании) [3, р. XII–XIII].

Только позднее, в период Второй мировой войны университеты получили пальму первенства в созидании научного знания.

В 1943 г. на конференции Археологических обществ и Института археологии Университета Лондона обсуждались проблемы, посвященные перспективам развития археологии («Будущее археологии» 8 августа 1943 г.). В дискуссии приняли участие сразу несколько создателей различных направлений теории археологии, преподавателей университетов, членов научных обществ Британии (Кристофер Ф.К. Хоукс, Майлз К. Баркит, Гордон В. Чайлд и Грехем Кларк). Они совместно с Министерством общественных работ составили Меморандум английской археологии.

Вот несколько цитат из долгосрочного плана 1943 г.: «Университеты находятся в центре системы образования, это исследовательские и учебные центры. Археология должна изучаться самостоятельно и в качестве обязательного гуманитарного предмета. Археология должна изучаться во всех школах и быть включена во все образовательные программы. Самым лучшим является направление через посещение реальных памятников археологии в стране, городе. Необходимо как можно больше использовать музеи на всех этапах обучения. Необходимо продвигать археологию в учебные программы. Музеи должны быть обязательными получателями государственной помощи. Должны быть укомплектованы персоналом и получать гранты» [4, AA5913/3 pt 1].

Результатом многочисленных дискуссий в ходе конференции «Будущее археологии» стало взаимодействие археологии и образования: от элементарной школы до университета, сложение археологии как направления профессиональной подготовки в Великобритании 1955–1956 гг.

Отдел рукописей и архивов Кембриджского университета берет свое начало с XV века, однако, в XX веке коллекция отдела была значительно пополнена рукописями и документами современных исследователей. Кембриджский университет специально не собирает личные документы сотрудников, в отличие от студентов, поэтому отдел рукописей и архивов Кембриджского университета пополняется только тем, что было сдано на хранение, также архивы есть в каждом колледже [3]. В совокупности с обязательными для хранения административными записями, университета формируется интересная документальная база, представляющая коммуникацию археологического сообщества.

В ходе работы с архивными источниками отдела рукописей и архивов Кембриджского университета были выделены следующие их группы. Во-первых, научные тексты (диссертации, монографии, статьи) представителей позитивизма и постпозитивизма

в археологии. Во-вторых, эго-документы – источники личного происхождения, представленные «межличностно-коммуникативными» источниками, – мемуарами, эпистолярным наследием, интервью представителей позитивизма и постпозитивизма в археологии и их оппонентов.

Наиболее ярко представляют научную коммуникацию археологического сообщества фонды Майлза К. Баркита [5, MS Add. 7959] и Глина Даниэла [2, MS Add. 981]. Археологический дискурс Великобритании – это коммуникация триады научное общество – музей – университет. Подобное единство обладало характерными чертами, такими как географическая широта и разнообразие контактов, и научных интересов.

В пяти коробках фонда Майлза К. Баркита, одного из первых лекторов по доисторической археологии Кембриджского университета (MS Add. 7959 Miles Crawford Burkitt: Correspondence and Papers) содержится богатая научная информация. Это переписка, которая связана с проблемами антропогенеза, доисторического искусства, вырезки статей и рукописи, экзаменационные вопросы, составленные Гордоном В. Чайлдом. Широта научных контактов Майлза К. Баркита от северных графств Великобритании до южной Африки и русской археологии. Общение с представителями Кембриджских антикварного и богословского обществ.

В двадцати коробках материалов содержится как личная, так и деловая корреспонденция. Материалы Глина Даниэла хранятся как Отделе рукописей и архивов Кембриджского университета (MS Add. 9816 Daniel Glyn Edmund: Correspondence and Papers), так и в библиотеке Сент-Джонс колледжа Кембриджского университета. Самой интересной является переписка Глина Даниэла на посту редактора журнала «Antiquity» и его неопубликованные работы, написанные в тот период, когда он занимал должность профессора археологии Кембриджского университета. Фонд содержит личные записи Глина Даниэла, заметки о посещении Чехословакии в 1973 г., черновики рукописей. Материалы подготовки Конгрессов (Всемирный археологический конгресс, 1985). Еще более интересен этот фонд тем, что в нем хранится корреспонденция Дейвида Кларка, рукопись Грехема Кларка о «Кембриджском антикварном обществе».

Материалы Отдела рукописей и архивов Кембриджского университета 1920–1960-е гг. демонстрируют археологический дискурс научное общество – музей – университет. Эти фонды имеет большой потенциал, так как в них сконцентрированы материалы, представляющие позиции исследователей противоположных научных направлений.

Библиография

1. Beard M. Casts and cast-offs: The origins of the Museum of Classical Archaeology // Proceedings of the Cambridge Philological Society, 39, 1994. P. 1-29.
2. Daniel Glyn Edmund: Correspondence and Papers Department of Manuscripts and University Archives Cambridge University Library. MS Add. 9816.
3. Kelly J.M. The Society of Dilettanty: archaeology and identity in the British Enlightenment. Yale University Press. New Haven and London, 2009. P. XII–XIII.
4. Leedham-Green E. The University Archives (what are they, anyway?) // Cambridge University Library: the great collections / Edited by Peter Fox. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
5. Liaison with and recommendations from Council of British Archaeology // Ancient Monuments. Ministry of Works. The National Archives of the Great Britain the Public Record Office. 1942–1956. AA5913/3 pt 1.
6. Miles Crawford Burkitt: Correspondence and Papers. Epartment of Manuscripts and University Archives Cambridge University Library. MS Add. 7959.

Шутелева Ия Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории Методологии и методов гуманитарных исследований, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа, Россия; shutelevai@gmail.com

Шербаков Николай Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории Методологии и методов гуманитарных исследований, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа, Россия; sherbakov@rambler.ru

Communication features of the archaeological community of Great Britain in the 1920–1960s based on materials from the Department of Manuscripts and Archives of the University of Cambridge

The British research community has created a special archaeological discourse, which flourished in the 1920s and 1960s. A feature of the discourse was the triad: scientific society - museum - university. A variety of documents from archaeological funds contained in the Department of Manuscripts and Archives of the University of Cambridge represent the characteristic features of communication. The geographical breadth of contacts and scientific interests, the social diversity of researchers.

Keywords: archaeology, history of archeology, archives, archaeological society

Shuteleva Iya Aleksandrovna, Candidate of History, Researcher, Laboratory of Methodology and Methods of Humanitarian Research, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia; shutelevai@gmail.com

Shherbakov Nikolaj Borisovich, Candidate of History, Researcher, Laboratory of Methodology and Methods of Humanitarian Research, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia; sherbakov@rambler.ru

УДК 930(410)(092)

Агеева Н.Н.

Вклад С.Ф. Фортунатова в развитие отечественного англоведения

В статье приведен обзор основных работ Степана Федоровича Фортунатова по истории Англии. Отмечается, что ученый часто обращался к истории и государственному устройству Англии в своих многочисленных статьях, рецензиях и лекционных курсах. Эта страна была для него образцом поступательного реформирования на принципах либерализма. В списке литературы приводятся наиболее важные публикации С.Ф. Фортунатова, посвященные Англии.

Ключевые слова: С.Ф. Фортунатов, история Англии, либерализм, парламентаризм, Генри Вен

Англия занимала особое место в преподавательской и научной деятельности С.Ф. Фортунатова. Так, тема его первой магистерской диссертации была посвящена изучению личности одного из деятелей индипендентского движения Генри Вена, который как правило оставался в тени других, более известных фигур Английской революции. Г. Вен, по-видимому, привлек С.Ф. Фортунатова прежде всего тем, что его взгляды и деятельность отличались наибольшей демократичностью и последовательностью. Информация о Г. Вене встречается во всех исследованиях, посвященных революции в Англии, но как правило, довольно краткая. На сегодняшний день монография ученого «Представитель индипендентов Генри Вен» [12] остается в отечественной историографии единственным сочинением, посвященным этому историческому деятелю. С.Ф. Фортунатов представил очень яркий, запоминающийся образ Вена, как стойкого борца за свободу, показал его роль в движении индипендентов, взаимоотношения с другими лидерами революции (в частности, с О. Кромвелем). Впоследствии ученый неоднократно возвращался к вопросу о сопоставлении взглядов Г. Вена и других индипендентов. Так, в рецензии на исследование А. Штерна «Мильтон и его время», он отмечал, что Г. Вен, к сожалению, не пользуется той известностью, которая выпала на долю О. Кромвеля и Д. Мильтона, хотя по его мнению, именно Вен был наиболее последовательным индипендентом [16, с. 24].

Кроме монографии о Г. Вене можно выделить еще одну работу С.Ф. Фортунатова «Основные начала английской конституции»,

посвященную анализу специфики конституционного устройства Англии и ее правового оформления [10].

К сюжетам, связанным с историей Англии, Степан Федорович часто обращался в своей публицистической деятельности. Это и многочисленные рецензии на новейшие зарубежные и отечественные исследования по истории Англии [9; 16], и обзоры современных политических событий (как правило, с соответствующими историческими экскурсами) [4; 6; 13]. Ученого в истории Англии привлекали больше всего проблемы эволюции государственного строя [13; 14; 15; 17], борьба за права человека [18; 19], становление системы английского парламентаризма [3; 5; 11; 13], которую он считал образцовой [1, с. 17]. Он всегда особо подчеркивал способность политических институтов этой страны к реформированию [14, с. 298]. Статьи и рецензии С.Ф. Фортунатова на страницах «Русских ведомостей», «Юридического вестника», «Русской мысли» позволяли донести до российского общества идеалы либерализма, особенности функционирования парламентской монархии, необходимость усвоения Россией политического опыта, достигнутого западными странами в начале XX в. [3; 5; 8; 14; 19]. Этот просветительский, по сути, аспект работ ученого по истории Англии, на наш взгляд, недостаточно изучается исследователями по истории отечественного англоведения [20].

Истории Англии XIX в. С.Ф. Фортунатов неизменно посвящал и свои лекционные курсы как в Московском университете (где он проработал 25 лет) [2], так и на Высших женских курсах, и в университете имени А.Л. Шанявского. Основной упор он делал на изучение политико-правовой системы страны, уделяя особое внимание наиболее значимым общественным и государственным деятелям, портреты которых у него всегда были очень яркие и убедительны (особенно его кумира Гладстона) [7].

Таким образом, С.Ф. Фортунатов, имеющий заслуженную репутацию блестящего лектора и специалиста в области политической истории Англии и США и конституционного права, не только внес определенный вклад в развитие отечественного англоведения, но и способствовал распространению в широких кругах российского общества либеральных идей конституционализма, выделяя Англию как страну достойную подражания, имея ввиду ее опыт последовательной демократизации политической системы с XVII в. без революционных потрясений.

Библиография

1. Агеева Н.Н. Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ...к.и.н. Чебоксары, 2016. 24 с.

2. Агеева Н.Н. Преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в Московском университете // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: сб. статей. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 17-21.
3. Фортунатов С.Ф. Английский парламентаризм // Рус. ведомости. 1905. № 195.
4. Фортунатов С.Ф. Англия и Ирландия // Рус. ведомости. 1886. № 160.
5. Фортунатов С.Ф. Бюджетное право английского парламента // Рус. ведомости. 1906. № 297.
6. Фортунатов С.Ф. Гладстоновские билли о гомруле // Рус. ведомости. 1912. № 32.
7. Фортунатов С.Ф. История Англии XIX века: Записки, слушат. по лекциям, чит. в 1911/12 уч. г. М., [1912]. 123 с.
8. Фортунатов С.Ф. Закон и общественное мнение в Англии // Рус. ведомости. 1906. № 69.
9. Фортунатов С.Ф. Новая биография Гладстона // Рус. мысль. 1904. Кн. VI. С 32-50.
10. Фортунатов С.Ф. Основные начала английской конституции. М.: Тип. И. Лисенера и Д. Собко, 1905. 59 с.
11. Фортунатов С.Ф. Право парламентских комиссий в Англии // Рус. ведомости. 1907. № 75.
12. Фортунатов С.Ф. Представитель индпендентов Генри Вен. М.: Тип. Т. Рис, 1875. 180 с.
13. Фортунатов С.Ф. Распущение палаты общин и выход кабинета в отставку в Англии // Рус. ведомости. 1906. № 206.
14. Фортунатов С.Ф. Реакция в Англии в конце XVIII и в начале XIX столетия // Юрид. вестн. 1880. Кн. II. С. 270-298.
15. Фортунатов С.Ф. Реформа палаты лордов в Англии и двухпалатная система // Рус. ведомости. 1910. № 80.
16. Фортунатов С.Ф. Рец. на кн. Stern A. Milton und seine Zeit // Критическое обозрение. 1879. № 16. С. 22-25.
17. Фортунатов С.Ф. Роль и значение королевской власти в Англии // Рус. ведомости. 1905. № 249.
18. Фортунатов С.Ф. Свобода печати в Англии // Рус. ведомости. 1905. № 299.
19. Фортунатов С.Ф. Свобода собраний в Англии // Рус. ведомости. 1905. № 268.
20. Чикалова И.Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.). Минск: Беларуская навука, 2018. 413 с.

Агеева Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; nageeva@mail.ru

Contribution of S.F. Fortunatov to the development of British Studies in Russia

The article analyzes the main works of Stepan Fedorovich Fortunatov devoted to the history of England. The scientist often touched the questions of the history and state structure of England in his numerous articles, reviews and lecture courses. This country was a model of progressive reforms on the principles of liberalism. The list of references contains the most important publications of S.F. Fortunatov devoted to England.

Keywords: S.F. Fortunatov, history of England, liberalism, parliamentarism, Henry Vena.

Ageeva Natal`ya Nikolaevna, PhD in history, Associate professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Cheboksary, Russia; nageeva@mail.ru

Бычков С.П.

Общая церковная история и история русской православной церкви в Петербургской духовной академии в начале XX века:

В.В. Болотов – А.В. Карташев. Особенности восприятия идей и ценностей¹

Статья посвящена проблеме влияния личности и идей В.В. Болотова – историка древней церкви Санкт Петербургской Духовной академии на жизненные, мировоззренческие, научные установки историка русской православной церкви А.В. Карташева.

Ключевые слова: В.В. Болотов, история русской православной церкви, древняя церковь, сотериология, методология церковной истории

Русская церковная история как учебная и научная дисциплина формировалась в стенах академий русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века. Получив первые фундаментальные труды по русской церковной истории митрополитов Филарета, Макария, Е.Е. Голубинского, основной комплекс источников, она, к началу XX века подошла к необходимости более четкого теоретического обоснования и определения своего объекта и предмета, методов и принципов. По мнению Н.Ю. Суховой, церковные историки вышли на своеобразную развилку понимания двух образов церковной истории: сотериологического, когда церковная история должна была являть собой воплощение Божественной воли, Божественного плана, и конкретно-исторического, который понимал церковь как государственный или общественный институт, исторически складывающийся и могущий быть изученным как любая другая политическая или общественная организация [6, с. 326]. В определенной мере, к такой развилке подталкивала общая логика нового этапа становления практически всех богословских дисциплин в православных академиях, когда они пережили своеобразную интеллектуальную революцию рассмотрения их предмета не просто как окончательно сложившегося и канонически неприкасаемого, а как формирующегося в процессе интеллектуального, научного, богословского и общественно-политического развития [5, с. 168-169].

Сценарии интеллектуального ответа на эту ситуацию в Московской и Петербургской академиях были неодинаковыми. Похожесть

¹ Публикация осуществляется при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00172 («В поисках Святой Руси: биография А.В. Карташева (1875–1960)»).

заклучалась в том, что осмысление объекта и предмета русской церковной истории проходило на фоне выводов относительно древней церковной истории и русская церковная история мыслилась как неотъемлемая часть общей истории христианской церкви. С точки зрения известного церковного историка и историографа А.П. Лебедева, в Московской духовной академии это становление происходило несколько быстрее Петербургской и было заслугой А.В. Горского и Е.Е. Голубинского. Яркий вариант сотериологического исполнения церковной истории представил именно А.В. Горский с его идеей о воплощении в церковной истории трех ипостасей Святой Троицы [3, с. 450-454]. Е.Е. Голубинский не продолжал в этом отношении работ учителя и критически рассматривал материал по церковной истории в ключе церкви земной.

Петербургская же духовная академия долгое время тяготела к развитию сугубо богословских дисциплин и общей церковной истории. Именно на таком фоне в начале XX века в Петербургской духовной академии должно было окончательно сформироваться теоретическое осмысление объекта русской церковной истории. Как отмечал в своих воспоминаниях о. Г. Шавельский, подающим надежды был профессорский стипендиат А.В. Карташев, занявший кафедру истории русской церкви после смерти П.Ф. Николаевского. [7, с. 119] Николаевский был ученым – эмпириком, работавшим над частными сюжетами по русской церковной истории, но не над ее теорией. Поэтому первым, кто дал развернутое определение объекту церковной истории среди церковных историков Петербургской академии, стал Василий Васильевич Болотов.

В лице В.В. Болотова Академия обрела корифея совершенно незабвенного в ее истории. Даже спустя 50 лет, будучи в эмиграции и вспоминая мэтра, А.В. Карташев вывел новую формулу для определения феномена Болотова – ученость как святость. Знаток полтора десятков древних и новых языков, математики, астрономии, экономики и при этом богослов и историк древней церкви, консультант по церковным, языковым, стилистическим вопросам и действующий ученый, лектор Петербургской духовной академии, он спустя десятилетия после кончины по-прежнему будоражил дух и память своего окружения. О.И. Мейендорф указывал, что А.В. Карташев, занимаясь с воспитанниками Свято-Сергиева Института в Париже, неоднократно вспоминал Болотова, знавшего всего «три дороги» – в храм, в академию на лекции и в библиотеку [4, с. 169].

Однако, в дальнейшем этот ценностный набор подвергся и жизненным испытаниям, и переосмыслению со стороны Карташева. Болотов остался типажом ученого-отшельника, выпадавшего из социального и политического контекста, активно в нем

присутствовавшего только эпизодически, в моменты привлечения его как эксперта со стороны научных или церковных учреждений. Сама же эпоха первых десятилетий XX века с невероятными трансформациями политического и социального фона востребовала уже новый тип ученого, активно участвовавшего в общественной и политической жизни.

Было ли влияние со стороны Болотова на формирование научного мировоззрения А.В. Карташева, большее, чем незабвенный образ ученого, без остатка посвятившего жизнь только науке? Болотов, работая с материалами древней церковной истории, по-своему разрешал проблему объекта церковной истории, ее конкретно-исторического содержания.

В своих лекциях по Общей (Древней) церковной истории Болотов определял, что задачей историка является четкое понимание разницы между церковью догматической и церковью исторической. «Церковная история могла бы избрать это понятие точкою своего отправления, разумея под церковью такую общину, где каждый член призывается к закономерному участию в жизни общей, совместной. Она должна заниматься тем, в чем выразилась жизнь новозаветного общества Господня, которое явилось преемником ветхозаветного общества Господня, должна изучить как явления его жизни, так и идеи и желания и цели, к которым оно стремилось. В церковь входит весь народ... Каждый вносит свое в содержание жизни церкви. Ergo церковная история не должна сводиться к истории отдельных лиц, она должна быть историей всего народа» – указывал ученый [1].

В определенной мере именно такое отношение к церковной истории мы видим и у А.В. Карташева, издавшего в конце жизни, в 1959 г., «Очерки по истории Русской церкви», когда он исследует «проблематику характерных моментов и явлений в исторической жизни русской церкви, способствовать живому чувству ее переживаний, ее судеб, любовному пониманию ее слабостей, изнеможений, преткновений, но и ее долготерпеливого, христианизующего подвига и ее медленных, тихих, смиренно величественных, святых и славных достижений» [2, с. 9].

Болотов же критиковал и Горского за идею воплощения Троицы в истории церкви, которая не могла быть им принята как научная. Он ратовал за конфессионализм церковной истории, понимаемый таким образом, что общий ход событий и процессов, происходящих в общественной и политической сфере рассматривался под углом важности и влияния их на церковную жизнь. Это должно было, по его мнению, избавить историю от заданности

внешних механических схем и чрезмерной опеки со стороны церковных авторитетов.

В дальнейшем творчестве А.В. Карташева произошло творческое переосмысление сотериологии московской школы и болотовского реализма: создается собственная концепция симфонии церкви и государства и воссоздания Святой Руси.

Библиография

1. Болотов В.В. Лекции по истории Древней церкви. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Bolotov/lektcii-po-istorii-drevnej-tserkvi/1_1 (дата обращения: 1.09.2019).
2. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М, 1991. Т. 1. 685 с.
3. Лебедев А.П. Церковный историк А.В. Горский // Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб.: Алетейя, 2000. С. 447-467.
4. Мейендорф И. А.В. Карташев-общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 169-173.
5. Сухова Н.Ю. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. Вып. 9. М.: ПСТГУ, 2013. С. 135–169.
6. Сухова Н.Ю. Антон Владимирович Карташев: попытка христианского осмысления истории // Церковь. Богословие. История. Материалы IV Международной научно-богословской конференции, посвященной Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской. 2016. С. 322-331.
7. Шавельский Г. В школе и на службе. Москва; Брюссель, 2016. 813 с.

Бычков Сергей Павлович, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского; г. Омск, Россия; sbychkov@mail.ru

General Church history and history of the Russian Orthodox Church in the St. Petersburg Academy in the early twentieth century: V.V. Bolotov – A.V. Kartashev. Features of perception of ideas and values

The report is devoted to the problem of the influence of personality and ideas of V.V. Bolotov-historian of the ancient Church of St. Petersburg Theological Academy on the life, worldview, scientific attitudes of the historian of the Russian Orthodox Church A.V. Kartashev

Keywords: V.V. Bolotov, history of the Russian Orthodox Church and the ancient Church, soteriology, definition and methodology of Church history

Bychkov Sergej Pavlovich, Candidate of History, Associate professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky; Omsk, Russia; sbychkov@mail.ru

Герш К.В.

Историк-медиевист И. М. Гревс в меняющейся повседневности: к постановке проблемы

На примере анализа эпистолярного наследия историка-медиевиста И.М. Гревса сделана попытка выделить субъективный аспект повседневности историка на фоне происходящих трансформаций 1920–30-х гг.

Ключевые слова: И.М. Гревс, повседневная жизнь, история исторической науки, переписка историков

Историк и его повседневное пространство становятся частой темой для размышлений в современной науке. Ученые пытаются реконструировать или даже конструировать повседневность историка через различные эго-источники (воспоминания, дневники, мемуары, эпистолярии). Особое место среди них занимают письма, которые позволяют в динамике глазами самих ученых проследить происходившие изменения. Эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) – историка-медиевиста, основателя Петербургской школы медиевистики [1; 2; 11; 14] – неоднократно было в центре внимания специалистов. Как правило, это публикация писем И.М. Гревса с подробными комментариями, например, переписка с Вяч. Ивановым или Н.П. Анциферовым, которые осуществлены Г.М. Бонгард-Левиным, Н.В. Котрелевым, Е.В. Ляпустиной, И.А. Голубевой [10; 18]. Многие письма Гревса за разные годы были опубликованы без комментариев в работе О.Б. Вахромеевой [16]. Переписка используется при изучении различных сторон жизни и творчества историка (см. работы Б.С. Кагановича [11]), а также при анализе его отношений с друзьями, коллегами, учениками (см. работы М.В. Мандрик, А.В. Свешникова, В.П. Корзун, М.А. Мамонтовой и др. [13; 14, с. 282–292; 15]).

И.М. Гревс оставил обширный комплекс переписки, часть которой опубликована, но большая часть находится в фондах различных архивных хранилищ (СПФА РАН, АРАН, РГАЛИ и др.). В центре нашего внимания письма, написанные историком в 1917–1941 гг. коллегам С.Ф. Платонову, А.К. Дживелегову, ученикам Н.П. Анциферову, О.А. Добиаш-Рожественской, Е.Я. Рудинской, друзьям Д.М. Петрушевскому, Вяч. Иванову, В.И. Вернадскому, Д.И. Шаховскому и др. [4; 5; 6; 7; 8; 10; 16; 17; 18]. Выбранные хронологические рамки не случайны и связаны с максимальными изменениями, которые переживали в это время как корпорация историков, так и государство в целом. Многие ученые эмигрировали после

революционных событий и войн, другие остались, приспособляясь к новым условиям и переживая все трансформации, происходившие в том числе в науке и культуре. Анализ эпистолярного наследия Гревса может стать важной страницей при реконструкции повседневной жизни ученого сообщества первой половины XX века. Формат статьи не позволяет полноценно рассмотреть тему, поэтому здесь мы затронем лишь субъективный аспект повседневности – внутренние тревоги и переживания историка на фоне происходящих изменений.

Информация частных писем как источника личного происхождения максимально субъективно окрашена [12]. Письма Гревса позволяют увидеть живого человека-ученого, который интенсивно работает, сомневается, переживает, ищет, приспособляется к современной ему действительности. Пока была возможность до конца 1920-х гг. в том числе публично говорить о проблемах разного характера, Гревс это делал в том числе на страницах разных изданий («Речь», «Русская свобода», «Краеведение», «Наука и ее работы» и др.). Когда такой возможности не стало, подобные рассуждения перешли исключительно в сферу приватной устной или письменной коммуникации. В силу своего замкнутого характера переписка позволяла ученому «очищать свою эпистолярную совесть», избегать духовного одиночества. Историк даже пытается восстановить былые дружеские отношения, например, в 1918 г. он пишет своему другу Вяч. Иванову с целью «оживления давнего союза», восстанавливая некогда разрушенной связи [10, с. 256]. С одной стороны, это связано с принятыми правилами в научной среде поддерживать горизонтальные связи внутри корпорации историков и в целом научного сообщества. Переписка становится особенно важной в то время, когда эти связи начинают разрушаться (более редкими становятся личные встречи и общение ученых). Гревс часто жалеет, что не может навестить друзей даже в Москве. Одиночество и поиски выхода из него становятся важнейшим лейтмотивом писем Гревса после революции 1917 года и до конца жизни. Градус пессимизма повышается с каждым прожитым годом. Если в 1920-е гг. Гревса держала на плаву университетская и краеведческая работа, то с рубежа 1920–30-х гг. ситуация становится совсем критической: отсутствие постоянной работы, поиски временного заработка, невозможность публиковаться, постепенный уход из жизни близких друзей, запуск маховика репрессий, ухудшение здоровья самого историка и его близких и др. И все это на фоне неприятия советской действительности. В письмах Гревс описывает свою жизнь как смену полос, череду удач и неудач, пытаясь порой объяснить не адресату, а прежде всего самому себе причины и мотивы такой ситуации.

Переписка наравне с воспоминаниями давала возможность вернуться в прошлое, спрятаться от проблем. Общение с друзьями, коллегами, учениками в письмах было в большей степени ретроспективным. Истинный покой историк ощущал только когда предавался в письмах воспоминаниям, залечивая тем самым душевные раны.

Библиография

1. Бамбизова К.В. Историческая концепция И.М. Гревса – основоположника Петербургской школы медиевистики. Дисс. ...канд. ист. наук. Томск, 2008. 259 с.
2. Бамбизова К.В., Свешников А.В. «Страничка из научной биографии» И.М. Гревса. Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX-го века (подг. текста, предисл., примеч. К.В. Бамбизовой, А.В. Свешникова) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 22. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 274-309.
3. Вахромеева О.Б. Духовное единение. К истории изучения творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: Изд-во «Знаменитые универсанты», 2005. 166 с.
4. Гревс И.М. Письма к А.К. Дживелегову (1932-1938 гг.) // РГАЛИ. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 216. 31 л.
5. Гревс И.М. Письма к Д.М. Петрушевскому. 1916–1941 гг. // АРАН. Ф.493. Оп. 3. Д. 53. 123 л.
6. Гревс И.М. Письма к О.А. Добиаш-Рождественской (1902–1903, 1932–1933 гг.) // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 291. 13 л.
7. Гревс И.М. Письма к С.Ф. Платонову 1903–1929 гг. // ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2715. 35 л.
8. Из переписки О.А. Добиаш-Рождественской к И.М. Гревсу // Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие / Отв. ред. В.И. Рутенбург. М.: Наука, 1987.
9. Из переписки О.А. Добиаш-Рождественской 1920 – 30-х гг. / Публ. Б.С. Каганович // Отечественная история. 1992. № 3. С. 101-115.
10. История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и комментарии Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
11. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 11-84.
12. Корзун В.П., Свешников А.В., Мамонтова М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX-XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милоков) / Под ред. проф. В.П. Корзун. Омск: ООО «Полиграфист», 2003. С. 3-36.
13. Мандрик М.В. И.М. Гревс и Д.М. Петрушевский // Петербургские исследования: Сб. науч. статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 99-127.
14. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.
15. Свешников А.В., Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Жизни наши... протекли врозь» (к истории личных взаимоотношений И.М. Гревса и С.Ф. Платонова) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2004. Вып. 12. С. 313-332.
16. Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса / Авт. сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. 372 с.
17. Шаховской Д.И. Письма о братстве / Публикация Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского и М.Ю. Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. СПб. М.: Феникс, 1992. Вып. 2. С. 174-318.

18. «Я всегда любил преподавание, но теперь в области истории – это очень трудное дело». Письма И.М. Гревса к Н.П. Анциферову. 1934–1941 гг. / Публ. И.А. Голубевой // Отечественные архивы. 2017. № 1. – URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/2693/ya-vsegda-lyubil-prepodavanie-no-teper-v-oblasti-istorii-eto-ochen-trudnoe-delo-pisma-im-grevsa-k-np-anciferovu-1934-1941-gg> (дата обращения: 10.07.2019).

Герш Ксения Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, Новокузнецкий филиал (институт), Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк, Россия; bambizova@mail.ru

Historian medievalist I.M. Grevs in changing everyday life: to the problem statement

The attempt to highlight the subjective aspect of the historian's everyday life against the background of the ongoing transformations of the 1920–30s was made on the example of the analysis of the epistolary heritage of the historian medievalist I.M. Greves.

Keywords: I.M. Grevs, everyday life, history of historical science, correspondence of historians of the 1920-1930s.

Gersh Kseniya Vadimovna, Candidate of History, Associate professor, Novokuznetsk branch (institute), Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia; bambizova@mail.ru

УДК 94:378"18"

Жуковская Т.Н.

Преподавание истории в Петербургском педагогическом институте и университете. 1800–1820-е гг.: предметные рамки и методы

Статья рассматривает постановку преподавания всеобщей истории в столичном университете и деятельность профессоров, представлявших эту дисциплину: Г.Г. Терлаича, Э.-Б. Раупаха, А.А. Дегурова, Т.О. Рогова, А.Л. Крылова. Прослеживаются организационные и методологические изменения в преподавании истории, его зависимость от европейских научных школ. Оценивается научный уровень преподавания истории, а также влияние правительственного курса и идеологических рамок на преподавание. Автор объединяет историю Педагогического института до 1819 г. и историю Санкт-Петербургского университета как преемственных учреждений.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Петербургский педагогический институт, преподавание истории, профессора-историки, Э.-Б. Раупах

В первой четверти XIX в. номенклатура наук и границы между гуманитарными дисциплинами выглядели иначе, чем сейчас. Однако всеобщая история как самостоятельная дисциплина преподавалась уже в Академическом университете XVIII века профессорами, приглашенными из Франции и Германии. При этом предметные границы ее пересекались с такими смежными курсами, читавшимися

с 1804 г. в Педагогическом институте (далее – ПИ) и с 1819 г. в университете как статистика и всеобщая география, поскольку их авторы оперировали историческими источниками или же сами эти источники создавали и публиковали. Так, читавший статистику К.Ф. Герман был известен своими историко-социологическими наблюдениями, географ Е.Ф. Зябловский писал учебники как по всеобщей истории, так и по географии и преподавал оба предмета, когда кафедра всеобщей истории была вакантна. Именно Зябловскому принадлежало первое опубликованное учебное пособие по истории, которое могло быть положено в основу ее систематического преподавания [3].

У истоков университетской школы историков стоял первый директор ПИ Иван Иванович Кох (1739–1795) [1], нумизмат, египтолог, знаток древних языков. Первым же преподавателем истории в ПИ был серб Григорий Иванович Терлаич (1766–1811), питомец Пештского университета. К преподаванию истории он, вероятно, относился дилетантски. Это следует из воспоминаний К.И. Арсеньева, сообщавшего, что «одолеваемый ленью» Терлаич быстро остыл к устным лекциям и ограничился «простым чтением истории Милота», так что его слушателям приходилось самим штудировать труды Э. Гиббона, В. Робертсона, Д. Юма и других популярных историков английской и французской школы [4, с. 5]. Объем читаемого в то время курса всеобщей истории составлял от 3 до 6 часов в неделю, в зависимости от избранной студентами специализации. Внутри гуманитарного цикла, группа, занимавшаяся по всеобщей истории, была самой многочисленной [5, л. 2-4].

Свои познания в предмете студенты ПИ имели возможность продемонстрировать перед Александром I во время его визита в институт в апреле 1807 г. [2], что возвысило репутацию института.

После перехода Терлаича в Харьковский университет курс всеобщей истории семь лет читал уже упомянутый Евдоким Филиппович Зябловский.

В конце 1811 г. в Петербург вернулись стипендиаты Педагогического института, в их числе Иван Кузьмич Кайданов, который был послан за границу специально для подготовки к преподаванию истории и учился в Геттингенском университете у А. Шлецера, Г. Гуго, Г. Сарториуса. По возвращении он выдержал испытания на степень магистра в Педагогическом институте. Однако после полугода пребывания в этом статусе и нескольких пробных лекций Кайданов был определен адъюнкт-профессором в Царскосельский лицей, где прослужил более 30 лет. По его учебным книгам, составленным для средних учебных заведений и уездных училищ, учились несколько поколений. По ним же, за неимением собственных

университетских руководств, в период упадка университетского преподавания в 1820-е гг. читался и университетский курс.

Большим приобретением для ПИ, а затем университета стало приглашение на кафедру всеобщей истории Эрнста Раупаха, питомца Галльского университета, которому протектировал попечитель учебного округа С.С. Уваров. Раупах, соединяя синхронистический принцип изложения с этнографическим подходом, в духе романтической историографии, излагал историю цивилизаций от древности до новейшего времени. В особый период он выделил европейское Средневековье. Раупах придерживался провиденциалистского взгляда на историю, при этом был внимателен к истории отдельных народов, с ее внутренней дробной периодизацией, в духе И. Гердера [6]. Его преподавание выглядело несколько архаичным для 1810–1820-х гг., когда уже заявила о себе геттингенская школа Геерена, были изданы труды Нибура, но Раупах, по свидетельству мемуаристов, пользовался авторитетом среди коллег и студентов. Правда, его лекции читались то на немецком, то на латинском языке, с французскими комментариями, так что далеко не всегда его хорошо понимали слушатели «непрофильных» отделений. О содержании преподавания Раупаха можно получить представление из сохранившихся конспектов студентов, изъятых во время следствия по «делу профессоров». В сентябре 1821 г. Раупах был отстранен от преподавания, обвинен в вольнодумстве, а в 1822 г. покинул Россию.

Кафедра всеобщей истории перешла к Антону Антоновичу Дегурову (1765–1849), французскому эмигранту, который не имел должной квалификации для чтения серьезного курса и, оставаясь профессором, фактически передал его Трофиму Осиповичу Рогову (1788–1831), питомцу ПИ и ученику Зябловского. Рогову ассистировал Александр Лукич Крылов (1798–1853), который читал всю историю по своим запискам, скомпилированным из разных авторов, так что в содержательном отношении оба они уступали Раупаху. С 1822 г. Рогов начал чтение отдельного курса российской истории. Ни Рогов, ни Крылов не поднялись выше должности экстраординарного профессора и не имели оригинальных сочинений по истории. Содержательное и теоретическое обновление преподавания истории в столичном университете произошло лишь в середине 1830-х гг. и связано с кадровой реформой С.С. Уварова в университетах.

Библиография

1. Биографический словарь профессоров Санкт-Петербургского университета. – URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/851-kokh-ivan-ivanovich.html> (дата обращения: 24.10.2019).
2. Жуковская Т.Н. «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество

и реформы в России в XIX – начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. СПб.: Лики России, 2009. С. 74-89.

3. Зябловский Е.Ф. Курс всеобщей истории, читанный на публичных лекциях, учрежденных при СПб. педагогическом институте. Ч. 1-3. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1811–1812.

4. Исторические бумаги К.И. Арсеньева, изд. П. Пекарским. СПб.: Тип. Академии наук, 1872. 576 с.

5. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 35.

6. Чекмасов А.В. Э.-В.-С. Раупах – первый профессор всеобщей истории Санкт-Петербургского университета // Санкт-Петербургский университет в XVIII – XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Матер. междунар. науч. конф. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2009. С. 217-238.

Жуковская Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; tzhukovskaya@yandex.ru

Teaching History at St. Petersburg Pedagogical Institute and University. 1800–1820s: subject framework and methods

The article considers the staging of the teaching of general history at the metropolitan university and the activities of professors representing this discipline, such as: G.G. Terlaich, E.-B. Raupah, A.A. Degurov, T.O. Rogov, A.L. Krylov. Administrative and methodological changes in the teaching of history are traced, its dependence on European scientific schools. The scientific level of teaching history is evaluated, as well as the influence of the government course and ideological framework on teaching. The author combines the history of the Pedagogical Institute until 1819 and the history of St. Petersburg University as successive institutions

Keywords: St. Petersburg University in the first quarter of the 19th century, history teaching, professor of history. E.-B. Raupah

Zhukovskaya Tat`yana Nikolaevna, PhD in history, Associate professor St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; tzhukovskaya@yandex.ru

УДК 316 (092) + 930.2

Золотарев В.П.

В.И. Ульянов (Ленин) и Н.И. Кареев

В статье впервые на основе достоверных источников раскрываются взаимоотношения В.И. Ульянова (Ленина) и Н.И. Кареева, демонстрируется эволюция взглядов основателя Советского государства на наследие Н.И. Кареева. Приводятся высокие оценки Кареевым Ленина как ученого, политического и государственного деятеля.

Ключевые слова: В.И. Ленин, Н.И. Кареев, К. Маркс, экономический материализм, Брестский мир

Человек, живя среди людей, находится в непосредственных и опосредованных отношениях с ними. В подобных отношениях

длительное время находились **Владимир Ильич Ульянов (Ленин)** (1870–1924) и **Николай Иванович Кареев** (1850–1931).

В.И. Ульянова (Ленина), основателя первого в мире государства рабочих и крестьян – СССР, ныне, к великому сожалению, не существующего, в недавнем прошлом хорошо знали ребяташки детсадовского возраста. Ныне совсем другое дело. Студенты-первокурсники на вопрос, кто такой В.И. Ленин не могут дать вразумительного ответа. Не лучше, скорее всего хуже знает молодежь современника Ленина – Кареева, русского, советского выдающегося историка, философа истории, социолога, профессора, общественного деятеля.

Поскольку объем нашей статьи строго ограничен, ее автор вынужден оставить немало фактов за ее пределами. Тем не менее автор дерзнул хотя бы пунктирно проследить отношения Ленина к Карееву и Кареева к Ленину.

Впервые Ленин упомянул имя Кареева в работе «Что такое “Друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» в 1894 г., пренебрежительно назвав теоретические исследования ученого «*какими-нибудь*», а их автора «*каким-нибудь*» (здесь и далее выделено мною. – В.З.) [7, с. 141]. Запомним это пренебрежение. Прошло восемь лет. В марте 1902 г. в Штутгарте отдельной книгой выходит ленинское эссе «Что делать?». Критикуя Б.Н. Кричевского, Ленин констатирует, что он «...понимает марксизм à la Кареевы и Михайловские, достаточно осмеянные Бельтовым» [6, с. 50]. Пренебрежение Ленина к трудам Кареева возросло. Время неумолимо движет Россию к масштабным событиям. Наиважнейшим из них стала трагедия 9 января 1905 г. Небольшая группа политических деятелей старалась предотвратить «Кровавое воскресенье». В эту группу входил Кареев. Делегация накануне 9 января посетила С.Ю. Витте, но тот и пальцем не пошевелил, чтобы предотвратить расстрел рабочих. Делегация политических деятелей была арестована. Спустя три недели, 25 января 1905 г. в газете «Вперед» Ленин публикует статью «Трепов хозяйничает». В ней Ленин с *явным сочувствием* перечислил 10 членов депутации к Витте, в том числе и *Кареева* [5, с. 238-242]. Вряд ли кто будет оспаривать то, что пренебрежение Ленина к Карееву (вспомним его слова «какой-нибудь»), высказанное в 1894 г., уходит в прошлое.

Календарь год за годом переворачивает свои годовые листы. Наступает в мировой истории трагический 1914 г. В марте Ленин начинает работать по заданию издательства «Гранат» над статьей «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)», которая была опубликована в 28 томе энциклопедии в 1915 г. [3, с. 43-93]. Ленин демонстрирует в ней глубокие и чрезвычайно

интересные оценки теоретических трудов Кареева. Он их относит к группе «*существенных... с преобладанием за Маркса*» [В.З.]. Пренебрежение Ленина к теоретическим трудам Кареева, к нему самому сменяется научными оценками. Происходит эволюция взглядов Ленина на научные труды Кареева. В год выхода статьи Ленина о Марксе и позже происходят неслыханные события: Первая мировая война (1914–1918 гг.), две Русские революции, приход большевиков к власти, начало строительства народного государства.

Империалистические государства быстро поняли, что Советская Республика во главе с В.И. Ульяновым (Лениным) начало построение невиданного в истории общества справедливости, равенства и братства. Они решили задуть государство, где власть принадлежит рабочим и крестьянам, и начали военный поход в страну Советов. Над страной нависла опасность. Ленин 22 февраля 1918 г. публикует в «Правде» статью «Социалистическое отечество в опасности».

Германские войска подошли к Пскову. В.Д. Бонч-Бруевич вспоминал: Ленин «ясно чувствовал, что поставлено всё на карту» [В.З.]. Он ищет примеры в мировой истории, аналогичные тому положению, в котором волею судеб оказалась Советская Россия в февралемарте 1918 г. И нашел. Это Пруссия времен наполеоновских войн, историю которой воссоздал Кареев в своем фундаментальном 7-томнике «*История Западной Европы в новое время*» (Т. 4, СПб., 1907, с. 133-155). Ленин законспектировал указанные страницы при подготовке статьи «Несчастный мир» и использовал фактический материал из «Большой истории» Кареева. Он писал: «Наполеон I раздавил и унизил Пруссию..., [но] Пруссия оправилась и свергла Наполеона» [4, с. 382]. Анализируя этот пример, Ленин провидчески утверждал: «Теперь история шагает еще быстрее... Будущее, несмотря ни на какие испытания, – за нами» [4, с. 383]. Так оно и произошло. Это было последнее обращение Ленина к теоретическим и конкретно-историческим исследованиям Кареева. А теперь зададимся вопросом: а как же Кареев относился к Ленину, его научным работам, его политической и государственной деятельности?

Чтобы ответить на эти вопросы нельзя уйти от выяснения и других: как Кареев воспринял Октябрьскую революцию, советскую власть и т.д. Будет логично начать с ответов на последние вопросы. Тем более автор этих строк располагает надежными историческими источниками. Обратимся к ним. В книге воспоминания «Прожитое и пережитое» есть глава XIII – «Вставная глава о революции» [2, с. 228-294]. Она была написана 1 августа 1923 г. в спокойной обстановке поселения Козловка-Саблино, где Кареев находился на отдыхе. Он писал в упомянутой главе: «для меня и было ясно, что

русская политическая, интеллектуальная и экономическая жизнь развиваются в направлении всё более и более назревавшей революции. **Пришествие её было естественным и необходимым**, т.е. законосообразным, моментом нашей исторической эволюции, **её неизбежной неотвратимой стадией»** [2, с. 289]. Стало быть, Кареев в 1923 г. констатировал победу нового строя как свершившийся факт в российской истории. Коснёмся ещё одного источника. В своё время я обратился с упомянутыми вопросами к внуку Н.И. Кареева, известному художнику, действительному члену Академии художеств СССР Оресту Георгиевичу Верейскому. И он любезно ответил на вопросы. В своём письме О.Г. Верейский писал, что его дед «принял революцию [Октябрьскую] как логическое развитие истории, со всеми позитивными и негативными для него положениями. Я просто не помню ни одного его категорического высказывания, в котором выражались или протест, или, наоборот, особый восторг. Что же касается отношения к В.И. Ленину, то он относился к нему как ученый к ученому. Об этом я могу судить по той атмосфере уважения к имени Ленина, которое царило в доме, в разговорах между ним (Н.И. Кареевым. – В.З.) и моим отцом (участником борьбы в 1905 году) и с самого начала человеком советской ориентации. Конечно, дед ощущал многие неудобства и лишения в голодные неустроенные годы, но к ним относился скорее иронически. Иногда он возмущался по поводу каких-то проявлений нерасторопности или бескультурья, исходящих от организации или учреждений, но я ни разу не слышал обобщений, относящихся к режиму. Никогда не слышал от него обывательского брюзжания. Он был всегда ровен, бодр и педантичен во всех делах домашних и, насколько помню, общественных» [В.З.].

А вот еще один источник, подтверждающий предыдущий. Это одна из глав труда Кареева «Основы русской социологии», созданной в самом конце 20-х гг. XX в. В ней он писал: «Октябрьская революция 1917 г. совершилась под знаменем марксизма и под руководством одного из его теоретиков [В.И. Ленина], что, разумеется, не могло не содействовать успеху экономического материализма. Фактическая победа теории на политическом поприще для многих получила значение подтверждения ее верности... Когда окончилась гражданская война, для развития марксистской философии и социологии..., были созданы все необходимые условия: было открыто особое отделение в Институте красной профессуры (1921), созданы философский журнал и другие издания и т.д. Благодаря этому образовалась такая обширная литература, какой не имеет марксизм нигде вне России» [1, с. 116-117]. В.И. Ленин, по мнению Кареева, сделал «свой вклад в русскую социологическую литературу», которая

теснейшим образом связана с политической практикой, и эта связь помогла вождю Октябрьской революции достичь **«величайшего практического успеха»** [1, с. 124]. Сами теоретические вопросы в ленинских трудах «ставились и решались в постоянной связи с текущими злобами дня, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии и тактики, с условиями ее технической стороны» [1, с. 124]. Кареев ёмко, хотя и кратко, проанализировал и оценил основные теоретические работы, начиная с большой книги «Что такое “друзья народа” и как они воюют против марксистов» (1894) и кончая работами «Государство и революция» (1917), «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1919), «О значении воинствующего материализма» (1922). Все они, по его оценке, были «продуктами революционного периода» [1, с. 124].

Источники, на основе которых прослеживается эволюция отношений В.И. Ленина к Карееву, к его научным трудам, позволяют выразить триадой: **неприятие – изучение – использование**. Что же касается отношения Кареева к Ленину, то явные и скрытые факты дают нам основание утверждать: историк не интересовался В.И. Лениным до свершения Октябрьской революции 1917 г. в России. Тем не менее Октябрь он принял **как данность** и сразу откликнулся на призыв наркома просвещения А.В. Луначарского (стало быть, и Ленина) к интеллигенции: «идите в новую школу учить народ грамоте». Этот призыв интеллигенция встретила безобразным бунтом против трудового народа. Не таким был Кареев. Он пошёл учить рабоче-крестьянскую молодежь, показав тем самым свою солидарность с новой народной властью.

Библиография

В.З. – О.Г. Верейский – В.П. Золотареву. 2.02.1982 г. // Личный архив В.П. Золотарева.

П.Л. – Ленин В.И. Письмо в редакцию издания Гранат 17 ноября 1914 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 31.

Б.Б. – Бонч-Бруевич Влад [Дмитр.] Мирные переговоры с немцами и Брестский мир // Красное Панорама. Л., 1929. № 4. С. 5-7.

1. Кареев Н.И. Марксистская социология (Подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментарии В.П. Золотарев) // Мир России.1992. № 1. С. 113-162.

2. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подготовка текста, авт. вступ. статьи и комментарии В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 384 с.

3. Ленин В.И. Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 43-93.

4. Ленин В.И. Несчастный мир // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 382-383.

5. Ленин В.И. Трепов хозяйничает // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 238-242.

6. Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 1-192.

7. Ленин В.И. Что такое «Друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 125-346.

Золотарев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; oleg-zolotarev@mail.ru

V.I. Ulyanov (Lenin) and N.I. Kareev

This article, based on reliable sources, reveals the relationship between V.I. Ulyanov (Lenin) and N.I. Kareev for the first time, demonstrates the evolution of the views of the founder of the Soviet state on the theoretical and specific-historical heritage of N.I. Kareev. The author gives high assessments of Lenin as a scientist, political and statesman from the Kareev` point of view.

Keywords: V.I. Lenin, N.I. Kareev, K. Marx, economic materialism, Brest Peace

Zolotarev Vasilij Pavlovich, Doctor of history, Professor, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; oleg-zolotarev@mail.ru

УДК 930(092)

Иванова Т.Н.

«Понять историю через личность»: исторические биографии в научном творчестве В.И. Герье

Выделяются основные черты нового этапа «биографического поворота» в современной историографии. На примере научного творчества профессора Московского университета В.И. Герье (1837 – 1919), доказываемся, что данные черты были присущи и лучшим произведениям дореволюционной отечественной историографии. Так, книга Герье «Лейбниц и его век» является не только подробной биографией немецкого философа, но и своеобразной энциклопедией XVII века. На примере других исторических биографий ученого демонстрируется его взвешенный, критический подход к источникам; глубокое проникновение во внутренний мир героя с целью интерпретации его поступков, стремление понять изучаемую эпоху сквозь призму биографий выдающихся представителей.

Ключевые слова: исторические биографии, новая персональная история, В.И. Герье

Цитата, вынесенная в название, принадлежит Л.П. Репиной. Характеризуя новую биографическую историю, она указывает на важность не только анализа деятельности индивида, его сознания и самосознания; но и на необходимость изучения того, «как унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах ... и какую роль играли в этих границах индивидуальный выбор и инициатива»[8, с. 290]. Т.Н. Попова указывает, что на новом

этапе биографического поворота «личная жизнь и судьба индивидов используется для прояснения социального контекста, а не наоборот...» [7, с. 9]. Однако выделенные черты присутствовали в ряде биографических исследований и ранее.

В XIX веке биографический жанр был очень популярен и включал в себя как литературные опусы, так и серьезные исторические исследования [6, с. 26-27]. Лучшие отечественные специалисты по всеобщей истории создавали солидные исторические биографии (Т.Н. Грановский об аббате Сугерии; П.Н. Кудрявцев о Карле V и Данте; С.В. Ешевский об Апполинарии Сидонии и т.д.).

Особое место исторические биографии занимали в научном творчестве профессора Московского университета В.И. Герье (1837–1919), 100 лет со дня смерти которого исполнилось в августе 2019 г. В списке его работ около 30 биографических исследований, в том числе 7 солидных монографий. Это исторические биографии римского императора Августа, Августина Блаженного, архиепископа Майнцского Виллингиза, средневековых римских пап, Людовика IX, Мабли, Руссо, Монтескье, Карла XII, Я. Гуса и т.д. Значительное число работ написано Герье о своих учителях и мыслителях XIX в. (С.М. Соловьев, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, О. Конт, И. Тэн и т.д.).

Для исторических биографий Герье характерны критический анализ всего комплекса источников, контекстуальный подход, изучение героев через социокультурную среду, погружение во внутренний мир личности, выяснение глубинных причин поступков героя. Его биографии – это история эпохи, раскрытая через личность. Еще в 1865 г., давая советы по изучению истории своему близкому другу А.А. Капнист [5], он рекомендовал ей начинать знакомство с определенной эпохой с её выдающихся деятелей: «При близком знакомстве исторические деятели отделяются от серого фона прошедшего, ...оживают перед нами; вопросы, занимавшие их, становятся и для нас понятны и интересны, и мы переживаем вместе с ними одну из эпох в жизни человечества» [1, л. 193об-194]. Такой антропологический подход ученый считал «полезным способом» *понять* историю.

Раскрытие сущности определенной эпохи через личность характерно для биографических монографий Герье. Так, свой интерес к немецкому ученому Лейбницу Герье объяснял тем, что его биография «может много содействовать к пояснению великого переворота, совершавшегося с XV по XVII век», отделяющий Новое время от Средних веков [2, с. 6]. И Герье раскрывает различие двух этих эпох в религиозном, политическом и научном отношении на примере деятельности Лейбница. Характеризуя воспитание героя,

Герье дает яркую картину школьного образования и немецких университетов в XVI–XVII вв. Описывая службу Лейбница при дворах немецких правителей, русский историк анализирует международные отношения в Европе в XVI–XVII вв., останавливаясь на изменении роли России. Кроме того, в книге дана широкая галерея портретов современников Лейбница, в том числе тех, которых в новой персональной истории принято называть «фигура второго плана». Герье показывает любопытные подробности повседневной жизни немецких правящих домов. История религиозных течений в Европе и развития науки сопровождают освещение деятельности Лейбница в этих областях. Таким образом, раскрывая биографию героя, Герье создал настоящую энциклопедию политической, религиозной и научной жизни Европы того времени.

Другая черта биографического метода – глубокое проникновение во внутренний мир героя ярко прослеживается в исследовании Герье о невестке Петра I кронпринцессе Шарлотте [4]. Источниками для ученого стали сохранившиеся в Вольфенбюттенском архиве письма Шарлотты из России к родителям. Герье хорошо осознает субъективность и специфику эмоциональных писем молодой девушки, оказавшейся на чужбине. Ему удается объяснить внутренние переживания принцессы и показать её глазами Петербург начала XVIII века.

Большую известность получили исследования Герье о Франциске Ассизском. Здесь интересно то, что, изучив весь комплекс источников о средневековом святом, ученый приходит к выводу о невозможности реконструкции реальной биографии Франциска. Он говорит об образе, идеале, который воплотился в легендах и житиях. Критически исследуя источники, Герье пытается восстановить реальный облик этой личности. Для него Франциск – ярчайшее воплощение аскетического принципа средневекового католицизма, который Герье противопоставляет Иннокентию III, как воплощению идеи теократии [3]. Этот же прием критического отношения к агиографии мы видим в исследованиях Герье об Августине Блаженном, Катарине Сиенской, Елизавете Теоритенской и т.д.

Иной жанр – интеллектуальных биографий – предстает перед нами в трудах Герье, посвященных известным ученым, где личность раскрывается сквозь анализ произведений героя, что приближает эти труды к историографическим исследованиям.

В целом следует отметить, что Герье являлся для своего времени одним из известных создателей исторических биографий. Широкий научный анализ источников давал возможность объективного освещения изучаемой личности. Для его трудов был характерен широкий исторический контекст, который помогал раскрыть

индивидуальное и типичное в поступках героя, анализируя это на фоне панорамы эпохи. С другой стороны, эти исторические биографии раскрывают специфику самой эпохи, помогают «очеловечить» её и понять события и поступки людей.

Библиография

1. ГАРФ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 104. Письмо В.И. Герье к А.А. Капнист (Чичериной) от 12 сентября 1865. Л. 193-194.
2. Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
3. Герье В.И. Франциск, апостол нищеты и любви. М.: С. Яковлев, 1908. 348 с.
4. Герье В.И. Кронпринцесса Шарлотта, невестка Петра Великого // Вестник Европы. 1872. № 6. С. 461-534.
5. Иванова Т.Н. Внутренний мир Владимира Ивановича Герье (по переписке с А.А. Чичериной). // Владимир Иванович Герье: у истоков высшего женского образования: материалы межвузовской научно-практической конференции. М.: МПГУ, 2019. С. 117-127.
6. Мягков Г.П., Иванова Т.Н. Биографика: этапы дисциплинарного становления // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С.25-37.
7. Попова Т.Н. Биографистика: к проблеме дисциплинарного статуса. // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 8-11.
8. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; tivanovan@mail.ru

"Understanding History Through Personality": Historical Biographies in the scientific heritage of V.I. Guerrier

The main features of the new stage of the "biographical turn" in modern historiography are highlighted. The article proved that these features were inherent in the best works of pre-revolutionary Russian historiography on the example of scientific creativity of Professor of the Moscow University V. I. Guerrier (1837-1919). Guerrier's book "Leibniz and his century" is not only a detailed biography of the German philosopher, but also a kind of encyclopedia of the XVII century. Other historical biographies of the scientist demonstrate his measured, critical approach to sources; deep penetration into the inner world of the hero in order to interpret his actions, the desire to understand the studied epoch through the biographies of outstanding persons.

Keywords: historical biographies, new personal history, V.I. Guerrier

Ivanova Tat'yana Nikolaevna, Doctor of history, Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Cheboksary, Russia; tivanovan@mail.ru

Казаков Р.Б.

**Категорический императив Иммануила Канта
в «Истории государства Российского»
Н.М. Карамзина?**

Анализ черновых листов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина выявляет ранее неатрибутированные упоминания сочинений XVIII века и цитаты из этих сочинений, в том числе, возможно, – из произведений И. Канта. Их анализ позволяет рассматривать философские и литературные сочинения XVIII века как часть интеллектуальной культуры и опыта, с которым Карамзин приступил к созданию «Истории». Фрагменты черновиков публикуются впервые.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, И. Кант, Иван III, «История государства Российского», «Критика практического разума», подготовительные материалы, Просвещение, источниковедение историографии.

Подготовительные материалы, черновые листы и выписки, образовавшиеся при подготовке томов «Истории государства Российского», содержат немалое количество упоминаний философских и литературных сочинений, с которыми Н.М. Карамзин мог ознакомиться задолго до начала работы над «Историей», возможно, еще в юности, например – вполне прозрачные отсылки к карамзинским переводам идиллии С. Геснера «Деревянная нога» (1783) и поэмы А. Галлера «О происхождении зла» (1786) и даже прямое упоминание «Героя Галлерова Романа, Узонга» [2, с. 5, 58, 253]. Предположу, что анализ подготовительных материалов к «Истории государства Российского» поможет реконструировать процесс формирования интеллектуальной культуры Н.М. Карамзина – историографа, в том числе процесс освоения интеллектуального наследия западноевропейского Просвещения.

Черновики, наиболее ранние из которых датируются по водяному знаку на бумаге 1801-1804 гг., а наиболее поздние – началом 1826 г., дают исследователю в некоторых случаях (как правило, это начальные страницы глав) до 25–30 % текста, который затем был вычеркнут, радикально переработан, сокращен или дополнен автором, а значит – неизвестен в настоящее время.

Главным героем «Истории» стал Иван III, его эпоха – время становления «Державы сильной, как бы новой для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической». Один из эпизодов истории правления Ивана III в «Истории государства Российского» очень необычен. «Фонарик» (маргиналия на полях издания) «Злоумышление на жизнь Иоаннову» (1493; в Москве схвачен и казнен князь Иван

Лукомский, подосланный королем Казимиром отравить Ивана III выступил в качестве заголовка законченного фрагмента, занимающего в издании целую страницу (примерно 3000 знаков печатного текста) [2, с. 5, 147-148].

Рассказы о покушениях или даже убийствах князей довольно часто встречались на страницах «Истории», но не сопровождались нравственными сентенциями автора. Их объемы и структура значительно отличались от упомянутого эпизода. Здесь же сначала давалось пространное суждение о безнравственности покушения на убийство монарха, а только потом сообщались извлеченные из источников сведения. Вполне обычное для средневековья событие сопровождалось у Карамзина решительным и однозначным его осуждением. Получалось, что читатель заранее знал авторские оценки, а сам рассказ о событии следовал ниже. Такое построение эпизода дает возможность предположить, что Н.М. Карамзин обращался с этими словами к императору Александру I, имея в виду царевубийство 1801 года.

Одновременно с 6-м томом писалась и записка «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Сравнение фрагментов Записки о смерти императора Павла I и шестого тома «Истории» о покушении на Ивана III может свидетельствовать о том, что, несмотря на отсутствие текстуальных совпадений, оценки и характеристики сходных событий, высказанные историографом, весьма близки [2, с. 5, 147-148; 3, с. 108-109, 138].

Черновой лист с описанием «злоумышления» содержит фразы, исключенные затем историографом на этапе правки. Приведем этот текст параллельно с опубликованным фрагментом.

2, с. 147-148.	4, л. 157-157об.*
<p>В сие время открылось в Москве гнусное злоумышление, коего истинный виновник уже тлел во гробе, но которое едва не исполнилось и не пресекло славного течения Иоанновой жизни.</p>	<p>(л. 157) Между тем В сие время открылось в Москве гнусное злоумышление против жизни Иоанновой, коего истинный виновник уже тлел во гробе, и которое по нещастию, но которое едва не лишило исполнилось и не пресекло славного течения Иоанновой жизни.</p>
<p>Никогда выгода государственная не может оправдать злодеяния;</p>	<p>Никогда польза выгода государственная не может оправдать злодеяния;</p>
<p>нравственность</p>	<p>провидение нравственность</p>

существует не только для частных людей, но и для Государей:

ОНИ ДОЛЖНЫ ПОСТУПАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ПРАВИЛА ИХ ДЕЯНИЙ МОГЛИ БЫТЬ ОБЩИМИ ЗАКОНАМИ.

Кто же оставит, что Венценосец имеет право тайно убить другого, находя

его опасным для своей Державы: тот разрушит связь между гражданскими обществами, оставит вечную войну, беспорядок, ненависть, страх, подозрение

выше политики, или еще вернее сказать,

(л. 157об.) [*существует не только для частных людей, но и для Государей: те или целых держав*]: истинная политика есть ничто иное как отношение **частных** [**вписано над строкой, но отсутствует в издании**] нравственных правил к целым государствам **держavam** [**вписано над строкой, но отсутствует в издании**]: **чего ни** [**вписано над строкой, но отсутствует в издании**] люди, **не могут должны делать в расуждение друг друга, того не должно, запрещены** ни государства не должны вредить **друг другу** [*взаимно*]; тем и другим поволяется оборона в случаях насилия и хитрость против коварства; одним словом, **нравственный человек, гражданин и венценосец, те и другие** [текст, был исключен Карамзиным при последующем редактировании, вероятно, во 2-м черновике. – Р.К.]

ОНИ ДОЛЖНЫ ПОСТУПАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ПРАВИЛА ИХ ДЕЯНИЙ МОГЛИ БЫТЬ ОБЩИМИ ЗАКОНАМИ.

Если бы Давая власть государям тайно убивать друг друга

Кто **поставит же** оставит что Венценосец имеет право тайно убить **другого убивать другого Государя друг друга, если** [**впис. над строкой**] **кого считает**

его опасным для своей Державы: тот разрушит **мирный** связь между **государствами** гражданскими обществами, оставит вечную войну, беспорядок, ненависть, страх, подозрение

между ими, совершенно противные их цели, которая есть безопасность, спокойствие, мир.

совершенно между ими, совершенно противные **их** цели **гражданских обществ**, которая есть безопасность, спокойствие, мир.

*Шрифтовые выделения:

Между тем – зачеркнуто автором в первом черновике

против жизни Иоанновой – текст есть в первом черновике, но отсутствует в издании

истинный – текст вписан над строкой в первом черновике и есть в издании [*существует не только для частных людей, но и для государей: те или целых держав*] – вставка Карамзина на полях первого черновика, присутствует в издании за исключением последних слов.

Фраза «они [Государи. – Р.К.] должны поступать так, чтобы правила их деяний могли быть общими законами» более не изменялась и не редактировалась. Эти слова, возможно обращенные к Александру I, очень близки по смыслу формулировке категорического императива Иммануила Канта, данного им в «Критике практического разума». В современном переводе формулировка звучит так: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [5; 1, с. 347, вариант: там же, с. 270]. Осторожно предположу, что Н.М. Карамзин аргументировал свое неприятие убийства венценосца, противное «нравственным правилам», приводя формулировку, ставшую известной из «Критики практического разума» И. Канта.

Возможно ли усмотреть здесь знакомство Н.М. Карамзина с самим трудом И. Канта, изданным в Риге в 1788 г.? Утверждать, что Карамзин все же прочитал «Критику практического разума», пока невозможно; это лишь предположение, хотя переводы и переложения сочинений Канта стали появляться на русском языке в начале XIX века.

Изучение комплекса историографических источников, куда, наряду с прижизненными изданиями «Истории государства Российского», входят черновые листы и различные подготовительные материалы, появившиеся при создании «Истории», а также более ранние сочинения Н.М. Карамзина, помогает реконструировать процесс работы историографа и представить себе, насколько значимыми в работе над «Историей» для Карамзина оставались убеждения, сформированные эпохой Просвещения, прочитанными в молодости философскими и литературными произведениями.

Библиография

1. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. 544 с.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1998. Т. 6. 468 с.
3. Карамзин Н.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» // Литературная учеба. М.: Лит. учеба, 1988. № 4. С. 97-142.

4. РГАЛИ. Ф. 248. Д. 7. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. Черновой авторгр. Л. 157-157об.

5. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft von Immanuel Kant. Riga: Johann Friedrich Hartknoch, 1788. 292 S.

Казаков Роман Борисович, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; kazakov_r@mail.ru

Immanuel Kant's categorical imperative in the N.M. Karamzin's «History of the Russian State»?

Analysis of draft sheets of the N.M. Karamzin's "History of the Russian State" reveals previously unattributed references to works of the 18th century and quotations from these works, including, possibly, from the works of I. Kant. Their analysis allows us to consider the philosophical and literary works of the 18th century as part of intellectual culture and experience, with which Karamzin set about creating the "History". Fragments of drafts are published for the first time.

Keywords: N.M. Karamzin, I. Kant, Ivan III, «History of the Russian State», «Kritik der praktischen Vernunft von Immanuel Kant», preparatory materials, Enlightenment, source study of historiography

Kazakov Roman Borisovich, Senior Lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; kazakov_r@mail.ru

УДК 930(092)

Кирсанова Е.С.

«...согласовать стремление демократии с интересами цивилизации». О политических взглядах В. И. Герье (1837–1919). Памяти историка

В статье рассматриваются политические взгляды В.И. Герье на примере анализа историком событий русской революции 1905–1907 г. г., связанных с деятельностью возникших в ходе революции партий. Подчёркивается связь политических идей учёного с методологией историзма.

Ключевые слова: историческая наука, политика, революция 1905–1907, партийная борьба, монархия, цивилизация

В отечественной историографии недавнего времени при изучении трудов выдающихся российских историков XIX – начала XX в. в их политические взгляды либо упоминаются мимоходом, либо вообще не освещаются. Между тем многие из них не только провозглашали связь исторической науки с политическим сознанием общества, но и пытались влиять на формирование «политического склада» россиян в соответствии со своими общественно-политическими идеалами.

Сказанное всецело относится к В.И. Герье, о политических идеях которого и попытках их реализации и пойдёт речь в предлагаемом тексте. Для Герье вопросы о связи между исторической наукой и современностью, между историческим и политическим сознанием были едва ли не центральными вопросами его методологии [см.: 6]. Учёный был убежден, что занятие историей имеет смысл только в том случае, если исследования историка служат современности и прежде всего решению современных политических проблем. Помощь политике со стороны исторической науки должна состоять в том, по его мнению, чтобы предостерегать общество от излишне радикальных перемен, способных прервать постепенную («правильную») эволюцию социальных форм, для чего необходимо просвещение и воспитание не только власти, но и общества [см.: 7]. Если вопреки этому такие перемены все же произойдут долг историка – «примиришь новое с прошедшим», «...завязать в самом сознании общества нить, которая бы соединила современность с коренными началами», покоящимися в прошлой истории.

Под этим углом зрения в годы первой русской революции 1905–1907 гг., когда решался вопрос о характере будущего политического устройства страны, Герье оценивал программы политических партий в серии статей, посвященных анализу деятельности первых трёх русских Государственных дум. В частности, политические требования кадетов, лидировавших в первых двух Думах, критиковались им за «доктринерскую оппозицию» против монархии и «антиисторическую» приверженность идеям парламентаризма, за стремление к союзу с трудовиками и социал-демократами» [см.: 1], что неизбежно приведет Россию к революции и анархии. Программу «русского парламентаризма» Герье расценивал как национальный вариант «векового заблуждения либеральной партии во всей Европе».

Герье был убежден, что в результате резкого ограничения монархической власти государственное управление оказывается не в руках народа («народ» – фикция), а у одной из партий, которая от имени народа подчиняет общество эгоистическим узкословным или классовым интересам. «Парламентаризм есть передача государственной власти партиям», – утверждал он [2, с. 26].

Здесь политическая концепция Герье получала импульс от его убеждения в необходимости нравственной гармонии между классами. А ни парламентская монархия, ни тем более республика не способны обеспечить эту гармонию, поскольку в них власть узурпируется одним классом, ставящим свой частный интерес выше общего блага. Партии «верхних классов», добившись власти, превращают государство в средство дальнейшего обогащения имущих,

расширяют пропасть между богатыми и бедными и тем самым создают почву для социальных потрясений, в ходе которых неимущие отвечают на эгоизм «верхних классов» взрывом своих эгоистических стремлений, направленных против основ цивилизации.

Кроме того, передача власти из рук монарха «народу» (то есть партиям, так как народ – это фикция) и сама по себе, считает В.И. Герье, делает «цивилизацию неустойчивой, ибо развязывается партийная борьба за власть. Поэтому «главная задача нашего века заключается, конечно, в том, чтобы согласовать стремление демократии с интересами цивилизации» [3, с. 245]. Только сильная монархическая власть, согласно концепции Герье, может быть средством «нравственного объединения» всех классов общества. А «высокое призвание монархии заключается именно в том, что она должна стоять выше интересов и увлечений партий и руководствоваться более объективным благом для страны» [4, с. 67].

Поэтому в интересах прогрессивного развития страны требуется не отстранение царя от реальной власти, а только «смягчение монархического принципа», приспособление деятельности монарха и его правительства «к культурным потребностям нашего времени». С точки зрения историка, необходимо ввести на основе конституции в государственный механизм орган, представляющий интересы общества, сохранив за монархом право верховной и исполнительной власти. Тем самым, устраняется свойственная «бюрократическому абсолютизму» законодательная инертность, и Россия смело бы вступила в «эру свободы» без тех потрясений и ущерба, которыми поплатилась Европа.

Введенное Манифестом 17 октября 1905 г. политическое устройство с Государственной думой, смягчающее монархический принцип, с точки зрения Герье, и есть образец конституционной монархии, а либеральной части общества пришло время выйти из оппозиции правительству и выступить в союзе с ним против «гибельного влияния анархии». «Истинный либерализм», – писал Герье осенью 1905 г., – исключает борьбу «...с правительством из-за власти...» [5, с. 847]. Обвинения Герье в адрес кадетов вызвали закономерную реакцию в леволыберальном лагере. В рецензиях В.А. Маклакова, А.А. Кизеветтера, П.И. Новгородцева они оценивались как совершенно голословные, «недобросовестные» и даже как «смехотворные» [8, с. 23].

Однако, два десятилетия спустя и В.А. Маклаков, и П.Н. Милюков согласятся со многими оценками Герье деятельности кадетов в 1905 – 1907 гг. и признают, что своей неуступчивостью и нежеланием идти на компромисс с властью содействовали революции, боясь её меньше, чем самодержавия. Так, П.Н. Милюков писал: «Проф. Герье... издал в те годы ученый памфлет, где собран был целый букет подобных кадетских выступлений. Я с раздражением

прочел эту тенденциозную книжку. Неужели и мы это говорили. Но цитаты были по-профессорски точны... Пришлось признаться самому себе: да, действительно говорили» [9, с. 369].

В заключение стоит подчеркнуть, что в современных условиях переосмысления исторических событий в России начала XX в., с одной стороны, и очередного разочарования российского общества в либерализме – с другой – рассуждения В.И. Герье о роли исторической науке в политике, о русской революции периода 1905–1907 гг., партийной борьбе, об опасностях развала государства и пр., сформулированные в рамках консервативно-либерального дискурса, являются актуальными.

Библиография

1. Герье В.И. Первая русская государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906.
2. Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906.
3. Герье В.И. Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы. 1878. № 12. С. 581-582.
4. Герье В.И. Чего же хочет конституционно-демократическая партия. М., 1906.
5. Герье В.И. По поводу государственных выборов (Письмо в редакцию) // Вестник Европы. 1905. № 10. С. 846-847.
6. Кирсанова Е.С. Консервативно-либеральная идея синтеза истории и политики и русская историография второй половины XIX века // Вестн. Том. гос. ун-та Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 2004. № 281. Март. С. 155-161.
7. Кирсанова Е.С. Взаимодействие власти и общества в осмыслении российских историков второй половины XIX – начала XX вв. (К проблеме политической культуры) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение: научный журнал. 2017. № 25. С. 5-12.
8. Новгородцев П.И. Проф. В.И. Герье о первой Государственной думе // Русская мысль. 1907. № 1. С. 19-25.
9. Милуков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1. М.: Современник, 1990.

Кирсанова Екатерина Семеновна, кандидат исторических наук, доцент, Северский государственный технологический институт национального исследовательского ядерного университета «Московский физический институт» (СТИ НИЯУ МИФИ), г. Северск, Россия; zavkir@mail.ru

“... align the aspiration of democracy with interests civilization” On the political views of V. I. Gerrier (1837–1919). In memory of the historian

The article considers the political views of V. I. Guerrier on the example of the historian's analysis of the events of the Russian revolution of 1905-1907 related to the activities of the parties that emerged during the revolution. The connection of political ideas of the scientist with the methodology of historicism is emphasized.

Keywords: historical science, politics, revolution 1905-1907, party struggle, monarchy, civilization

Kirsanova Ekaterina Semenovna, Candidate of History, Associate professor, Seversk State Technological Institute of the National Research Nuclear University “Moscow Physical Institute” (STI NRNU MEPhI), Seversk, Russia; zavkir@mail.ru

Клюев А.И.

Опыт исторических экскурсий Николая Оттокара¹

В статье анализируется серия очерков Н.П. Оттокара, посвященных итальянским городам и написанных историком в жанре «экскурсионных путеводителей». По мнению автора статьи, в данных работах Н.П. Оттокар вступал в дискуссию по поводу методики проведения экскурсий со своим учителем И.М. Гревсом.

Ключевые слова: Н.П. Оттокар, историческая экскурсия, итальянские города, И.М. Гревс, петербургская школа медиевистов

В библиографии научных изданий русского медиевиста, профессора Флорентийского университета Н.П. Оттокара есть несколько трудов, которые явно стоят особняком. Речь идет о цикле работ, посвященных итальянским городам и отличающихся от остальных исследований историка не только с содержательной стороны, но также построением текстов и формой работы с материалом.

Первый из указанных очерков – «Венеция» – вышел в 1915 г. в журнале «Хождение по Руси и за рубеж» [2]. Второй, посвященный Флоренции, появился на итальянском языке в 1940 г. [4]. Затем, в 1944 г., была опубликован очерк о Сиене, [5]. А между двумя последними изданиями вышел перевод на итальянский язык журнальной статьи Н.П. Оттокара о Венеции [6]. Несмотря на разницу в двадцать пять лет между русской статьёй и первым изданием «Флоренции», мы считаем необходимым рассматривать все три очерка в качестве единого цикла работ. На это указывает римская цифра «I», которая есть в журнальном издании «Венеции», явно отсылающая к предполагаемому путешествию по «культурным центрам старой Италии». На это указывает и сам факт дословного перевода на итальянский язык давно изданного на русском языке текста, да еще и в последовательно издававшейся издательством «La Nuova Italia» серии «Città italiane». Очевидно, что Н.П. Оттокар еще до революции замыслил цикл очерков об итальянских городах, их истории и культуре, который, в силу случившейся революции, переезда в Италию, «борьбу за место под солнцем» в фашистской Италии, был завершен (и был ли?!) только в годы Второй мировой войны. Нам не известно, исчерпывался ли список городов, о которых историк планировал написать, этими тремя наименованиями. В своих немногочисленных письмах Н.П. Оттокар несколько раз делал

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00077.

отсылки, косвенно свидетельствующие о его планах написать очерки и о других городах. Но для подтверждения этой версии нужны более весомые доказательства.

Все три работы стилистически написаны в одном жанре, который лучше всего было бы назвать «экскурсионным путеводителем». Сам же по себе экскурсионный стиль работ явно отсылает к так называемым историческим экскурсиям. В этой связи нельзя не вспомнить исторические экскурсии по городам Италии И.М. Гревса, учителя Н.П. Оттокара, состоявшиеся 1907 и 1912 гг. (в экскурсии 1912 г. последний участвовал самым непосредственным образом в качестве «экскурсовода» по ряду городов). Участие Н.П. Оттокара в последней экскурсии, очевидно, и послужило толчком к написанию названных выше очерков.

Об экскурсии И.М. Гревса с учениками в Италию в 1912 г. оставил воспоминания Н.П. Анциферов, зафиксировавший конфликтную ситуацию еще при подготовке группы («случай Л.П. Карсавина» [1, с. 53]), а также описал «кризисную ситуацию» в момент переезда группы из Перуджи в Ассизи [1, с. 102], когда Н.П. Оттокар резко обрушился на методику экскурсионной работы И.М. Гревса. Как известно, Н.П. Оттокар обвинил И.М. Гревса в «лунатизме» [1, с. 102], а затем, уже после возвращения группы в Россию, и вовсе раскритиковал в письме учителю руководство экскурсией [1, с. 103]. Оставляя за скобками настоящего текста вопрос о внутришкольном конфликте, все-таки нужно обратить внимание на время появления идеи цикла очерков Н.П. Оттокара, т.е. после экскурсии Гревса, а также на унифицированную систему построения данных очерков. Таким образом, подготавливая свои очерки Н.П. Оттокар «отвечал» И.М. Гревсу, пытался предложить свою идею и методику освоения городского пространства. При этом нужно сказать, что Н.П. Оттокар вовсе не был теоретиком экскурсионного дела, каковым, в частности, являлся И.М. Гревс.

Как мы уже говорили, структурно, все три текста ничем не отличаются друг от друга. В самом начале очерка Оттокаром дается зарисовка духа и характера конкретного города (уникальности Венеции среди всех итальянских городов [2, с. 62], романском духе Флоренции, которую он называет городом камня [4, р. 7], или готическом характере Сиены [5, р. 5]). Затем автор переходит к проявлениям уникальных характеров указанных городов в архитектуре, живописи, литературе и других областях искусств. Третьим большим блоком очерков является краткий анализ истории городов.

Из такого типичного построения очерков, вытекает, как нам представляется несколько отличий от той методики экскурсионной работы, которую предлагал И.М. Гревс. Конечно, сразу нужно

отметить, отсутствие описания подготовительных мероприятий к познанию того или иного города, которые в большом количестве присутствуют в текстах И.М. Гревса и которые выполняют роль «подогревающего» экскурсию элемента [см. подробнее: 3, с. 246-255]. В текстах Н.П. Оттокара такого не найдешь. Познание города, его духа и характера осуществляется здесь и сейчас, в конкретных условиях определенного города.

Н.П. Оттокар, в отличие от И.М. Гревса, вводными параграфами своих очерков сразу задает тон и направление освоения городского пространства, в определенном смысле накладывая ограничения на самостоятельное познание экскурсантами физиономии города. Все остальные элементы очерков, в том числе и история городов, Н.П. Оттокара имеет своей целью только иллюстрацию уже высказанной идеи. Для И.М. Гревса же история города всегда была лишь минимумом, без которого приступать к познанию «души» города бессмысленно в принципе. Не говоря уже о том, что методика И.М. Гревса в принципе была ориентирована на самостоятельный поиск и познание характера города. Но задавая направление, Н.П. Оттокар «не мешал» дальше искать и познавать самому, в то время как в экскурсиях И.М. Гревса многое ограничивалось за счет жесткого планирования и регламентации [см.: 3, с. 251-257].

Впрочем, для Н.П. Оттокара такое жесткое построение экскурсии вовсе не означает, что проникнуть в тайны города и его характера возможно только избранным. Вовсе нет, для этого существует вполне реальный и понятный путь через скрупулезное изучение памятников истории города, как письменных, так и материальных. В этой связи понятно, что романтический дух экскурсий И.М. Гревса, с длительным переходом в Ассизи, чтение «Цветочков» и т.д., вызывал у Н.П. Оттокара раздражение (если верить Н.П. Анциферову), ибо ничего общего с познанием города не имел, а скорее даже мешал. Романтизм экскурсиям Н.П. Оттокара, однако, отнюдь не чужд. Дух города и его характер познать можно, и в этом смысле это процесс, который, по Н.П. Оттокару, имеет конечную цель. Способ ее достижения другой.

Библиография

1. Анциферов Н.П. Отчизна души моей. Воспоминания о путешествиях в Италию. М.: Старая Басманная, 2016. 202 с.
2. Оттокар Н.П. Культурные центры старой Италии. I. Венеция // Хождение по Руси и за рубеж. Экскурсионный вестник. 1915. № 4. С. 62-90.
3. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.

4. Ottokar N. Firenze. Cenni di storia e cultura fiorentina. Firenze: La Nuova Italia, 1940. 92 p.
5. Ottokar N. Siena. Cenni di storia e cultura senesi. Firenze: La Nuova Italia, 1944. 34 p.
6. Ottokar N. Venezia. Cenni di storia e di cultura veneziane. Firenze: La Nuova Italia, 1941. 43 p.

Клюев Артем Игоревич, преподаватель, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; kluevartem@mail.ru

Experience of historical excursions of Nicola Ottokar

In the article analyzes a series of essays by N.P. Ottokar, dedicated to Italian cities and written by a historian in the genre of «sightseeing guides». According to the author of the article, in these works N.P. Ottokar entered into a discussion about the methodology for conducting excursions with his teacher I.M. Graves.

Keywords: Nicolaj Ottokar, Historical trip, Italian cities, Ivan Grevs, St. Petersburg school of medieval studies.

Клюев Артем Игоревич, Lecturer, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; kluevartem@mail.ru

УДК 930(092)

Михальченко С.И.

Ф.В. Тарановский как историк (по его переписке до 1917 г.)¹

Публикация посвящена отражению исторических взглядов известного русского юриста и историка Ф.В. Тарановского в его хранящихся в архивах России письмах российским ученым Н.П. Павлову-Сильванскому, И.А. Тихомирову, А.С. Лаппо-Данилевскому. Делается вывод о высокой информативности писем Тарановского как исторического источника.

Ключевые слова: Тарановский Ф.В., Павлов-Сильванский Н.П., Лаппо-Данилевский А.С., переписка ученых

Хотя российский ученый Федор Васильевич Тарановский (1875–1936) в основном известен как юрист, исторические сочинения, создававшиеся им на протяжении всей творческой жизни, всегда привлекали внимание исследователей [4; 5]. В этой связи представляет значительный интерес его «кухня» как историка. Особенности создания им исторических трудов, эволюцию его воззрений, отношение Тарановского к трудам коллег позволяет до некоторой степени раскрыть переписка ученого, хранящаяся в различных архивах России и за рубежом.

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ (проект № 18-09-00437).

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкин-ского Дома) РАН находятся весьма важные для характеристики исторических взглядов Тарановского семь его писем к Н.П. Павлову-Сильванскому 1902–1908 гг. В эти годы Тарановский преподавал в Варшавском университете, а с 1906 г. – в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. В письмах Тарановский выступает как безусловный сторонник теории феодализма Павлова-Сильванского, подробно рассказывает о собственных научных планах. Так, 28 февраля 1902 г. он писал из Варшавы: «Ваше учение о феодализме удельной Руси явилось для меня доказательством и убедительным разрешением вопроса, который еще на студенческой скамье привлекал мое внимание. Найдя у Вас богатый арсенал аргументов в пользу мнения, которое мне представляется единственно правильным, я собираюсь сделать о Ваших исследованиях специальный доклад под заглавием «Новейшее учение о феодализме удельной Руси». Доклад предназначается мною для Общества истории, филологии и права при Варшавском университете» [6, л. 1; 10].

Через месяц, 28 марта 1902 г., отвечая, вероятно, на вопрос петербургского историка, что побудило Тарановского заняться историей феодализма, последний отвечал: «Вопросом о феодализме я заинтересовался по поводу моей студенческой работы о литовско-русской шляхте, которую писал у Ф.И. Леонтовича. На те же вопросы наталкивался я при изучении магдебургского права городов. Параллельное изучение восточно-русского права наводило меня на то, что и в последнем имелись черты феодализма. Это вызывало у меня споры с моим учителем проф. Ф.И. Леонтовичем, который решительно отрицает феодализм как в западной, так и в восточной Руси» [6, л. 1-2]. Затем общение двух ученых прервалось и возобновилось только через шесть лет. К тому времени вышла в свет книга Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» (СПб., 1907), в которой он развивал свои воззрения.

15 марта 1908 г. Тарановский писал в Петербург: «В новом изложении Ваше учение еще более выиграло в доказательности и убедительности. Ценный литературный очерк I гл. ставит Ваше учение в органическую связь с документальной разработкой удельного периода, поскольку она вообще имела место. II глава ставит на вполне научную почву нерешенный вопрос о формах землевладения, и все интересующиеся вопросом, несомненно, с нетерпением ждут выхода в свет Вашего исследования об общине и боярщине. III глава ценна по систематизации всех Ваших предыдущих исследований и архитектурной стройности. IV гл. – естественный перспективный вывод из Вашего учения. Мне только представляется недостаточно оттененным закрепощение служилого сословия к государственной

службе в Московском государстве и бюрократический элемент в Петербургском абсолютизме. Зато весьма ценно то, что отмечено существенное значение регулярной армии» [5, л. 1-3].

С 1908 по 1917 г. Тарановский занимал кафедру истории русского права в Юрьевском университете. Письма первых лет пребывания в Прибалтике отражают его вовлеченность еще в ярославские реалии. В частности, в письмах ученому секретарю Ярославской губернской архивной комиссии И.А. Тихомирову он много писал о подготовке к изданию второго выпуска «Обзора актов Угличской провинциальной канцелярии: 1719–1726» (М., 1909), подготовленный им в период пребывания в Ярославле [2].

В письмах второй половины 1914 г., адресованных известному юристу-международнику В.Э. Грабарю [3], отражена работа Тарановского над обширной статьей о крестьянах для Нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона. «С трудом засадил себя за статью о Крестьянах для Энциклопедического словаря и написал сегодня первые 3 страницы (1 1/2 столбца)», – писал он адресату 8 сентября [1, л. 6]. А 5 октября с облегчением сообщил: «Только вчера (вместо 25 авг., затем 25 сент.) отправил М.А. Дьяконову злополучную статью о крестьянах, – написана прескверно, но ничего не мог поделывать» [1, л. 7]. (Бывший профессор Юрьевского университета, академик Дьяконов был одним из редакторов словаря по отделу исторических наук; статья была напечатана в XXIII томе в 1915 г. [8]).

К юрьевскому периоду относится и переписка Тарановского со знаменитым петербургским историком академиком Александром Сергеевичем Лаппо-Данилевским. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся пять писем Тарановского за 1911–1917 гг. В письмах – среди прочих тем – Тарановский размышлял о своих дальнейших, после защиты докторской диссертации в 1911 г., творческих планах. В первом письме 5 октября 1911 г. он просил Лаппо-Данилевского о встрече, «намереваясь заняться изучением юридической идеологии русского абсолютизма в XVIII веке» [7, л. 1]. Для Тарановского эта тема не была совершенно новой – еще в 1904 г. он опубликовал статью «Политическая доктрина абсолютизма в Наказе императрицы Екатерины II». Поскольку письма Лаппо-Данилевского Тарановскому не найдены, то трудно судить, что именно порекомендовал маститый историк, но через год появилась статья, с одной стороны, развивающая тему предыдущей, а с другой – перекликающаяся с посвященной Франции темой докторской диссертации юрьевского профессора «Судьба Наказа императрицы Екатерины Второй во Франции» [9].

Через пять лет Тарановский вновь обратил внимание на историю политических учений в России XVIII века. Закончив к лету

1916 г. большую работу по подготовке учебника энциклопедии права, он «с августа – сентября» собирался «засесть за новую систематическую работу. Как я ни размышлял, – писал он Лаппо-Данилевскому, – все же нахожу для себя наиболее подходящим сосредоточиться на истории русских политических учений до конца XVIII века». Он был готов заняться подготовкой к изданию либо Устава благочиния, либо Табели о рангах. Более интересен ему был Устав: «так как я писал о Наказе Екатерины II, для меня представляет большой интерес Устав благочиния, как памятник просвещенного абсолютизма, т.е. того политического течения, которое знакомо мне больше других», – замечал он в письме [7, л. 7]. Впрочем, в случае необходимости, он был готов заниматься и Табелью о рангах, которая также важна для его исследований, «как конституционная хартия бюрократии, мимо юридической и политической идеологии которой <...> все равно нельзя будет пройти» [7, л. 7]. Работа над Уставом благочиния, который в конце концов был избран для исследования, оказалась не оконченной из-за революционных событий. 18 апреля 1917 г. Тарановский, извиняясь, что не успел окончить работу над Уставом, писал своему адресату: «С начала марта прервал работу в архиве и никак не мог возобновить ее <...>. С осени, живя на месте в Петрограде, буду непрерывно вести архивную работу и к концу учебного года подготовлю весь материал для издания» [7, л. 9–9 об.]. Планам Тарановского, однако, не суждено было осуществиться, в Петроград он более не вернулся.

Таким образом, письма Тарановского дореволюционного периода позволяют внести немало нового в его характеристику как историка, точнее охарактеризовать его исторические взгляды.

Библиография

1. Tartu Ülikool Raamatukogu. F. 38. S. 343.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 59.
3. Михальченко С.И. Начало Первой мировой войны в письмах Ф.В. Тарановского В.Э. Грабарю // *Studia internationalia*. Материалы VII международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск: РИО БГУ, 2019. С. 72–74.
4. Михальченко С.И. Федор Васильевич Тарановский // *Вопросы истории*. 2017. № 9. С. 16–33.
5. Омельченко О.А. Московское государство в историографическом наследии Ф.В. Тарановского // *Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве*. М.: ВЮЗИ, 1985. С. 51–76.
6. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Р. III. Оп. 2. Д. 1179.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 365.
8. Тарановский Ф.В. Крестьяне в России до XIX века // *Новый энциклопедический словарь*. Пг.: Типография Брокгауз-Ефрон, 1915. Т. XXIII. Стлб. 257–264.

9. Тарановский Ф.В. Судьба Наказа императрицы Екатерины II во Франции. СПб., 1912. 30 с.
10. Тарановский Ф.В. Феодализм в России. Варшава, 1902. 53 с.

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия; smikh10@mail.ru

F.V. Taranovsky as a historian (according to his correspondence until 1917)

The publication is devoted to the reflection of the historical views of the famous Russian lawyer and historian F.V. Taranovsky in his letters stored in the archives of Russia to Russian scientists N.P. Pavlov-Sylvansky, I.A. Silently, A.S. Lappo-Danilevsky. The conclusion is drawn about the high information content of the letters of Taranovsky as a historical source.

Keywords: Taranovsky F.V., Pavlov-Silvansky N.P., Lap-in-Danilevsky A.S., correspondence of scientists

Mixal'chenko Sergej Ivanovich, Doctor of history, Professor, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia; smikh10@mail.ru

УДК 930(092)

Нисковская М.И.

Профессиональная идентичность отвергнутых историописателей Ф.А. Эмина и И.П. Елагина

В статье рассматривается профессиональная идентичность историописателей Ф.А. Эмина и И.П. Елагина в эпоху становления русской исторической науки, выявлены основные сложности данного явления. Оба автора использовали собственные принципы и методы исторического исследования, что не было воспринято другими историками.

Ключевые слова: историография, XVIII век, И.П. Елагин, Ф.А. Эмин, профессиональная идентичность, идентичность историка

В XVIII веке русская историческая наука создавалась наряду с формированием профессиональной идентичности историка. Следуя за Л.Б. Шнейдер, можно определить, что профессиональная идентификация является объективным и субъективным единством «...с профессиональной группой, делом, отдельным человеком, которое обуславливает преемственность профессиональных характеристик (норм, ролей и статусов) личности» [3, с. 158]. В процессе профессиональной самоидентификации в XVIII веке были задействованы и личные амбиции авторов исторических нарративов, и политические ценности эпохи, и стремление создать достойный

исторический труд, и ориентации на видение исторического процесса другими историописателями. Эта ситуация отягощалась тем, что не было создано идеального исторического труда, который бы воспринимался представителями политической и интеллектуальной элиты того времени, как эталон, в каждом написанном историческом нарративе находились ошибки, каждый текст подвергался критике. Напряженность среди историописателей создавала отрицательную среду для профессиональной интеракции. Разобщенность складывающегося исторического сообщества создавала серьезные барьеры для профессионального самоопределения, поэтому любой историк мог оказаться оторгнутым. Историописатели Федор Александрович Эмин и Иван Перфильевич Елагин в полной мере почувствовали состояние отверженности в профессиональном сообществе.

Ф.А. Эмин писал свою «Российскую историю...» для того, чтобы улучшить свое материальное положение будучи иностранцем на русской земле, И.П. Елагин отмечал, что писал свой «Опыт повествования о России» «чтоб занять полезным упражнением свободное время и удовлетворить желанию друзей, кои Опыта сего хотели» [1, с. XXXIV]. Работа Ф.А. Эмина была опубликована в Императорской Академии наук, сочинение И.П. Елагина увидело свет только после смерти автора, при том издан был только первый том. Но оба исторических нарратива получили негативную реакцию со стороны складывающегося научного сообщества XVIII века, которая была поддержана последующими историками. С.М. Соловьев противопоставил Ф.А. Эмина и И.П. Елагина М.М. Щербатову и И.Н. Болтину, складывается впечатление, что дилетанты и невежды противопоставлены профессиональным историкам. «В то время, как Щербатов начал задумываться над поразительными явлениями Русской Истории; в то время, как он оказал важную услугу, познакомя Русских впервые с историей позднейших времен, начиная с Иоанна III-го, и приложив к своему сочинению драгоценные источники, хранившиеся в архивах грамоты, статейные списки и проч.; в то время, как талантливый Болтин указал ошибки Щербатова, и таким образом дал Русским читателям необходимое дополнение к книге последнего, – в это время *риторическое* направление продолжалось и достигло самых неприятных крайностей в сочинениях Эмина и Елагина» [2, с. 74].

Несмотря на негативное отношение со стороны коллег-историописателей, Ф.А. Эмин и И.П. Елагин продолжили исторические изыскания. Становление их профессиональной идентичности было самобытным. Ф.А. Эмин и И.П. Елагин на ощущали себя историками, они стремились самореализоваться в этой деятельности и

удовлетворять свои интеллектуальные потребности, работая над историческими нарративами. И.П. Елагин, несмотря на нестандартные способы работы с историческими источниками, указывал в «Опыте...» на то, что принимает главную ценность исторического исследования – истину, по его словам, она «...драгоценна, и хотя немногими любима, но всеми почитаема...» [1, с. XXXIX]. Истина и объективность были важны и для Ф.А. Эмина, также он уделял серьезное внимание критике исторического нарратива, в нем он видел пользу для истории как научной дисциплины.

При этом И.П. Елагин склонялся к тому, что точное изложение исторических фактов второстепенно по сравнению с поучительной функцией истории, это было связано еще и с тем, что трудно было определить достоверность многих исторических фактов, а также то, что истории других государств, используемые им в качестве примеров, добавляли вымышленные, мифологические сюжеты в исторические нарративы. В этот период история государства выступала, как один из важнейших показателей авторитетности государства на мировой арене, поэтому политические ценности оказывались более значимыми для историописателя. Но стоит подчеркнуть, что И.П. Елагин лишь реализовывал собственные потребности в историописании, а не ставил цели стать видным историком.

Ф.А. Эмин в отличие от И.П. Елагина стремился придерживаться научных ценностей в историописании. Он рассматривал и русские, и иностранные источники, стремился осуществлять критику исторических источников, ориентировал историка на анализ источника, а не только переписывание из него фрагментов, сравнивал тексты из разных документов, он пытался найти инструменты для перехода от описательной истории к истории, в которой исторические факты, источники, деятельность известных личностей интерпретируются автором. В качестве историографии, которую использовал сам Ф.А. Эмин, он указал «...Гельмольда, яко Писателя Нестору почти современного, Саксона Грамматика, Адама Бременского, Валопского, Вишневецкого, Куялопича, Мехопского, Лутпранда, Пастория Гиртоемоского, Гпагнаина, Прокопия Кесарийского, Дитмара, Зонара, Кедрина, Диодора Византийского, Ламберта, Кадлубка, Длугоса, Окольского, Сарницкого, Конституции Польские...» [4, с. XXV]. Именно то, что Ф.А. Эмин ссылался на неизвестных в Российской империи авторов послужило причиной дискредитации его труда, при этом современные исследователи выявили, что якобы выдуманные авторы существуют.

Таким образом, особенность эпохи становления истории как научной дисциплины, отсутствие стандартов для написания исторического нарратива позволили поставить на первое место

субъективность автора текста, поэтому Ф.А. Эмин и И.П. Елагин, имея разные мотивы для написания исторических нарративов, следуя за собственными представлениями о профессиональном поведении, самостоятельно решали, как профессиональный историк должен изучать исторические источники и создавать целостный текст по истории государства. Поэтому их не стоит оценивать по тем параметрам и принципам, которыми руководствовались последующие поколения историков-исследователей, когда уже было сформировано представление об истории как научной дисциплине.

Библиография

1. Елагин И.П. Опыт повествования о России. М., 1803. Кн. 1-3. 532 с.
2. Соловьев С.М. Писатели Русской Истории XVIII века: Манкиев, Татищев, Ломоносов, Тредьяковский, Щербатов, Болтин, Эмин, Елагин, митрополит Платон // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. Ч. 1. Отд. III. С. 3-82.
3. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М., 2001. 260 с.
4. Эмин Ф.А. Российская история жизни всех древних от самого начала государей. СПб., 1767. Т. 1. 504 с.

***Нисковская Мария Игоревна**, кандидат исторических наук, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия; drowing-psyche@yandex.ru*

Professional identity of rejected historians F.A. Emin and I.P. Elagina

In article the professional identity of istoriopisatel of F.A. Emin and I.P. Yelagin during an era of formation of the Russian historical science is considered, the main difficulties of this phenomenon are revealed. Both authors used own principles and methods of a historical research that was not apprehended by other historians. Despite rejection of texts of F.A. Emin and I.P. Yelagin, they perceived themselves historians.

Keywords: historiography, the 18th century, I.P. Yelagin, F.A. Emin, professional identity, identity of the historian

***Niskovskaya Mariya Igorevna**, Candidate of History, Institute of Language, Literature and History, FIC Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktывkar, Russia; drowing-psyche@yandex.ru*

УДК 930(092)

Груздинская В.С.

**«Да, Сергей Федорович, всякие неожиданности
бывают в жизни!»: эпистолярный диалог
А.А. Васильева и С.Ф. Платонова (1920-е гг.)¹**

Рассматривается эпистолярный диалог между учеными, оказавшимися в «разных углах» отечественного историографического процесса – оставшегося в Советской России С.Ф. Платонова и эмигрировавшего из нее А.А. Васильева. Предпринимается попытка определить предмет и содержание диалога, настроение коммуницирующих субъектов. Делается вывод, о слабой интенсивности диалога как в личном, так и в профессиональном плане.

Ключевые слова: история науки, научная коммуникация, эпистолярное наследие, С.Ф. Платонов, А.А. Васильев, эмиграция

В 1920-е гг. одним из способов профессиональной коммуникации между оставшимися в Советской России и эмигрировавшими из нее историками стала личная переписка. Ярким свидетельством таких эпистолярных диалогов являются письма А.А. Васильева к виднейшим ленинградским ученым – С.А. Жебелёву, И.Ю. Крачковскому, Ф.И. Успенскому, С.Ф. Ольденбургу, Н.Я. Марру и др. В статье современной исследовательницы, И.В. Куклиной, опубликованы фрагменты этого наследия [3]. Правда, за пределами внимания автора оказались письма к академику С.Ф. Платонову. Речь идет о шести письмах и двух открытках, датированных 15 августа 1925 г. – 29 апреля 1928 г. и присланных из Парижа и Мэдисона (штат Висконсин) в Ленинград [4]. Эти источники проливают свет на такие важные стороны коммуникации между историками, как предмет и содержание, настроение коммуницирующих ученых, позволяют «услышать голос» Платонова. Актуальность последнего аспекта подкрепляется недоступностью для современного исследователя ответных писем Сергея Федоровича, по всей видимости, составляющих архивную коллекцию А.А. Васильева в Висконсинском университете (США) [1, с. 274].

Весной 1925 г. А.А. Васильев «оставил берега Невы» и, как окажется впоследствии, навсегда [2]. Ученый был командирован РАИМКом, Академией наук СССР (далее – АН СССР) в Париж, где

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00397 «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)».

он получил «лестное» предложение от Висконсинского университета «приехать на два семестра в Америку и прочесть несколько курсов» [4, л. 34]. Об этом он пишет С.Ф. Платонову 15 августа 1925 г. и просит подействовать продлению командировки от АН СССР, которая завершалась 15 сентября 1925 г., еще на один год – до 15 сентября 1926 г. [4, л. 34]. Командировка была продлена, и спустя год – 5 августа 1926 г. – историк вновь пишет: «Я отправил прошение о продлении моей командировки с 15 сентября 1926 г. по 15 сентября 1927 г. <...>. Не откажите, пожалуйста, поддержать мою просьбу» [4, л. 39]. В следующем году (1927) история с прошением о дальнейшем продлении командировки вновь повторилась, что, правда, не нашло отражение в письмах к С.Ф. Платонову [3, с. 317]. Полагаем, что причина обращений византиниста к С.Ф. Платонову была прежде всего в высоком авторитете академика в Академии наук. Наше предположение подкрепляет и то, что параллельно письма с аналогичными просьбами получили С.Ф. Ольденбург (непременный секретарь АН СССР), Н.Я. Марр (директор Института истории материальной культуры) [3, с. 314-315].

Тон писем к С.Ф. Платонову далек от официально-формального – в них немало места занимают бытовые зарисовки жизни А.А. Васильева. Так, в письме от 10 декабря 1925 г. читаем: «У меня шесть часов занятий в неделю: два часа лекций по древней истории на первом курсе (ок[оло] 350 чел.), два часа лекций на старшем курсе по истории Византии (ок[оло] 45 чел.) и семинарий по эпохе Константина В[еликого].<...> От двухчасового курса по истории современной Восточной Европы я отказался; восемь часов было бы совершенно не под силу; и с шестью часами я справляюсь еле-еле, главным образом, конечно, из-за языка» [4, л. 36]. Несмотря на языковые сложности занятия Васильева имели невероятный успех в студенческой аудитории [1, с. 264; 3, с. 330]. Небезынтересны описания историка американских студентов: «внешний облик здешней студентки: стриженные волосы, искусственный румянец и чрезмерно короткое платье. Облик студента: здоровый, румяный молодой чел[овек], увлеченный спортом и не особенно развитый в общем смысле» [4, л. 36]. В одном из писем 1928 г. историк рассказывает о досуговой стороне своей жизни – о «бале у президента университета». Вот что об этом сообщает А.А. Васильев: «Ок[оло] 12 1/2 ночи был ужин, а ля фуршет с кофе из самовара и со скромною закускою» [4, л. 46 об.].

Не лишено эпистолярное наследие и упоминаний об общих знакомых. Главным образом речь шла о встречах в Европе с эмигрировавшими (В.А. Браун) или командированными из Советской России (С.Ф. Ольденбург, Е.В. Тарле, В.Н. Бенешевич, Ф.А. Розенберг)

учеными [4, л. 34, 40, 41]. В то же время заметим, что А.А. Васильев никогда не интересовался у С.Ф. Платонова ни состоянием дел последнего, ни ситуацией в Академии наук. При этом не забывал поздравить с праздниками и передать «сердечный привет» супруге историка – Надежде Николаевне. Возможно, адресант опасался люстрации писем и потому не демонстрировал своего интереса. Опубликованные фрагменты эпистолярных свидетельств в статье И.В. Куклиной также не содержат подобной информации, потому наше предположение нуждается в дополнительном изучении.

В двух последних письмах (от 11 февраля и 29 апреля 1928 г.) присутствует деловой контент – речь идет о статье А.А. Васильева об университете в Мэдисоне, которую С.Ф. Платонов просил подготовить для советского научно-популярного журнала «Вестник знаний» [4, л. 46]. Александр Александрович в письме от 11 февраля обещал написать сообщение «или в вакационную пасхальную неделю, или раннею весною» [4, л. 46]. Правда, спустя несколько месяцев (29 апреля 1928 г.) историк пишет, что вынужден отложить подготовку статьи, так как отведенное на это время он посвятил написанию отзыва на книгу болгарского коллеги В.Н. Златарского, о чем его просил главный редактор журнала “*Byzantinische Zeitschrift*” А. Гейзенберг (А. *Heisenberg*). Речь идет, видимо, о рецензии на вышедшую в 1927 г. в Софии очередную часть «Истории на българската държава през средните векове», посвященную истории Болгарского царства в период 852–1018 гг.

От подготовки статьи для советского издания А.А. Васильева отвлекли также и «довольно легкомысленные препятствия»: участие в постановке пьесы на университетской сцене [4, л. 49, 1, с. 262]. Ученый ярко описывает этот опыт-авантюру: «По слабости я согласился, а так как Вы знаете, что испанский язык не есть мой родной язык, то я испытываю немалые трудности изобразить богатого вдовца-помещика в Испании с сестрой и дочерью, со всеми заботами по куроводству и молочному хозяйству» [4, л. 49]. Завершает повествование о своих театральных «приключениях» историк словами: «Да, Сергей Федорович, всякие неожиданности бывают в жизни! Поэтому статью пришлось при первой возможности» [4, л. 49 об.]. Приведенный фрагмент показателен также и для понимания личности адресанта: о жизнелюбии и оптимизме А.А. Васильева ходили легенды, а М.И. Ростовцев вообще по-доброму завидовал его уникальной “*joie de vivre*” (радости жизни – *В.Г.*) [1, с. 262]. История со статьей на этом обрывается – это было последнее письмо, которое сохранилось в архивной коллекции С.Ф. Платонова. Фронтальный просмотр номеров «Вестника знаний» за 1928 – 1934 гг. также не дал положительных результатов.

Таким образом, эпистолярный диалог историков сложно назвать интенсивным как в профессиональном, так и в личном плане. Сравнительно небольшая доля «делового контента» в переписке, вероятно всего, была вызвана тем, что историки работали в разных дисциплинарных полях, сферы их научных интересов не пересекались. Тематика диалога, степень открытости и доверия свидетельствует о том, что ученых связывали добрые приятельские отношения, сложившиеся еще в доэмигрантский период жизни А.А. Васильева. В проблемном поле коммуникаций между историками-эмигрантами и историками, оставшимися в России, даже такое эпизодическое коммуницирование в форме личной переписки представляет большой интерес в плане осмысления тезиса Р. Уитли о возрастающей роли личных коммуникаций в периоды ослабления, а в нашем случае разрыва и переформирования, социальных институтов науки.

Библиография

1. Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман. М.: РОС-СПЭН, 1997. С. 260-282.
2. Вольфцун Л.Б. А.А. Васильев. Начало эмиграции (по материалам переписки с С.Ф. Платоновым) // Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2000. С. 215–218.
3. Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб.: Дмитрий Булачин, 1995. С. 313–338.
4. Отдел рукописей РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 2449.

Груздинская Виктория Сергеевна, аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; vik11910314@yandex.ru

«Well, Sergey Fedorovich, every surprises take place in the life!»: the epistolary dialogue between A.A. Vasiliev and S.F. Platonov (in the 1920s)

In this article the epistolary dialogue between two historians was described. These persons were been in the «different corners» of the Russian historiographical process: S.F. Platonov remained in Soviet Russia, and A.A. Vasiliev emigrated from homeland. An attempt is made to determine the subject and content of the dialogue, the mood of the communicating subjects. The conclusion on the weak intensity of the dialogue both in personal and professional terms is made.

Keywords: History of Science, scientific communication, epistolary heritage, S.F. Platonov, A.A. Vasiliev, emigration

Gruzdinskaya Viktoriya Sergeevna, Postgraduate Student, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; vik11910314@yandex.ru

Девятайкина Н.И.

Историк в истории: учебная повседневность первой половины 1950-х гг. медиевиста С.М. Стама

В статье анализируется протокол заседаний кафедры истории средних веков Саратовского классического университета (1953 г.) Он зафиксировал обсуждение университетского учебника МГУ по истории средних веков (1952 г.). Основные выводы. Участники заседания упрекают авторов учебника в невнимании к работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (сборник статей 1952 г.), называют это «серьезным недостатком». Возможно, это ритуальный посыл. Перед нами «история наоборот»: учебник вышел при жизни Сталина, но авторы не анализируют его труд. Саратовские медиевисты в 1953 году настаивают на идеологической ценности текста для понимания истории раннего средневековья. Инерция образования отчетливо заявляет о себе.

Ключевые слова: С.М. Стам, кафедра истории средних веков, Саратовский университет, история университета, университетская повседневность, протоколы кафедры, работы Сталина по экономике социализма

Первая половина и середина XX века все больше становятся «временем истории» (в том числе и историей людей), привлекают к себе растущее внимание представителей гуманитарных дисциплин – искусствоведов, историков, филологов, философов. При этом явно происходит смена подходов. В интересующей нас биографической истории все активнее ведется изучение историй ученых и общественных личностей «во включении» в широкий контекст времени – интеллектуальный, культурный, социальный, политический (военный), повседневный, ментальный. Этим и отличается новая биографическая история от прежних нарративов [8, с. 17-20; 9, с. 334-335; 11, с. 162-168].

В рамках отечественной истории заметное место занимает история медиевистов [10]. О причинах этого интереса у автора данной статьи уже был случай писать [6]. Но далеко еще не все исследовано, в том числе – история университетской повседневности первой половины 1950-х гг., с ее промежуточным статусом, если так можно определить. Конец 1940-х гг., как известно, проходит в условиях жесткого закручивания идеологических гаек, борьбы с космополитизмом и формализмом, 1950-начало 1953 гг. наполнено типичными явлениями позднего тоталитаризма, а дальше – холодное лето 1953 и движение в сторону «оттепели». Пока до конца неясно, в какой степени и как скоро оно начинается в повседневной университетской жизни.

В статье предпринята попытка кратко очертить, как эти годы «переживала» кафедра истории средних веков Саратовского университета и ее заведующий – С.М. Стам. Об истории кафедры кое-что написано, несколько выпусков сборника «Средневековый город» были посвящены «круглым датам», в жизни заведующего, статья в «Средних веках» – 90-летию со дня рождения [7, с. 166-173], но интересующего нас в данном случае периода они практически не затрагивают.

Больше всего материала дали уникальные по объему и содержанию «документальные памятники» стамовского времени – протоколы заседаний кафедры. За названные годы они сохранились полностью, написаны одной рукой (документоведа Т.Д. Никитиной, 1924–2005), четко читаются, поражают обилием деталей [2, с. 269-286]. Это живые, чаще всего многостраничные тексты с вопросами, ответами, дискуссиями, учеными речами, большая часть которых проливается из уст С.М. Стама, в том числе и записи 1953–1954 годов [3]. Краткость статьи позволяет остановиться на рассмотрении только двух вопросов и одного протокола осени 1953 года, зафиксировавшего обсуждение первого тома московского университетского учебника по истории средних веков (1952, т. 1).

Очень интересные детали добавляются даже при фрагментарном сравнении протоколов как документальных источников с воспоминаниями двух сотрудников кафедры – Всеволода Александровича Ермолаева, ученого-германиста, который был связан с кафедрой как аспирант с начала 1950-х гг. и как работник – с середины этого десятилетия [1], и С.М. Стама [5].

Предварим рассмотрение небольшой справкой. С.М. Стам (21 ноября 1913, Казань – 2 июня 2010, Москва) – казанский школьник, студент Московского историко-философского института (МИФИ) и МГУ, участник обороны Москвы, а потом офицер Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., успешный аспирант академика С.Д. Сказкина, с 1947 г. кандидат наук, научный редактор издательства Иностранной литературы. В 1949, за пару месяцев до своего 36-летия, Стам приезжает в Саратов и покидает его в 2000, за пару месяцев до своего 87-летия. Большую часть саратовского полустолетия ученый заведует кафедрой, в 1969 г. становится доктором наук и главой школы урбанистов.

Чем же отмечено самое начало пребывания С.М. Стама в Саратове? Протоколов от первого года его заведования восстановленной кафедрой не сохранилось, здесь можно опереться только на воспоминания. Судя по ним, статус и рабочую судьбу С.М. Стама во многом определил ректор П.В. Голубков (1889–1971). Ровесник С.Д. Сказкина, авторитетная ученая фигура, много сделавший

для победы СССР физик, он позволил себе не оглядываться на космополитизм, за считанные дни восстановил закрытую кафедру истории средних веков, добыл ее новому заведующему жилью, включил его в состав Ученого совета, словом, помог Стаму как университетскому работнику и ученому встать на ноги¹. Благодарную память о нем С.М. Стам сохранил на всю жизнь, свои воспоминания об университете начинает с него [5, раздел 1] и в одном из последних писем перед уходом из жизни (2010), когда кафедру истории средних веков СГУ громили и разгоняли, вновь вспоминает благое время ректорства П.В. Голубкова [6, с. 24]. Этого ректора сменил другой, 15 лет не оставлявший без внимания кафедру и поддерживавший все инициативы С.М. Стама. Еще одно обстоятельство тоже оказалось очень важным: именно в первый год заведования С.М. Стама кафедра пополнилась двумя сотрудниками, которые оказались верными соратниками и европейски образованными коллегами (М.М. Яброва, В.А. Ермолаев). Кафедра сразу крепко встала на обе ноги.

Перейдем к протоколу № 5 от 17 ноября 1953 года, одному из самых объемных. Одиннадцать страниц убористого почерка представляют нам обсуждение нового учебника по истории Средних веков под редакцией Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина. Полный анализ протокола требует не меньшего числа страниц, чем его объем, остановимся лишь на адресациях к работам Сталина. При обсуждении практически все члены кафедры (В.А. Ермолаева не было на заседании) единодушно упрекают авторов учебника в невнимании к работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР (сборник статей 1952 г.)» [3, с. 9, 11-13]. С.М. Стам называет это одним из «серьезных недостатков». Конечно, чем именно проблемы социализма служили понимаю проблем феодализма из обсуждения неясно, упоминается лишь переоценка внеэкономического принуждения и недооценка товарного производства. Возможно, это ритуальный посыл, но ведь к нему уже никто не понуждает. Ясно, что установки относительно обязательнейшего изучения трудов вождя остаются на уровне внутреннего чувства, которое по обычаю времени фиксируется публично. Перед нами «история наоборот»: учебник вышел в 1952 году, при жизни Сталина, но авторы обходятся без больших адресаций к его труду. Саратовские медиевисты в 1953 году настаивают на идейной ценности текста для понимания социальной истории раннего средневековья. Протоколы не только 1953 года, но еще нескольких месяцев 1954 также будут по разным поводам

¹ Приказ гласил: «Зачислить с 1 сентября 1949 года кандидата исторических наук тов. Стам Соломона Моисеевича, ...орденоносца – Орден Отечественной войны ... на должность временно исполняющего обязанности зав. кафедрой истории средних веков впредь до утверждения МВО» (Архив СГУ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 73).

вспоминать работы Сталина. Инерция образования здесь особенно отчетливо о себе заявляет, при том что С.М. Стама никак нельзя назвать сталинистом. В любом случае адресации к трудам «вождя народов» не исчезают из протоколов.

Подведем итоги. «Начальный» период преподавательской биографии Стама совпадает с представленным в статье периодом. В эти годы, если судить по вышедшим трудам, в центре его внимания остается учение Иоахима Флорского (ряд статей), к нему добавляются общие вопросы Реформации, Крестьянской войны в Германии, марксистского учения о феодальной формации [4]. Время диктовало традиционные проблемные вопросы, ученый в них разбирался. Его статьи выказали творческое отношение к марксизму, реальное углубление и разворачивание марксистских общих тезисов на конкретном материале истории средневековья. К этому прикнули на уровне учебной деятельности и труды Сталина, хотя их развернутого обсуждения в протоколах не обнаруживается.

Уже в этот период мы можем обозначить растущую роль С.М. Стама в культурной жизни Саратова, значимое место ученой личности в контексте развития университета и кафедры. Шаг за шагом сформируется урбанистическая школа, заявит о себе сборник «Средневековый город», начнется изучение культуры Возрождения. Платформа всего этого была заложена неустанным трудом профессора Стама.

Библиография

1. Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка / Подгот. текста Т.В. Широковой, вступ. ст., коммент., указ. имён В.Н. Парфёнова и В.А. Соломонова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. 563 с.
 2. Интервью-беседа с Т.Д. Никитиной (5 июня 2005 г.) и воспоминания коллег о ней // Средневековый город. Саратов: изд-во Сарат.ун-та, 2006. Вып. 17. С. 269-286.
 3. Книга протоколов заседаний кафедры истории средних веков СГУ, 1953–1954 уч. г. С. 9-13 (архив автора статьи).
 4. Стам С.М. Избранные труды. Средние века: город, ереси, Возрождение, Реформация. Саратов: ИЦ «Научная книга», 1998. 334 с.
 5. Стам С.М. Моя жизнь, учителя, мои друзья и наука. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. 364 с.
- ***
6. Девятайкина Н.И. С.М. Стам и его кафедра: 50 лет в университетском городе Саратове. Саратов: Техно-Декор, 2013.
 7. Девятайкина Н.И. Заслуженный профессор СГУ С.М. Стам и его кафедра (к 90-летию со дня рождения // Средние века. М., 2004. Вып. 65. С. 166-173.
 8. Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010.
 9. Некрасова Н.В. Новая биографическая история (Новая биографика) // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С.334-335.
 10. Портреты историков. Время и судьбы / Под ред. Г.Н. Севостьянова, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильской. М., 2004. Т. 3.

11. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004.

Девятаякина Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Саратовская государственная консерватория, Саратов, Россия; devyatay@yandex.ru

The historian in history: the educational daily routine of the first half of the 1950s. Medievalist S.M. Stam

The article analyzes the documentation of the Department of medieval history of Saratov classical University (1953). This documentation recorded the discussion of the textbook of MSU on the history of the middle ages (1952). Main conclusions. Participants of the meeting reproach the authors of the textbook for inattention to Stalin's work «Economic problems of socialism in the USSR» (collection of articles 1952), call it a « serious drawback». Perhaps it's a ritual message. Before us «history on the contrary»: the textbook was published during the life of Stalin, but the authors do not analyze his work. Saratov Medievalists in 1953 insist on the ideological value of the text for understanding the history of the early middle ages. The inertia of education clearly declares itself.

Keyword: S.M. Stam, Department of history of the middle ages, Saratov University, history of University everyday life, documentation of the medieval Department, Stalin's work on the Economics of socialism

Devyataykina Nina Ivanovna, Doctor of History, Professor, Saratov State Conservatory, Saratov, Russia; devyatay@yandex.ru

УДК 930(092)"19"

Долгова Е.А.

Н.И. Кареев как профессор: учебные курсы постреволюционного пятнадцатилетия¹

В статье характеризуется преподавательская деятельность историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева в последнее пятнадцатилетие его жизни; анализируются учебные курсы – как опубликованные, так и не изданные, отложившиеся в личных фондах историка в архивах и рукописных отделах РФ; делается вывод об изменениях и актуальных тенденциях его творчества.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, учебные курсы, высшая школа, социология, методология науки, всеобщая история, география, факультеты общественных наук

Педагогическая деятельность историка, социолога, методолога науки Николая Ивановича Кареева (1850–1931) в высшей школе продолжалась более 50 лет. В 1877 г. он был приглашен в Московский Императорский университет для чтения лекций по истории

¹ Статья выполнена в рамках гранта «Методологическое наследие Н.И. Кареева: исследование, подготовка к изданию, комментарии» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-09-00109\19.

XIX в. в качестве стороннего преподавателя. И лишь в 1929 г. оказался отставлен от преподавания в Ленинградском государственном университете в связи с проведением перевыборов профессоров и преподавателей, работавших свыше установленного срока [4, с. 54]. Между этими датами – преподавание ученого в Варшавском (1879–1885), Санкт-Петербургском императорском (Петроградском, Ленинградском) университете (с 1885 г., с перерывом 1899–1906 гг.), на Высших женских (Бестужевских) курсах (1889–1919 гг., с перерывом 1899–1906), в Петербургском политехническом институте (1902–1914), Психоневрологическом институте (1908–1914), Географическом институте (с 1923 г.); читал лекции Н.И. Кареев и за границей – в Русской высшей школе общественных наук в Париже (1901–1906) [3, с. 14-17].

Особый интерес представляет последнее пятнадцатилетие жизни ученого. Во-первых, в силу организационных перемен в высшей школе, полностью изменивших «профессорскую» повседневность, хотя Н.И. Кареева и не коснулись сокращения, связанные с реорганизацией петроградских вузов. Судя по свидетельству о заработной плате от 9 июля 1919 г., он числился и в 1-м Петроградском (6-й Петроградский императорский университет) и в 3-м Петроградском (6-е Высшие женские (Бестужевские) курсы) университетах [ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 329]. С их преобразованием оказался автоматически зачислен и в Единый Петроградский государственный университет. Однако экономические трудности первых пореволюционных лет диктовали необходимость «начетничества»: профессор соглашался читать многочисленные лекции: и в так называемом «Университете имени товарища Толмачева», и на Кооперативных курсах на Фонтанке, и в Доме литераторов (на Бассейной ул.), и в «Доме искусств» (на Морской ул.) [2]. С 15 июня 1921 г. Н.И. Кареев начал преподавать в Географическом институте, где на этнологическом факультете вел курс по исторической этнографии, а с 1922 г. – и предмет под названием «Общий ход мировой культуры». После 1923 г. ученый продолжил преподавание исторической этногеографии лишь в Географическом институте [НИОР РГБ. Ф. 119, к. 19, д. 23; ГА РФ. Ф. А-539, оп. 3, д. 9032, л. 12 об.-13]: традиционно этот факт биографии трактуется как его отвод от преподавания «за идеализм». Однако после того как в 1925 г. Географический институт вошел в состав Ленинградского университета, Н.И. Кареев автоматически восстановился в привычной для него высшей школе. За ним было закреплено чтение спецкурса [ЦГА СПб. Ф. 2556, оп. 11, д. 58, л. 940б-95]. Таким образом, говорить о том, что в 1920-е гг. он «был отставлен» от преподавания

не приходится – на тех или иных условиях Н.И. Кареев работал в высшей школе до 1 сентября 1929 г. (вплоть до своего 78-летия).

Хотя конкурс на замещение должностей в вузах, объявленный осенью 1918 г. для тех, кто преподавал более десяти лет, позволил Н.И. Карееву остаться у преподавания, он не защитил его от необходимости изменения тематики учебных курсов в соответствии с насущными идеологическими и дисциплинарными запросами. В июне 1919 г. в составе Петроградского университета на базе историко-филологического, факультета восточных языков и юридического факультета был образован факультет общественных наук (ФОН). Как следствие всякого организационного объединения за ним последовали сокращения работающих специалистов, изменение учебных планов и программ. В этих условиях оказались востребованы курсы Н.И. Кареева социологической направленности – например, ярко выраженный учебный характер носит монография «Общие основы социологии» (1919). Небольшой курс по методологии общественных наук (вслед за А.С. Лаппо-Данилевским) был прочитан Н.И. Кареевым в Петроградском университете в осеннем семестре 1922 г. В связи с чтением этого курса Н.И. Кареевым было написано учебное пособие – «Общая методология гуманитарных наук». Работа так и не была опубликована и сохранилась в рукописи и типографских гранках в личном фонде исследователя [НИОР РГБ. Ф. 119, к. 39, д. 1-19]. Причины отказа в ее публикации петроградским Гублитом в 1923 г., очевидно, следует искать в характере издания: как учебное пособие по гуманитарным дисциплинам оно привлекало особое внимание цензуры [1]. Подчеркнем, что возможности публикации работ для Н.И. Кареева после «цензурной истории» с «Общей методологией гуманитарных наук» сохранились. В конце 1920-х гг. ученый подготовил к публикации последнее монографическое исследование «Очерки по истории социологии в России» (работа над ним была завершена в апреле 1930 г.) [НИОР РГБ. Ф. 119, к. 17, д. 5, л. 61-62]. В архивах обнаружено 2 экземпляра рукописи [СПФ АРАН. Ф. 980, оп. 1, д. 16; НИОР РГБ. Ф. 119, к. 38, д. 1-18; черновые материалы: НИОР РГБ. Ф. 119, к. 37, д. 13-15]. В 1996 г. рукопись была опубликована по петербургскому экземпляру авторским коллективом СПбГУ под руководством И.А. Голосенко под названием «Основы русской социологии».

Напротив, в указанные годы значительно меньший импульс получили работы Н.И. Кареева по всеобщей истории: прежде всего, потому что профильных курсов в высшей школе ученый не читал. Единственный курс («Историческая этногеография стран Средиземноморского бассейна») был необязательным для студентов предметом, по которому даже не сдавался экзамен. К сожалению, он

не пользовался популярностью среди учащихся непрофильного (не исторического) факультета и в 1929 г. был исключен из учебного плана. Прослеживаются и изменения и в публикационной активности Н.И. Кареева. Хотя в конце 1910-х – начале 1920-х гг. публикуются некоторые конкретно-исторические труды ученого (например, «История Западной Европы в начале XX в.» в 1920 г., «Западная Европа в Новое время: Революция и наполеоновская эпоха» и «Европа до и после войны в территориальном отношении» в 1922 г.), однако неизданными остались тексты «По большой дороге истории», «Очерк истории английского парламента», работа «Государственные территории и их границы в Западной Европе с середины XIX в. до нашего времени», отложившиеся в НИОР РГБ. В 1926 г. в записных книжках Н.И. Кареев сделал пометку о подаче заявления на географический факультет о печатании курса по исторической географии [предположительно: «Страны, народы и языки главного исторического мира». НИОР РГБ. Ф. 119, к. 33, д. 1-13.]. Подчеркнем, что для указанных работ характерно влияние оптики *current history*, приближение исторического материала к текущему геополитическому моменту. «Учебный» характер перечисленных работ порой не артикулируется явно, однако выявляется при сопоставлении с более ранними текстами историка.

Особый интерес для исследуемого аспекта представляют и рецензии Н.И. Кареева, опубликованные в журнале «Педагогическая мысль». Они содержат обзоры опубликованных на русском языке книг зарубежных авторов (Ш. Сеньобоса, Ж. Жореса), работ молодых советских обществоведов (например, книг А.И. Тюменева «История труда: краткое руководство политической экономии», С.П. Сингалевича «Обществоведение в системе ступенчатого построения»). Изучение комплекса рецензий важно для реконструкции «диалога» «старого преподавателя истории» с его молодой читательской аудиторией.

Анализ комплекса учебной литературы Н.И. Кареева конца 1910–1920-х гг. позволяет охарактеризовать эволюцию его творческого метода, установить преимущество дореволюционным работам и оценить степень влияния на тексты текущих политических (учитывая тот факт, что учебная литература подвергалась цензуре в большей степени) и собственно научных тенденций.

Библиография

1. Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук», 1922–1924 // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.
2. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подгот. В.П. Золотарев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
3. Николай Иванович Кареев: Биобиблиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во КГУ, 2008.

4. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914-1931 гг. / автор-составитель Е.А. Долгова. М.: РОССПЭН, 2014.

Долгова Евгения Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; medievalis@list.ru

Professor Nikolay I. Kareev and his post-revolutionary lecture courses in the soviet higher school

The article describes the lecturers by historian, sociologist, methodologist of science Nikolay Kareev in the last fifteen years of his life. His lecture courses are analyzed (published and unpublished, deposited in the historian's personal fund). Author writes about changes and current trends in his work.

Keywords: Nikolay I. Kareev, lecture courses, higher school, sociology, methodology of science, general history, geography, faculties of social sciences

Dolgova Evgeniya Andreevna, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanity, Moscow, Russia; medievalis@list.ru

УДК 94(430):378(092)

Зорина А.А., Лукина С.Г.

Изучение социальной истории средневековой Германии XIV–XVI вв. по материалам вайстюмов

В статье анализируется значение вайстюмов – уставов немецких крестьянских средневековых общин – для изучения и преподавания истории западноевропейского средневековья. Показаны основные этапы введения вайстюмов в научный оборот, их отличительные особенности и специфика содержания. Подчеркивается необходимость привлечения правовых документов для анализа событий и явлений Крестьянской войны в Германии 1525 года. Делается вывод о роли вайстюмов в диалоге между крестьянами и вотчинниками.

Ключевые слова: правовые источники, вайстюмы, уставы немецких крестьянских общин, Крестьянская война.

В преподавании курса «История средних веков» значительное внимание уделяется изучению правовых источников, регламентирующих жизнь сельской общины. Эти документы позволяют проследить эволюцию хозяйственных отношений, имущественную и социальную дифференциацию общества, особенности взаимоотношений общинников с вотчинниками и представителями власти, некоторые стороны быта и нравов средневековых крестьян. На семинарских занятиях студенты подробно знакомятся с содержанием «Салической правды» древних франков [2, с. 75-113], «Земледельческого закона» византийцев [2, с. 276-285]. Будущие историки,

обучающиеся в Удмуртском государственном университете, работают и с таким малоизвестным в отечественной историографии источником как вайстюмы.

Вайстюмы (*Weistümer*) – уставы крестьянских общин, являются ценным историко-правовым источником по истории Западной Европы. В них содержится подробная информация о состоянии немецкой деревни на рубеже XV–XVI вв. Ценность вайстюмов заключается еще и в том, что они были распространены во всех немецких землях. Как правило, вайстюмы создавались непосредственно в крестьянских общинах или были сформулированы крестьянам их вотчинниками.

Одним из первых работу по сбору и публикации подобного рода документов начал Я. Гримм – немецкий языковед, фольклорист, филолог, автор исторического исследования «Древности немецкого права». Я. Гримм был секретарем профессора К.Ф. Савиньи, представителя исторической школы права в Германии, посвятившего себя изучению римских и германских правовых источников [3, с. 317–318]. Продолжая эту традицию, Я. Гримм систематизировал и опубликовал четыре тома *Weistümer*. После его смерти также было издано два тома документов и том справочных указателей. Вайстюмы, по мнению Я. Гримма, являлись «неподдельным выражением народной души, замечательным свидетельством древней свободы» [1, с. 5].

Долгое время вайстюмы незаслуженно оставались вне поля зрения исследователей, тогда как этот богатейший историко-правовой источник содержит информацию о крестьянском хозяйстве, общине, вотчине, основных промыслах, рынке, специфике социальных отношений, менталитете крестьян и феодалов, о должном и запретном поведении члена общины в обществе.

В отечественной медиевистике этот вид источников был введен в научный оборот профессором УдГУ В.Е. Майером (1918–1985). В.Е. Майер широко использовал данный источниковый материал, он осуществил перевод и предложил оригинальную классификацию вайстюмов [5; 6; 7; 8]. Он трактовал их как «записи обычного права общин-марок средневековой Германии, Швейцарии, Австрии, а также отчасти прилегающих к ним районов Чехии, Франции и других стран. Вайстюмы относятся в основном к XIII–XVIII вв. Составлялись главным образом на различных немецких наречиях, изредка – на латыни и французском языке. Обычно составлялись на общинных собраниях и крестьянских сходках; следует различать, однако, вайстюмы, продиктованные феодалами или их представителями, и вайстюмы, в составлении которых принимали активное участие сами крестьяне. Большинство вайстюмов относится к периоду самой

острой классовой борьбы в немецкой деревне (XV–XVI вв.) и представляет собой чаще всего господские распоряжения о строжайшем соблюдении крестьянами различных повинностей» [4]. Традиция изучения, перевода на русский язык и публикации текстов вайстюмов была продолжена в Удмуртском государственном университете учениками В.Е. Майера – Л.В. Котовой и В.В. Ивановым [1].

Анализируя Weistümer, В.Е. Майер в основном обращался к изучению экономических вопросов и истории социальных конфликтов. Современный исследователь может использовать вайстюмы для характеристики тех сторон жизни крестьянской общины, которые интересны с точки зрения историко-антропологического подхода, новейшей социальной истории, истории гендерных отношений.

Анализ вайстюмов также может применяться на семинарских занятиях, посвященных истории Крестьянской войны, так как данные документы позволяют проследить изменение социального положения немецкого крестьянина. В текстах вайстюмов отчетливо проявляются процессы превращения альменды в господскую собственность и вытеснения свободных крестьян из сферы действия правового поля: их законные права сокращаются и мельчают, а сами они постепенно превращаются в зависимых. Однако вайстюмы свидетельствуют и о том, что феодалу приходилось считаться с мнением крестьян, поскольку они по-прежнему оставались субъектами правоотношений. Крестьяне самостоятельно участвовали в составлении этих важных для них документов, старались узаконить права на альменду. Важно помнить, что такая практика была продиктована традициями правосознания и обычая, характерными для германских общинников. Как следует из текстов, крестьяне пытались настойчиво отстаивать свои права, однако согласованность в их действиях отсутствовала. Каждая община выступала обособленно, только против «своего» феодала, пытаясь восстановить традиционное положение.

По данным вайстюмов можно проследить, как положение феодала становится более прочным, крестьянам навязываются разнообразные новые повинности, они теряют право на общинные земли, которые постепенно превращаются в феодальную земельную собственность. Явно прослеживается характерное для этого периода явление, когда на выборные должности выдвигались преимущественно зажиточные крестьяне, которые зачастую действовали в интересах вотчинников. В результате происходит утрата свободными общинниками своих прав и заметное ухудшение положения различных категорий зависимого населения деревни.

Таким образом, вайстюмы являются ценным источником информации о различных сторонах жизни в немецкой деревне XIV–XVI вв. Они дают возможность исследовать диалог между феодалом и крестьянской общиной, в котором каждая сторона могла донести до оппонента свой взгляд на происходящее. Наличие подобного рода документов до определенного момента смягчало накал противоречий и поддерживало социальный баланс в немецком обществе XIV–XVI вв. Включение данного источника в практику преподавания курса «История средних веков» позволяет существенно расширить представления студентов о реалиях жизни немецких крестьян и эволюции общинных порядков.

Библиография

1. Из истории Германии в эпоху средневековья и раннего нового времени: Сборник документов / Сост.-ред. В.В. Иванов, Л.В. Котова, Д.А. Черниенко, Н.Г. Шишкина. Ижевск: УдГУ, 2008. 88 с.
2. История средних веков: учебное пособие для студентов исторических факультетов университетов / под ред. проф. Г.П. Мягкова. Часть 1. Западная Европа в период раннего средневековья. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 288 с.
3. Косминский Е.А. Историография средних веков. V век – середина XIX в. Лекции. М., Изд-во Московского ун-та, 1963. 430 с.
4. Майер В.Е. Вейстюмер // Советская историческая энциклопедия / АН СССР, Отделение ист. наук. М., 1963. Т. 3. Стб. 30.
5. Майер В.Е. Новые издания вейстюмер: (о сб. по истории средневекового крестьянства Германии) // Ученые записки / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1964. Вып. 117. С. 107–112.
6. Майер В.Е. Уставы как источник изучения классовой борьбы в немецкой деревне XV – начала XVI в. // Ученые записки / Удмурт. гос. пед. ин-т. Ижевск, 1956. Вып. 9. С. 125–143.
7. Майер В.Е. Уставы как источник по изучению положения крестьян в Германии в конце XV – начале XVI в. // Средние века: сборник / Ин-т истории АН СССР. М., 1965. Вып. 8 С. 197–216.
8. Майер В.Е. Характер и ценность уставов (Weistümer) конца XV – начала XVI в. // Ученые записки / Удмурт. гос. пед. ин-т. Ижевск, 1956. Вып. 10. С. 83–98.

***Зорина Анна Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; zorina1970@mail.ru*

***Лукина Светлана Германовна**, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; lukina25@udm.ru*

The study of the social history of medieval Germany XIV–XVI centuries according to the materials of vustomo

The article analyzes the significance of the Waistyumy – the charters of German peasant medieval communities – for the study and teaching of the history of the West European Middle Ages. The main stages of the introduction of Waistyumy into scientific circulation, their distinctive features and specifics of the content are shown. The necessity of attracting legal documents to analyze the events and phenomena of the Peasant War in Germany in

1525 is emphasized. The conclusion is drawn about the role of Waistyumy in the dialogue between peasants and estates.

Keywords: legal sources, waistums, the statutes of the German peasant communities, Peasant war

Zorina Anna Aleksandrovna, Candidate of History, Associate Professor, Udmurt state University, Izhevsk, Russia; zorina1970@mail.ru

Lukina Svetlana Germanovna, Candidate of History, Associate Professor, Udmurt state University, Izhevsk, Russia; lukina25@udm.ru

УДК 930(092)

Зубова И.Л.

Всеобщий историк Н.Г. Левинтов: проблема полноты реализации возможного в научном творчестве

Персональная интеллектуальная история всеобщего историка Н.Г. Левинтова рассматривается через проблему полноты реализации возможного в научном творчестве. Экспликация различного рода факторов, не позволивших ученому реализовать хотя бы половину своего научного потенциала, производится путем историографического анализа с учетом методов феноменологии и исторической антропологии, на базе широкого спектра источников личного происхождения.

Ключевые слова: Н.Г. Левинтов, научное творчество, история исторической науки в человеческом измерении, персональная интеллектуальная история, всеобщий историк, историк и власть.

Николай Григорьевич Левинтов (1914–2003) – кандидат исторических наук (1950), профессор (1986), заведующий кафедрой всеобщей истории УГПИ. Участник Великой Отечественной войны, награжден двумя орденами «Отечественной войны» I и II степеней, орденом «Красная Звезда», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Почётный гражданин Ульяновской области (присвоено посмертно).

Персональная интеллектуальная история «провинциального» историка-всеобщника Н.Г. Левинтова рассматривается в актуальном для истории исторической науки человеческом измерении с акцентом на полноту реализации возможного в творчестве. Произведения историка несут печать своего времени, в них выражаются современные ему социальные метаморфозы через индивидуально-личностное, феноменолого-экзистенциальное переживании ситуации.

Н.Г. Левинтов «всегда относился к науке серьезно», однако на склоне лет пришел к заключению: как ученый сделал очень мало,

«свой научный потенциал использовал не больше, чем на 10–15 процентов». При выяснении факторов и обстоятельств, повлиявших на творческую реализацию ученого и на ее самооценку, особое внимание уделено профессиональной автобиографии ученого сложенной из интервью, личных дневников, мемуарных записей, стихов его собственного сочинения. С методологических позиций анализируемые факторы деятельности ученого (взаимодействие и отношения с властью; его место и статус в инфраструктуре науки и научном сообществе, коммуникативные связи; теоретико-методологические основания научного творчества; педагогическая и пропагандистская деятельность, личностные аспекты) мыслятся открытыми, связанными презентативной связью, соединяющей их в единый текст жизни ученого.

Рассмотрим проявление фактора власти. Власть – сложный и многомерный социальный феномен. Она, так или иначе, заинтересована в развитии науки, организации научной деятельности, получении ее результатов и их разнонаправленном применении. Одновременно власть контролирует и регулирует названные процессы и настроения научного сообщества. Соединяются и проявляются обозначенные позиции в зависимости от ситуации, сложившейся в той или иной стране в определенный временной период. Отношения ученого и власти всегда многомерны, разномерны и неоднозначны.

Мальчик из многодетной еврейской семьи – сын «лишенцев» имел возможность переехать в Ленинград из новгородской провинции, бесплатно учиться в ФЗУ, получая стипендию. Далее, заниматься в поэтическом кружке, работать и участвовать в стахановском движении и, наконец, в 1936–1941 гг. опять же бесплатно и с материальной поддержкой государства осваивать профессию историка, а в 1946–1950 гг. продолжить образование в аспирантуре ЛГУ.

Н.Г. Левинтов оказался востребован как ученый-болгарист в первом военном десятилетии. Его вклад в разработку болгарской истории оценен на уровне правительства Народной Республики Болгарии и ЦК БКП. В 1977–1988 гг. как разработчик марксистской теории общенационального революционного кризиса – участник постоянно действующего всесоюзного теоретического симпозиума? организованного АОН при ЦК КПСС Ю.А. Красиным. В тоже время власть блокировала научное творчество историка, оформляя заказ на ученого-пропагандиста, который он не мог игнорировать. На фронт Н.Г. Левинтов ушел рядовым, в 1942 г. стал политруком роты, закончил службу в армии начальником дивизионной партшколы. После войны партийная работа, лекции по линии обкома КПСС и Всесоюзного общества по распространению политических

знаний, работниках вуза по вопросам международных отношений семинар для студентов политинформаторов и пр. воспринимались им как «бездарные» в научном отношении. Заниматься наукой он хочет систематически, каждодневно, иначе «ставь точку над великим движением в науке».

Выпускнику аспирантуры ЛГУ Левинтову в период борьбы с космополитизмом (1950 г.) пришлось со «столичных вершин» Ленинграда, за который историк сражался на «Невском пяточке» спуститься на «провинциальные равнины» на кафедру всеобщей истории пединститута областного центра, правда на родине вождя. На этой кафедре он трудился почти 50 лет. Оседание историка-слависта на вынужденном месте дислокации сближает его с другими учеными. Так, А.С. Шофман, также выпускник ЛГУ, закрепляется в Казанском университете им. В.И. Ульянова (Ленина), в столице автономной республики и занимавшем гораздо более статусное место в иерархии социокультурного ландшафта исторической науки [5, с. 102]. При выборе провинциального вуза имя Ленина и относительная близость столиц сыграли свою роль. Профессиональные качества легче уберечь от идеологических и политических трансформаций занимаясь античностью – так считал Шофман [3]. Левинтов специализировался на новой и новейшей истории, в т.ч. стран Азии и Африки. Согласно его стратегии вряд ли может называться историком тот, кто не может разобраться в событиях, очевидцем которых он является. Курсы по новейшей истории требовали ежегодного дописывания учебника и «переосмысление многого из прошлого материала» [1, л. 68]. А вот И.Д. Амусин – историк-антиковед, друг Левинтова по истфаку, вернулся из Ульяновска в Ленинград после смерти Сталина. Почему Левинтов не покинул Ульяновск? Он признается на страницах дневника, что после войны живет под бременем постоянного страха «за страну, диссертацию». Ему казалось: МГБ собирает на него материалы. Ведь на его глазах за мнимые грехи изгнали из ЛГУ его учителей О.Л. Вайнштейна и С.Я. Лурье. Н.Г. Левинтов – инвалид войны, невероятными усилиями восстановил и поддерживал способность трудиться. Страх и болезни оказывали влияние на поведенческую стратегию. Непредсказуемость последствий переезда, неопределенность с трудоустройством по профилю могли окончательно подорвать здоровье.

Погромные компании в науке, оборачивались побочным позитивным эффектом для провинции. Ученые, достойные столичного статуса, поднимали научный рейтинг, качество образования провинциальных вузов. А.А. Любищев, Р.А. Таубин, А.В. Штраус, Р.Е. Левина, П.С. Бейсов и др. – междисциплинарное сообщество, определявшее атмосферу УГПИ. К тому же на кафедре всеобщей

истории сложился триумвират из Н.Г. Левинтова, С.Л. Сытина и М.Г. Ивановой, которые были близки и по научным устремлениям, политическим и идеологическим интенциям, по пониманию задач кафедры. К тому уже их сближал быт – проживание в одном общежитии. Историк-фронтовику и пропагандисту жилье местные власти так и не предоставили. Проживание в провинции ставило крест на конкретно-исторических исследованиях по всеобщей истории. Левинтов и Сытин крайне переживали по этому поводу, предпринимали отчаянные попытки выбраться из этой ловушки, используя командировки и очередной отпуск. Левинтов даже задумался о смене профиля на историю СССР, но в конечном итоге переориентировался на историографические и теоретико-методологические проблемы истории новейшего времени.

По вопросу использования властями стихийного антисемитизма для контроля над учеными в разные периоды советской истории, источники личного происхождения сохранили фактический материал и размышления историка.

Библиография

1. ГАУО. Ф.Р-73. Оп. 1. Ед. хр. 729.
2. Левинтов Н.Г. Аграрный переворот 1877–1979 гг. и борьба болгарского народа против реставрации султанской власти в Болгарии. Дис. ...канд. ист. наук // ГАУО. Ф. Р-4343. Оп. 1. Ед. хр. 1.
3. Попова А.А. Две беседы об А.С. Шофмане. Интервью с Е.А. Чиглинцевым. «Все начинается с учителя». Интервью с Г.П. Мягковым // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск: Изд-во ОмГУ, 2019. С. 445–469.
4. Такая история / сост. Г.А. Дёмочкин. Ульяновск: УлГТУ, 2014. 294 с.: ил., портр. (Антология жизни).
5. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие; вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2011. 471 с.

***Зубова Ирина Львовна**, кандидат философских наук, доцент, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Россия; seamaid73@gmail.com*

Global Historian N. G. Levintov: the problem of comprehensive implementation of possible in scientific creativeness.

Global historian's N.G. Levintov personal intellectual history is considered through the problem of comprehensive implementation of possible in scientific creativeness. The variety of factors hindering scientist in the achievement of at least a half of his scientific potential is explicated by applying methods of historiographical analysis, phenomenology and historical anthropology to a wide range of sources of personal origin.

Keywords: N.G. Levintov, scientific creativeness, history of historical science in the human dimension, personal intellectual history, global historian, historian and authorities

***Zubova Irina Lvovna**, Candidate of History, Associate Professor, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia; seamaid73@gmail.com*

Колесникова М.Е., Танцева А.В.

**Вклад профессора В.П. Невской в развитие
кафедры всеобщей истории Ставропольского
государственного педагогического института
(к 100-летию со дня рождения)**

Статья посвящена выдающемуся ученому Валентине Павловне Невской (1919–2009), которая внесла большой вклад в развитие отечественного кавказоведения, антиковедения. Почти десять лет она возглавляла кафедру всеобщей истории Ставропольского государственного педагогического института. Особое внимание в своих исследованиях уделяла рассмотрению социально-экономических отношений народов региона, степени развития горских обществ в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: история, антиковедение, кавказоведение, кафедра всеобщей истории, Ставропольский государственный педагогический институт, научная школа

В 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа В.П. Невской (в девичестве – Скворцова) (1919–2009). С ее именем связано становление кафедры всеобщей истории Ставропольского государственного педагогического института (СПИ), в котором она начинает работать с 1971 г. на кафедре истории. В 1976 г. было принято решение о создании кафедры всеобщей истории, возглавить которую предложили В.П. Невской. Назначение это не было случайным. Еще в студенческие годы она увлеклась историей древнего мира, принимала участие в археологических раскопках греческой колонии Ольвии в Бугско-Днепровском лимане (экспедиция А.М. Славина). Ее первая научная публикация была о Боспорском царстве [1, с. 1106-1107]. После окончания института МГПИ им. В.И. Ленина в 1947 г. Валентина Павловна поступила в аспирантуру к профессору В.Н. Дьяконову. В 1950 г. успешно защитила диссертацию на тему «Византий в классическую и эллинистическую эпохи». Планировала дальнейшую разработку темы в рамках докторского исследования по проблеме «Византий в римскую эпоху». В силу различных жизненных обстоятельств эта защита так и не состоялась.

В 1951 г. она вместе с семьей переезжает на Северный Кавказ, в г. Черкесск и начинает работать в учительском институте, где преподает древнюю историю. В 1953 г. переходит на работу в Черкесский НИИ экономики, истории, языка и культуры, возглавив сектор истории. В сфере ее научных интересов появляется история народов Северного Кавказа. Особое внимание она уделяла рассмотрению степени развития горских обществ в XIX – начале XX в., истории и культуре карачаевского народа. Итогом разработки данной проблемы

стала защита в 1966 г. в Ростовском госуниверситете докторской диссертации «Карачай в XIX в. Эволюция аграрного строя и сельской общины».

Работая на Северном Кавказе В.П. Невская не переставала заниматься и любимой античной историей. По материалам кандидатской была подготовлена монография «Византий в классический и эллинистический периоды», выход которой из печати в 1953 г. стал научным событием [2]. В 1955 г. эта монография была переведена на немецкий язык и издана в Лейпциге [4]. В 1955 г. в Японии вышла развернутая рецензия [5, с. 36-51]. Вклад профессора В.П. Невской в науку был оценен на мировом уровне. Дважды, в 1993 г. и 1995 г., за выдающиеся заслуги в развитии исторической науки В.П. Невская была объявлена Женщиной года по версии Кембриджского международного биографического центра и награждена «Медалью века», а ее имя внесено в ежегодник «Кто есть кто?», издаваемый Кембриджским центром [3, с. 463].

К преподаванию любимой античности В.П. Невская вернулась, переехав в Ставрополь и начав работать в СГПИ. Здесь в течение многих лет она читала курс по истории древнего мира, который не просто знакомил студентов с началом человеческого общества и развитием ранних цивилизаций, но и способствовал профессиональному становлению будущих историков. Начальные навыки работы с источниками и историографии студенты истфака получали именно на ее занятиях. Она была Учителем с большой буквы, просветителем, настоящим подвижником. В.П. Невская щедро делилась с молодежью своими знаниями и жизненным опытом, и ученики платили ей тем же. Студенты охотно выбирали ее научным руководителем своих первых работ – рефератов, курсовых, дипломных работ. Валентина Павловна никогда не жалела для них ни времени, ни идей. Сколько дипломных работ защищено под ее руководством! Сколько кандидатских и докторских, тематику которых она помогала определять! Она вникала в интересы студентов и аспирантов, заботилась об их научном росте, редактировала публикации и выступления на конференциях, помогала с трудоустройством, следила за их развитием и ростом, радовалась их успехам.

Двери ее рабочего кабинета и в институте и дома всегда были открыты для учеников и коллег. Студенты имели возможность пользоваться ее богатейшей домашней библиотекой, книги из которой можно было взять для работы с собой. Но студенты, заходившие к профессору за книгой, так любили остаться на чай, послушать Валентину Павловну, ее мнение по той или иной исторической проблеме. Эти «посиделки», по сути, были продолжением заседаний научного кружка, который она вела в институте. Проходящее

в неформальной форме общение с маститым ученым во многом влияло на формирование взглядов и мировоззрение молодых историков.

В.П. Невская не была кабинетным ученым. Она занималась организационной работой, совершенствованием учебного процесса. В период с 1976 по 1982 гг. возглавляла кафедру всеобщей истории Ставропольского государственного пединститута. Во многом благодаря ей, на кафедре сложился коллектив единомышленников: Н.В. Василенко, М.П. Заикин, А.Н. Савельева, Ф.П. Тройно, А.А. Аникеев, А.С. Бухаров, И.А. Краснова, С.В. Малахов и др. На университетском уровне было поставлено чтение дисциплин, особенно истории древнего мира, истории средних веков. На кафедру в последующем пришли работать ее ученики В.В. Степаненко, Ю.Н. Литвиненко, И.А. Коробкина, Т.В. Пантюхина, В.В. Литвинов, Н.М. Нарыкова, Д.А. Батраков, Д.С. Ткаченко и др. Многие из них и сегодня продолжают трудиться в стенах родной Альма-матер, теперь носящей название Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ).

Немало сил приложила В.П. Невская для подготовки учебно-методического обеспечения магистерской программы, когда в 1993 г. вуз одним из первых в стране перешел на многоуровневую систему подготовки специалистов. В эти годы кафедрой всеобщей истории руководил проф. А.А. Аникеев (1982 по 2000 гг.). В магистратуре В.П. Невская читала курс сравнительной истории мировых цивилизаций, который неизменно собирал студентов не только профильной магистратуры. Она продолжала читать свои любимые курсы и когда вышла на пенсию. После реорганизации в 1997 г. кафедры всеобщей истории тогда уже Ставропольского госуниверситета В.П. Невская продолжила работу на кафедре истории древнего мира и средних веков (зав. кафедрой проф. И.А. Краснова) в должности профессора-консультанта. В 1998 г. В.П. Невской одной из первых было присвоено звание «Заслуженный профессор СГУ» за большой вклад в развитие университета.

Профессор В.П. Невская оставила глубокий след в развитии исторического знания, суждения и концепции, которые прочно вошли в научный оборот, идеи и гипотезы, которые сегодня рассматривают уже ученики ее учеников, составляющие историческую научную школу СКФУ. Ее деятельность проходила в разных плоскостях, и в каждой из них она достигла значительных высот, обеспечив себе благодарную память коллег и учеников.

Библиография

1. Боспорское царство // Малая Советская Энциклопедия: В 11 т. 2-ое изд. / Под ред. Н.Л. Мещерякова. М.: «Советская энциклопедия», 1947. Т. 1. 557 с.
2. Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи / Под ред. В.Н. Дьяконова. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 159 с.

3. Nevskaya Valentina Pavlovna // Dictionary of international Biography including Who Will Who in 21st Century. A Biographical Record of Contemporary Achievement. Twenty Third Edition, 1995. 843 p.
4. Newskaja W.P. Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche; Übers. aus dem Russ. Dr. Hans Bruschwitz. Leipzig: Koehler Amelang, 1955. 170 p.
5. Yasuda K. Byzantij v Klassicheskyu i Ellenisticheskyu Epokhi // Shicho: (The Journal of History). Tokio, 1955. № 55.

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия; kolesnikovam2017@mail.ru

Танцевова Анастасия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Российский университет транспорта, г. Москва, Россия; tantsevova@mail.ru

Contribution of Professor V.P. Nevsky in the development of the Department of General History of the Stavropol State Pedagogical Institute (on the 100th anniversary of his birth)

The paper is devoted to an outstanding scholar Valentina Pavlovna Nevskaya (1919–2009), who made a major contribution into the development of Russian Caucasus studies, antiquity. She headed the Department of General History of the Stavropol State Pedagogical Institute for 10 years. She focused her research on social and economic developments of the region's peoples as well as the history of highland communities in the XIX – early XX-th centuries.

Keywords: history, antiquity Caucasus studies, Department of World History, Stavropol State Pedagogical Institute, scientific school.

Kolesnikova Marina Evgenyevna, Doctor of History, Professor, North Caucasian Federation University, Stavropol, Russia; kolesnikovam2017@mail.ru

Tancevova Anastasia, Candidate of History, Associate Professor, Russian University of transport (MIIT), Moscow, Russia; tantsevova@mail.ru

УДК 930(410)(092)

Кузнецов А.А., Селиванова О.В.

Неопубликованный текст С.И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» («Социальная история Англии в работах русских историков»): историографический труд и эго-документ

Статья посвящена репрезентации малоизвестного и неопубликованного текста о «русской школе социальной истории Англии». Это исследование было написано в августе 1941 г. историком С.И. Архангельским. Представлена аннотация этого текста. Его автор доказывал, что с 1880-х гг. в Московском университете сложилась традиция изучения социальной истории Англии в Средние века. Историки – М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин, Е.А. Косминский,

С.И. Архангельский, В.М. Лавровский – внесли весомый вклад в изучение большого периода Английской истории и задали мировой научный тренд в этом направлении. С.И. Архангельский идентифицировал себя с этой научной школой.

Ключевые слова. История Англии, Московский университет, Россия, историография, эго-текст, С.И. Архангельский, М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин, Е.А. Косминский, В.М. Лавровский. «Русская школа», «русская школа в изучении социальной истории Англии».

Нижегородец Сергей Иванович Архангельский (1882–1958) – выпускник историко-филологического факультета Московского университета. С 1924 г. изучал аграрное законодательство Английской революции. В 1938 г. защитил докторскую диссертацию, в 1935 и 1940 гг. издал 2 монографии по данной проблематике. «Английское» направление было важным в его профессиональной и культурной самоидентификации. Архангельский-историк формировался под влиянием В.И. Герье, П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина. В этом контексте надо рассматривать его малоизвестный и неопубликованный текст «Роль русских историков в разработке истории Англии» («Социальная история Англии в работах русских историков»). Он представлен автографом и машинописным вариантом [1, д. 285, л. 1-72; 73-126]. Первое название указано на рукописи, второе – на машинописной копии. Пометы Архангельского – «Начата 7/VIII окончена 16/VIII 1941 г. и тогда же послана», «Статья С.И. Архангельского для Исторического журнала» [1, д. 285, л. 1, 3]. Работа (1,75 п.л.) состоит из 8 глав.

Сжатые сроки создания статьи могли определяться политическим заказом. 12.07.1941 – подписано советско-британское соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Стремительный разворот во внешней политике требовал объяснений, подобных тем, что были в 1914–1917 гг. Тогда английские журналисты тогда стали выводить Россию из противника-варвара в цивилизованную страну [2]. С.И. Архангельский мог слушать речь А.А. Кизеветтера 8 мая 1916 г. [5], которого называл своим университетским наставником [6, л. 5]. Тот обосновывал органичность Антанты моментами в истории союзников, когда народы в лице Жанны д'Арк, короля Альфреда Великого, Кузьмы Минина спасали страны от иноземцев. Похожее происходило и в СССР 1941 г., и Архангельскому могли предложить сделать статью.

Аннотация текста С.И. Архангельского:

До 1870-х гг. интерес русского общества к Англии удовлетворялся за счёт переводных работ, но в российских университетах уже зарождалось англоведческое направление.

Первую отечественную книгу по истории Англии – «Англо-саксонская сельская община» (1872) – написал профессор Харьковского университета

И.П. Сокальский. Продолжая его штудии, М.М. Ковалевский исследовал в двух диссертациях и двух трёхтомниках историю Англии.

П.Г. Виноградова «интересовали... установление причинной зависимости между отдельными рядами исторических фактов. Он изучал факты социально-экономической и правовой истории Англии, которые были нужны ему для понимания феодализма».

Д.М. Петрушевский «наследовал» П.Г. Виноградову в отношении позднефеодальной Англии, и ещё он уделил внимание политическому строю Англии и его важному тексту «Великая хартия вольностей».

А.Н. Савиным после работы в Лондонском архиве «...написаны «Английская деревня в эпоху Тюдоров» 1903 г. и «Английская секуляризация» 1907 г. Первое исследование было его магистерской, а второе – его докторской диссертацией». «Автор подчёркивает крайнюю медленность эволюции аграрного строя и крайнюю сложность состава английской деревни... «Английская секуляризация»... – фундаментальная работа А.Н. Савина, ценный вклад в нашу и мировую науку».

Историки – Е.А. Косминский, сам С.И. Архангельский и В.М. Лавровский – «закрыли» оставшиеся периоды аграрной истории средневековой Англии и продвинули изучение Британии в 1920–1930-е гг.

Вывод был претенциозен: «...русские историки, посвятившие труды социальной истории Англии, дали связную цепь исследований...; за время от 70 г. XIX до 40 г. XX века сменилось три философско-исторических направления... Но эта смена не помешала преемственности в темах разработки социальной истории Англии..., одно поколение историков продолжало работу другого... В изучении французской революции, по преимуществу аграрного вопроса, существует русская школа (ecole russe), представленная именами Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, Ив.В. Лучицкого, Е.В. Тарле, Е.Н. Петрова...; не меньше оснований говорить и о русской школе в изучении социальной истории Англии».

С.И. Архангельский конструировал эту школу: «Сокальский..., прочитавший первым в России курс истории экономических школ... Его лекции слушал М.М. Ковалевский» – «...переходим к достойному продолжателю М.М. Ковалевского П.Г. Виноградову. В биографии М.М. Ковалевского и П.Г. Виноградова есть одна общая черта. Оба в начале... состояли профессорами Московского университета, но оба оказались неудобными министерству народного просвещения» – «Виноградов стал известен... исследованиями по социальной истории Англии XI–XIII века всему учёному историческому миру... Разработку вопросов, связанных с историей английского феодализма на более поздней стадии его развития, которая граничит с его разложением, вёл Д.М. Петрушевский, бывший профессор Московского университета» – «Как и Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин принадлежал к школе историков, воспитанных П.Г. Виноградовым. Он был его непосредственным учеником. При отъезде в заграничную командировку А.Н. Савин получил... инструкцию, над чем работать» – «А.Н. Савин умер уже в советский период нашей истории. Его ближайшие ученики и последователи [Е.А. Косминский, С.И. Архангельский, В.М. Лавровский, окончившие Московский университет] продолжали вести изучение социальной

истории Англии, начатое в 80 годы XIX века М.М. Ковалевским и П.Г. Виноградовым. Прежде всего остановимся на монографии Ев.Ал. Косминского “Английская деревня в XIII веке”, которая... близка к тем вопросам социальной истории Англии, которыми занимались П.Г. Виноградов и Дм.М. Петрушевский» – [про С.И. Архангельского] «Да и вся аграрная история Англии XVII века сравнительно мало привлекала к себе внимание. А.Н. Савин, читавший специальный курс по истории английской революции на историко-филологическом факультете Московского университета, лишь в последние годы своей жизни обратился к изучению истории отдельных маноров в их социально-экономической ткани. В этих этюдах он уделил большое внимание тем новым чертам, которые характеризовали манор XVII века... Всё это побуждало С.И. Архангельского поставить основной задачей начатого исследования выяснение тех перемен, которые внесла английская революция в землевладение. Разрешение этой задачи, казалось, должно помочь отвечать на другой более общий вопрос, что из себя представляла аграрная эволюция Англии XVII века и какие процессы связывали между собой Англию XVI и Англию XVIII века».

Чертами англоведческой школы, по Архангельскому, являлись связь с Московским университетом, преемственное продолжение штудий Виноградова и Петрушевского, достижения российских историков, оказавшиеся не по плечу их британским коллегам. Последняя черта – формирование тренда – уравнивало отечественную англоведческую школу с *ecole russe*. Это заявление могло бы стать этапом движения к синтезирующему выводу начала XXI в.: «русская историческая школа» – цельное системное научное сообщество, стоящее на схожих методологических и идеологических позициях, исследующее проблемы всемирной истории для поиска эффективного и приемлемого для России исторического опыта [4, с. 292].

У Архангельского были основания и для такого вывода. В вышеприведённой цитате о продолжении С.И. Архангельским штудий А.Н. Савина угадывается фраза из письма Н.И. Кареева от 21.12.1924: «Дело в том, что аграрная история Англии в эпоху первой революции остаётся почти... неизвестной... Ваш вопрос не привлекал к себе... внимания исследователей... Историография больше занималась аграрной историей XVI в... Савин это делал и касался аграрной истории XVII в статье Журнала Министерства Народного Просвещения. Но он мало говорит о аграрном вопросе в “Лекциях по истории английской революции”» (1924)» [7, д. 183, л. 1-1 об.]. Кареев в 1924–1930 гг. читал «английские» тексты Архангельского и консультировал его [3].

Личные отношения связывали Архангельского с большинством героев его статьи. Лекции П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского он слушал, с последним состоял в переписке, как и с Е.А. Косминским

и В.М. Лавровским. Лекции А.Н. Савина С.И. Архангельский посещал. И кроме того, в статье есть фрагмент, передающий личное отношение: «Я имел счастливый случай видеть его тетрадь в чёрном переплёте для выписок и обработки архивных материалов; в неё А.Н. занёс свои последние записи... его работы в центральном Лондонском архиве. Простудившись там, он заболел 29 января 1923 года».

Глава 7 статьи является эго-текстом, где автор осмысливает свой вклад в развитие «русской школы» англоведения.

Библиография

1. Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 1. Личный фонд С.И. Архангельского.
2. Зашихин А. Лев+медведь. За кого сражались англичане, когда сражались за русского царя // Родина. 1993. № 8–9. С. 124–126.
3. Кузнецов А.А. Письма Н.И. Кареева С.И. Архангельскому // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2017. Вып. 58. С. 88–104.
4. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. 298 с.
5. Речь профессора А.А. Кизеветтера на совместном заседании Городской Думы Нижнего Новгорода и архивной комиссии в память 300-летия со дня смерти Минина 8 мая 1916 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Рязань, 2011. С. 274–278 (*переопубликовано*: Мининские чтения. Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 11–17).
6. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Личное дело С.И. Архангельского.
7. ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Личный фонд С.И. Архангельского.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; nalbuz@mail.ru

Селиванова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Группы комплектования личными фондами ученых и их научного описания, Архив Российской академии наук, Москва, Россия; olya84@list.ru

Unpublished text of S.I. Arkhangel'sky «The role of Russian historians in the development of the history of England» («Social History of England in the studies of Russian historians»): a historiographical study and ego-document

The article is devoted to the representation of little-known and unpublished text about «Russian school of social history of England». The study was written in August 1941 by historian S.I. Arkhangel'sky. The abstract of this text is presented. The author proved that since the 1880s at Moscow University there was a tradition of studying the social history of Medieval England. Such historians as M.M. Kovalewski, P.G. Vinogradov, D.M. Petrushevsky, A.N. Savin, E.A. Kosminsky, S.I. Arkhangel'sky, V.M. Lavrovsky made a great contribution to the study of the wide period of English history and set the world scientific trend in this sphere. S.I. Arkhangel'sky identified himself with this scientific school.

Keywords: History of England, Moscow University, Russia, historiography, ego-text, S.I. Arkhangel'sky, M.M Kovalewski, P.G. Vinogradov, D.M. Petrushevsky, A.N. Savin, E.A. Kosminsky, V.M. Lavrovsky, «Russian school», «Russian school in studying the social history of England

Kouznetsov Andrey Aleksandrovich, *Doctor of Science in History, Associate professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; nalbuz@mail.ru*

Selivanova Olga Vladimirovna, *Candidate of History, Senior Research Officer, Head of the Group for the Acquisition of Personal Scientists' archival collections and their scientific description, ARAS, Moscow, Russia; olya84@list.ru*

УДК 930(092) "19"

Кузнецов А.А.

Преломление политической истории первой половины XX в. в научном творчестве С.И. Архангельского

В статье рассматривается вопрос влияние политической современности на профессиональное изучение прошлого. В качестве примера рассмотрено научное творчество историка С.И. Архангельского. Выдвигается гипотеза о том, что в исследованиях социального движения нижегородского крестьянства, формирования нижегородского пролетариата, аграрного законодательства и внешней политики Английской буржуазной революции С.И. Архангельский выработывал отношение к истории революционной и постреволюционной России-СССР и Великой Отечественной войне. Представлены факты гражданской активности С.И. Архангельского в Великую Отечественную войну.

Ключевые слова. С.И. Архангельский, история России – СССР, Английская буржуазная революция, Русская революция, внешняя политика после революции, исследования историка как осмысление настоящего

Нижегородец Сергей Иванович Архангельский (1882–1958) как историк сформировался до 1917 г., но к систематическим научным штудиям приступил в 1920-х гг. Тогда же он организовал Нижегородское научное общество по изучению местного края. Его главной задачей было изучение складывания и районирования локальных производительных сил с перспективой грядущей индустриализации. В таких рамках Архангельский провёл исследования по истории нижегородских крестьянства и рабочего класса [1; 3–6; 8–10], завершившихся книгой о зарождении нижегородского пролетариата [11] и важной статьёй о локальном методе [7]. Он будет применён в англоведческих исследованиях.

К изучению аграрного законодательства Английской революции Архангельский приступил в 1924 г. Кроме лояльности и тренда

революционной темы в 1920-е гг., были и *другие причины* выбора Архангельского. *Научная причина*: на фоне частого обращения историков и политиков к опыту Французской революции и монополии «красной профессуры» и руководителей ВКП(б) и СССР на знание о Революции-1917 Английская революция оставалась неизученной. *Мировоззренческая причина*: как русский интеллигент Архангельский осмысливал трагедию Российской революции, её последствий. Рефлексия наращивалась навыком исторического анализа. Архангельский включил в него ленинский тезис о том, аграрный вопрос был главным вопросом революции в России, и избрал исследование типологически схожего феномена. Он принял и использовал марксистскую методологию постижения истории [12; 13].

После защиты докторской диссертации Архангельский стал изучать ещё «внешнюю политику Англии в годы революции» [15, оп. 8а, д. 6, л. 2]. Коллега Н.М. Пакуль заметил по этому поводу в сентябре 1940 г.: «От души желаю достигнуть подобных же результатов и по той новой теме, которую Вы себе наметили... Конечно, в изучении внешней политики много интересного открывается, до такой степени интересного, что не хочется жить или с горечью думать, что же такое человек, есть ли предел его подлости...» [16, оп. 1, д. 249, л. 30-30 об.]. Письмо было написано после вхождения в состав СССР Литвы, Латвии, Эстонии и Бессарабии, советско-финской войны, завершившейся передачей СССР ряда территорий, возвращения Западных Украины и Белоруссии, советско-германского пакта о ненападении. Эти события произошли после вынужденного отказа СССР от курса на создание системы «коллективной безопасности» в Европе и после более ранних борьбы за признание СССР, унижительных итогов Версаля и Брестского мира... Вероятно, моральная оценка внешней политики Пакуля исходила из реалий времени 1930-х гг.

С.И. Архангельский мыслил, видимо, в иной ценностной системе. Историка интересовало, как страна, преодолевшая революцию, восстанавливает свои позиции на международной арене и меняет её конфигурацию. Исследователь находил ответ во внешней политике революционной Англии. Вот цитаты из обобщающего его текста (после 1945 г.): «Если проследить отношения Англии к Франции и Испании в период от образования Английской республики до начала войны Англии с Испанией..., то бросается в глаза два противоположных процесса. Англия от фактической войны с Францией переходит к торговому договору... Тогда же Англия от сближения с Испанией... переходит к... военным действиям»; «всё это были звенья последней цепи явлений, приближавших начало военных действий между Англией и Испанией в Европе»; «Памятником дипломатической истории англо-французской войны с Испанией

являются... договоры, заключённые между союзниками во время войны. Эти договоры облакались глубокой тайной...; они имели ещё секретные статьи»; «Союз Англии и Франции в войне против Испании становился действительно более тесным; у них должны были общие враги и общие союзники»; «Английская дипломатия эпохи протектората не могла остаться в стороне от развернувшихся крупных международных событий в Польше, Швеции, Дании, Бранденбурге, тем более, что эти события не являлись... изолированными от англо-французской войны с Испанией»; «Англия искала себе опору на севере в войне с Соединёнными провинциями... Швеция рассчитывала иметь в союзе с Англией хороший противовес... против Дании и Соединённых провинций»; «В эпоху протектората в Европе... шло три крупных войны...: между Венецией и Турцией...; воевала англо-французская коалиция с Испанией..., начиналась польско-шведская война. Вели войну 16 государств»; «Война обостряла противоречия внутри отдельных государств. Враждебная кромвелевской Англии Испания стремилась опереться на внутренних врагов революции»; «Внешняя политика Оливера Кромвеля отличалась большой целеустремлённостью, продуманными действиями и настойчивостью. Выдвинутая им идея покровительства протестантизму как нельзя более отвечала интересам английской буржуазии... Внешняя политика Оливера Кромвеля... заложила основы будущей Британской империи... Политика, соединённая с определённой идеологией религиозно-национального характера, потребовала новых людей... Английская революция выдвинула своих дипломатов»; «Ему угрожает участь первых парламентских посланцев... Эшема и Дорислау, убитых врагами республики... Всё это были люди нового образа мыслей, разбиравшиеся в задачах, поставленных перед революционной Англией сложившейся исторической обстановкой» [2, с. 94, 96, 101, 102, 107-108, 109-110, 113, 115, 116, 117].

Параллели событий исторической реальности, описываемой С.И. Архангельским, и его современности от 1914 г. до 1945 г. очевидны. Революции XVII в. и 1917 г. коренным образом меняют расклад и характер международных отношений; поддержка протестантизма – поддержка борьбы рабочего класса и левых партий, Англия после Революции – Россия–СССР в 1920–1940-е гг.; новые английские дипломаты – советские дипработники, которых могут убить; тайные договоры с секретными статьями; Англия вместе с бывшей враждебной Францией воюет против бывшей союзной Испании – СССР во Второй мировой войне вместе с бывшими противниками Великобританией, США побеждает Германию, с которой в межвоенные годы были неплохие отношения. Европейский характер войны XVII в. в XX в. расширился на весь Евразийский континент.

Англия, обновлённая революцией в XVII в. для деятельной буржуазии, и Россия в виде СССР как государство трудящихся в период 1917–1945 гг., не только компенсируют утраты, но решают проблемы предшествующей власти, устраняют её провалы и достигают большого. Правители, использовавшие положительный потенциал Революции, обеспечивают стране лидирующее международное положение: Кромвель и Сталин – аналогия напрашивается.

Архангельский практически включился в этот процесс. В июне 1941 г. он пожертвовал 1000 рублей и облигации на большую сумму для нужд обороны. Это поразило многих. 20 лет спустя В.Д. Зеленцов именно об этом поведал в книге по истории пединститута [14, с 71]. Он же раскрыл триумф 09.05.1945 одной сценой: «Старейший работник института... С.И. Архангельский, радостно пожимая руки своим коллегам, говорил: “Вот это победа так победа. Это великая историческая победа! Поздравляю!”» [14, с. 109]. Ещё один эпизод приведён В.Т. Илларионовым: «Архангельский, несомненно, был патриотом Советской отчизны... Фашистская армия находится в нескольких километрах от Москвы, а ее авиация бомбит даже г. Горький...: бомбы разрываются “у самого дома”... В этих трагических условиях, в 1942 году С.И. выступает на городском собрании в Доме Партпроса, в канун Октябрьской годовщины с речью, в которой он беспартийный выражает уверенность в том, что... “наша партия победит врага!”» [17, оп. 4, д. 173, л. 11].

С.И. Архангельский рассматривал войну 1941–1945 гг. в историческом контексте событий 1914–1945 гг.: утраты Российской империи в ходе Первой мировой войны, Революции и разрухи потом возмещаются Советской властью, в том числе и принципиально новой внешней политикой и «исторической победой» над Германией.

Очевидно, что С.И. Архангельский с 1920-х гг. через изучение нижегородских крестьянства и пролетариата до XIX в., историю аграрного законодательства и внешней политики революционной Англии, решал вопросы природы и перспектив Российской революции и адекватности новой власти следовавшим вызовам. И эти исследования были связаны с его отношением к Советской власти в контексте истории и перспектив России.

Библиография

1. Архангельский С.И. Аграрное движение в Нижегородской губернии. 1861–1906 // Материалы по истории революционного движения. Вып. 4. Нижний Новгород, 1922. С. 171–213.
2. Архангельский С.И. Внешняя политика Англии в эпоху протектората 1654–1659 // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013. Нижний Новгород, 2013. С. 91–117.
3. Архангельский С.И. Возникновение пролетариата в Павловском промышленном районе // Труд в России. 1924. Кн.1. С. 42–53.

4. Архангельский С.И. К вопросу о происхождении пролетариата в пределах Нижегородского края // Нижегородский край и его хозяйство. Н. Новгород, 1925. С. 143-172.
5. Архангельский С.И. Крестьяне крепостной деревни Московского промышленного района во второй половине XVIII в. // Архив истории труда в России. 1923. Кн. 8. С. 135-147.
6. Архангельский С.И. Крестьянское движение в Нижегородской губернии в период 1861–1906 гг. // Нижегородский край. Ч. III. Н. Новгород, 1926. С. 43-47.
7. Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181-194.
8. Архангельский С.И. Очерки социальной истории промышленного Выксунского района // Архив истории труда в России. 1923. Кн. 10. С. 16-27.
9. Архангельский С.И. Пролетариат Сормовского промышленного района // Труд в России. 1924. Кн. 2. С. 45-57.
10. Архангельский С.И. Процесс образования промышленного пролетариата в Н. Новгороде в XIX в. // Труд в России. 1925. Кн. 1. С. 42-53; Кн. 2, 3. С. 200-210.
11. Архангельский С.И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII–XIX вв. Горький: Горьковское областное государственное изд-во, 1950. 320 с.
12. Белов М.В. Теоретические вопросы в материалах С.И. Архангельского к лекциям по новой истории // Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке (к 120-летию со дня рождения). Нижний Новгород, 2002. С. 7-16.
13. Будцын И.В. Концепция решения аграрного вопроса С.И. Архангельского в свете проблемы завершенности раннебуржуазных революций // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 317-331.
14. Зеленцов В.Д., Селезнев Г.К., Русов Ю.В., Саблин А.Д. Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1961. 176 с.
15. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 377. Оп. 8а. Д. 6. Личное профессора Горьковского государственного университета С.И. Архангельского.
16. ЦАНО. Ф. 6299. Личный фонд чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельского.
17. ЦАНО. Ф. 6161. Личный фонд доктора исторических наук В.Т. Илларионова.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; nalbuz@mail.ru

Refraction of political history of the first half of the XX century in the scientific heritage of S.I. Arkhangel'sky

The article deals with the influence of political modernity on the professional study of the past. As an example, the scientific work of the historian S. I. Arkhangel'sky is considered. The hypothesis is put forward that in the studies of the social movement of peasantry and the formation proletariat of Nizhny Novgorod province, agrarian legislation and foreign policy of the English bourgeois revolution, S. I. Arkhangel'sky developed an attitude to the history of revolutionary and post-revolutionary Russia—the USSR and the Great Patriotic War. The facts of civil activity of S.I. Arkhangel'sky in the Great Patriotic War are presented.

Keywords: S.I. Arkhangel'sky, history of Russia-USSR, the English bourgeois revolution, the Russian revolution, the foreign policy after the revolution, the studies of the historian as understanding the modernity

Kouznetsov Andrey Aleksandrovich, Doctor of History, Associate professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; nalbuz@mail.ru

Кутузова А.А.

**Я.М. Захер: своим убеждениям не изменил
(по материалам архива красноярского управления
ФСБ)**

В статье представлена попытка отследить наиболее тяжелый и малоизученный период в жизни выдающегося советского историка, специалиста по Великой французской революции конца XVIII в. Я.М. Захера (1893–1963) на основе документов Архива УФСБ по Красноярскому краю.

Ключевые слова: советская историческая наука, Я.М. Захер, Краслаг

Советская историческая наука содержит в себе примеры выдающихся личностей, способных сохранить и пронести сквозь череду испытаний и преград свои убеждения, принципы, бескорыстие и честность, проявить негибкую волю и силу духа. Ведь жизнь подлинного интеллигента связана с постоянным преодолением препятствий, сложностей и испытаний. Это не простая демонстрация знаний или авторитета, но отстаивание своих позиций, стремление сохранить себя в тяжелейших условиях существования.

Лагерная система сломала множество судеб выдающихся представителей науки, культуры и образования, и есть такие, из прошедших этот путь, красочно расписывали свою жизнь за «колючей проволокой». Среди них много ученых, тех, кто не смог поступиться своими убеждениями и стремлениями. Значительной фигурой в советской исторической науке был Яков Михайлович Захер (1893–1963). Центральное место в его научных изысканиях принадлежало леворадикальному движению «бешеных» времен Великой французской революции конца XVIII в., благодаря которому он стал известен не только на родине, но и за границей [6; 7]. На своем жизненном пути Захер пережил немало потрясений, но самым сложным испытанием стали долгие 15 лет заключения в ГУЛАГе. Ни плодотворная научная, ни успешная преподавательская деятельность не смогли уберечь историка от трагических событий конца 1930-х гг.

19 октября 1940 г. Особым совещанием НКВД СССР по ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР (данная статья уголовного кодекса вводила наказание за осуществление агитации к «свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» [13]) Захер был направлен в лагерь сроком на 8 лет в Краслаг (Канский ИТЛ) [5, с. 336]. Следует отметить, что по ряду свидетельств (это и сотрудники правозащитного общества «Мемориал» [15], и те, кто родился и вырос в самом

лагере [1]), Краслаг был лагерем уникальным, подчас его называли «лагерем интеллигенции». Администрация лагеря не стремилась подавить заключенных физически и морально, ряд требований к содержанию осужденных (соответствие пайки дневной выработке, условия труда и т.д.) был смягчен. В лагерь направлялись в основном по «политическим приговорам». Захер органично влился в интеллигентскую среду лагеря в Канске, завязывая отношения с бывшими деятелями культуры и искусства (А.А. Энгельке), снятыми с высоких правительственных должностей (Р.П. Катанян).

Казалось, что все плохое уже случилось, но новый удар судьбы произошел в 1941 г. 4 ноября 1941 г. Захер был арестован вновь. Что же послужило основанием для новых обвинений? Ему вменялась в вину контрреволюционная агитация и пропаганда в пользу немецкого командования. Обвинения основывались на доносах от ряда заключенных, допускавших в отношении историка оскорбления антисемитского характера. Следствие длилось до 27 декабря 1941 г. Однако 3 июля 1942 г. было подготовлено судебное определение о необходимости направления уголовного дела на доследования в связи с недостаточной полнотой информации [9]. Дополнительное расследование проводилось еще более полугодя. 3–4 февраля 1943 г. было принято решение подвергнуть Я.М. Захера лишению свободы сроком на 10 лет. Еще не отбытый срок по первому делу считался «поглощенным» вторым приговором [12]. Ходатайство, сразу же написанное историком, содержало две просьбы: [1] смягчить меру наказания; [2] отложить вступление приговора в силу до окончания войны и направить в ряды действующей РККА [14]. Но судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР не удовлетворила ходатайство Якова Михайловича, оставив приговор в силе [10]. В мае 1951 г. директивой МГБ и прокуратуры СССР историк был определен на бессрочную ссылку.

Но время быстро шло вперед. Наступил март 1953 г. Я.М. Захер был освобожден из заключения и реабилитирован в 1956 г. Уголовное дело было пересмотрено Президиумом Верховного Суда РСФСР 15 июня 1956 г. Приговор Красноярского краевого суда от 1943 г. был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления [11]. Захеру разрешили поселиться в Петрозаводске. Отсюда он начинает в 1954 г. борьбу за реабилитацию, увенчавшуюся спустя два года успехом [4].

Историк получил шанс вернуться к научной и преподавательской деятельности. После возвращения к педагогической и научной деятельности вплоть до последних дней жизни Захер никогда

не позволял себя рассказывать о времени в ГУЛАГе, негативно или критически высказываться о том времени [2]. Для него самым важным было не искать виновного в своих злоключениях, но продолжать жить ради семьи, науки и воспитания молодого поколения ученых. Настоящий интеллигент ставит своей целью не простое существование в обществе, но передачу знания, отношения, восприятия, идей, которые складываются в некую основу существования человека как существа думающего.

Библиография

1. «Я родился в Краслаге»: Герой социалистического труда Пётр Романов опровергает враньё Солженицына // Завтра. 2018. 06 июня. – URL: http://zavtra.ru/blogs/ya_rodilsya_v_kraslage
2. Гордон А. В. Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // История. 2014. Т. 5. Выпуск 9 (32). Электронный ресурс. – URL: <http://history.jes.su/s207987840000855-9-1>
3. Дело № 1871 по обвинению Якова Михайловича Захера // Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. №П-4539.
4. Запись беседы В.П. Золотарева с Натальей Яковлевной Соломинской (дочерью Я.М. Захера), состоявшейся у нее на квартире (Ленинград, 30 мая 1991 г., с 20 до 24 часов, продолжилась 31 мая с 8 часов 30 минут до 9 часов 30 минут). На 7 листах. Лист 3 // Личный архив профессора В.П. Золотарева.
5. Золотарев В.П. Яков Михайлович Захер (1893–1963 г.) // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 334–345.
6. Захер Я.М. К вопросу о значении взглядов «бешеных» в предыстории социалистических идей // История социалистических учений: сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 112–148.
7. Захер Я.М. Бешеные. Л.: Работник просвещения, 1930. 241 с.
8. Обвинительное заключение по следственному делу №1871 по обвинению Захера Якова Михайловича в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР // Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-4529. Л. 217.
9. Определение от 3 июля 1942 г. // Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д П-4529. Л. 201.
10. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Л-58-38 от 11 марта 1943 г. // Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-4529. Л. 241.
11. Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 15 июня 1956 г. // Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-4529. Л. 273.
12. Приговор по следственному делу № 1871 по обвинению Захера Якова Михайловича в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР. Л. 232.
13. Уголовный Кодекс РСФСР от 27 мая 1922 г. – URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523>
14. Ходатайство Я.М. Захера в Верховный суд РСФСР от 10 февраля 1943 г. // Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-4529. Л. 237.
15. Чтобы все было по-людски. Электронный ресурс. – URL: <https://www.svoboda.org/a/28130212.html>

Кутузова Анастасия Александровна, аспирантка, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; azzazell-x@mail.ru

**Ya.M. Sacher: did not change his beliefs
(based on materials from the archive of the Krasnoyarsk
FSB Directorate)**

The article presents an attempt to explore the most difficult and little-studied period in the life of an outstanding Soviet historian, specialist in the Great French Revolution of the late XVIII century J.M. Zacher (1893-1963), based on documents from the UFSB Archive of the Krasnoyarsk Territory.

Keywords: Soviet historical science, J.M. Zakher, Crasslag

Kutuzova Anastasiya Aleksandrovna, Postgraduate student, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; azzazell-x@mail.ru

УДК 930.1)"1944/50"

Сашанов В.В.

**«...Изучайте Византию, это золотое дно»:
всероссийские сессии по вопросам
византиноведения в 1944–1950-й гг.**

Работа посвящена всероссийским византиноведческим сессиям – важному элементу институционального ландшафта советского византиноведения второй половины 1940-х гг. Исследованы причины созыва сессий, научная проблематика докладов, ее участники. Сессии рассматриваются институцией, сыгравшей значимую роль в процессе возрождения и становления отечественной византистики в 1940–1950-е гг.

Ключевые слова: советское византиноведение, византиноведческие сессии, история Византии, Е.А. Косминский

Середина и вторая половина 1940-х гг. характеризуется для отечественного византиноведения временем его институционального и научно-исследовательского возрождения. Пережив в конце 1920-х и в 1930-е гг. заметный спад и кризис, византистика в рассматриваемые годы вновь получила импульс к развитию, закрепившись в числе структурных подразделений АН СССР в Москве.

На мой взгляд, институциональное становление советского византиноведения включало в себя три основных направления, каждое из которых было ориентировано на решение конкретной проблемы, стоящей перед византинистами.

В 1943 г. при Институте истории АН СССР, в рамках сектора истории Средних веков, создается группа по истории Византии, возглавил которую Е.А. Косминский, выдающийся медиевист, выступавший в 1940-1950-е гг. главным инициатором и вдохновителем возрождения византийских исследований в Советском Союзе.

Создание группы позволило объединить немногочисленные на тот момент силы ленинградских и московских византинистов и поднять статус данной отрасли знания.

Вторым направлением организаторских усилий Е.А. Косминского стало создание собственного печатного органа для византинистов – важнейшего элемента функционирования научного сообщества. В 1947 г. был возрожден основанный в 1894 г. В.Г. Васильевским и прекративший в 1928 г. свой выход журнал «Византийский временник». Вышедший в свет I (XXVI) и последующие тома сняли остроту в вопросе места для публикаций историков-византинистов.

Третьим элементом организационной деятельности являлись всесоюзные византиноведческие сессии, проводившиеся в рамках сессий Отделения истории и философии АН.

В период с 1943 г. по 1955 г., от времени создания группы по истории Византии до ее реорганизации в самостоятельный сектор при Институте истории АН, что, таким образом, завершило процесс институционализации советского византиноведения, было проведено пять всесоюзных сессий – ежегодно в 1944-1947 гг. и в 1950 г. Все пять сессий были проведены в Москве. Две из пяти сессий носили тематический характер: II-я была посвящена памяти Ф.И. Успенского, V-я – истории народных движений в Византии.

Созывы сессий, особенно первых из них, преследовали, на мой взгляд, помимо основной – научно-исследовательской цели, ряд специальных задач.

Первой из них являлось стремление членов группы вывести историю Византии из разряда затухающих в советской исторической науке и популяризировать ее. На это, в частности, указывает Е.А. Косминский в своем письме М.Н. Тихомирову, в котором, приглашая известного историка выступить с докладом на первой византиноведческой сессии, говорит о необходимости «пропаганды этой пересыхающей у нас дисциплины» [3, л. 1]. Вторая задача – выявление и налаживание прочных связей со специалистами по византийской истории из других городов СССР, помимо Москвы и Ленинграда. Следует отметить, что решение данной задачи является наиболее наглядным: если в I сессии участвовали только московские и ленинградские историки, то уже в IV и V сессиях принимали участие специалисты из Свердловска, Тулы, Одессы, Тбилиси и Еревана.

Первая сессия Отделения истории и философии АН СССР по вопросам византиноведения состоялась 5–6 мая 1944 г. Заседания проходили в здании Президиума АН, в большом зале, председательствовал на сессии вице-президент АН В.П. Волгин [6, с. 281]. На сессии было заслушано пять докладов, четыре из них представлены московскими историками, и только один был из Ленинграда

(Н.В. Пигулевская). По всей вероятности, такое слабое представительство ленинградского византиноведения, имеющего глубокие дореволюционные традиции, обусловлено тяжелым положением города, только в начале года освобождённого от блокады, вследствие чего не все ленинградские византинисты смогли принять участие в сессии.

Первая сессия была своеобразным «выходом в свет» для истории Византии. В связи с этим, докладчиками предлагалась широкая постановка вопросов. Византия рассматривалась в контексте всемирной истории: Е.А. Косминский «Византия и Запад», Н.В. Пигулевская «Византия и Восток», В.И. Пичета «Византия и славяне», М.Н. Тихомиров «Византия и Московская Русь». Тот факт, что докладчиками являлись крупнейшие в своей области ученые, а также выбранная тематика докладов, свидетельствует о стремлении организаторов сессии придать дисциплине «легитимность», указать на ее актуальность для исторической науки.

Значительное внимание участников сессии было уделено вопросу положения византиноведения в стране. Академик В.П. Волгин, в своей речи на открытии сессии, посетовал на отсутствие интереса в течение длительного периода со стороны советской науки к вопросам истории Византии, констатировав образование большой лакуны в работе историков [1, л. 1]. Много говорил о проблемах Е.А. Косминский, указав, в частности, на то, что «Работа над историей Византии, преподавание истории Византии все еще не получило должного места в наших планах научно-исследовательской работы и преподавания» [1, л. 2]. Выступавшая в прениях Е.Ч. Скржинская поддержала Е.А. Косминского в его призыве возродить византиноведение, приведя в пример слова одного из своих коллег: «Изучайте Византию, это золотое дно» [1, л. 74].

27–28 апреля 1945 г. состоялась вторая сессия, посвященная столетию со дня рождения Ф.И. Успенского (1845–1928). В отличие от первой, на второй сессии полноценное участие приняли ленинградские византинисты, представив 4 доклада из 8 (М.В. Левченко, Е.Э. Липшиц, Н.В. Пигулевская, Е.Ч. Скржинская). С программным докладом выступил Е.А. Косминский, отметивший необходимость подготовки новых кадров византиноведов, издания периодических сборников, установления связей с византинистами Грузии, Армении и Средней Азии [2, л. 1–10].

Последняя задача была выполнена к IV сессии (27–28 ноября 1947 г.), в которой приняли участие историки из Еревана и Тбилиси. Впервые в программу сессии были включены доклады, посвященные культуре Византии (В.Н. Лазарев и Е.Э. Липшиц). Доклад В.Н. Лазарева «Византийская культура XIV в. и проблема

Ренессанса» вызвал наибольшие прения среди участников – свои вопросы и мнения высказали 9 историков [5, с. 412-415]. Разворачивавшиеся в стране идеологические кампании наложили свой отпечаток на работу сессии – суровой критике был подвергнут бельгийский византист А. Грегуар, выявлены серьезные недостатки в I томе Византийского временника [5, с. 400-401].

Пятая сессия (6–8 декабря 1950 г.), посвященная истории народных движений и классово-борьбы в Византии, стала наиболее представительной, как по географии участников, так и по количеству докладов. Большую активность в работе сессий начали проявлять молодые византисты (доклады З.В. Удальцовой и А.П. Каждана, участие в прениях П.И. Карышковского). Впервые принял участие в сессии свердловский ученый М.Я. Сюзюмов.

Анализируя выступление Е.А. Косминского, традиционно посвященное итогам и задачам советского византиноведения, можно констатировать, что наиболее актуальными для советских византистов становятся научно-исследовательские вопросы (связь истории Византии с историей грузинского, армянского и славянских народов; выяснение специфики экономических и социальных отношений в Византии; специфика византийского феодализма; вклад народов СССР в византийскую культуру и др. [4, с. 106]), в отличие от первых сессий, когда наиболее остро стояли вопросы организационные.

К началу 1950-х гг. стоявшие перед советским византиноведением институциональные проблемы были постепенно преодолены: работала группа по истории Византии, налажен выпуск журнала «Византийский временник», велась подготовка новых специалистов. Выполнили свои основные цели и первые пять византиноведческих сессий – поиск и консолидация византистов, популяризация истории Византии. Косвенным подтверждением этому выступает тот факт, что VI сессия была проведена в 1958 г., спустя восемь лет после V, а VII – спустя семь лет, в 1965 г.

Библиография

1. Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а. (1944). Д. 39.
2. Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945-1953). Д. 15.
3. Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 305.
4. Пятая византиноведческая сессия // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1951. Т. VIII. № 1. С. 105-108.
5. Татаринова К.Н. Византийские сессии Отделения истории и философии АН СССР // Византийский временник. 1949. Т. 2. С. 390-416.
6. Удальцова З.В. Роль Е.А. Косминского в развитии советского византиноведения // Средние века. 1973. Вып. 37. С. 278-283.

Сашанов Владимир Владимирович, старший научный сотрудник, Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, г. Челябинск, Россия; sashanov.hist@mail.ru

"...Study Byzantium, this is the bonanza": All-Union Sessions on Byzantine Studies in the 1944-1950th.

The work is dedicated to the All-Union Byzantine sessions – the most important element of the institutional landscape of Soviet Byzantine studies of the 2nd floor. 1940s The reasons for the convening of the sessions, the scientific problems of the reports, and its participants are investigated. Sessions are considered by the institution, which played a significant role in the process of revival and formation of Russian Byzantine studies in the 1940-1950s.

Keywords: Soviet Byzantine studies, Byzantine sessions, history of Byzantium, E.A. Kosminsky

Sashanov Vladimir Vladimirovich, Senior Researcher, Center for Historical and Cultural Heritage of Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia; sashanov.hist@mail.ru

УДК 930(092)

Селиванова О.В.

«Сохраняя благодарную память...» (о П.Г. Виноградове по материалам фонда И.Н. Бороздина в Архиве РАН)

В статье рассмотрены неудачные попытки историка И.Н. Бороздина (1883–1959) по реабилитации наследия и имени академика П.Г. Виноградова (1854–1925) в советской исторической науке. Доказывается тезис, что И.Н. Бороздин был учеником П.Г. Виноградова. Поэтому попытки коммеморации П.Г. Виноградова имели и личные мотивы. Исследование основано на материалах личного фонда И.Н. Бороздина в Архиве Российской академии наук.

Ключевые слова. П.Г. Виноградов, И.Н. Бороздин, историография, Московский университет, переписка, коммеморация

Крупному историку Англии П.Г. Виноградову долго «не везло» в отечественной историографии. Он своим самостоянием бросил вызов политической обыденности Российской империи. После 1917 г. его также не жаловали: он не только не вернулся из Англии, но и критиковал Советскую власть. При этом в исторической науке СССР в 1920–1960-х гг. трудились те, кто называл себя его учениками, причем не только англоведы. П.Г. Виноградов, по признанию многих историков, приучил их к научной дисциплине, привил вкус к науке. Одним из таких питомцев был Илья Николаевич Бороздин [4].

Поступив в 1901 г. в Московский университет, он непосредственно у П.Г. Виноградова учился недолго. Тот в 1902 г. подал в отставку и уехал в Англию. Тем не менее И.Н. Бороздин среди студентов, посещавших занятия П.Г. Виноградова, оказался близок ему.

Произошло это, вероятно, благодаря шекспироведу Н.И. Стороженко. Вхожий в семью Бороздиных, он тепло относился к юноше и, видимо, рекомендовал его другу-коллеге П.Г. Виноградову.

Общение П.Г. Виноградова и И.Н. Бороздина, выходящее за рамки «мэтр – студент», после отъезда первого в Англию продолжилось в переписке и редких встречах. Об этом, например, можно судить по фразе в письме И.Н. Бороздина бывшему однокурснику С.И. Архангельскому в 1943 г.: «Я вполне разделяю Ваш интерес к Пиренну, весьма интересному и остроумному историку. Как я Вам уже писал, мне о нем много рассказывал П.Г. Виноградов, очень с ним друживший» [7, оп. 1, д. 113, л. 2]. По просьбам профессора Бороздин искал ему книги, наводил справки о тех или иных людях, писал обзоры и заметки, которые Виноградов рекомендовал к публикации в иностранных журналах.

В 1909 г. уже историк, гимназический преподаватель И.Н. Бороздин озаботился пропагандой научно-учебных наработок П.Г. Виноградова. Он готовил статью об эмфитевзисе, который в своём сближении с вектигальным правом послужил основой для развития феодальных отношений в южной Европе [8]. Этот концепт был сформулирован в монографии П.Г. Виноградова [2]. О своей работе И.Н. Бороздин сообщил в письме В.П. Бузескулу (18.10.1910): «Что касается до моей статьи об [эмфитевзисе], то она возникла в связи с занятиями в семинарии П.Г. Виноградова; я напечатал лишь небольшой [экстракт] из работы. Все Ваши труды, труды П.Г. Виноградова, М.И. Ростовцева... являются всегда якорем спасения для учащейся молодежи» [5, оп. 2, д. 22, л. 14]. Тому же Бузескулу Бороздин лирически писал о Виноградове (23.03.1912): «На праздники в Москву приехал П.Г. Виноградов. Как грустно думать, что он уже не в Московском Университете и лишь гость чуждальной стороны. Между прочим, П.Г. рассказывает, как усиленно готовится в Лондоне и Оксфорде к предстоящему конгрессу историков» [5, оп. 2, д. 22, л. 16-17].

Связи Виноградова и Бороздина были разорваны Октябрём 1917-го. Наставник не одобрил решения ученика сотрудничать с Советами. Однако Бороздин до конца жизни считал его своим Учителем, определял его влияние на свой путь в историческую науку как одно из наиболее значимых и прилагал усилия для сохранения его наследия.

В январе 1926 г., после кончины историка, И.Н. Бороздин написал некролог «Памяти профессора П.Г. Виноградова» с красноречивыми оборотами: «Месяц тому назад в Париже, в разгаре высокого научного чествования не стало одного из крупнейших мировых ученых П.Г. Виноградова»; «...Выдающийся ученый, Виноградов был

и образцовым учителем. Его знаменитые семинарии [сначала] в Москве, а затем и в Оксфорде создали целую Виноградовскую школу исследователей» [1, оп. 1, д. 54, л. 1, 2]. Бороздин не скрывал, что Виноградов – «умеренный либерал по своим политическим взглядам, давно отцепившийся от русской почвы, [...] отнесся отрицательно к великой [зачеркнуто И.Н. Бороздиным – О.С.] русской революции... Но, не являясь активным политическим борцом, Виноградов не был связан и с эмигрантской белогвардейщиной... Научно-исследовательская работа брала его всего целиком» [1, оп. 1, д. 54, л. 3]. Хотя И.Н. Бороздин и старался смягчить отторжение П.Г. Виноградовым Советской власти, статью не пропустили в печать, видимо, по решению М.Н. Покровского. Если это так, то и разгром «школы Покровского» не позволил Бороздину опубликовать её: он в 1935 г. был арестован и до 1943 г. пробыл в ссылке в Казахстане и в лагерях на Дальнем Востоке.

В 1946 г., работая после освобождения в Ашхабадском пединституте, И.Н. Бороздин сообщил члену-корреспонденту АН СССР, декану историко-филологического факультета Горьковского государственного университета С.И. Архангельскому: «Задумал писать научную биографию (вернее, опыт биографии) нашего общего учителя П.Г. Виноградова» [7, оп. 1, д. 113, л. 5]. Об.08.1948 Бороздин ответил на вопрос Архангельского: «Работа о Виноградовских [?] paper's закончена и сдана Ком[иссии] по истории истор[ической] науки, но, как сие будет напечатано, даже аллаху неизвестно...» [7, оп. 1, д. 113, л. 9 об.]. Вероятнее всего, историк имел в виду подготовленные им «Материалы для биографии П.Г. Виноградова. Из переписки П.Г. Виноградова с родными 1878–1884 гг.» [1, оп. 1, д. 232]. Ядром массива «Виноградовских paper's» стали 30 его писем родным (предоставлены племянницей П.Г. Виноградова Е.Н. Круг), посланных историком из научных командировок в Италию и Англию. Их, сопроводив вступительной статьей и комментариями, и хотел издать Бороздин. По его словам, «эта переписка показывает, как обстоятельно знакомил своих родных П.Г. со всеми подробностями хода своей научной работы, как он описывал свои заграничные впечатления, встречи с учеными, новинки в мире науки» [1, оп. 1, д. 232, л. 4].

Бороздин предназначал эти материалы для «Научного наследства»: сохранилось письмо ему от редактора серии Т.И. Райнова 1947 г. с обсуждением этой работы [1, оп. 1, д. 1078]. Работа Бороздина там не вышла, он попытался её опубликовать в «Средних веках», однако получил отказ: «...нужна ли нам сейчас “научная” биография Виноградова? Ведь из песни слов не выкинешь, и из биографии П.Г. Виноградова не выкинуть того, что он был одним

из столпов кадетизма» [1, оп. 1, д. 1012, л. 1]. В итоге «Материалы для биографии П.Г. Виноградова» так и не увидели свет.

Эта неудача, вероятно, и поставила крест на намерении И.Н. Бороздина написать книгу «П.Г. Виноградов и основные проблемы медиевистики». Ее неоконченный проспект начинается словами: «До сих пор не имеется специального исследования, посвященного изучению научной деятельности... П.Г. Виноградова, создавшего целую школу медиевистов. Монография имеет целью подробно рассмотреть научные труды П.Г. Виноградова в связи с общим ходом развития исторической науки (с 80-х гг. XIX в.). Особенное внимание уделяется проблеме генезиса и развития феодализма в трактовке П.Г. Виноградова и его школы... В монографии будут использованы неизданные материалы, в том числе семейный архив П.Г. Виноградова» [1, оп. 1, д. 309, л. 1].

Видимо, в середине 1950-х гг. И.Н. Бороздин попытался реабилитировать П.Г. Виноградова как вузовского преподавателя: в архиве сохранился неопубликованный машинописный текст «Лекционный курс П. Г. Виноградова по истории Средних Веков, читанный в 1886–1887 учебном году в Московском университете» [1, оп. 1, д. 230]. Вероятнее всего, авторство принадлежит И.Н. Бороздину. К сожалению, «Виноградовское направление» в научном творчестве И.Н. Бороздина завершилось тупиком. По рассказам его вдовы, П.А. Бороздиной, он тяжело это переживал. После 1917 г. Бороздин так и не сумел, хотя бы заочно, выразить ему уважение и благодарность. В этом была и научная потеря: погублено историографическое исследование и размыта источниковая база. По словам П.А. Бороздиной, у них дома хранились записные книжки П.Г. Виноградова, которые Бороздин также безуспешно готовил к печати. Их дальнейшая судьба неизвестна. В настоящий момент большинство писем П.Г. Виноградова родным, которые хотел издать И.Н. Бороздин, опубликованы А.В. Антощенко [3; 6]. И остаётся только гадать о тех путях, которыми могла бы пойти отечественная медиевистика, выйди в 1950-е гг. работы И.Н. Бороздина о П.Г. Виноградове, выйди эго-тексты самого академика в конце 1950-х гг., когда было живым его наследие.

Выражаю большую благодарность доктору исторических наук, профессору ННГУ А.А. Кузнецову за помощь при подготовке данной статьи.

Библиография

1. Архив Российской академии наук. Ф. 2181. Личный фонд И.Н. Бороздина.
2. Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в лангбардской Италии. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1880. 338 с.

3. «Мне Венеция явилась во всех видах со всеми своими прелестями». Письма П.Г. Виноградова к родным из Италии. 1878 г. / Публ., вст. ст. и комм. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2011. № 6. С. 144–155.
4. Селиванова О.В. Мастера российской историографии: И.Н. Бороздин (1883–1959) // Исторический архив. 2014 г. № 6. С. 56–72.
5. СПФ АРАН. Ф. 825. Личный фонд В.П. Бузескула.
6. «Такова вообще английская жизнь». Письма П.Г. Виноградова родным из Англии. 1883–1884 гг. / Публ., вст. ст. и комм. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2013. № 1. С. 87–106.
7. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 6299. Личный фонд С.И. Архангельского.
8. [Бороздин И.Н.] Эмфитевзис. Отрывки из греческих надписей. Семинарий П.Г. Виноградова. М., 1909.

Селиванова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Группы комплектования, Архив Российской академии наук, г. Москва, Россия; olya84@list.ru

«Keeping a grateful memory...» (about P.G. Vinogradov based on the materials of I.N. Borozdin Foundation in the RAS Archive)

The article deals with the unsuccessful attempts of the historian I.N. Borozdin (1883–1959) to rehabilitate the heritage and the name of the academic P.G. Vinogradov (1854–1925) in Soviet historical science. The thesis that I.N. Borozdin was a pupil of P.G. Vinogradov is proved. Therefore, attempts to commemorate P.G. Vinogradov had personal motives. The research is based on the materials of I.N. Borozdin's personal Fund in the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Keyword: P.G. Vinogradov, I.N. Borozdin, historiography, Moscow University, correspondence, commemoration.

Selivanova Olga Vladimirovna, Candidate of History, Senior Research Officer, Head of the Group for the Acquisition of Personal Scientists' archival collections and their scientific description, ARAS, Moscow, Russia; olya84@list.ru

Раздел 3

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В СУДЬБАХ ИСТОРИКОВ – СДЬБЫ ИСТОРИКОВ В ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА

*Кафедра всеобщей истории
в памяти выпускников*

УДК 930.1

В.М. Бухараев, Г.Г. Мягков

Историк Ю.А. Михайлов: между поколениями «шестидесятников» и «застойных времён»

Статья посвящена творчеству и личности рано ушедшего из жизни казанского историка Ю.А. Михайлова, который был заметной фигурой среди гуманитариев Казанского университета поздних советских времен. Ставится вопрос о том, что особенности профессиональной деятельности «прорицателя о прошлом» во многом могут быть поняты в связи с поколенческим фактором, следовательно, с общественно-политической обстановкой, в какой укоренен специалист. Авторы отмечают присущее историку – герою своего очерка противоречие: между отчетливо выраженной критической направленностью его научного мышления и догматическими рамками официального историознания.

Ключевые слова: Казанский университет, поколение, Ю.А. Михайлов, «замещенное» историческое познание, американистика, «шестидесятничество», поколение семидесятых годов

Если верно, что человек как событие может быть уяснен, уловлен в гнездовых поколениях, то для историка-профессионала это утверждение справедливо вдвойне. Бытие каждой очередной генерации советских «прорицателей о прошлом» было жестко задано правилами социальной игры, спускаемыми «сверху». Подвижки в этом сценарии и определяли меру творческой свободы, точнее, несвободы историка.

Как по верстовым столбам и вешкам различают дорогу, так и поколенческие ряды и линии просматриваются через характерные, чем-то выделяющиеся фигуры. Есть известные приемы и социологические практики, позволяющие определить ту или иную личность в качестве «героя» своего времени. Едва ли не важнее другое – спонтанно складывающееся отношение современников, некие потаенные, не постигаемые умозрением знаки, которые метят

личность. Здесь зорче не ученый, но писатель: «На каждом человеке лежит отблеск истории. Одних он опаляет жарким и грозным светом, на других едва заметен, чуть теплится...» [7]. Похоже, что Юрий Алексеевич Михайлов (1943—1987), выпускник Казанского университета 1963 г., был чуть заметнее многих в отсвете своего времени. Его знали, его видели, он был в — резком или расплывчатом — фокусе того, что именуют общественным мнением. Интеллект, логика? Да. Нестандартное и критически заостренное мышление? Пожалуй. Некая органичность, упрямство-твердость, вместе с тем человеческие слабости, оригинально проявлявшиеся? И это тоже. Но что-то ещё влекло к нему людей и, по правде сказать, отталкивало, отчуждало от него и снова разворачивало лицом. Может, это «что-то» и есть харизма «типичности»?

Часы истории бьют для всех, но у людей умственных упражнений случается и личное, особое историческое время. Ю.А. Михайлов жил среди нас, но как бы на границе, в расщеплении между двумя поколениями (не он один, но речь — о нем): «шестидесятников» и тех, кого должны были бы назвать «семидесятниками». С «шестидесятничеством» «все ясно»: люди интеллектуального ренессанса и квази-демократических послаблений периода хрущевских реформ. Надежды «золотого десятилетия» обернулись душевным ожогом, но осталась, видно, до конца вера в некий настоящий социализм и конвергенцию. А вот следующий подрост, с ним еще не все ясно.

Когда поколение в лице своих представителей приступает к самопознанию/самокопанию, возникает соблазн подобрать такое определение, что враз бы выявляло его, поколения, законное по жизни место. Бывает, что общего знаменателя не получается; тогда социальное тело привязывают к конкретному периоду «рубежа веков», «семидесятих годов» и т.п. Бывает, находят образные определения: «потерянное» поколение, «забытое», «стальное»..., поколение, вставшее на ноги в безвременье 70-х, называют «ерофеевским» (имеется в виду коллизия Венички, героя поэмы «Москва – Петушки»), «никаким»... Во всяком случае, очевидно: интеллигенты 70-х были менее духовны и более, скажем, реалистических взглядов, нежели «дети XX съезда». Им предстояло стать «внуками» сего партфорума, но в таком качестве «семидесятники» не состоялись: изменилась погода в империи — из Кремля грянул мороз, оттепель уступила место зиме, хотя и не самой суровой.

Немецкоязычный писатель Элиас Канетти, увенчанный Нобелевской премией, высказался в том смысле, что в историки идет человек, жаждущий власти, но которому не дано ее обрести. А игра в оловянные солдатки на полях прошлых сражений призвана,

вроде как, утолить властолюбие. Может быть, где-то так и есть, но только не в нашем авторитарном отечестве. Здесь само желание стать историком скорее обнаруживает стремление к интеллектуальной свободе, желание «без дураков» разобраться в том, что происходило и происходит в этой огромной мутагенной евро-азиатской зоне. Однако система образования и науки встречает романтика иным – всеобъемлющим контролем идеократического государства, предписывающего держаться метода одной идеологии, прессом профессионального сознания, предъявляющего существующие порядки как нормальные, «естественные» и даже наиболее прогрессивные. Последняя характеристика успешно замещается ныне, кроме прочего, горделивым страданием по поводу своей уникальности / особенности.

Существенные черты отечественного «обществоведения», хотя и не без преувеличения, характеризует Г.С. Кордонский: «"обществоведы" институционально не допущены к получению и интерпретации знания... Неприятие эмпирического научного знания и стремление навязать реальности умозрительные "диалектические" формы стало их второй натурой». Они чувствуют себя на месте именно в роли «надсмотрщиков» над специалистами, копающимися в эмпирии, поскольку и до перестройки, и во время ее, и после «они находятся близко к власти или ею обладают» [2].

Ю.А. Михайлов, вступая на стезю самостоятельной жизни, избирает другой путь, подальше от роли «указчика», благо в Казанском университете такие возможности худо-бедно существовали. Они были связаны с работой кафедры всеобщей истории. Тогда, в 60–70-е гг., там было два центра притяжения — маститый, известный в Европе антиковед А.С. Шофман и ученый-американист, известный лектор-международник П.Б. Уманский. Студент Михайлов начинает штурмовать историко-научный сюжет: североамериканская революция XVIII в. в дореволюционной российской историографической традиции [5]. Была ли эта тема с осознанным «вторым планом», с нарочитым подтекстом, как это случалось в ряде исследований тех лет? Вряд ли. Равным образом, один из авторов сего текста тоже безо всякой «задней» мысли, без намерения в «замещенной» форме [1] протащить какие-то выводы, излагал в аспирантском сборнике 1971 года мысль Н.Г. Чернышевского: американская история служила для отечественных идеологов, зажатых цезурой, материалом «для проверки своих убеждений» [6, с. 63]. Осознания факта несвободы исторической мысли, жестко выверенной по догматам моноидеологии, у нас не было, но пребывание и переживание ситуации в советской исторической науке того времени позволило прийти к выводу: «Историография... "заместительная"»

сама во многом остается в плену традиционных мифов и идеологем, хотя на свой лад она всегда пыталась их пробить, вырваться из круга догматизированных, полурелигиозных установок» [1, с. 561]. Следующий шаг виделся именно в трансформации «заместительной» историографии в историографию, основанную на открытом поиске истины, что возможно, разумеется, при благоприятном соотношении науки и политики. Мечтать было не запрещено... Не более.

А потому было другое. Приступая к работе над кандидатской диссертацией, Ю.А. Михайлов меняет тему исследования [4]. Теперь в центре его исследований проблемы методологии исторического познания. Оказалось, что он шел шаг в шаг с «шестидесятниками», решавшими свою «историческую» задачу — очистить марксизм от сталинизма, отсечь догматику и примитивные истолкования. «Новое прочтение» классики принесло свои плоды — оживилась исследовательская мысль, утихла «война цитат». Однако чем дальше, тем больше становилось очевидным, что и в «очищенном» виде многие установки марксизма расходятся с историческими реалиями, а его постулаты—классово-партийный подход, железная поступь формаций, претензия на истину в последней инстанции — обескровливают историческое познание. Нет, не случайно Ю.А. Михайлов уходит от этой проблемы. Остался нереализованным его замысел написать серию статей по марксистской методологии, зафиксированный в плане Института всеобщей истории АН СССР... Он вновь поворачивает к своей прежней теме — русская историография американской революции. Опубликованная им статья «Американская буржуазная революция XVIII века в историографической традиции дореволюционной России» [3] и на сегодняшний день полнее и информативнее всего представляет процесс и уровень разработки темы в отечественной общественной мысли от Н.И. Новикова и А.Н. Радищева до публицистов и историков 900-х годов.

Вот, казалось бы, и все. Но о развитии исторической науки минувших десятилетий нельзя судить только по работам историков. Жизнь с «двойным дном» вынуждала обсуждать острые вопросы во все не на страницах сочинений или в публицистических статьях. Гуманитарии-шестидесятники Москвы вспоминают знаменитую курилку МГУ второй половины 40-х – начала 50-х годов. В Казанском университете тоже был, правда, в иное время, в 60 – 70-е годы, сей «социальный институт». Люди, общавшиеся с Ю.А. Михайловым в неформальной обстановке, знают, что в своих критических выводах он продвигался далеко вперед. Он, объективно, стоял перед своей, личной ревизией господствовавшей догматики. Один из авторов как-то полусхутя заметил в беседе с ним: «Я стою за минимум информации и за максимум творческих начал». Он резко отозвался:

это верно в том смысле, что так называемая информация во многом сфальсифицирована и надо будет проверить ее логикой и здравым смыслом. Да, это его голос, Юрия Алексеевича, голос из «той» не-свободы. Кто его знал, продолжает слышать этот голос.

Библиография

1. Бухараев В.М., Жигунин В.Д. «Замещенное» познание: историческая наука против моноидеологии (60–80-е годы XX в.) // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 552–563.
2. Кордонский Г.С. Вопросы философии. 1992. № 11.
3. Михайлов Ю.А. Американская буржуазная революция XVIII в. в историографической традиции дореволюционной России // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 3. Казань, 1974. С. 125–149.
4. Михайлов Ю.А. Принцип историзма в исследованиях К. Маркса и Ф. Энгельса о гражданской войне в США. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1970.
5. Михайлов Ю.А. Причины американской буржуазной революции XVIII века в освещении Шелгунова Н.В. и Слепцова А.А. // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 3. Казань: Изд-во КГУ, 1968. С. 51–64.
6. Мягков Г.П. К характеристике русской общественной мысли о США // Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. История, журналистика. Казань: Изд-во КГУ, 1971. С. 60–66.
7. Трифонов Ю. Отблеск костра. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=27859&p=1>

Бухараев Владимир Миннетович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; sovetsnik101@yandex.ru

Мягков Герман Пантелеимонович, доктор исторических наук, профессор, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП); профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; gmyagkov@yandex.ru

Historian Yu.A. Mikhailov: between generations “Sixties” and “stagnant times”

The article is devoted to the creativity and personality of the early-born Kazan historian Yu.A. Mikhailov, who was a prominent figure among the humanities of Kazan University in the late Soviet times. The question is raised that the features of the professional activity of the “soothsayer about the past” can be largely understood in connection with the generational factor, and therefore with the socio-political situation in which the specialist is rooted. The authors note the contradiction inherent in the historian - the hero of his essay: between the clearly expressed critical orientation of his scientific thinking and the dogmatic framework of official historiography.

Key words: Kazan University generation, Yu.A. Mikhailov, “substituted” historical knowledge, American studies, “sixties,” generation of the seventies.

Bukharaev Vladimir Minnetovich, Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; sovetsnik101@mail.ru

Myagkov German Panteleimonovich, Doctor of history, Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia; Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; gmyagkov@yandex.ru

Ловчев В.М.

Не руководитель, а вдохновитель: Василий Иванович Адо

В статье рассматривается роль доцента Василия Ивановича Адо в формировании научных интересов студентов, их обучении в аспирантуре и дальнейшем использовании приобретенных знаний и навыков на практике.

Ключевые слова: Василий Иванович Адо, Казанский университет, Великая французская революция, студент, аспирантура.

Мемуар о замечательном педагоге Василии Ивановиче Адо [1; 2] долго не выходил у меня из-под клавиатуры. Пока я не понял, как определить его роль в моей жизни (и, наверное, многих-многих студентов историко-филологического факультета Казанского государственного университета).

«Политическое» прикрытие моего диплома и кандидатской диссертации обеспечил профессор Владимир Васильевич Иванов (1939–2004) [3]. Реальную работу по руководству моими научными изысканиями осуществлял тогда совсем юный кандидат исторических наук Равиль Наурузгалиевич Имангалиев. А что же сделал Василий Иванович, не прописанный в бумагах ни как руководитель дипломного сочинения, ни кандидатской диссертации автора сего мемуара?

В конце 1976 года, на исходе третьего семестра обучения, я приплыл, наконец, к «французскому берегу», разрываясь до того между археологическими и античными симпатиями, зародившимися где-то в середине школьного возраста. Но в старшие школьные годы верх взял интерес к Великой французской революции (далее, как было одобрено В.И. Адо, употребляется аббревиатура «ВФР»). Книги из серии «Жизнь замечательных людей» и «Пламенные революционеры» повлияли сильно.

Василий Иванович с удивительным вниманием выслушал сбивчивую исповедь экс-археолога и несостоявшегося антиковеда и сразу сформулировал тему, которая согревала интерес ближайших мои семи учебных лет – студенческих и аспирантских¹. Итак,

¹ Тайна «быстрой» постановки темы для Владимира Ловчева объясняется тем, что проблема социальной природы якобинцев волновала В.И. Адо уже не одно десятилетие. Интерес к ней особенно усилился в связи с выходом книги В.Г. Ревуненкова «Марксизм и проблема якобинской диктатуры». Первое обсуждение книги в стенах КГУ состоялось в конце февраля 1967 г., когда автор этого примечания, тогда студент 3 курса, привез ее из Ленинграда и сделал о ней сообщение на семинарском занятии

Василий Иванович предложил изучить споры в советской историографии о социальной природе якобинской диктатуры. Как же она интересна оказалась! Я просто купался в интеллектуальном блаженстве, разбирая аргументы за и против Ревуненкова. Итоговая работа была сделана самостоятельно, получив высшую оценку.

Ох, и мудр был Василий Иванович, он ни словом не обмолвился о главном недостатке курсовой работы: провинциал-второкурсник не знал и НЕ МОГ знать, каким жутким образом по судьбам советских ученых, изучавших ВФР, прошелся каток Революции Великой, Октябрьской. Идти по этой теме дальше? Рано или поздно (скорее рано) исследование советской историографии привело бы студента на жуткую развилку: становиться профессиональным лжецом, скрывая правду о трагедиях советских историков или никогда не защитить не то что кандидатскую диссертацию, но даже диплома... Василий Иванович меня уберег. Он предложил, а Р.Н. Имангалиев горячо поддержал разворот темы, исходящий из одного из скудных козырей студента-расстриги – хорошего знания немецкого языка. Благо и сам Р.Н. Имангалиев только что блестяще защитил кандидатскую диссертацию о видном историке из ФРГ Теодоре Шидере. Отныне тема звучала «Западногерманская историография ВФР». Преимущество ее было в том, что она представляла собой целину. До В.М. Ловчева считалось, что никто в ФРГ робеспьеро-маратовской темой всерьез не интересуется. Как угадал Василий Иванович, что это белое пятно является весьма перспективной темой? Вероятно, он проконсультировался со своим сыном – выдающимся исследователем ВФР Анатолием Васильевичем Адо. А потом А.В. Адо принимал меня у себя дома, читал мои наивные курсовые. Давал рукописные (точнее машинописные) материалы международных конференций. И в итоге не просто стал первым оппонентом по моей кандидатской диссертации, но и уговорил стать другим оппонентом известного специалиста профессора Г.С. Кучеренко. Два доктора наук, два самых выдающихся советских французоведа (!) приезжают из Москвы (!), чтобы стать оппонентами весьма скромной по масштабам их личностей диссертации. У гениального педагога и сын был не только выдающимся исследователем, но и чудесным человеком (Воспитателем с большой буквы).

Василий Иванович руководил кружком новой и новейшей истории. Особенностью кружка было то, что его участники мало могли надеяться, что он приведет их в аспирантуру. В основном это были

по новой истории. С тех пор эта тема была в центре научных интересов нескольких учеников В.И. В лице В.М. Ловчева Василий Иванович увидел перспективного и талантливого исследователя. – *Отв. ред. Г.П. Мясков.*

студенты вечернего отделения. Теперь, через много десятков лет, понимаю: как им было важно выступить не перед своими одноклассниками-вечерниками. Их постоянно слушали А.В. Адо и Р.Н. Имангалиев, достаточно часто приглашались преподаватели из других вузов, аспиранты.

Кружок работал бы куда лучше, не соверши В.И. Адо кадровую ошибку: старостой кружка в 1977 году он назначил В. Ловчева – флегматика, суперинтраверта и «полного нуля как организатора» (слова В.В. Иванова). Однажды по вине старосты оказалось даже сорвано заседание кружка. В.И. Адо однозначно добавил себе головной боли, мог ведь старостой поставить какую-нибудь тихую, но исполнительную девушку. Она вряд ли бы допускала срывы заседаний. А автор этих строк отсиделся бы на задних партах, горячился бы в дискуссиях, но не был бы озадачен проблемой: как сделать красивое объявление для кружка или как выпросить ключ от аудитории у строгой вахтерши. Но, может быть, в этом и состоял умысел великого педагога: пожертвовать своим комфортом, но дать вырасти тому, кто как черт от ладана бежал от всякой организационной работы?

Василий Иванович отстоял на заседании кафедры перевод меня на индивидуальный план. А какую тему он рекомендовал поставить в инд. план среди дисциплин четвертого курса: «Французская живопись в первый период новой истории». Казалось бы, какое это имеет отношение к классовой борьбе, революциям, якобинцам и т.д. Но я до сих пор с благодарностью вспоминаю часы, проведенные в библиотеках за книгами про французское изобразительное искусство, использую полученные тогда знания в педагогике и в общественной деятельности.

Второе событие – краткое, но важнейшее для моей жизни. И для характеристики педагогических способностей В.И. Адо. В 1980 году я получаю диплом историка и хочу поступить в аспирантуру. На кафедре всеобщей истории четыре претендента на одно место. Безо всякого кокетства признаю (и мысленно признавал тогда): мои конкуренты превосходили меня абсолютно. Два ученика зав. кафедрой превосходили меня постоянством своих научных интересов, были просто более толковыми историками. Еще один конкурент – сын авторитетного доцента кафедры, что важно в условиях, когда в Казанском университете в общем-то негласно, но поддерживали традицию преемственности поколений. Он был очень успешным в определении жизненной стратегии молодым человеком. Почему я не бросил историю, не забрал документы, не стал судорожно искать что-то другое, лишь бы «зацепиться за Казань»? Василий Иванович! Он! Я был тогда в такой растерянности, что сегодня

не могу вспомнить, какие он нашел слова, убеждая меня не сдаваться. Как он, материалист 96-й пробы, убедил меня поверить в чудеса?! Все три месяца я не отрывался от книг. И вот. Все вступительные экзамены сдал на 5. Но три моих конкурента тоже сдали всё на 5. Тут и произошло чудо. Или закономерность? Была тогда такая разновидность исторической науки – догматика не просто в квадрате. Догматика в 10-й или двадцатой степени. В аспирантуре по истории КПСС имелось 4 места. И нашелся лишь 1 человек, решивший связать себя с этой «профессией». 3 места остались вакантными. Не пропадать же добру. Их перебросили на кафедру всеобщей истории. Так в 1980 году на кафедре оказалось 4 аспиранта. Прояви В.И. Адо чуть меньше педагогической настойчивости, аспирантов в тот год на кафедре было бы трое...

Третий эпизод произошел в 1995 году буквально за несколько месяцев до кончины Василия Ивановича. Мы тогда общались редко. Он писал мемуары, и пригласил меня к себе. Жизнь моя была нелегкая. За дюжину послеаспирантских лет я много раз бывал без работы, тянул солдатскую лямку в городе-герое Волгограде, кормился преподаванием латыни, мыл лестницы в «квартале красных фонарей» в Амстердаме и т. д., и т. п. Поверишь ли, читатель, о чем расспрашивал меня мой наставник? Я в это время был председателем крошечной, но по настоящему волонтерской общественной организации: Казанского отделения Международной независимой ассоциации трезвости (МНАТ). И именно эта моя работа стала предметом его дотошного, заинтересованного расспрашивания. По сей день многие самые доброжелательные ко мне люди из старых друзей или моих учителей плохо скрывают иронические улыбки или отпускают – как им кажется доброжелательные – шуточки по поводу этого странного увлечения. Ладно бы сам не пил, но ведь других пытается удержать. Почему Василий Иванович (не будучи субъективно трезвенником!) проявил такой неподдельный, искренний интерес? Мог бы ведь просто расспрашивать о семье. О сынишке моем. О жене. С тех пор судьба несколько раз ставила меня перед выбором: жить как все или по совести? На чаше весов среди прочего лежал мой последний разговор с Василием Ивановичем. И я не бросал свою трезвость. Через шесть лет после разговора с Василием Ивановичем, весной 2001 года, я впервые оказался на площади Бастилии в Париже. Да не один, а с женой. И с сынишкой. Мы проезжали по святым для меня местам на автомобиле. А за рулем автомобиля сидел известный французский трезвенник Пьер Хаусвальд. Жаль, что про этот эпизод своей биографии я не могу рассказать Василию Ивановичу.

Библиография

1. Королев В.С., Мягков Г.П. Данная Богом высокая честь // Казань: Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. 2000. № 7. С. 32–34.
2. Королев В.С. Историк Василий Иванович Адо. 100 лет со дня рождения // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. научных статей и сообщений / Составители и отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. С. 2990-298.
3. Синицын О.В. Владимир Васильевич Иванов как методолог // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 2 (8). С. 282-286.

Ловчев Владимир Михайлович, доктор исторических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия; v.lov4ev@yandex.ru

Not a leader, but a mastermind

The article considers the role of associate professor Vasily Ivanovich ADO in shaping the scientific interests of students, their study in graduate school and the further use of acquired knowledge and skills in practice.

Keywords: Vasily Ivanovich ADO, Kazan University, the Great French Revolution, student, graduate school.

Lovchev Vladimir Mikhailovich, Doctor of History, Associate Professor, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia; v.lov4ev@yandex.ru

УДК 94(5)(470.41-25)

Мартынов Д.Е.

Назифа Арифовна Мазитова и «Изучение Ближнего Среднего Востока в Казанском университете»

Текст посвящён главному научному труду в жизни Н.А. Мазитовой, который по ряду параметров является ничем не заменимым и в XXI в., являясь важной вехой в развитии казанского университетского востоковедения. Ключевым сюжетом монографии является судьба и становление как учёного А.К. Казем-Бека – будущего первого декана Факультета восточных языков в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: востоковедение, Казанский университет, Восточный разряд, А.К. Казем-Бек, Н.А. Мазитова

Автор этих строк слушал в 1999 г. курс «Истории стран Азии и Африки» (периода второй половины XIX в.), который к тому времени чуть ли не полвека читала Назифа Арифовна Мазитова; это был последний год её пребывания на истфаке как действующего преподавателя. Явно подводило состояние здоровья: несмотря на огромную силу духа и энергию, передвигаться Н.А. было затруднительно, и наша группа сдавала зачёт у неё дома. В состоянии разрухи второй половины 90-х гг. даже сама обстановка на лекциях была

колоритной: в поточной аудитории на 15-м этаже второго высотного корпуса КГУ, в зимний холод (щелей на стыках бетонных плит я не забуду никогда) Назифа Арифовна, всегда бодро-подтянутая, в безупречной блузке, воздвигала с помощью студентов на изрядно обшарпанный стол угловатый железный стул – он должен был заменять трибуну, – раскладывала изрядно пожелтевшие листочки с рукописным текстом лекции, а далее начиналось священнодействие. Сколько-нибудь серьезного общения у нас не могло сложиться – слишком велик был барьер возраста и научных интересов, однако приобщиться к фундаментальной манере старой школы удалось, и это, несомненно, большая удача. Во всяком случае, она живо заинтересовалась моим кругом интересов – китайские реформаторы XIX в. во главе с Кан Ювэем (1858–1927), и предельно точно отметила, что весьма и весьма перспективной в плане исследований будет проблематика Юго-Восточной Азии. (Ныне в своих лекциях я затрагиваю и эту тематику). Стиль изложения Н.А., видимо, не пересматривала с перестроечных времён, поэтому выбор персонажей для характеристики Китая на закате Цинской монархии был стандартным, а Цзэн Гофань¹, например, характеризовался единственной, но ёмкой инвективой: «реакционер». К сожалению, у меня почти нет возможности сравнивать личные впечатления с предшественниками (это требует отдельного исследования в жанре *Oral History*) за одним весьма примечательным исключением. В мемуарах П.С. Кабытова – ныне заведующего кафедрой российской истории Самарского университета, содержится краткий, но ёмкий отзыв по поводу деятельности Н.А. Мазитовой в 1960-е гг. Пётр Серафимович также охарактеризовал личность Назифы Арифовны как «колоритную»: «...тональность лекций Н.А. вызывала непреодолимое желание немедленно оказаться в Турции, или в Индии, или в Китае. К достоинствам обеих преподавательниц² отнесу их либерализм на экзаменах и зачётах» [3, с. 116]. К последнему я также не могу не присоединиться.

Magnum opus Назифы Арифовны в буквальном смысле составил эпоху в историографии казанской ориенталистики. Достаточно

¹ Даты жизни: 1811–1872. Китайский политический и общественный деятель; первый этнический китаец, удостоенный маньчжурами титула маркиза (хоу). В историографии СССР и маоистского Китая порицался за активное участие в подавлении восстаний тайпинов и няньцзюней (1850–1864), активную поддержку маньчжурской династии Цин. В современной историографии, в том числе российской, на первое место вышло признание его заслуг как пионера китайской модернизации и индустриализации, незаурядного писателя и военного деятеля.

² В цитируемом фрагменте характеризовалась также Луиза Исмагиловна Шайдуллина (1933–1992), кандидат исторических наук, доцент, автор трудов по проблемам ислама, женского вопроса в арабском мире.

сказать, что фундаментальные обзорные труды Р.М. Валеева [1; 2], в которых были введены в научный оборот практически все существующие в Казани архивные источники, в плане методологии, архитектоники и источниковедения всецело наследовали «Изучению Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете» [4]. Важнейшим же методологическим приёмом, несомненно, является биография как фокус, связывающий воедино разнородные и разновременные источники. Биография, как известно, может быть и коллективной – целого научного учреждения и направления. В этом плане монография Н.А. Мазитовой стала биографией востоковедов, специализирующихся на арабо-мусульманской тематике.

Крупнейшей фигурой исследования Н.А. Мазитовой является А.К. Казем-Бек, деятельности которого посвящена отдельная глава, в которой отдельно рассмотрена историография проблемы [4, с. 150-163], Дербентский, Астраханский и Казанский периоды его деятельности [4, с. 163-174]. Нашлось место для разделов, суть которых ясна уже из названия: «Научная лаборатория» [4, с. 174-187], «Постановка преподавания восточных языков» [4, с. 174-187], «Педагогическая деятельность» [4, с. 205-213]. В приложение была вынесена «Летопись жизни» А.К. Казем-Бека [4, с. 221-223].

Методология исследования и источниковая база была представлена Н.А. Мазитовой во введении к её работе. В духе времени комплекс задач исследования был обозначен как «выявить на основе марксистско-ленинской методологии роль Казанского университета в изучении Ближнего и Среднего Востока, изучить историю становления и развития востоковедческой науки, подготовки востоковедов для научно-педагогической и практической деятельности» [4, с. 9]. Столь всеохватное исследование должно быть фундированным адекватной источниковой базой. В результате во введении было представлено описание девяти групп неопубликованных документов из архивохранилищ Москвы, Ленинграда и Казани [4, с. 10]. В частности, деятельность Х.Д. Френа – первого профессора арабского языка в Казани – была наилучшим образом освещена в фондах архива АН СССР (ныне СПб. филиала Архива РАН), во всём многообразии его связей с казанскими коллегами. Примечательно, что опись библиотеки А.К. Казем-Бека была обнаружена Н.А. Мазитовой в Государственном Историческом архиве Ленинградской области, что косвенно указывает на время работы с его фондами (так архив именовался до 1964 г., ныне это ЦГИА СПб). В этом же архиве сохранились документы о заграничных командировках самого Казем-Бека и И.Н. Березина, основная часть архива которого хранилась в Институте востоковедения (ныне Институт восточных рукописей). Автобиография А.К. Казем-Бека обнаружилась в отделе

рукописей государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (в архивном фонде М.П. Погодина) – ныне РГБ. Некоторые материалы о Казем-Беке и И.Н. Березине обнаружались в материалах Пушкинского Дома, поскольку Березин являлся казначеем комитета Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым. Разумеется, львиная доля использованных материалов содержалась в ОРРК Научной библиотеки Казанского университета им. Н.И. Лобачевского и Центральном государственном архиве Татарской АССР (ныне ГА РТ) [4, с. 11-15].

Сказанного достаточно, чтобы убедиться в фундаментальном значении работы Н.А. Мазитовой для понимания истинной роли Казанского университета в развитии российского востоковедения. И по сей день вынесенные ею оценки используются в научном и преподавательском процессе. Описанные – и часто впервые – неопубликованные рукописи ещё ожидают комментирования и печатания, поскольку спецификой гуманитарного знания вообще является ситуация, когда запечатленный в рукописи «срез» своего времени только увеличивает свою ценность и актуальность с течением веков.

Библиография

1. Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казанского университета, 1998. 380 с.
2. Валеев Р.М. Ориенталистика в Казанском Университете (1807 – 20-е гг. XX в.). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. 316 с.
3. Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2008. 352 с.
4. Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.) / Науч. ред. чл.-корр. АН СССР А.Н. Кононов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. 226 с.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; dmartynov@yandex.ru

Nazifa Arifovna Mazitova and “Study of the Near and Middle east at Kazan University”

Our lecture is devoted to the *magnum opus* by N.A. Mazitova, whose in a number of respects is irreplaceable in the 21st century, being an important milestone in the development of Kazan University oriental studies. The key plot of the monograph is the fate and formation as a scientist by A.K. Kazem-Bek – the future first dean in the Faculty of Oriental Languages at St. Petersburg.

Keywords: oriental studies, Kazan University, Faculty of Oriental language, A.K. Kazem-Bek, N.A. Mazitova

Martynov Dmitriy Evgenevich, Doctor of History, Professor; Kazan Federal University, Kazan, Russia; dmartynov@yandex.ru

Недашковская Н.И.

**Опережая время: антропологические аспекты
исследования А.В. Сергеева о слависте
В.И. Григоровиче**

В статье анализируется историографическая концепция исследования казанского историка А.С. Сергеева, посвященного наследию одного из первых университетских славистов В.И. Григоровича. Реконструируется комплекс идей, на которые опирался исследователь, вступая в «нарративный» конфликт с предшественниками, создавшими негативный историографический образ Григоровича.

Ключевые слова: историография, научный дискурс, идеология, теория нации, славистика, текстология, источниковедение

Казанский историк Александр Васильевич Сергеев (1918–1993) посвятил научному наследию одного из основоположников славяноведения В.И. Григоровичу свое масштабное диссертационное исследование «В.И. Григорович как историк славян» (Казань, 1965) и монографию «Исторические взгляды В.И. Григоровича» (Казань, 1978). Исследования базировались на максимально полном охвате архивных источников и опубликованных текстов наследия слависта, эпистолярии его научных корреспондентов, архивах университетов и Академии наук, впервые была комплексно проанализирована историография наследия Григоровича [3].

В соответствии с акцентом на историческую концепцию Григоровича (что отразилось в названии обеих работ – «Григорович как историк...» и «Исторические взгляды...») исследование Сергеева претендовало стать не только первым полным историографическим обзором деятельности ученого, но ставило задачу реконструкции исторического мышления известного славяноведа, которого современники именовали «Русским Шафариком».

Причудливая «траектория» университетской карьеры и историографической судьбы известного российского слависта, профессора Казанского и Новороссийского университетов В.И. Григоровича (1815–1876) неоднократно отмечалась исследователями в XX и XXI столетии. Парадоксы его историографического образа были проанализированы нами ранее в контексте развития методологии романтического славяноведения [1; 2].

В.И. Григорович – ученик и последователь академика А.Х. Востокова, основоположник одной из первых университетских научных школ славяноведения в России – казанской. Исследованиями Григоровича по славянскому языкознанию было раскрыто

значение церковнославянского языка для изучения других славянских языков, а также ключевые вопросы происхождения глаголицы и славянского письма вообще. Его сравнительная история славянских литератур стала единственным образцом последовательного применения сравнительного метода в нелингвистическом обобщающем труде. Григорович также стоял у истоков исторического славяноведения. В Казанской духовной академии ученый основал одну из первых в России текстологических школ, результатом деятельности которой стало многотомное Описание рукописей Соловецкой библиотеки. Путешествие в славянские земли стало «научным подвигом» В.И. Григоровича: он был первым ученым, которому, во многом с риском для жизни, удалось проникнуть в «чужой» до того времени и во многом враждебный европейцам «славянский мир», находившийся под турецким владычеством. В результате этого путешествия исследователем были собраны обширные сведения о современном состоянии ряда славянских языков и диалектов, серьезно уточнены географические карты «славянских земель», бывшие до этого весьма приблизительными, а также открыты уникальные памятники древней славянской письменности.

При этом историографы XIX в. создают образ ученого, который обладал обширными фактическими знаниями, большим потенциалом, но так и не состоялся в науке, не сказал своего особого значительного слова. Переходя из поколения в поколение, негативная коннотация образа ученого усиливалась и концентрировалась. В XX в. «Русский Шафарик» оказался окончательно исключен из числа «героев» славяноведения.

Только при ознакомлении со всеми имеющимися источниками научной биографии В.И. Григоровича становится ясно, что перед нами одно из так называемых «темных мест» истории славяноведения, не поддающееся объяснению предвзятым отношением кого-либо из авторов. Деконструировать его можно, только отойдя от традиционной схемы воссоздания хронологии достижений славистики и оценок исторической целесообразности ее культурных проектов. В.И. Григорович, развивая идеи А.Х. Востокова, предпринял попытку выстроить модель методологического синтеза, при котором славянские культуры в их историческом развитии становятся единым текстом, прочитываемым славяноведением с помощью инструментария целого ряда гуманитарных наук. Эта модель могла стать научной основой комплексных исследований славянского мира. Как показала история науки, славяноведение не пошло по пути, над которым размышлял В.И. Григорович, избрав стратегию накопления фактов и последующей все большей специализации. Это развело в методологическом плане последующие поколения славяноведов

с самым первоначальным проектом науки – славяноведческий комплекс сохранялся лишь на уровне декларации, придающей славистике особый идеологический интерес, и позволяющей оставаться внутри процесса нациестроительства. Поэтому методологические идеи Григоровича оказались невостребованными и даже породили мощный историографический негатив как способ оправдания себя.

В последние десятилетия пантеоны великих и списки классиков как интеллектуальный конструкт и проект истории достаточно широко исследуются на материале истории искусства и литературы. Однако в историографии гуманитаристики антропологический подход, раскрывающий практики создания языков самоописания и присвоения властного дискурса самими персонажами истории науки, до настоящего времени недостаточно актуализирован.

А между тем впервые такая проблематизация образа ученого и вклада В.И. Григоровича в российскую и мировую славистику была осуществлена в труде А.С. Сергеева. Его научная репутация в некоторой степени схожа с репутацией самого В.И. Григоровича. В исследовании и книге А.В. Сергеева современники и последующие поколения историографов увидели сугубо эмпирический, хотя и фундаментальный, труд историка-архивиста, организованный в строгом соответствии с формационным подходом марксизма. При этом была упущена из виду его принципиальная полемика с историческими оппонентами – позитивистской славистикой, которая, утратив преемственность с методологией романтического славяноведения, взяла на себя роль его историографов и, по сути, присвоила право создать метаязык и все основные аналитические парадигмы историографии славистики. Поэтому интеллектуальная «биография» романтического славяноведения была сведена к интуитивизму в методах исследования, его герои оказались неудачниками, не сумевшими реализовать даже собственные научные планы и требования профессионализирующейся науки, подняться выше уровня антиквариев и библиографов.

А.В. Сергеев структурировал анализ наследия Григоровича по географическому принципу в соответствии с позитивистской специализацией славистики, однако в отличие от своих предшественников использовал оптику сопряжения анализа исследовательского «процесса» (путешествия, наблюдения, сбор данных, изучение языков, научная коммуникация) с анализом «результатов» – эмпирических коллекций, методологических манифестов, исследовательских программ Григоровича. В диссертации и монографии о Григоровиче историку удалось создать первую интеллектуальную биографию, близкую к подходу антропологической историографии, сосредотачивающей внимание не на пантеонах, корпусах текстов и рейтинге трудов, а на уникальности когнитивных процессов ученых.

Библиография

1. Мягков Г.П., Недашковская Н.И. Провинциальные научные школы: разрывы традиции как схолярные практики (на материале истории медиевистики и славяноведения в Казани) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 292-313.
2. Недашковская Н.И. Опыт деконструкции историографического образа ученого: В.И. Григорович // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2007. С. 169-180.
3. Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 135 с.

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; n.nedashkovskaya@yandex.ru

Ahead of time: anthropological aspects of A.V. Sergeev's study about the Slavist V.I. Grigorovich

The article analyzes the historiographical concept of the study of Kazan historian A.S. Sergeev, dedicated to the heritage of one of the first university Slavists V.I. Grigorovich. The complex of ideas on which the researcher relied, entering into a 'narrative' conflict with predecessors who created a negative historiographical image of Grigorovich, was reconstructed.

Keywords: historiography, research discourse, ideology, theory of the nation, Slavic studies, textology, source study.

Nedashkovskaya Nadezhda Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; n.nedashkovskaya@yandex.ru

УДК 94:378

Петрова Э.Б.

О кафедре всеобщей истории и о моих Учителях

Эти воспоминания посвящены моей родной кафедре всеобщей истории Казанского университета, моим дорогим учителям, имена которых вошли в историю университета. Благодаря их таланту, знаниям, любви к делу, которому они служили, мы, вчерашние школьники, становились профессиональными историками и педагогами.

Ключевые слова: Казанский университет, кафедра всеобщей истории, А.С. Шофман, В.И. Адо, А.Д. Константинова, В.Д. Жигунин, А.В. Сергеев, А.З. Ханина, В.С. Королёв, Ю.А. Михайлов, Б.В. Царёв

Много лет прошло с тех пор, как я и мои однокурсники завершили учёбу в стенах родного Казанского университета, а память о всего пяти годах в жизни каждого из нас жива настолько, как будто всё это было только вчера. И как хорошо, что есть юбилейные даты и мы можем рассказать о наших любимых учителях. Они – маяки, на которых я стараюсь равняться вот уже четыре десятка лет.

Кафедра всеобщей истории... Я выбрала её для своей специализации в первый же день нашего пребывания в университете – 1 сентября 1967 года, на лекции моего будущего научного руководителя – Аркадия Семёновича Шофмана. Писать о моём главном Учителе и о его детище – легендарном «Античном понедельник» – мне уже доводилось, когда истфак торжественно отмечал 100-летие со дня рождения профессора А.С. Шофмана [1].

Не забыть его лекции по истории первобытного общества и истории древней Греции и то впечатление, которое они производили на нас, первокурсников. Нам посчастливилось слушать известного учёного, автора многих научных трудов. Я помню его манеру стоять за кафедрой, говорить, помню наставления, которые он давал ученикам. А как интересно рассказывал он о своих учителях – академике Николае Яковлевиче Марре, профессоре Сергее Ивановиче Ковалёве. (Теперь уже я передаю эти рассказы своим ученикам). Заложённую в «Античном понедельник» любовь к античной истории я пронесла через всю жизнь и стараюсь привить её моим студентам¹.

Под крылом Аркадия Семёновича Шофмана долгие годы жила и развивалась кафедра всеобщей истории, славная многими замечательными именами.

В годы моей учёбы старшим по возрасту, опыту был всеми уважаемый и любимый Василий Иванович Адо. Помню его мягкий негромкий голос, добрый взгляд. Человек глубокой внутренней культуры, любви к делу всей своей жизни и к своим ученикам, он с первой же лекции покорял студентов своими знаниями, умением рассказывать так, чтобы его слушали затаив дыхание и накрепко запоминали всё слышанное. Теперь я понимаю, что лекционный курс Василия Ивановича – результат многолетней и глубоко продуманной работы, длительной шлифовки, в нём не было ни одного лишнего слова. И в то же время новая история Европы в интерпретации Василия Ивановича Адо сверкала яркими красками. Тогда, на третьем курсе, я уже целиком была поглощена античностью, но – нужно признаться – на целый год новая история стала моей главной любовью.

Василий Иванович был настолько интеллигентен, внимателен к людям, что на экзаменах за редчайшими исключениями не ставил

¹ На историческом факультете Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского истории древнего мира, античной археологии уделяется много внимания и в лекционных курсах, и на летних студенческих практиках; кафедра истории древнего мира и средних веков сотрудничает с заповедниками и музеями Крыма, фонды которых наполнены античными и средневековыми памятниками, добытыми в ходе археологических раскопок на территории полуострова. Я и мои коллеги занимаемся не только разработкой научных тем, но и активно популяризируем историю и культуру Крыма [см. например: 2–6]. А к 100-летию исторического факультета подготовили книгу, посвящённую его истории [7].

студентам даже «тройки», что уж говорить о «неудах». Он принимал экзамен у академической группы в 20–25 человек в течение двух дней, с 9 часов утра до 8–9 часов вечера, полностью выслушивая ответы каждого студента на три вопроса экзаменационного билета, считая, что прервать говорящего – проявить неуважение к нему. Кроме того, он совершенно справедливо считал, что будущий специалист не имеет права знать изучаемые предметы на «удовлетворительно». Естественно, что третьекурсники, получив от студентов старших курсов информацию о требованиях Василия Ивановича к знанию его предмета, готовились к экзамену по новой истории, кажется, так, как ни к одному другому. Стыдно было перед Василием Ивановичем отвечать коротко и плохо. Отсюда и хорошие оценки, которые он, как правило, ставил. А ещё до нас, студентов, доходили слухи, что Василий Иванович не раз приходил на помощь (выручал и даже спасал) своим коллегам, оказавшимся в сложных ситуациях.

Историю древнего Рима мы изучали по лекциям Антонины Дмитриевны Константиновой, лекциям чётким, ясным, абсолютно доступным малоопытным в науках первокурсникам. А сама Антонина Дмитриевна запомнилась как человек скромный, трудолюбивый – вся в делах, в заботах. Как-то она пригласила меня и мою подругу к себе домой, чтобы обсудить темы докладов, которые мы готовили к семинарскому занятию. Мне хорошо запомнился этот наш визит: Антонина Дмитриевна была с нами по-домашнему запросто, и мы не чувствовали себя стеснёнными, общаясь со своим педагогом в непривычной обстановке.

Велика роль в жизнь кафедры Владимира Даниловича Жигунина. В мои студенческие годы он был молод и делал первые шаги на педагогическом поприще. Мне и моим однокурсникам, к огромному сожалению, не довелось слушать его лекции. Но этого человека, серьёзного, умного, историка от Бога, я имела счастье видеть и слышать на заседаниях «Античного понедельника» на протяжении восьми лет моего студенчества и учёбы в аспирантуре. Его научный уровень казался недостижимым.

Европейское средневековье на моём курсе читал Александр Васильевич Сергеев. Всегда бодрый, улыбающийся, он представлялся нам человеком, знающим всё. Его познания были велики и разнообразны, память едва ли не феноменальной. Очень часто он отступал от заявленной темы лекции и рассказывал о многом другом, уходил в век XIX, век XX. Научные интересы большинства членов кафедры вращались вокруг историографических тем. И в своих отступлениях Александр Васильевич говорил об учёных, о новых изданиях, приносил свежие научные журналы, призывал нас читать как можно больше (не менее двухсот страниц в день!). Слушать его

было интересно, но записей в наших тетрадях оказывалось совсем немного. А вот спецкурс (по историографии) он читал строго по теме, без лишних отступлений. Александр Васильевич Сергеев слыл у студентов «ходячей энциклопедией». Мы его уважали. Впрочем, побаивались – и даже очень, ведь экзаменатором он был самым строгим, вопросы задавал такие, на которые мало кто мог ответить, ведь в учебниках они не освещались.

Курс истории средних веков читала ещё Ася Зиевна Ханина. Но не нам, а студентам вечернего отделения. До сих пор жалею, что мне не довелось её послушать. Между тем вечерники отзывались об Асе Зиевне как о замечательном лекторе. С Асей Зиевной я ближе познакомилась в свои аспирантские годы, восторгалась её яркой красотой, обаянием, жизнерадостностью.

На первых двух курсах одним из любимых молодых преподавателей был у нас Валентин Семёнович Королёв. Он начинал свою вузовскую карьеру на кафедре истории КПСС, а позже перешёл на кафедру всеобщей истории. На моём курсе Валентин Семёнович блестяще вёл семинарские занятия по истории КПСС – предмету довольно скучному и однообразному. Но я хорошо помню эти занятия. Валентин Семёнович говорил с нами, студентами, только что пришедшими на истфак, как с равными, находил интересные факты, мастерски анализировал источники. Некоторое время спустя я встретила Валентина Семёновича в Москве – мы в одно время оказались на стажировке в Московском университете, слушали лекции по педагогике высшей школы, а после лекций говорили о нашей alma mater. Встречались мы и позже, когда я приезжала в Казань, и уже не только как коллеги, но и как друзья.

На старших курсах мы с восторгом слушали молодых преподавателей – Юрия Алексеевича Михайлова и Бориса Васильевича Царёва (тогда заканчивавшего аспирантуру). Их лекционные курсы были сложными и большими по объёму. Но они преподносились так умело, что нам нетрудно было записывать едва ли не каждое сказанное лектором слово. Юрий Алексеевич старался быть с нами строгим, но чувствовалось, что он, умный, много знающий, по духу был близок студенческой молодёжи. Как-то нашему курсу довелось сдавать ему зачёт по новейшей истории 31 декабря; несмотря на то, что приближался Новый год, он терпеливо выслушивал каждого, не делая никаких поблажек. А ведь нам так хотелось побыстрее разъехаться по домам, да и сам он сказал, что спешит вовремя встретить Новый год. С Юрием Алексеевичем я дружила уже в мои аспирантские годы, он много рассказывал о факультете, о кафедре, а я ему – о своих проблемах с диссертацией. Потом мы вместе рассылали на почте экземпляры автореферата моей кандидатской. Он рано

ушёл из жизни, и это была невосполнимая потеря для кафедры, его коллег и друзей.

Куратором нашей студенческой группы был Герман Пантелеймонович Мягков, тогда аспирант кафедры всеобщей истории (для нас он был просто Герой, старшим товарищем, помощником), а ныне профессор этой кафедры. Сама я в первый год моей учёбы в аспирантуре стала куратором группы первокурсников, среди которых был Женя Чиглинец, ныне профессор кафедры всеобщей истории Евгений Александрович Чиглинец.

Сохранилась память и о многих других преподавателях, работавших на факультете в 60 – 70-х гг. прошлого столетия.

Мне в жизни очень повезло. После окончания аспирантуры я получила приглашение на работу в Симферопольский государственный университет (ныне Крымский федеральный), где сразу и навсегда прослыла античником. История и культура древнегреческих городов Северного Причерноморья, в особенности Крыма, стали темой моих научных исследований, моих лекционных курсов. Античной историей и археологией занимаются мои ученики – пишут дипломные работы, научные статьи, диссертации, книги.

С тех пор, как я и мои друзья-однокурсники покинули стены университета, прошло немало времени. Многие изменилось в жизни исторического факультета (в мои годы он был историко-филологическим), в жизни кафедры всеобщей истории, но сохранились традиции, заложенные нашими учителями. Память о них жива. Наша благодарность им велика. Не сомневаюсь, что на конференции, посвящённой юбилею моей родной кафедры, будут воспоминания её выпускников, признаний в любви к своим наставникам, встретятся старые друзья, и это событие в свою очередь будет питать умы новых поколений студентов-историков. Ведь за ними будущее кафедры, нашей отечественной науки.

Библиография

1. Петрова Э.Б. Вспоминая с радостью и грустью... // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума в честь 100-летия профессора А.С. Шофмана. Казань: Яз, 2013. С. 9–12.

2. Крым сквозь тысячелетия / под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: ЛИРА, 2004. 576 с.

3. История Крыма с древнейших времен до наших дней. Симферополь: Атлас-компакт, 2006. 400 с.

4. Крым от древности до наших дней / под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: ИД «ЧерноморПРЕСС»; Феодосия: ИД «Коктебель», 2010. 656 с. (2-е изд.: 2012. 656 с.)

5. История Крыма. 5-10 классы: в 6 кн. Уч. пос. для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2018.

6. История Крыма. История России через историю регионов: инновационный учебно-методический комплекс «История»: модуль 5,5: учебное пособие. М.: Интеграция: Образование и Наука, 2019. 233 с.

7. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского / под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. 356 с.

Петрова Элеонора Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия; petrova_eleonora@mail.ru

About the Department of World History and my Teachers

These memories are dedicated to my Alma Mater – General History Department of Kazan University, my dear teachers, whose names etched forever in history of the University. Owing to their talent, knowledge, love for the cause they served, we, yesterday's students, had become professional historians and teachers.

Keywords: General History Department of Kazan (Volgaregion) Federal University, A.S. Shofman, V.I. Ado, A.D. Konstantinova, V.D. Zhigunin, A.V. Sergeev, A.Z. Hanina, V.S. Korolev, Yu.A. Mikhailov, B.V. Tsarev

Petrova E`leonora Borisovna, Doctor of history, Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; petrova_eleonora@mail.ru

УДК 930(092)

Сычченкова Л.А.

Картинки в памяти: неофициальный портрет Аркадия Семеновича Шофмана

Эпизоды из жизни профессора Аркадия Семеновича Шофмана помогают создать живой образ учителя, который сохранился в памяти многих поколений его учеников. Эти рассказы не зафиксированы в официальных документах, они были услышаны автором от самого Шофмана, от коллег, сотрудников кафедры, бывших студентов, они передавались из уст в уста, и стали важной частью истории кафедры всеобщей истории Казанского университета. Дни стали временем, и образ Шофмана превращается в легенду. Хочется, чтобы эта легенда сохранилась на долгие годы.

Ключевые слова: биография Шофмана, образ жизни советского ученого, кафедра всеобщей истории Казанского университета, рассказы, легенды

Аркадий Семенович Шофман обладал профессорской фактурой. Для такой фактуры не нужны были искусственные атрибуты вроде окладистой бороды, очков, портфеля из крокодиловой кожи. Нет, это была природная фактура, о которой Даниил Гранин в романе «Зубр» писал: такого хоть в бане раздень, сразу будет видно, что профессор. Его образ – весьма солидная комплекция человека среднего роста, сохранилась в памяти многих поколений его учеников и студентов историков Казанского университета. Аркадий Семенович почти круглый год носил туркменскую тюбетейку, которую привез из Ашхабада. Тюбетейка, защищавшая его лысину

от палящих лучей летом и согревавшая в прохладные дни, слегка напоминала шапочку, которую носили советские академики, и придавала его внешности не восточный колорит, а определенный академизм.

Шофман вел образ жизни типичного советского ученого, был очень далек от бытовых мелочей и, наверное, не знал, сколько стоят продукты в магазине, на рынке и, вообще, откуда что берется... Его супруга, Нина Багратовна, ограждала мужа от быта и давала ему возможность заниматься только наукой... Зарплата профессора в 500 рублей в то время позволяла иметь высокий социальный статус и быть уверенным в завтрашнем дне. Аркадий Семенович обладал удивительной способностью сосредотачиваться в любой обстановке и быстро переключаться с обычной суеты на «высокую науку». На кафедре он умудрялся не только руководить, заниматься текущими вопросами, но и писать... У него была своя норма – две страницы в день как минимум.

О биографии Шофмана мы знали от него самого. Он часто рассказывал интересные эпизоды своей жизни, считая, что испытал все: огонь, воду и медные трубы. Надо сказать, что рассказчик Аркадий Семенович был замечательный, из нескольких штрихов мог создать образ, словесную картину. В последние годы жизни он увлекся написанием рассказов об античности для детей [6]. Почему вдруг у него возникла такая тяга к исторической литературе? В кругу учеников Шофман рассказывал, что всегда мечтал стать писателем и поступал на литературный факультет, но каким-то образом его дело попало не в ту стопку папок абитуриентов, и его зачислили на отделение классической филологии Ленинградского университета. Так он стал филологом-классиком. Некоторое время он преподавал латинский и древнегреческий языки в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена. Мы же знали его как историка и долгое время даже не предполагали, как непрост был его путь к призванию.

Развлечений в жизни профессора было немного. Аркадий Семенович любил цирк и, как ребенок, смеялся громче своих внуков над клоунскими репризами. Любил застоля в кругу коллег, поводом для которых обычно были успешные защиты диссертаций его учеников. За столом шофманский тост звучал неизменно: «Опрокидон с пирамидоном!» Было в этом призыве что-то задиристое, наверное, из молодости шефа. «Опрокидон» звучал как-то по античному, а «пирамидон» (медицинский препарат от головной боли), видимо, означал «всем болям назло все преодолеем!».

Лекция Бухарина. В свои последние годы он часто рассказывал о том, о чем молчал всю жизнь. Например, о том, как слушал

лекцию Николая Бухарина в конце 1920-х годов. Перескажу то, что удалось запомнить. В ту пору Шофман был студентом Ленинградского университета и узнал о том, что в каком-то клубе будет выступать Бухарин. Аркадию Семеновичу очень хотелось его послушать, но он не знал, как попасть на это собрание. Стояла зима, снегу было много, а по правилам того времени входящий в присутственные места должен был снимать калоши. Шофман пригорюнился, так как по бедности у него были не ботинки с калошами, а их имитация. Снять калоши с таких ботинок в людном месте значило оконфузиться. Сидел он и чуть не плакал от досады, пока в комнату не зашел громадный детина – студент-рабфаковец. Он-то и предложил решение проблемы: «А ты обуи мои валенки, их ведь не заставят снимать». И вытащил серые валенки 45-го размера! Шофман с удивлением посмотрел на них, но согласился: «Пожалуй, это выход». Счастливый, он влез в валенки и отправился на лекцию. Действительно, его пропустили, и ему удалось послушать Бухарина, который в очередной раз продемонстрировал свое ораторское мастерство. Пока шла лекция, снег с валенок растаял, и на паркете образовалась лужа, но этого уже никто не заметил.

О коллегах и друзьях. На кафедре близким его другом был Василий Иванович Адо [1]. Собственно, именно Василий Иванович был инициатором переезда Шофмана из Ашхабада в Казань. Надо сказать, что в эпистолярном наследии Аркадия Семеновича сохранилась телеграмма следующего содержания за подписью в ту пору ректора Казанского университета Кирилла Прокофьевича Ситникова: *«Вы прошли по конкурсу на должность заведующего кафедрой всеобщей истории. Просим сообщить, когда Вы сможете приступить к работе»*. Подпись и дата – 1948 год. С этого момента, собственно, и началась история кафедры всеобщей истории в Казанском университете.

Аркадий Семенович приехал в Казань один. На вокзале его должен был встречать Василий Иванович Адо, с которым они вместе работали в Ашхабаде во время войны. Однако встречающих Аркадий Семенович не нашел и решил самостоятельно устраиваться на ночлег. Ему порекомендовали гостиницу «Совет» в самом центре города. В гостинице у него запросили справку на педикулез, а прощя говоря, на наличие вшей. Сказали, что справку можно раздобыть в ближайшей бане на Булаке. Шофман отправился в баню и за рубль купил у банщика требуемую справку. С поклажей и грустными мыслями о предстоящем ночлеге в незнакомом городе он снова отправился в гостиницу. А у входа его уже поджидали Василий Иванович с супругой. Так начался казанский период в жизни Аркадия Семеновича. По воспоминаниям студентов 1950-х годов, его преподава-

тельская деятельность в стенах КГУ началась блестящим циклом лекций об античной истории, на которые сбегались слушатели с других факультетов.

Письма. А.С. Шофман почти всю жизнь хранил переписку со многими людьми, коллегами, учеными, как историк, понимая, что они понадобятся как источник по изучению его биографии и эпохи, в которую он жил. Письма почти пропали, но ценой невероятных усилий родственников и учеников, они были найдены, и теперь находятся в ОРПК Научной библиотеки Казанского университета им. Н.И. Лобачевского. Правда, они не описаны и не систематизированы ни по адресатам, ни по датам. Когда я с ними знакомилась, меня заинтересовала одна телеграмма середины 1930-х годов, текст которой подтверждал рассказы Шофмана о том, что он мечтал стать писателем. В телеграмме А.С. Шофману сообщалось о том, что *«писатель Алексей Толстой не имел возможности познакомиться с Вашим историческим романом, поскольку выехал на конференцию за рубеж»*. Текст был подписан секретарем Алексея Толстого. Этот документ свидетельствует о том, что Аркадий Семенович написал роман и хотел заручиться поддержкой признанного советского корифея исторической прозы, но этого не произошло. Какой роман Шофман посылал Толстому, и о чем было его содержание, теперь мы уже, наверное, никогда не узнаем. Но факт этот был.

Рим, площадь Св. Петра. Возможность побывать в Греции и Италии, древней историей которых он занимался всю жизнь, Аркадий Семенович получил уже после 60 лет, когда написал и защитил свои основные научные исследования [см.: 5; 7; 8]. Микроскопическая квота, даваемая советским ученым на непосредственное знакомство с предметом научного интереса, с музеями и памятниками, была несопоставима с возможностями, которые имели российские профессора до 1917 года. Мы с завистью читали их воспоминания о путешествиях, заграничных командировках, отчеты о стажировках, но даже не мечтали об этом. И все-таки Аркадий Семенович успел побывать в Вечном городе Рима, и там с ним случилась весьма любопытная история.

Гуляя по площади Святого Петра, он вдруг услышал, как его кто-то окликнул по имени. Обернувшись, Шофман увидел незнакомого солидного мужчину, который бросился к растерявшемуся профессору и заключил его в свои объятия: «Аркадий Семенович, это же я – профессор Хр. Данов из Болгарии, с которым Вы переписывались почти 20 лет».

Они действительно переписывались, но никогда не виделись. Болгарский ученый узнал Шофмана по фотографии. Трудно описать те чувства, которые испытали два профессора оттого, что они,

впервые приехав в Рим, оказались именно в этот день и в этот час на площади св. Петра. Судьба, фатум! Недавно от своей коллеги в Болгарии Тани Галчевой, занимающейся изучением наследия русского историка-эмигранта П.М. Бицилли, я узнала много интересного о профессоре Хр. Данове – крупном специалисте по Древней Фракии¹. Но это уже другая история и тема для нового исследования.

Вместо эпилога. Странно, но почему-то именно эти живые картинки запали в память. Есть еще и другие сюжеты из жизни шефа: арест брата, землетрясение в Ашхабаде, история с газиком, анекдоты про Брежнева и их последствия, про пожар в доме дочери и другие. Всякий раз слушая эти истории, мы открывали для себя новые стороны характера учителя. Аркадия Семеновича не стало в октябре 1993 года, «эпоха Шофмана» в Казанском университете закончилась. Но мысленно мы и сейчас отчитываемся перед ним и пытаемся угадать, как бы он оценил наши шаги в науке и в жизни, что для него было совершенно неразделимо.

Библиография

1. Адо В.И. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань: Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. 2000. № 7-12.
2. Данов Х. Към историческия облик из древна Тракия, II, от Диодор до Макробий // Годишник на Соф. университет, историко-филологическия ф-тет. Кн. XIV. С. 1-74, 1946-1947.
3. Данов Х. Сведения за българските земи у атинските пости от V век // Родина. III, Кн. 4, 1941.
4. Данов Х. Траки. София, 1979.
5. Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
6. Шофман А.С. Древний мир в лицах и образах: Книга для чтения. Казань, 1990.
7. Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. 1-2. Казань, 1963.
8. Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; l.sichenkova@yandex.ru

Pictures in memory: an unofficial portrait of Arkady Semenovich Shoffman

Episodes from the life of professor Arkady S. Shoffman help to create a living image of the teacher, which is preserved in the memory of many generations of his students. These

¹ Данов Христо Милушев (1908–1999), профессор древней истории Софийского университета (с 1945 года), Руководитель отдела древней и средневековой общей истории на историческом факультете (1960–1976). Директор болгарского Научно-исследовательского института в Вене (Дом "Людвиг Витгенштайн") в 1979–1980 гг. Автор многочисленных статей в самых авторитетных мировых справочниках по античной истории „Pauly-Wissowa's Realencyclopaedie“ и „Der Kleine Pauly“. Много и плодотворно занимался изучением Древней Фракии. Он выпустил несколько фундаментальных исследований по этой проблеме еще в 1940 х гг. (см.: [2; 3; 4]).

stories are not recorded in official documents, they were heard by the author from the Shoffman, from colleagues, employees of the Department, former students, they were passed from mouth to mouth, and became an important part of the history of the Department of General history of Kazan University. Days have become time, and the image of Schofman turns into a legend. I want this legend to be preserved for many years.

Keywords: biography of Shoffman, lifestyle of Soviet scientist, Department of General history of Kazan University, stories, legends.

Sy`chenkova Lidiya Alekseevna, Doctor of History, Assistant Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; lsichenkova@yandex.ru

Университетские культурные и научные практики

930(092)

Бродовская Л.Н., Буравлева В.В.

Н.И. Ильминский в культурно-исторической памяти народов Поволжья и Приуралья

В статье показана роль системы Н.И. Ильминского в достижении сближения народов Волго-Уральского региона, раскрыты основные принципы этно-педагогической системы Ильминского как миссионерско-просветительной по своей интенциональности. Обоснован вывод о противоречивом характере наследия Ильминского.

Ключевые слова: нерусские народы, просвещение, Н.И. Ильминский, школа, Волго-Уральский регион

Н.И. Ильминскому и его системе в дореволюционной и советской историографии посвящено немало работ [5]. Но большинство авторов долгое время видело в нем только миссионера-практика, который использовал просвещение нерусских народов для их христианизации. Сегодня все большее число авторов сходятся во мнении, что он в отношении инородцев сыграл роль не столько миссионера, сколько просветителя. Так, Джераси обращает внимание на неточность и неоднозначность терминов русификация, христианизация, ассимиляция и на то обратное влияние, которому подвергались русские в своих взаимодействиях с другими народами [14].

Ильминский утверждал, что успеху православной миссии будет способствовать перевод Священного Писания на языки малых народов и взвешенная противомусульманская и противоязыческая полемика [2]. Важное место отводилось русским миссионерам. Миссионер должен был знать язык народа, его историю, культуру, традиции; в идеале миссионерами должны были стать выходцы из самих малых народов, получившие образование и знавшие основы

православной веры. Особое значение придавалось знанию «местных инородческих языков» не только учителями и церковнослужителями, но и русским населением.

В основе системы христианского просвещения Ильминского лежала концепция единства школы и церкви. Школьное образование на родном языке учащихся должно было способствовать духовному подъему нерусских народов и их сближению с русскими [4]. Учителями в школах должны были быть люди той же национальности, что и ученики. При этом учителя должны были быть искренне верующими и иметь педагогическое образование, а также они должны учитывать религиозные понятия, нравственные убеждения и ход мышления «инородцев». Им было издано семь книг («Букварь», «Первоначальный учебник» и др.) на татарском языке [6].

Первым учебным учреждением системы Ильминского стала Казанская центральная крещено-татарская школа. Это было частное учебное заведение, обучение в нем было бесплатным. Воспитанники показывали стабильно высокие результаты как в первые годы после открытия школы, так и через многие десятилетия работы. Дети быстро усваивали школьную программу и учили русский язык, который стал языком межэтнического общения [3]. Кряшенская казанская школа стала образцом для других школ этой системы для кряшенского, чувашского, марийского, удмуртского, мордовского народов, которые унаследовали от нее не только программы и пособия, но и бытовые условия и даже образ взаимоотношений учителя и учеников. Школы открывались как филиалы казанской, учителями в них становились выпускники школы Ильминского.

Обучение в крещено-татарских школах далеко не всегда влекло за собой утрату, например, удмуртами и марийцами своей этнической идентичности и укрепляло их в лоне православной церкви, так как параллельно существовал и «исламский» проект, также связанный с системой образования [10].

В 1872 году была открыта Казанская инородческая учительская семинария. В 70-е годы XIX века начала создаваться государственная система «инородческого» образования, которая включала трехгодичные русско-татарские училища и татарские учительские школы (в Казани, Симферополе и Оренбурге) – для подготовки учителей из татар для инородческих начальных школ Поволжья, Приуралья, Крыма, Средней Азии.

Но в государственных «инородческих» школах система дала «сбой». Наиболее сложными для восприятия мусульман оказались вопросы, связанные с изучением русского языка в мусульманских школах и возможностью обучения у иноверцев в принципе. И хотя мусульманская интеллигенция (Ш. Марджани, Х. Фаизханов)

в конце XIX века ратовала за усвоение русского языка именно как инструмента, облегчающего доступ к достижениям западноевропейской мысли и образованности, сложившиеся стереотипы, связанные с насильственной христианизацией, мешали преодолению психологических барьеров [1].

Православная миссия после кончины Ильминского [7] не развивалась, так как у него не оказалось достойного преемника.

Однозначной оценки деятельности Ильминского нет до сих пор. Одни считают, что благодаря его миссионерской и просветительской деятельности сохранился народ кряшены [13] и иными были бы литературные языки народов Поволжья и Урала [8,9]. Другие подчеркивают, что он был человеком своей эпохи и «обрусение» воспринимал как духовное единение на основе православной общности [11]. Третьи ставят его в один ряд с основателем научной педагогики в России К.Д. Ушинским [12]. Четвертые считают, что русским востоковедам, в том числе и Ильминскому, удалось избежать «колониального высокомерия» в отношении восточных народов и культур, используя «национальные кадры» [15].

Для России диалог культур – это способ выживания страны и консолидации общества, к чему и стремился Ильминский.

Библиография

1. Гафаров А.А., Бродовская Л.Н., Буравлева В.В. Проблемы «инородческого» образования мусульман в Российской империи (XIX – начало XX вв.) // Образование и саморазвитие. 2012. № 4 (32). С. 171-176.
2. Ильминский Н.И. Беседы о народной школе. Казань: Типография императорского университета, 1888. 42 с.
3. Ильминский Н.И. Казанская центральная крещёно-татарская школа: Материалы для истории христианского просвещения крещёных татар / Репр. воспр. текста изд. 1887 г. Казань: ООО «Астория и К», 2011. 485 с.
4. Ильминский Н.И. Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. СПб.: Синодальная типография, 1885. 55 с.
5. Исаков Р.Р. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начало XX вв.). Казань: Изд-во «Центр инновационных технологий», 2014. 332 с.
6. Исакова Р.Р. Деятельность Н.И. Ильминского и его системы. Историография проблемы. Казань: Новое знание, 2002. 24 с.
7. Колчрин А.С. Христианизация народов Поволжья. Н.И. Ильминский и православная миссия. М.: РИСИ, 2014. 719 с.
8. Павлов П. О прогрессивной роли инородческих школ // Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. Казань: Издат. центр «Арт-кафе», 2001. С. 187-193.
9. Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2004. 203 с.
10. Садилов Р.Р. Мусульмане и язычники: процессы межконфессиональных взаимоотношений в среде закамских удмуртов // Вестник ВЭГУ. 2011. № 5. С. 89-94.

11. Таймасов Л.А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. ...д-р ист. наук. Чебоксары, 2004. 502 с.

12. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. М.: Просвещение, 1968. 557 с.

13. Фокин А.В. Интервью. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/08/30/nikolaj_ilminskij_razvenchanie_mifov/ (дата обращения: 17.06.2019).

14. Geraci Robert P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Cornell University Press, 2005. 389 p.

15. Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford, 2012. 203 p.

Бродовская Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; ludmilabrod@mail.ru

Буравлева Вера Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; buravlevav@inbox.ru

N.I. Ilminsky in the cultural and historical memory of the peoples of the Volga and Ural regions

The article shows the role of the N.I. Ilminsky system in achieving rapprochement of the peoples of the Volga-Ural region, reveals the main principles of the Ilminsky ethno-pedagogical system as a missionary-educational in its intentionality. The conclusion about the controversial nature of Ilminsky's heritage is substantiated.

Keywords: non-Russian peoples, education, N.I. Ilminsky, school, Volga-Ural region

Brodovskaya Lyudmila Nikolaevna, Candidate of History, Associate professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; ludmilabrod@mail.ru

Buravleva Vera Victorovna, Candidate of History, Associate professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; buravlevav@inbox.ru

УДК 94:378.4(470.41-25)»18»

Галиулина Р.Х.

Востоковед Франц Эрдман – отдельный цензор Казанского университета (1828–1845 годы)

Цензурными уставами 1826 и 1828 года в Казанском университете была определена должность отдельного цензора восточных рукописей. Первым эту должность занимал профессор по кафедре арабской и персидской словесности немецкий профессор Франц Эрдман. В историографическом дискурсе Эрдман предстает как знаток арабской и персидской словесности, один из «отцов» российского востоковедения. Эрдман стремился занять определенное положение в научном мире как ученый, публикуя свои переводы восточных рукописей и книг, учебные пособия. В полной мере ему не удалось реализовать свои научные амбиции. Изучение цензурного делопроизводства показало лояльность Эрдмана к университетской и министерской администрации, что в немалой степени способствовало его устойчивому положению в качестве цензора вплоть до его отставки.

Ключевые слова: Ф. Эрдман, Казанский университет, российское востоковедение, арабская и персидская словесность, цензурный комитет, отдельный цензор

С 1804 года общая цензура в России была отнесена к ведению императорских университетов. Общегражданская цензура включала экспертизу рукописей российских авторов, а также переводы иностранных книг и рукописей. Цензурная практика первой четверти XIX века показала, возможность оптимизации работы цензурных комитетов в «провинциальных» учебных округах (Казанском и Харьковском) и введения здесь должностей отдельных цензоров. Устав о цензуре 1826 года поручил Казанскому университету только «цензуру татарских книг» (§ 109). Устав о цензуре 1828 года возложил общегражданскую цензуру на цензурные комитеты из числа профессоров и адъюнктов.

7 октября 1828 года в Казанском университете по предложению попечителя М.Н. Мусина-Пушкина на должность отдельного цензора был назначен ординарный профессор арабско-персидской словесности Фридрих Франц Людвиг Эрдман (26.03.1793–14.02.1862) [И. Оп. Совет. Д. 2001. 12 л.]. Должность цензора Франц Эрдман занимал вплоть до своей отставки 11 мая 1845 года, когда на этой должности его сменил А.М. Казем-Бек [И. Оп. 1. Д. 5696. 48 л.]. Научно-педагогическая и цензорская деятельность Ф. Эрдмана не были предметом специального исследования. Его имя упоминалось и в исследованиях о других более «замечательных» казанских востоковедах: академиком Российской академии наук Х.Д. Френом [1], А.М. Казем-Беком [2], О.М. Ковалевским [3].

Эрдман – уроженец герцогства Мекленбург-Шверин, воспитанник Ростовского и Гёттингенского университета, ученик известного востоковеда О.Г. Тихсена. 16 декабря 1817 года, получив степень доктора философии в университете Ростова, определен адъюнктом философского университета. 4 сентября 1819 года Эрдман был избран в Казанский университет на должность профессора восточной словесности вместо известного востоковеда Х.Д. Френа [И. Ф. 92. Оп. 1. Д. 891. 8 л.]. В Казани Эрдман весьма преуспел. Ему принадлежал замысел создания Института восточных языков (1827). Неоднократно в качестве декана возглавлял словесный факультет (1822–1828; 1828–1832; 1835–1836), а затем историко-филологическое отделение философского факультета (1841–1845). Эрдман был страстным коллекционером: восточные рукописи и монеты составляли предмет гордости его личной коллекции. Немало он сделал и для пополнения коллекций Казанского университета: с 1824 по 1845 годы он возглавлял минц-кабинет, лично занялся описанием собрания азиатских монет [5].

В качестве цензора занимался проверкой рукописей и книг на арабском и персидском языках, преимущественно духовного содержания [I. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5144. 13 л.; Д. 5483. 7 л.]. Эрдман, в отличие от своих московских коллег профессоров цензоров не был загружен большим объемом работы, активно занимался наукой. По указанию министра народного просвещения С.С. Уварова его труды направлялись на цензуру в Императорскую Академию наук к Х.Д. Френу. Копии переведенных с немецкого на русский язык цензурных отзывов Френа сохранились в архивах Казанского университета и Министерства народного просвещения. Их анализ наводит на мысль о довольно критичном отношении Френа к Эрдману. Так, в донесении Френа от 11 декабря 1822 года о трёх переводах восточных рукописей Эрдмана, академик давал неоднозначную оценку «литературной деятельности» Эрдмана, отмечая, что она «заслуживает оной сугубо в таком месте как Казань, [...] где рвение к наукам еще, как кажется, мало укоренилось» [II. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 716. Л. 15-17 об.]. Таким образом, еще в 1822 г. своей рецензией Френ транслирует свое мнение академической и университетской среде о недостаточно высокой квалификации Эрдмана и востоковедения как науки в Казанском университете.

Тем не менее Эрдман с завидной регулярностью продолжал содействовать сбору восточных рукописей в научной библиотеке, изучал их как исследователь, рецензировал как цензор, публиковал свои изыскания и уже не только на латыни, но и на русском языке. Весной 1825 года осуществил путешествие по Оренбургскому и Прикамскому краю [I. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1024. 46 л.], результаты которого были опубликованы в университетских изданиях: «Казанском вестнике» и «Заволжском муравье» (в переводе на русский язык Н.И. Лобачевского) [II. Оп. Совет. Д. 101. 8 л.; Д. 100. 2 л.; 4]. Опыт Эрдмана, безусловно, заметно прибавил. С 1825 года он активно сотрудничает с другим востоковедом, носителем персидского языка, глубоким знатоком арабской и персидской культуры А.М. Казем-Бекем.

В марте 1836 года возобновилась дискуссия между Эрдманом и Френом по поводу публикации Эрдмана истории персидской династии Бувей. Прежде чем предъявить перевод и комментарии к рукописи, он представил подробное «обозрение» исследования, иными словами – проспект [II. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 100. 2 л.]. Доводы Эрдмана были убедительными. По указанию министра С.С. Уварова рукопись Эрдмана была вновь передана на рецензию академику Френу, который подготовил отрицательный отзыв. Благодаря поддержке попечителя Мусина-Пушкина перевод и комментарии были опубликованы сначала в «Ученых записках Казанского университета» (1835), а затем – отдельным изданием (1836).

Непростым был путь в науке Эрדмана в Казани, но именно здесь за редким исключением были опубликованы его труды. Оценки авторитетного в академических кругах Френа во многом определили низкую оценку научных заслуг Эрдмана в Министерстве народного просвещения. Тем не менее его труды публиковались, нумизматическая коллекция и коллекция рукописей стали достоянием сначала Казанского университета, а затем и Санкт-Петербургского.

Библиография

- I. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 92.
- II. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977.

1. Дорн Б.А. Академик Френ и его ученая деятельность // Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1855. Т. 3, вып. 3. С. 429-465.
2. Рзаев А.К. Мухаммед Али М. Казем-Бек. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 199 с.
3. Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский: очерк жизни и деятельности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. 112 с.
4. Эрдман Ф. Замечания во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургской губернии // Заволжский муравей. 1834. Ч. 1, № 2, 6; Ч. 2, № 1.1.
5. Numophylacium universitatis Caesareae litterarum Casanensis orientale quos recensuit et illustravit Franciscus Erdmann. Pars I, Volum enprimum = Азиатские монеты Музея Казанского императорского университета, описанные и иллюстрированные Францем Эрдманом. Ч. 1. Т. I. Casani, MDCCCXXXIV [1834]. 311 p.

Галиуллина Руфия Хазибовна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань, Россия; rufyagal@mail.ru

Orientalist Franz Erdman – a special censor for Kazan University (1828–1845)

Censorship codes of 1826 and 1828 stipulated that the position of a special censor for Oriental manuscripts be established at Kazan University. The first expert to occupy this position was the German Franz Erdman, Professor at the Department of Arab and Persian languages and literatures.

The proposed research aims at exploring the role of Professor and censor, Franz Erdman, in Kazan University's emergence as the center of Oriental studies. In historiographic discourse, Erdman features as a "father" of Russian Oriental studies, a specialist on Arab and Persian philology. Erdman aspired toward scholarly recognition. He published translations of Oriental manuscripts and books as well as wrote textbooks. However, he failed to realize all his scholarly ambitions. The present research has established his loyalty to university administration and the Ministry of Education, which sufficiently contributed to his stable career as a censor up until his retirement.

Keywords: F. Erdman; Kazan University; Russian Oriental studies; Arab and Persian languages and literatures; Censorship Committee; Special Censor

Galiullina Rufya Khazibovna, Candidate of History, Associate professor, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, Russia; rufyagal@mail.ru

Георгиев П.В.

**У истоков традиции изучения жизни и творчества
В.И. Григоровича: М.П. Петровский**

В статье рассматриваются истоки изучения научной биографии известного отечественного слависта, основателя научной казанской школы славяноведения, Виктора Ивановича Григоровича (1815–1876) в Казани, восходящие к трудам его ученика и преемника, казанского слависта М.П. Петровского (1833–1912). Показаны основные мотивы его обращения к научной биографии учителя в контексте общности судеб и мировоззренческих установок двух знаменитых представителей казанской школы славяноведения.

Ключевые слова: В.И. Григорович, М.П. Петровский, славяноведение, слависты, Казанский университет

Традиция изучения жизни и творчества В.И. Григоровича в Казани берет свое начало в работах Мемнона Петровича Петровского [7; 10; 8; 9; 6]. Петровский являлся учеником и преемником В.И. Григоровича и ему он посвятил значительную часть своих трудов [9, с. 64]. По словам К.В. Харламповича, «Мемнон Петрович оставался верен заветам своего учителя и его памяти, которую он время от времени оживлял в сознании русского общества, посвященными ему статьями» [10, с. 10]. Для истории отечественного славяноведения работы Петровского о Григоровиче являются, пожалуй, наиболее значимыми, не утратившими своего научного значения [8, с. 558; 6, с. 7].

Впервые к научной биографии Григоровича Петровский обращается в рецензии на второе издание «Очерка путешествия по Европейской Турции» [5, с. 896–906]. «Новое издание известного славистам труда Григоровича дает нам повод сделать дополнение ко всему, что было сказано о нем, по поводу его недавней смерти», – отмечал Петровский. Однако переиздание «Очерка» носило явно политический подтекст и было связано с начавшейся Русско-турецкой войной. Обращая на это внимание, Петровский заметил, что «издатель оказал плохую услугу и русской публике, которая не найдет того, что обещает в ней издатель, – и памяти достойного ученого, представив в новом издании его труда небрежную перепечатку...» [5, с. 896]¹. Для Петровского истинной целью было почтить

¹ Московский редактор в предисловии к изданию недвусмысленно замечал: «...в настоящее время, когда идет святая брань, поднятая православной Русью и ее доблестным Царем Освободителем за человеческие права и нравственно-религиозное существование наших единоплеменников... предлагаемый очерк... может

память своего учителя, напомнить о его заслугах, не включаясь в политические дискуссии¹.

В 1892 г. Петровским был опубликован очерк «Виктор Иванович Григорович в Казани» [2]. Первоначально текст этого очерка был задуман как речь, приготовленная для университетского акта 1877 года. Однако речь не была тогда опубликована и увидела свет в переработанном виде в 1892 году [10, с. 10]. Петровский не ограничивается казанским периодом деятельности Григоровича и дает подробное освещение всей биографии слависта, вплоть до его кончины². Судьба Григоровича была близка Петровскому в силу их духовной общности, схожих мировоззренческих установок [7, с. 264, 265]. Это было еще одним побудительным стимулом для обращения Петровского к жизни и творчеству своего учителя. Выйдя в отставку в 1885 году, Петровский «и ранее не склонный к общественной деятельности, стал жить почти замкнутой жизнью среди своей немногочисленной семьи, служившей, как и он, культу славяноведения и идее славянской взаимности. Славяноведение было для него не средством выдвигаться и сделать карьеру, а самоцелью» [10, с. 18].

Все основные работы о Григоровиче были написаны Петровским после выхода в отставку. В них Петровский вновь стремится показать научные заслуги своего учителя и отвести наветы, которые сопровождали начало карьеры молодого ученого. Прежде всего, это касалось магистерской диссертации Григоровича, не получившей, по мнению Петровского, достойной оценки. С горечью и сарказмом Петровский замечает: «Нечему удивляться, если смелый и верный шаг молодого ученого не всем мог понравиться. В эпоху, когда «под великим штрафом повелевалось каждого признавать историком и географом», не все верили в новую науку, как не все верят в нее и теперь, и ревнивое министерство Уварова даже поручало

наилучшим образом ознакомить наших читателей с географией Балканского полуострова, с бытом болгар...» [1, с. III–IV].

¹ Петровский отмечал: «Григорович никогда не высказывал своих личных интересов или своего недовольства окружающими его: в нем было слишком много доброты, чтобы уличать злобу других; в нем слишком глубоко развито было чувство корпоративности, чтобы пожаловаться на недоразумения и возникающие отсюда дразни в профессорской семье. Григорович был выше их» [5, с. 897].

² По мнению Петровского, общество, как в Казани, так и в целом в России, равнодушно относилось к славянскому вопросу, что отразилось в биографии самого Григоровича. «Но неисповедимым судьбам неугодно было, чтобы он отошел с миром, чтобы очи его увидели спасение, уготованное Русью славянству перед лицом всех людей...» [2, с. 57]. На такой неутешительной ноте заканчивает свой очерк о Григоровиче Петровский.

впоследствии «одному петербургскому ученому»¹ проверить выводы магистерской диссертации Григоровича о литературе славян, не понимая, что такая работа была не по плечу министерским ученым того времени, и в то же самое время то же прославленное министерство одобряло в качестве учебных пособий невежественные труды Георгиевских ...» [4, с. 208-212]. Можно предположить, что в этих словах сквозила досада Петровского на современное ему положение дел в изучении славянства и некая оппозиционность существующему порядку вещей. Близко знавший Петровского проф. К.В. Харлампович, подчеркивал, что в числе мотивов его преждевременной отставки были «недовольство университетским уставом 1884 г. и сознание невозможности, при небольшом числе студентов историко-филологического факультета в Казани, широко поставить преподавание славяноведения» [10, с. 17].

Другой современник, Д.А. Корсаков, прибавляет к этим причинам также новые веяния – влияние «экономического материализма» на казанское студенчество, которые «не могли найти отклика в идеалистической, поэтически-настроенной душе Петровского, ученика и последователя Григоровича...» [7, с. 264].

Библиография

1. А.И.Г. Вместо предисловия // Григорович В.И. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877. С. III-IV.
2. Петровский М.П. Виктор Иванович Григорович в Казани (Библиогр. очерк) // Славянское обозрение. 1892. Т. 2, кн. 7-8. С. 229-264; Т. 3, кн. 9. С. 57-78.
3. Петровский М.П. Григорович и Прейс. К истории славяноведения на Руси // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. 2, кн. 3. С. 722-744.
4. Петровский М.П. Первый ученый труд В.И. Григоровича // Рус. фил. вестн. 1893. Т. 29. № 2. С. 208-212.
5. Петровский М.П. Письменные донесения В.И. Григоровича из Константинополя и его книга «Очерк путешествия по Европейской Турции». Изд. второе. Москва. 1877 год // Вестн. Европы. 1878. Т. 1, кн. 2. С. 896-906.
6. [Колмакова М.В., Чернышенко Д.Ю.] Обзор книжно-иллюстративной выставки «Памяти славистов Мемнона Петровича и Нестора Мемноновича Петровских» // Памяти славистов Мемнона Петровича и Нестора Мемноновича Петровских: каталог выставки, СПб., 2018. 77 с.
7. Корсаков Д.А. М. П. Петровский // Исторический вестник. 1912. № 7. С. 262-270.
8. Лаптева Л.П. Славяноведение в Казанском университете: [§ 1. М.П. Петровский] // Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 555-588.

¹ Речь идет о П.И. Прейсе, который отрицательно оценил диссертацию Григоровича. По этому поводу Петровский замечал: «Прейс один из первых по достоинству учеников Востокова... разошелся с своим великим учителем в мнениях только об одном Григоровиче, или, точнее, его труде, оцененном лишь тридцать три года спустя после его появления в печати, и невольно вызывающим в нас... прискорбное воспоминание, что *Nabent sua fata libelli...*» [3, с. 744].

9. Мягков Г.П., Макарова Н.И. Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Казань, 2006. Т. 148, кн. 4. С. 62-76.

10. Харлампович К.В. М.П. Петровский. (Некролог). Казань, 1912. 23 с.

Георгиев Павел Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий библиограф, Научная библиотека имени Н.И. Лобачевского, Казанский федеральный университет; georgiev.pawel@yandex.ru

At the origins of the tradition of studying the life and work of V. Grigorovich in Kazan: M. Petrovsky about V. Grigorovich

The article discusses the origins of the study of the scientific biography of the famous Russian Slavist, the founder of the scientific Kazan school of Slavic studies, Viktor Ivanovich Grigorovich (1815–1876) in Kazan. The founder of the study of the life and work of V. Grigorovich was the Kazan Slavist Memnon Petrovich Petrovsky (1833–1912). As a student and successor of V. Grigorovich at Kazan University, Petrovsky experienced his considerable influence as a scientist and teacher. The article deals with the main motives of Petrovsky's appeal to the scientific biography of his teacher in the context of common destinies and ideological attitudes of two famous representatives of the Kazan school of Slavic studies. The main works of M. Petrovsky about Grigorovich are presented.

Keywords: V. Grigorovich, M. Petrovsky, Slavic studies, Slavists, Kazan University

Georgiev Pavel Valentinovich, Candidate of History, Bibliographer, N.I. Lobachevsky Academic Library, Kazan Federal University, Kazan; georgiev.pawel@yandex.ru

УДК 8:378.4(470.41-25)"18"

Ильина К.А.

Профессора классической филологии в Казанском университете в 1830 – 1870-е годы¹

Преобразование университетов в первой половине 1830-х годов сопровождалось масштабной кадровой реформой. Занять университетские «классические» кафедры должны были молодые ученые, знакомые с новейшими достижениями классической филологии. В статье рассматриваются карьерные траектории и академическая деятельность профессоров греческой и латинской словесности.

Ключевые слова: классическая филология, Казанский университет, профессор

К 30-м годам XIX столетия исследователи относят превращение любительского интереса и увлеченности античностью, характерных

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

для второй половины XVIII – начала XIX века, в научное направление и университетскую дисциплину. Эта перемена историками науки связывается с археологическими открытиями на юге империи, трансфером в Россию приемов и методов немецкой классической филологии и философии [1; 8, с. 112; 9], а также с деятельностью президента Академии наук и министра народного просвещения С.С. Уварова. Он был достаточно известным эллинистом, печатался на русском и французском языках, поддерживал контакты с европейскими учеными. По аналогии с европейской традицией среднего образования, основанной на изучении классических дисциплин, Уваров создал систему общего образования в России и неустанно заботился о развитии науки об античности [2, с. 167-168; 7].

В 1830-е годы при непосредственном участии С.С. Уварова в университетах империи началось формирование профессионального сообщества филологов-классиков. В это время проводилась масштабная кадровая реформа, целью которой было уволить «опоздалых на их поприще» профессоров. На их место предполагалось привести новых молодых профессоров, для подготовки которых в конце 1820-х – 1830-е годы было осуществлено несколько образовательных государственных проектов.

После кадровой реформы конца 1830-х годов [5] целый ряд «античных» кафедр заняли молодые филологи и историки, выпускники первого и второго наборов Дерптского педагогического института [4, с. 175-183; 6, с. 144-153; 8, с. 112], Главного педагогического института и отдельные стипендиаты. Все они прошли двух или трехлетнюю стажировку в университетах Германии, главным образом в Берлине, слушали лекции и занимались у ведущих немецких филологов-классиков.

Исключением стал Казанский университет, в котором в начале 1830-х годов кафедры занимали Сергиус Мистаки и Август Шарбе.

Август Шарбе, выпускник Виттенбергского университета, был приглашен в Казанский университет в 1833 году после рассмотрения его сочинения профессорами. На протяжении 10 лет он вел активную академическую жизнь, несколько лет руководил Педагогическим институтом.

Профессор греческой словесности и древностей Сергиус Мистаки был назначен на эту кафедру еще в 1823 году попечителем округа Михаилом Магницким. Тогда это делалось без учета мнения совета университета [3, с. 113]. Обсуждая кандидатуры профессоров в 1835 году, попечитель Михаил Мусин-Пушкин в секретном письме министру высказывался за увольнение Мистаки с должности, но за отсутствием альтернативных кандидатур профессор был оставлен в штате. В начале лета 1839 года Мистаки ушел в отставку.

В следующем году в результате конкурса на его место был принят Фридрих Фатер – молодой немецкий филолог, имевший степень Галльского университета и положительные рекомендации от берлинского филолога-классика Августа Бека и прусского географа и путешественника барона Александра фон Гумбольдта. Пожалуй, именно его можно назвать центральной фигурой для казанской классической филологии в исследуемое время.

Назначение Фатера на кафедру греческой словесности и древностей в Казань привело к складыванию специфической научной школы Фатера. Организационно ее особенность была обусловлена тем, что в Москве и Санкт-Петербурге науку об античности создавали вернувшиеся из заграничных стажировок выпускники российских университетов. В Казани ее поддерживал и развивал воспитанник германского университета.

Реконструкция биографии профессора Фатера позволяет определить специфические черты казанской классической филологии как исследовательской лаборатории. На заседаниях университетского совета Фатер доказывал, что классическая филология является самостоятельной научной дисциплиной, с собственным объектом и методами изучения. Он транслировал знания в виде лекций, а исследовательские методы через филологический семинар. Теорию и этику данной дисциплины профессор формулировал в рецензиях на диссертации и студенческие исследования. В них он определял критерии научности, добивался от коллег полноты использованных источников и знания современной научной литературы, оценивал релевантность методов анализа и корректность аналитического языка. Важным элементом профессиональной этики для Фатера было принятие альтернативных точек зрения.

Устные выступления профессора на совете историко-филологического отделения, обсуждение рецензий и уточнение формулировок, а затем письменная фиксация с подробным рассмотрением и аргументацией не могла не повлиять на фокусировку взгляда коллег. То есть рецензии в данном случае выполняли как оценочную, так и образовательную функцию.

Активная педагогическая и научная деятельность Фатера, к сожалению, не привела к созданию группы учеников-единомышленников. Профессор возлагал большие надежды на Клеотильда Тхоржевского, у которого были все шансы занять кафедру греческой словесности, поддержать развитие классических дисциплин в университете и воспитать учеников. К сожалению, этот ученый умер в возрасте 33 лет еще до отъезда Фатера из Казани. Заступивший кафедру по конкурсу в 1859 году Раймунд Шарбе через два года был

переведен на должность директора пензенских училищ, вероятно, не в последнюю очередь по политическим основаниям.

На протяжении почти 20 лет (с 1861 до 1878) в Казанском университете не было ни одного профессора древней словесности, то есть людей, способных вынести компетентное суждение. Так, в 1860-е годы кафедре греческой словесности (с 1866 и римской) замещал «прикомандированный» магистр греческой словесности Андрей Угянский. За это время он предпринял несколько неудачных попыток защитить докторскую диссертацию. Причиной срывов было, во-первых, изменение самих правил академической аттестации, а также передача экспертных полномочий и ответственности за присуждение ученых степеней в университеты. Во-вторых, определенную роль сыграла и трансформация самого статуса классической филологии как дисциплины, переставшей в это время быть «новой» и сформировавшая усилиями в большей степени профессоров столичных университетов общие критерии научности. В 1870-е ему на смену пришли выпускники духовных семинарий, получившие степень магистров в Казанском университете (Александр Иноземцев, Порфирий Гвоздев). На рубеже 1870–1880-х годов кафедры древней словесности были замещены выпускниками Санкт-Петербургского и Новороссийского университетов (Дмитрием Беляевым и Дарием Нагуевским, соответственно).

Можно предполагать, что некоторое влияние Фатер оказал на Николая Благовещенского, защитившего в Казани магистерскую и докторскую диссертации. Впрочем, Благовещенский три года учился в Лейпциге и Гейдельберге. Тем не менее, утверждать, что деятельность Фатера в Казани не повлекла за собой никаких последствий тоже нельзя. Студенты историко-филологического отделения философского факультета 1840-х годов, среди которых были будущие чиновники, профессора и журналисты, отмечали вклад в их образование именно профессоров-филологов, среди которых Фатер был одной из ключевых фигур.

Резкая смена отношения министерства к классическому образованию после революций 1848 г. привела к уменьшению доли классических дисциплин в учебных заведениях. Это вызвало во второй половине 1850 – начале 1870-х годов дискуссию о необходимости классического образования и выявлению его достоинств (недостатков) по сравнению реальным, ориентированным на естественнонаучные дисциплины. Полемика имела политический оттенок и разделила интеллектуалов на два лагеря: консерваторы-классицисты и либералы-естественники. Эта дискуссия спровоцировали осмысление статуса университетских классических дисциплин, и в 1860 – начале 1880-х годов появился ряд публикаций столичных

профессоров и переводов статей германских ученых о сущности классической филологии и об истории ее развития в Европе и в России, о методике преподавания классических языков и отношении их изучения с христианским воспитанием.

Библиография

1. Вейсман А.Д. Успехи греческого языка и литературы в России за последнее двадцатипятилетие // Русский вестник. 1880. № 4. С. 434-466.
2. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999.
3. Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX века): биографический словарь. М.: РОССПЭН, 2011.
4. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1908.
5. Костина Т.В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегияльная реформа» С.С. Уварова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 212-238.
6. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003.
7. Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская академия наук в истории академий мира: к 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Том II. СПб., 1999. С. 275-285.
8. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999.
9. Юдин А.В. «Историографические эпохи» в истории изучения античности // Диалог со временем. 2009. № 28. С. 240-262.

Ильина Кира Андреевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; glukist@mail.ru

Professors of Classical Philology in Kazan University in the 1830s - 1870s

The transformation of universities in the first half of the 1830s was accompanied by a personnel reform. A number of 'antiquity chairs' at universities was headed by young philologists who had acquainted with the latest achievements of classical philology. The article focused on career paths and academic activities of professors of Greek and Latin literature.

Keywords: classical philology, Kazan University, professor

Ilina Kira Andreevna, Candidate of History, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Historical and Theoretical Research A.V. Poletaeva, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; glukist@mail.ru

Левченко В.В.

Издания трудов ученых Императорского Казанского университета в коллекции книг профессора Б.В. Варнеке: история и провениенции

В статье впервые в историографии представлена информация о комплексе печатных изданий ученых Императорского Казанского университета и их дарственных надписей на них из книжной коллекции профессора Б.В. Варнеке. Изложены сведения о владельцах изданий, подаренных ученому или приобретенных им, и авторах провениенций, выявленных на отдельных экземплярах личной библиотеки профессора.

Ключевые слова: Б.В. Варнеке, коллекция книг, Казанский университет, провениенции

В секторе редкой и ценной литературы отдела обслуживания библиотеки Государственного заведения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К.Д. Ушинского», расположенного в Одессе, представлена личная книжная коллекция профессора Казанского (1904–1910) и Новороссийского (Одесского) (1910–1920, 1937–1944) университетов Бориса Васильевича Варнеке (1874–1944) [2; 5].

Сформированная на протяжении 1890-х – 1940-х гг. коллекция, на сегодня, состоит из 1 856 единиц печатных изданий. Среди них в наличии 57 публикаций разного формата (книги, брошюры, оттиски и т.п.) ученых Императорского Казанского университета (12 – Д.И. Нагуевского, по 7 Л.К. Ильинского и М.М. Хвостова, 6 – С.П. Шестакова, 4 – П.Н. Черняева, по 3 В.К. Мальмберга и Д.П. Шестакова, по 2 В.Н. Андерсона, Ф.А. Курганова, А.М. Миронова и И.И. Ягодинского, по 1 А.С. Архангельского, А.Я. Богородского, Н.П. Загоскина, В.Ф. Смолина и К.В. Харламповича, одна публикация трех авторов – Ф.М. Флавицкого, А.Е. Арбузова, А.Я. Богородского и сборник статей в честь Д.А. Корсакова). Диапазон тематик публикаций казанских ученых в личной библиотеке Б.В. Варнеке определен его личными интересами – античной историей (43), историей русской литературы (7) и историей Императорского Казанского университета (7).

Из 57 публикаций казанских ученых в 31 печатном издании выявлены провениенции – дарственные надписи (инскрипты) их авторов в адрес Б.В. Варнеке. Автором семи инскриптов является М.М. Хвостов, шести – Д.И. Нагуевский, пяти – Л.К. Ильинский, четырех – С.П. Шестаков, по два инскрипта принадлежат перу

В.Н. Андерсона, А.Я. Богородского и А.М. Миронова, по одному – А.С. Архангельскому, В.Ф. Смолину, К.В. Харламповичу, П.Н. Черняеву, Д.П. Шестакову и И.И. Ягодинскому. Наличие большого количества дарственных надписей казанских ученых в изданиях личной библиотеки Б.В. Варнеке связано с его личным знакомством с ними в казанский период его жизни на протяжении 1904–1910 гг. Подтверждением этого, например, служит инскрипт профессора Казанского университета (1884–1908), члена-корреспондента Императорской академии наук (1904) А.С. Архангельского (1854–1926) в книге «Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (конец XV–XVII вв.)» (Казань, 1913): «Старому приятелю Борису Васильевичу Варнеке от автора».

Исключение в этом плане составляет дарственная надпись П.Н. Черняева (1863–1931) – выпускника историко-филологического факультета Императорского Казанского университета (1886) и в этом же году оставленного при университете для подготовки к профессорскому званию. Будучи в 1898 г. преподавателем древних языков Императорской Казанской 1-й гимназии, на подаренном Б.В. Варнеке оттиске статьи «Подробное обозрение изданий Теренция в связи с краткой историей изучения комедий этого автора» (Казань, 1898) П.Н. Черняев сделал дарственную надпись: «Многоуважаемому исследователю языка теренциевых комедий Борису Васильевичу Варнеке от автора на добрую память г. Казань 18.IX.98». Исходя из содержания данного инскрипта, выходит, что окончивший в июне 1898 г. Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт Б.В. Варнеке до переезда в Казань в 1904 г. был знаком с П.Н. Черняевым и получил лично от него оттиск его статьи. В последующие годы научные коммуникации между двумя молодыми учеными, скорее всего, были прерваны. Об этом свидетельствует крайне негативная рецензия П.Н. Черняева на докторскую диссертацию Б.В. Варнеке [1], опубликованная дважды – в периодическом издании [6] и брошюрой [7]. Примечательно, что изучение данного историографического нарратива не становилось объектом исследования, за исключением упоминания о нем в двух работах ростовских ученых, в которых авторы ошибочно географически идентифицируют Б.В. Варнеке по времени написания П.Н. Черняевым рецензии «одесским исследователем» [3, с. 191] и «одесским ученым» [4, с. 20]. Представителем одесского научного сообщества Б.В. Варнеке стал только в 1910 г.

Среди других выявленных нами провенансов казанских ученых в книжной коллекции Б.В. Варнеке отдельный интерес вызывает инскрипт, сделанный В.Н. Андерсоном (1885–1962) – выпускником (1904–1909) и преподавателем (1912–1918) Императорского

Казанского университета. Содержание инскрипта оставленного приват-доцентом В.Н. Андерсоном в книге «Роман Апулея и народная сказка. Т. I» (Казань, 1914) – «Многоуважаемому Борису Васильевичу Варнеке от ученика» – определяет и демонстрирует самоидентифицированный статус его автора в отношении со старшим коллегой на уровне «ученика – учителя» и раскрывает характер отношений между представителями двух поколений.

Выявленные инскрипты казанских ученых, представленные в книжной коллекции Б.В. Варнеке, являются фактом культуры, характеризующим научный и общественный быт эпохи конца XIX – начала XX в., воспроизводя ее колорит. Инскрипты дают возможность проследить определенные научные традиции в процессе развития исторической науки в Казанском университете в начале XX в., способствуют осмыслению общественных и личных связей между учеными.

Книжная коллекция Б.В. Варнеке отображает его разнообразные читательские, творческие и научные интересы, воспроизводит его коммуникативные связи с научной общественностью. Личное книжное собрание профессора представляет собой научное значение, служа показателем его научных интересов, заключая в себе подбор печатных изданий, свидетельствующих о скрупулезном и глубококом изучении занимавших его вопросов, зачастую с собственноручными заметками. Обозначенные в статье аспекты профессиональной деятельности и научного быта профессора Б.В. Варнеке заслуживают на дальнейшее комплексное исследование.

Библиография

1. Варнеке Б.В. Наблюдения над древнеримской комедией. К истории типов. Казань: Типолитография Императорского университета, 1905. 318 с.
2. Воронова Л.Я. Варнеке Борис Федорович // Русская литература в восприятии казанской интеллигенции. Учеб. пособие: хрестоматия / Под ред. Л.Я. Вороновой, М.М. Сидоровой. Казань: КФУ, 2013. С. 339-340.
3. Казаров С.С., Оболонко Н.В. Судьба профессора Черняева // Донской вестник. Год 2013-й. Ростов-на-Дону, 2012. Вып. 21. С. 190-192.
4. Титоренко Н.В. Научная и педагогическая деятельность профессора П.Н. Черняева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2019. 26 с.
5. Тункина И.В. Борис Васильевич Варнеке: Страницы биографии // Античный мир. Проблемы истории и культуры: Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 1998. С. 441-452.
6. Черняев П.Н. Обреченный на забвение труд по истории всеобщей литературы // Филологические записки. 1906. № 1. С. 1-28; № 2. С. 29-60.
7. Черняев П.Н. Обреченный на забвение труд по истории всеобщей литературы. Воронеж: Типография Т-ва Н. Кравцов и К^о, 1906. 59 с.

Левченко Валерий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, Одесский национальный морской университет, г. Одесса, Украина; levchenkolav@yandex.ua

Publications of the works of scientists of the Imperial Kazan University in the collection of books by Professor B.V. Varneke: history and events

For the first time in historiography, the article provides information about the complex of printed publications of scientists of the Imperial Kazan University and their dedicatory inscriptions on them from the book collection of Professor B.V. Varneke. Information is presented on the owners of publications donated to or acquired by the scientist, and the authors of the conventions identified on individual copies of the professor's personal library.

Keywords: B.V. Varneke, book collection, Kazan University, province

Levchenko Valerij Valer`evich, Candidate of History, Associate professor, Odessa National Maritime University, Odessa, Ukraine; levchenkolav@yandex.ua

УДК 930(092)

Мальшева С.Ю.

Историк и власть: судьба профессора И.А. Стратонова (1881–1945)

На основе неопубликованных материалов государственных архивов и архивов ФСБ рассматриваются ключевые моменты биографии профессора Казанского университета историка И.А. Стратонова, чьи принципы и убеждения на протяжении его жизни неоднократно становились причиной пристального внимания жандармского управления до революции, а позже причиной преследований вначале со стороны советской власти, а после высылки из России – со стороны нацистского режима.

Ключевые слова: университет, репрессии, высылка интеллигенции, забастовка профессоров 1922 г., нацизм, Сопrotивление

Судьба профессора Казанского университета Иринарха Аркадьевича Стратонова (1881–1945) являет яркий пример российского университета XX в., в течение жизни неоднократно оказывавшегося в ситуации противостояния с властями и отстаивавшего свои принципы, *sine die* и представления о должном.

Уже студентом Казанского университета, с 1905 г. Стратонов находился под негласным наблюдением Казанского губернского жандармского управления и допрашивался, как заподозренный в сочувствии к партии кадетов. Это не помешало ему в 1906 г. остаться при Казанском университете для приготовления к профессорскому званию по русской истории, а весной 1914 г. стать приват-доцентом. Работая с лета 1916 по лето 1918 г. в архивах российских столиц, Стратонов завязал научные и личные контакты с рядом известных ученых – например, с А.А. Кизеветтером. Эти знакомства оказали влияние на политические взгляды Стратонова: не будучи членом партии кадетов, он стал

симпатизировать их взглядам [I. Ф. 977. Оп. 619. Д. 23. Л. 442, 446 об.-448 об.; Оп. ист. ф. Д. 2070. Л. 2; Д. 2350. Л. 1; Д. 2336. Л. 5, 6, 17-18; Д. 2443. Л. 34; Д. 2451. Л. 1, 10-11].

Сочувствовавший Комучу, Стратонов не покинул Казань в сентябре 1918 г. И его карьера при советской власти складывалась успешно: доцент по кафедре русской истории с декабря 1917 г., с октября 1918 г. – профессор, в 1919 г. – декан, с августа 1920 г. – замдкана историко-филологического факультета, с 1921 г. – профессор факультета общественных наук [I. Ф. 977. Оп. 619. Д. 23. Л. 442, 449 об., 456, 472; Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 4 об.; Оп. 2. Д. 2. Л. 62].

Первый конфликт Стратонова с советскими властями был связан с вопросом экспроприации церковных ценностей. Назначенный в начале 1919 г. уполномоченным в деле охраны и разборки архивов Казанской губернии, Стратонов, активный и искренне верующий прихожанин, деятельно участвовал в борьбе за сохранение церковных сокровищ Кафедрального собора в Казани. Он обратился за помощью к московским властям и специалистам-экспертам. За это – с формулировкой «за сношения с центральной властью» – в апреле 1919 г. был арестован Казанской губЧК. Через два дня его отпустили, но профессор нажил себе врагов в ЧК, позже – Татотделе ГПУ [I. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 19; Оп. 1. Д. 58. Л. 1-5 об.].

Вскоре Стратонов вновь вступает в противодействие с властью – в качестве одного из организаторов «казанской забастовки» профессор университета в январе 1922 г. [2, с. 48-70]. В ночь с 1 на 2 августа 1922 г. Стратонов был арестован. Ему инкриминировалась принадлежность к партии кадетов, роль инициатора в выступлении профессуры и студенчества против реформы высшей школы, а также активное противодействие изъятию церковных ценностей и связи с высшим духовенством, с патриархом Тихоном. Татполитотдел ГПУ 12 августа 1922 г. постановил отправить Стратонова в Москву, в секретный отдел ГПУ. После двухнедельного заключения в Казанской пересыльной тюрьме, 27 августа его отправили в Москву. Там на допросе Стратонов опять настаивал на своей лояльности к советской власти, но подчеркивал, что задачами интеллигенции является охрана культурных ценностей, а вопросы преподавания правильнее решать в факультетских собраниях. Виновным себя не признал. 5 сентября ГПУ постановило, а 8 сентября Коллегия ГПУ подтвердила решение выслать Стратонова из пределов РСФСР бессрочно [И. Д. 2-20128. Л. 23-101].

В сентябре 1922 г. профессор И.А. Стратонов в последний раз навестил Казань и простился с родными. В конце сентября он был выслан из России в Германию. Сына и жену Стратонов больше не увидел. Но в 1932 г. его навестила дочь Лидия, двумя годами

раньше вышедшая замуж за немца Карла Кирхнера, скорняка, работавшего в Казани. В 1935 г. они с мужем выехали в Германию, жили в Шкюйдице под Лейпцигом, а в 1939 перебрались в Берлин. Судьба Лидии сложилась драматично [см.: 1, с. 179-182].

В Берлине Стратонов продолжил свою научную деятельность. Читал публичные лекции в созданном эмигрантами в Берлине Русском научном институте. Издал несколько крупных трудов по истории русской православной церкви. После прихода к власти в Германии нацистов и закрытия ряда учреждений русской эмиграции Стратонов работал управляющим у состоятельной русской эмигрантки Марии Семеновны Кадаказ, урожденной Араловой. Однако в ноябре 1938 г. он был арестован органами гестапо по подозрению в шпионаже в пользу СССР, семь месяцев провел в тюрьме. Поводом для подозрений стало упорное сохранение Стратоновым советского паспорта и категорический отказ принимать немецкое подданство. Уговоры вызванной гестапо в Берлин дочери – отказаться от советского и принять немецкое гражданство, прекратить посещения православной церкви – не подействовали. И в конце мая 1939 г. гестапо отпустило Стратонова, предварительно взяв с него подписку о том, что он покинет Германию [II. Д. 2-21420. Л. 13-19, 109-110]. Злая ирония судьбы: высланный под подписку из СССР за «антисоветскую деятельность», он снова высылается – теперь из Германии, – за излишнюю преданность той стране, откуда его выдворили 17 лет назад.

В июне 1939 г. Иринарх Аркадьевич выехал во Францию. Читал лекции, был активным прихожанином патриаршей церкви. В оккупированном Париже Стратонов вновь был арестован органами гестапо в 1942 г. Теперь его обвиняли не только в сохранении советского паспорта, но и в помощи советским пленным: староста патриарших приходов Парижа, профессор Стратонов организовывал сбор денег, одежды, лекарств для пленных соотечественников. Он был отправлен в концентрационный лагерь и погиб там, видимо, весной 1945 г.: последнее письмо от отца из концлагеря г. Раненбурга дочь получила в марте 1945 г. 22 мая 1996 г. заключением прокуратуры РТ профессор И.А. Стратонов был реабилитирован [II. Д. 2-21420. Л. 13, 19, 104].

Библиография

- I. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 977; Р-1337.
- II. Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-20128.

1. Малышева С.Ю. Жизнь историка И.А. Стратонова в России и за границей // Археографический ежегодник за 2002 год. М.: Наука, 2004. С. 166-182.
2. Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы. Научно-популярные очерки. Казань: Таткнигоиздат, 1996. 285 с.

Мальшиева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Historian and power: the fate of Professor I.A. Stratonov (1881–1945)

On the basis of unpublished materials of the state archives and archives of the FSB, the key moments of the biography of the professor of Kazan University, historian I.A. Stratonov are considered, whose principles and beliefs throughout his life repeatedly caused the close attention of the gendarme administration before the revolution, and after expulsion from Russia – by the Nazi regime.

Keywords: university, repression, expulsion of intellectuals, professors strike in 1922, nazism, Resistance

Malysheva Svetlana Yurevna, Doctor of history, Professor; Kazan Federal University, Kazan, Russia; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

УДК 930.1"19"

Руденко К.А.

Трансформация мировоззрения и научных концепций казанских историков и археологов в переломный период истории: 1917 – 1930 гг.

Автором рассматриваются проблемы изменения концептуальных и мировоззренческих оснований в научной деятельности казанских ученых в переломный период истории – первом десятилетии после революций 1917 г. Рассматриваются перемены которые происходили во взглядах ученых, занимавшихся средневековой историей и археологией. Утверждается, что тематика исторических и археологических исследований становится тесно связанной с политикой.

Ключевые слова: ТАССР, археология, Казань, Общество археологии, истории и этнографии, В.Ф. Смолин, Д.И. Иловайский, М.Г. Худяков, волжские булгары

Революционные события 1917 г. не только изменили экономический и политический строй Российской империи, но и коренным образом преломили общественное сознание, заставили пересмотреть взгляды на жизнь и окружающий мир, в том числе и на то пространство чистой науки, в которое были погружены ученые-исследователи.

Научная жизнь Казани, сосредоточенная до 1917 г. в университете, в Казанской Духовной академии, а для ученых-гуманитариев еще в нескольких научно-краеведческих обществах самым крупным из которых было ОАИЭ [7], в первые послереволюционные годы в целом изменилась мало. Если не считать отъезда многих профессоров и студентов в период гражданской войны вместе

с отступавшими войсками Белой армии, то сильного изменения как в кадрах, так и в научных направлениях не случилось. Более того, в регионе в начале 1920-х гг. существенно усилилась общественная активность именно в области краеведческих изысканий.

Тем не менее перемены в обществе и в общественном сознании существенно сдвинули научные приоритеты даже в тех областях, которые до того были практически вне политики. Это касается археологии. Большая часть ученых интересовавшихся этой наукой до революций 1917 г. были членами ОАИЭ [6, с. 46-47], а часть с 1917 г. по 1921 г. преподавала в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте [5, с. 359-361].

Спектр научных археологических проблем, которые в той или иной степени затрагивались как учеными, занимавшимися археологическими изысканиями (к слову сказать, ни один из них не был профессиональным археологом), так и краеведами был достаточно широк: от каменного века и до позднего средневековья. Традиционным был интерес к средневековой эпохе, центром притяжения внимания в этом отношении были Булгарское и Билярское городища, крупнейшие в регионе. Сопутствующие исторические штудии, как ни странно, почти не развивались, если не считать опубликованного во второй половине XIX в., историко-археологического очерка казанской коллекционера А.Ф. Лихачева [4].

Ситуация изменилась в 1920-е гг. Создание автономии татар на Средней Волге (ТАССР), политика коренизации, активизация националистической татарской интеллигенции актуализировала прежде всего средневековую тематику, выдвинув две разнящиеся версии этногенеза казанских татар: болгаро-татарскую и тюрко-татарскую-золотоордынскую. Удивительно, но эти, казалось бы, сугубо научные сюжеты активно использовались в политической борьбе по сути, перейдя из сферы общественного обсуждения в область партийно-большевистского дискурса.

Русскоязычная часть научного сообщества по-разному реагировала на происходящее. Традиционное исследование волжско-булгарских древностей в историческом контексте как часть славистики, имевшее более чем 200-летнюю историографическую традицию было отвергнуто, как, собственно, и само это направление в научной среде Казани ушло на второй план, что видно по личной переписке 1917-1924 гг. казанских ученых [2]. Вместо этого были поддержаны ранее критиковавшиеся гипотезы тюрко-угорского-финского происхождения волжских булгар, против которых аргументированно выступали исследователи русской истории [3, с. 227-234]. В первой половине 1920-х гг. о тюркском происхождении волжских булгар писал историк, проф. Казанского университета Н.Н. Фирсов [10].

Обзор гипотез о происхождении волжских булгар в 1921 г. сделал археолог, проф. В.Ф. Смолин [8] но без особых комментариев. В другой книге он заметил, что археологически средневековая эпоха Среднего Поволжья изучена очень слабо [9]. Как бы в контексте этого, но видимо не случайно, повторно публикует свою статью о болгарских древностях и археолог-любитель Н.Ф. Высоцкий [1]. В целом, такая позиция исследователей отражала попытку русскоязычной части ученых-историков найти компромисс в условиях новых идеологических реалий, касавшихся прежде всего, установленной Советской властью протекционистской политики в отношении нерусских народов Поволжья.

Наиболее радикальным в эволюции своих взглядов оказался молодой историк и археолог М.Г. Худяков, который сначала активно поддерживал позицию коллег дореволюционной школы, а затем подверг их жестокой, радикальной критике, используя весь арсенал пропагандистских средств и штампов, характерных для большевистской публицистики 1920 – 1930-х гг. [11], пойдя по пути политической конъюнктуры. Связь политики и науки еще более актуализировалась в 1930-е гг.

Библиография

1. Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о древностях Волжской Булгарии // Известия ОАИЭ. Казань, 1908. Т. XXIV, вып. 4. С. 340–351.
2. И это все пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.) / науч. ред. К.А. Руденко. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2012. 264 с.
3. Иловайский Д.И. Начало Руси («Розыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю»). М.: ООО «Изд-во Олимп; Изд-во «АСТ», 2002. 629 с.
4. Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Тр. II Археол. съезда. СПб., 1876. С. 1–50 (Вып. 1).
5. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. 768 с.
6. Руденко К.А. Роль Общества археологии, истории этнографии при Казанском Императорском университете в становлении профессиональной археологии Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. (по материалам личной переписки членов ОАИЭ) // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов Международной научной конференции / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН, 2015. С. 46–47.
7. Сидорова И.Б. Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы). Часть 1. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова, 2014. 264 с.
8. Смолин В.Ф. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар (Разбор главнейших теорий). Казань: Чувашское отделение Гос. изд-ва, Казанское подотделение, 1921. 56 с.
9. Смолин В.Ф. Археологический очерк Татареспублики. Казань: 2-я Гостип. комб. изд. и печати «Восток», 1925. 70 с.
10. Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии: (Краткий науч.-попул. историч. очерк). Казань: Акад. центр Татнаркомпроа, 1926. 45 с.

11. Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ГАИМК. 1933. 162 с. (Библиотека ГАИМК. № 13).

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Россия; *murziha@mail.ru*

Transformation of the worldwide and scientific concepts of Kazan historians and archaeologists in the turning period of history: 1917 – 1930

The author examines the problems of changing the conceptual and worldview foundations in the scientific activity of Kazan scientists in the critical period of history – the first decade after the revolutions of 1917. The changes that took place in the views of scientists involved in medieval history and archeology are examined. It is argued that the subject matter of historical and archaeological research is becoming closely related to politics.

Keywords: TASSR, archeology, Kazan, Society of Archeology, History and Ethnography, V.F. Smolin, D.I. Ilovaisky, M.G. Khudyakov, Volga Bulgars

Rudenko Konstantin Aleksandrovich, Doctor of history, Professor, Kazan State University of Culture, Kazan; *murziha@mail.ru*

УДК 94(47+57) "19"

Сальникова А.А.

«Детское пространство» провинциального российского города в воспоминаниях В.И. Адо

Внимание сосредоточено на детских и отроческих годах казанского историка В.И. Адо (1905–1995), которые «вписаны» в его автобиографических «Воспоминаниях о прошлом» (2000) в городской пространственный контекст, создающий нарративный фон повествования и формирующий пространственную модель организации текста.

Ключевые слова: автобиографический нарратив, история детства, детское пространство, провинциальный город, позднеимперская / раннесоветская Россия.

У каждой возрастной группы городского населения есть «свой» город. Под «детским» городским пространством я подразумеваю систему локусов, создаваемых детьми и для детей, освоенных и присвоенных детьми [3]. Память о «детском» пространстве обычно является очень прочной, что находит свое отражение в автобиографических нарративах. Одним из ярких примеров таких воспоминаний являются «Воспоминания о прошлом» казанского историка В.И. Адо (1905–1995). Эти воспоминания были написаны задолго до их публикации, фактически «в стол», а опубликованы уже постморти, в 2000 году [2, с. 32–33].

«Я родился в Казани 23 февраля 1905 года (по новому стилю), и вся моя жизнь протекала в этом городе, за исключением военных лет первой половины 40-х годов», – пишет В.И. Адо [1, № 7, с. 37]. Отец Василия, статский советник, был достаточно крупным по меркам тогдашней Казани чиновником: он возглавлял Казанское пробирное управление, а впоследствии основал Казанскую палату мер и весов. Поэтому до 1917 г. семья проживала в наиболее престижной, «дворянской» части города, на Ново-Горшечной (ныне ул. Бутлерова), вначале в доме Васильевых, затем в доме Александрова.

Дом, квартира – это первоначальный и основной топос «детского» пространства. Казенная квартира управляющего располагалась рядом с Пробирным управлением. Ребенку хорошо запомнился рабочий кабинет отца, общее расположение комнат в квартире, обстановка гостиной и столовой – типичный образец повседневного дворянского быта и уюта [1, № 7, с. 42-43].

Много времени ребенок проводил в саду и во дворе. И если домашнее пространство было «одушевлено» родителями, братьями, сестрами, прислугой, докторами и «визитерами родительского круга», то дворовое пространство «насеяли» совершенно «другие» люди: отставной генерал-майор царской армии в форменной шинели и фуражке с красным околышем, три сестры, содержавшие частную публичную библиотеку. Лучшим другом мальчика стал дворник Николай, которому он «помогал» убирать снег детской лопаткой, а тот катал Васю на санях и строил ему ледяную гору.

Представители «улицы» редко нарушали частное жилое пространство семьи Адо. Это была так называемая «бытовая» обслуга – стекольщики, точильщики, угольщики, старьевщики, почтальон, швейцар, прачка, которых и принимали по-разному – почтальона «через парадную дверь в передней», а швейцара и дворника – «через черный ход на кухне» [1, № 7, с. 48]. Такой безликой «обслуга», кроме дворника Николая, в памяти дворянского мальчика и осталась.

По мере взросления шло освоение ребенком и публичного городского пространства: частые прогулки в «аристократических» Лядском и Державинском садах и редкие – в относительно «демократичном» парке «Черное озеро», посещения оперного театра, обучение танцам в Дворянском собрании, выезд летом в дачный поселок Красная Горка (ныне Юдино).

Таким образом, воспоминания В.И. Адо еще раз подтверждают тот непреложный факт, что и частное, и публичное «детское» пространство имперского российского города было нормализовано, социально стратифицировано и отчетливо сегрегировано. У маленького Васи оно было таким же, как у других представителей «его круга». Помимо

социальной, в мемуарах отчетливо прослеживаются черты этнической сегрегации: мемуарист жил в «русской» части города и никогда не был в «татарской» Казани. Показательно, что при описании детских и отроческих лет он не называет ни одного татарского имени.

Принцип иерархизации пространств был соблюден и при выборе учебного заведения для обучения мальчика. В 1915 г. Василий стал учеником Казанской третьей мужской гимназии, бывшей «в значительной мере интеллигентско-служилой» [1, № 7, с. 53].

Огромным достоинством воспоминаний В.И. Адо являются наблюдения, фиксирующие изменения городского пространства Казани периода Первой мировой войны, революции 1917 г. и последовавших за этим событий. Маркеры, обозначившие новую «военную» действительность, немногочисленны, но символичны: очереди за хлебом и мясом, раненные солдаты и офицеры на улицах, появление военных госпиталей [1, № 7, с. 59-60]. Гораздо подробнее показана в мемуарах трансформация пространства города в Феврале и Октябре 1917 г. Конец Февраля – начало марта – это толпы ликующих людей с красными бантами на груди, исчезновение привычной фигуры полицейского, стоявшего на перекрестке, снятие царского портрета в актовом зале гимназии [1, № 8, с. 40-41]. Вооруженное восстание 24–25 октября в Казани – это артиллерийская пальба, снаряды, разорвавшиеся у дома, расстрелянный генерал на мостовой и пустынные городские улицы [1, № 8, с. 44].

Захват Казани белочехами 6 августа и восстановление советской власти 10 сентября 1918 г. вновь ознаменовались обстрелами, а позднее процессом «уплотнения» «буржуазно-дворянского элемента»: после ликвидации Пробринного управления осенью 1919 г. семья переезжает в маленькую квартиру вначале на ул. Бутлерова, затем на 1-я Академическую (ныне ул. Вишневского), куда не могло вместиться все имущество – многое было брошено, а остальное потихоньку распродавалось [1, № 8, с. 47-48].

Реформировано было и школьное пространство: в соответствии с «Положением о единой трудовой школе» от 16 октября 1918 г. Третья мужская гимназия была слита с частной женской Котовской гимназией, переведена в ее здание и преобразована в советскую трудовую школу II ступени № 3 [1, № 8, с. 49].

Топография обитания мальчика не изменилась: он продолжал жить и учиться все в том же дворянском центре, но сам этот центр быстро менялся. Лучшие дома были заняты новыми советскими учреждениями. Так, рядом со школой, где учился Василий, обособилось Губчека. В этом обновляемом советской властью пространстве было «холодно и голодно» [1, № 8, с. 52]. Детство и отрочество заканчивались: впереди была новая советская жизнь.

Как известно, мемуары историка – это, по существу, историографический продукт, созданный исследователем-профессионалом. В них подчас весьма незначительное место уделяется описанию частного, интимного, включая детские годы. Эта тенденция была очень характерна для советского периода, когда воспоминания о детстве нередко излагались вскользь или отсутствовали совсем в силу своей мнимой незначительности (или социальной чуждости). Авторами их были люди, сформированные в советское время и советским временем. Мемуары В.И. Адо разительно отличаются от таких воспоминаний: описание города детства не только создает здесь некий нарративный фон автобиографического повествования, но и формирует саму пространственную организацию текста. Детские пространственные представления оказываются весьма значимыми и для построения целостной и последовательной линии жизни, и для полноценной репрезентации такой временной модальности, как прошлое.

Библиография

1. Адо В.И. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань: Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. 2000. № 7. С. 34-60; № 8. С. 40-59; № 9. С. 41-54; № 10. С. 95-111; № 11. С. 97-108; № 12. С. 112-120.
2. Королев В.С., Мягков Г.П. Данная Богом высокая честь // Казань: Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. 2000. № 7. С. 32–34.
3. Salnikova Alla, Khamitova Zhanna. School architecture as a way of promotion of Soviet identity in the 1930s' Stalinist Russia // History of Education & Children's Literature (HECL). 2015. Vol. X. № 1. P. 177-194.

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; Alla.Salnikova@kpfu.ru

"Children's space" of a provincial Russian city in the memoirs of V.I. Ado

The object of research are the childhood and adolescence of the Kazan historian V.I. Ado (1905–1995), which are «inscribed» in his autobiographical «Memories of the Past» (2000) in the urban spatial context. It creates a narrative background of the autobiographical text and forms a special spatial model of its organization.

Keywords: autobiographical narrative, children's history, children's space, provincial town, late Imperial / early Soviet Russia

Sal`nikova Alla Arkad`evna, Doctor of history, Professor; Kazan Federal University, Kazan, Russia; Alla.Salnikova@kpfu.ru

Сидорова И.Б.

Зарубежные периодические издания в библиотеке Музея искусств и древностей Казанского университета

В статье впервые показан основной спектр зарубежных журналов, собранных в библиотеке Музея древностей и искусств за 1870-е – 1910-е годы, в том числе изданных археологическими объединениями Германии, Франции, Италии, а также ведущих европейскими учёными-искусствоведами.

Ключевые слова: музей, искусство, древности, археология, Казанский университет

Библиотека Музея искусств и древностей Казанского университета признавалась одной из лучших специализированных библиотек провинциальной России, но была утрачена вслед за ликвидацией последнего гуманитарного факультета в 1922 году. Когда её вернули обратно, она оказалась не востребованной даже после восстановления историко-филологического факультета.

История искусств очень долго не преподавалась, и соответствующее научное направление отсутствовало. В конце XX – начале XXI века, когда ситуация изменилась к лучшему, возник интерес к зарождению искусствоведения в Казани, а вместе с тем к Музею искусств и древностей [1; 3]. Его библиотечное собрание выяснено в общих чертах: способы комплектования, финансирование, динамика роста, тематическая структура [2]. Значительную долю в нем составляли периодические и продолжающиеся (серийные) издания. Так, в отчёте за 1899 год указывалось: «...Библиотека музея увеличилась на 31 название и 25 продолжений журналов и периодических учёных изданий в количестве 103 томов, стоимостью в 1189 руб. 35 коп.»¹. Большинство поступлений было на иностранных языках. Выяснить, какие это были журналы, и кто их издавал – цель данной статьи. Главным источником служат каталоги библиотеки Музея искусств и древностей – печатный 1901 года² и два рукописных³.

¹ Отчёт о состоянии ИКУ за 1899 год // Годичный акт в ИКУ 5 ноября 1900 года. Казань, 1900. С. 38.

² Каталог библиотеки Музея искусств и древностей при Императорском Казанском университете. Казань, 1901. 115 с.

³ Дополнение к печатному каталогу библиотеки Музея искусств. – НБ КФУ. ОРПК. № 2541; Документальный каталог библиотеки Музея древностей и искусств (далее – ДКБ). – НБ КФУ. ОРПК. № 2541-1; № 2541-2.

При первоначальной систематизации периодики все издания были разделены на две группы: 1) печатные органы каких-либо объединений; 2) самостоятельные издания. В первой группе абсолютное большинство составили археологические общества, школы, институты и несколько объединений археологов и художников, что не удивительно, ибо археология считалась самой близкой и родственной дисциплиной для истории искусства:

- Институт археологической корреспонденции в Риме¹.
- Императорский Немецкий археологический институт в Берлине².
- Отделения Немецкого археологического института в Афинах и Риме³.
- «Французские школы» в Афинах и в Риме⁴.
- Ассоциация поощрения греческих исследований во Франции⁵.
- Австрийский археологический институт⁶.
- Итальянская «Королевская Академия Линчеев»⁷.
- Археологическое общество в Афинах⁸.
- Французская Академия надписей и изящной словесности⁹.
- Французское общество археологии¹⁰.
- Французский «Комитет художников и археологов»¹¹.

¹ Annali dell' Instituto di corrispondenza archeologica; Monumenti dell' Instituto di corrispondenza archeologica Roma. (ДКБ. № 197. 1842, 1875, 1878–1885).

² Archäologische Zeitung. Hrsg. Archäologisches Institut des Deutschen Reich. Red. Dr. Max Fränkel. Jahrgang. Berlin. (ДКБ. № 188. 1879–1885); Antike Denkmäler herausgeg. v. Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut. Berlin. (ДКБ. № 177, 1899–1901, 1909–1913); Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. Max Fränkel. Berlin. (ДКБ. № 191. 1886–1900, 1910–1913).

³ Mitteilungen der Kaiser Deutschen Archäologischen Instituts in Athen. (ДКБ. № 187. 1879–1912); Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. Romische Abtheilung. (ДКБ. № 189. 1887–1913).

⁴ Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. Paris. (ДКБ. № 469. 1877–1893); Mélanges d'archéologie et d'histoire. École Française de Rome. Paris. (ДКБ. № 431. 1881–1913); Bulletin de correspondance hellénique. Paris (ДКБ. № 1426. 1881–1895, 1912–1913).

⁵ Revue des études grecques publiée par l'Association pour l'encouragement des études grecques. Paris, Ernest Leroux (ДКБ. № 410. 1891–1911).

⁶ Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich-Ungarn. Herausg. V.A. Conze, Hirschfeld, E. Bormann u. Bendorf. I–XX. Wien, (ДКБ. № 287. 1877–1897); Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts in Wien. (ДКБ. № 925. 1898–1913).

⁷ Monumenti antichi pubblicati per cura della Reale Accademia Dei Lincei. Milano (ДКБ. № 284. 1890–1902).

⁸ Εφημερίς αρχαιολογική (ДКБ. № 193. 1883–1912); Πρακτικά της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρίας. (ДКБ. № 353. 1887–1906, 1912–1913).

⁹ Académie des inscriptions et belles-lettres (ДКБ. № 196. 1880–1884); Monuments et mémoires publiés par l'Académie des inscriptions et belles-lettres [de la Fondation Eugène Piot] sous la direction de G. Perrot et R. de Lasteyrie. Paris. (ДКБ. № 780. 1894–1901).

¹⁰ Bulletin Monumental, publié sous les auspices de la Société Française. Paris. (ДКБ. № 790. 1834–1899).

¹¹ Revue de l'art chrétien, publiée sous la direction d'un Comité l'artistes et d'archéologues. V. 8–10. Paris. (ДКБ. № 7. 1897–1899).

– Итальянское общество археологии и истории искусства¹.

Вторая группа – это журналы, не связанные с какими-либо учреждениями. Самыми первыми в каталоге были учтены «Ежегодники по искусствоведению» под редакцией Альберта фон Цана² и «Журнал по изобразительному искусству» Карла фон Лютцова³, поступившие ещё в бытность Музея этнографии, древностей и изящных искусств» (1870–1886 гг.). Одно из старейших европейских изданий – «La Revue Archéologique» под редакцией Жоржа Перро и Саломона Рейнаха – приходило в казанский музей с 1870 по 1917 гг.⁴ Со второй половины 1870-х годов и до 1914 года поступал «Справочник по истории искусств» под редакцией Г. Яничека, Г. Тоде, Г. фон Чуди и др.⁵ 1870-е годы представлены журналом «Испанский музей антиквариата» Хуана Диаса де ла Рада и Дельгадо⁶ и продолжены «Бюллетенем христианской археологии» Джованни Баттиста де Росси⁷. К 1880-м годам и далее вплоть до 1914 года относится поступление «Римского ежеквартального журнала христианских древностей и церковной истории» под редакцией Антона де Вааля⁸. К 1890-м и последующим годам – журнала по византистике Карла Крумбахера⁹, по искусству – Адольфо Вентури и Доменико Гноли¹⁰, по христианской археологии Орацио Маруччи¹¹; в 1900–

¹ Ausonia. Rivista della Società Italiana di Archeologia e storia dell' arte. Roma. (ДКБ. № 1388. 1910–1912).

² Jahrbücher für Kunstwissenschaft. Hrsg. von d-r A. von Zahn. Leipzig. (ДКБ. № 1. 1871–1873).

³ Zeitschrift für Bildende Kunst. Mit dem Beiblatt Kunst-Chronik Herausg. von Prof. d-r Carl von Lützow. Leipzig. (ДКБ. № 2. 1871–1876).

⁴ Revue Archeologique. Publiée sous la direction de G. Perrot et S. Reinach. Paris, edit.: Ernest Leroux. (ДКБ. № 22. 1870–1873, 1879–1917).

⁵ Repertorium für Kunstwissenschaft. Redigirt F. Schestag, H. Janitschek, A. Woltmann, H. Thode, H. Tschudi. Stuttgart, Berlin. (ДКБ. № 841. 1876–1914).

⁶ Museo Español de Antigüedades: bajo la dirección del doctor Don Juan de Dios de la Rada y Delgado. (ДКБ. № 678. 1872–1880).

⁷ Bullettino di Archeologia Cristiana del commendatore Giovanni Battista de Rossi. Roma. (ДКБ. № 198. 1879–1894).

⁸ Römische Quartalschrift für Christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. Hrsg. v. De Waal. Rom. (ДКБ. № 470. 1887–1914).

⁹ Byzantinische Zeitschrift. Hrsg. von prof. Karl Krumbacher. Leipzig. (ДКБ. № 432. 1892–1913); Byzantinisches Archiv. Hrsg. von prof. Karl Krumbacher. Leipzig. (ДКБ. № 432. 1898–1910).

¹⁰ L'Arte (già Archivio Storico dell'arte). Diretta da Adolfo Venturi e Domenico Gnoli. Roma. (ДКБ. № ? 1898, 1899).

¹¹ Nuovo bullettino di archeologia cristiana: ufficiale per i resoconti della Commissione di Archeologia Sacra sugli Scavi e su le Scoperte nelle Catacombe Romane. Publ. da M.S. De Rossi, M. Armellini, O. Marucchi, E Stevenson. Direttore special O. Marucchi. Roma. (ДКБ. № 198. 1895–1913).

1910-е годы – по христианскому искусству Александра Шнютгена¹, по искусствоведению Георга Бирманна², Теодора Рейнаха³, Армана Дайо⁴ и др. Можно сказать, что хронология и география истории искусства были представлены весьма широко, что соответствовало интересам кафедр теории и истории искусств, всеобщей истории и классической филологии. Изучение библиотеки Музея искусств и древностей расширяет представление о возможностях научно-исследовательской и учебной работы на историко-филологическом факультете Казанского университета в конце XIX – начале XX вв., а также свидетельствует о богатстве фондов современной Научной библиотеки КФУ.

Библиография

1. Ключевская Е.П. Изящные искусства в Казанском университете. Казань, 2008. 125 с.
2. Сидорова И.Б. Создание библиотеки Музея искусств и древностей в Казанском университете (конец XIX – начало XX вв.): предпосылки и результаты // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: Сб. науч. статей / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 185-193.
3. Сыченкова Л.А. Основатели Музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии. 2012. № 1. С. 98-112.

Сидорова Ирина Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, г. Казань; irina-sidorova005@yandex.ru

Foreign periodicals in the library of the Museum of Arts and Antiquities of the Kazan University

The article first shows the main range of foreign magazines collected in the library of the Museum of Antiquities and Arts for the 1870s – 1910s, including those published by archaeological associations of Germany, France, Italy, as well as leading European art scholars.

Keywords: museum, art, antiquities, archeology, Kazan University

Sidorova Irina Borisovna, Candidate of History, Associate professor, Kazan, Russia; irina-sidorova005@yandex.ru

¹ Zeitschrift für christliche Kunst. Hrsg. v. Alexander Schnütgen. Düsseldorf. (ДКБ, № 795. 1901–1913).

² Monatschefter Für Kunstwissenschaft. Herausg. v. G. Biermann. Leipzig. (ДКБ, № 1420. 1911-1914); Der Cicerone: Halbmonatsschrift für die Interessen des Kunstforschers & Sammlers. Herausg. G. Biermann. Leipzig (ДКБ, № 1422. 1911–1914).

³ Gazette des beaux-arts. Paris. (ДКБ, № 1303. 1910–1914); La chronique des arts et de curiosité. Suppléments à la „Gazette des beaux-arts“. Paris. (ДКБ, № 1301. 1910–1913).

⁴ L'Art et les Artistes. Revue des arts ancien et modern des deux mondes). Directeur-fondateur Armand Dayot Paris. (ДКБ, № 1312. 1910–1914).

Усманова Д.М.

**Казанский физик, друг Эйнштейна:
Клемент Хорват в Берлинском университете
(первая треть XX в.)**

В статье рассматриваются малоизвестные страницы биографии Клемента Хорвата – одного из трех представителей научной династии Хорватов, оставивших свой след в истории Казани и Казанского университета. Жизненный путь и профессиональная карьера Клемента Алексеевича Хорвата (1884–1940) тесно связаны с Казанским университетом, ставшей для него *Alma-mater*, а также с рядом ведущих научных центров Германии, где он получил научное признание как ученый. На его персональную судьбу сильное влияние оказали политические катаклизмы, происходившие в России и Европе в первой трети XX столетия. Встретив Первую мировую войну в Германии, где К.А. Хорват собирал материалы для докторской диссертации, он уже не смог вернуться на родину и закончил жизненный путь в немецкой столице. Здесь же произошло его знакомство с Альбертом Эйнштейном, с которым К. Хорвата связывали профессиональные отношения и личная дружба.

Ключевые слова: Клемент Алексеевич Хорват, Казанский университет, Берлинский университет, революция, научная династия

В данной статье речь пойдет о Клементе Алексеевиче Хорвате, одном из трех представителей семьи казанских ученых, чья творческая судьба тесно связана, с одной стороны, с Казанским императорским университетом, а с другой – рядом европейских научных институций. Вероятно, в истории каждого университета есть династии ученых, чьи профессиональная деятельность и громкое научное имя составляют славную страницу и предмет гордости данного института. Однако в ряде случаев научная и личная судьба ученого, в силу ряда факторов объективного и субъективного свойства, оказываются не столь безоблачной и линейной.

Жизненный путь и творческое наследие трех представителей династии Хорватов – Алексея Николаевича и его сыновей Клемента и Артемия Алексеевича – сложилась по-разному. В случае с профессором А.Н. Хорватом неуживчивый характер и склонность к конфликтам имели негативные последствия и привели к вынужденному оставлению профессуры в Казанском императорском университете. На судьбу представителей второго поколения семьи – А.А. и К.А. Хорватов – определяющее влияние оказала Октябрьская революция. Очевидно, что циркуляция и перемещение научных кадров, а также связанный с ним трансфер научных идей, представляются объективным и положительным явлением для развития научных идей. Однако в случае с персональными судьбами

представителей клана Хорват политические события, происходившие в стране, оказали свое явно негативное воздействие. В итоге революционных потрясений Казанский университет лишился как многих признанных ученых, так и ряда подававших большие надежды молодых специалистов, чья вполне успешная научная карьера в полной мере проявились уже вне стен родного университета. Среди целой группы блестящих ученых, вынужденно покинувших университет, были и представители младшего поколения семьи Хорват, которые со временем могли занять свое достойное место в плеяде выдающихся представителей своей Alma-mater.

Следует сказать, что биография *Алексея Николаевича Хорвата* (1836 – после 1912), с 1883 по 1896 гг. являвшегося профессором медицины по кафедре общей патологии Казанского императорского университета, отчасти отражена в доступной научной литературе, включая и мои собственные работы [10, с. 38-45]. Также имеется ряд работ с биографическими сведениями и подробной информацией о научном вкладе *Артемия Алексеевича Хорвата* (1886–1979), уже в Америке ставшего признанным биохимиком и агрономом, специалистом по соевым и бобовым культурам, одним из пионеров в области производства соевых культур в США [1]. Конечно, эта информация, изложенная в ряде англоязычных сборников, на родине ученого известна гораздо в меньшей степени. Однако рамки данной небольшой публикации не позволяют охватить судьбы всех трех представителей этой научной династии, поскольку каждая из биографий достойна отдельного эссе.

Поэтому в данном небольшом очерке я вынуждена ограничиться описанием научной биографии К.А. Хорвата, чье имя и творческое наследие в силу ряда причин оказались на долгие годы вычеркнуты из истории Казанского университета. Как уже было отмечено, о его судьбе и творческом наследии известно довольно мало. Даже в моей собственной работе [10, с. 45] были допущены фактически неточности относительно даты и места смерти К.А. Хорвата, исправить которые в том числе призван данный очерк.

Клемент (иногда *Климент*, *Клементий* или *Клеменс*) **Алексеевич Хорват** (16.05.1884, Казань – 1.12.1940, Берлин) родился в Казани и был старшим сыном в семье университетского профессора [5]. Поэтому неудивительно, что для получения высшего образования он избрал Казанский университет: в 1900–1904 гг. К.А. Хорват обучался на математическом отделении физико-математического факультета. Первый год, как выпускник реального училища, он числился вольнослушателем, а после сдачи в 1901 г. соответствующих экзаменов и получения гимназического аттестата, перешел в статус студента. Уже в студенческие годы К.А. Хорват обратил

на себя внимание университетских профессоров своими способностями и трудолюбием [6, л. 9]. Поэтому после окончания университетского курса с дипломом 1-й степени он был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. В 1910 г., после защиты магистерской диссертации, был удостоен звания приват-доцента. С 1906 г. Клемент Алексеевич преподавал физику и математику в Казанском учительском институте и в 3-й мужской гимназии, а с 1911 г. и вплоть до весны 1914 г. – теоретическую физику в Казанском университете [6; 7; 8].

Одновременно К.А. Хорват совершенствовал научную квалификацию в ведущих немецких университетах. Летние семестры 1907 и 1911 гг. он провел в Геттингене, где слушал лекции и посещал практические занятия таких немецких профессоров и преподавателей, как Voigt, Riecke, Simon, Prandtl, Coehn, Wiechert, Zigmondy. В 1912 г. один семестр находился в Берлине, а в 1913 г. – в Гейдельберге и Лейдене (Голландия) [3]. Частые поездки в Германию не были случайностью. В свое время его отец Алексей Алексеевич Хорват провел более 13 лет в Европе [10]. Вероятно, полагали они, опыт общения с европейскими коллегами будет способствовать профессиональному росту как физика-теоретика. Следует упомянуть еще одно обстоятельство: в семье было три равноценных языка общения – русский, немецкий и английский. Последние два языка были родными для его матери Теофилии Хорват, слабо владевшей русским языком. По свидетельству племянницы, Клемент свободно владел восьмью языками [1, с. 51]. Поэтому выбор для повышения квалификации Германии и немецких университетов, бесспорно, в то время ведущих научных центров в области фундаментальной физики, был вполне логичным.

В апреле 1914 г. Клемент был командирован Министерством народного просвещения на два года в Германию с научной целью подготовки докторской диссертации. С весны до ноября 1914 г. находился в Лейпциге. Вследствие начала Мировой войны, как российский подданный (т.е. поданный вражеской страны), был вынужден на некоторое время прервать свои научные изыскания. С декабря 1915 г. и по октябрь 1917 г. состоял ассистентом профессора Дюбуа (Du Bois), а затем до начала 1919 г. – ассистентом в Техническом институте в Шарлоттенбурге (Берлин). В течение четырех лет проживания в немецкой столице Клемент Хорват был учеником и поддерживал активные научные контакты с выдающимися физиками, профессорами Берлинского университета Альбертом Эйнштейном, Максом Планком и Эмилем Варбургом (Albert Einstein, Max Planck, Emil Warburg), которым и выразил свою глубокую благодарность во время защиты диссертации [4, S. 82-83].

13 октября 1919 г. Клемент Хорват (в Германии он подписывался как Dr. Klemens von Horvath) защитил в Берлинском университете диссертацию под названием «О регистрации петель Гистерезиса с помощью магнитной шкалы Дюбуа» («Über die Aufnahme von Hysteresisschleifen mit Hilfe der Magnetischen Wage von Du Bois»), получившую в итоге наивысший бал «*summa cum laude*» (сама работа была оценена на «*valde laudabile*» или «очень хорошая работа») [3, S. 370-373]. В период подготовки диссертации он нередко стажировался в лаборатории Альберта Эйнштейна, с которым, вероятно, сблизился и затем поддерживал дружеские отношения до конца своей жизни. Об их дружбе упоминает Татьяна Артемьевна Хорват, вспоминая, как А. Эйнштейн несколько раз гостил в их семье именно благодаря своей давней дружбе с Клементом.

В 1921 г., в год присуждения Альберту Эйнштейну Нобелевской премии, К.А. Хорват опубликовал брошюру на немецком языке «Пространство и время в зеркале теории относительности» («Raum und Zeit im Lichte der Speziellen Relativitätstheorie»), посвященную анализу и популяризации знаменитой теории относительности. Примечательно, что на обложке данной книги, изданной в Берлине, было указано, что автор является приват-доцентом по физике Казанского университета [2]. К сожалению, экземпляр монографии, подаренный Берлинской библиотеке, погиб в годы Второй мировой войны. Однако, экземпляр с посвящением автора своему младшему брату Артемию сохранился в личном архиве последнего [1].

Информация о жизни и деятельности Клемента Хорвата в Берлине в 1920–1930-х гг. чрезвычайно скудна, что побуждает продолжить научные поиски. Известно, что он занимался физикой, общался с А. Эйнштейном, пока последний не покинул страну по этическим соображениям (1933). Впрочем, после переезда в 1933 г. из нацистской Германии в США Альберт Эйнштейн практически полностью прекратил все контакты с друзьями и коллегами, оставшимися в Европе. Отчасти это связано с идеологическими разногласиями, а в ряде случаев объяснялось нежеланием подвергать своих друзей опасности. Как складывались и сохранились ли в принципе взаимоотношения между К.А. Хорватом и А. Эйнштейном в 1930-е гг., неизвестно.

Немногочисленные фотографии К.А. Хорвата 1930-х гг. были опубликованы в сборнике документов, посвященном его младшему брату Артемию [1, с. 51]. К.А. Хорват был женат на Миа фон Хорват, однако детей не было.

Очевидно, что интеллектуальный потенциал и научные познания Клемента Хорвата были гораздо большего масштаба, нежели они оказались реализованы в действительности. Вероятно, этому

помешала серьезная болезнь (лейкемия), которая в свое время не позволила ему переехать из нацистской Германии в Америку [1, с. 50-51], и которая в итоге оборвала его жизнь зимой 1940 года, в возрасте 56 лет. Клемент Алексеевич Хорват покоится на русском православном кладбище в берлинском районе Тегель [9].

Библиография

1. Artemy A. Horvath – History of his work with Soybeans and Soyfoods (1886–1979): Extensively Annotated Bibliography and Sourcebook. Soyinfo Center. 2011. 126 p.
2. Dr. Clemens von Horvath, Raum und Zeit im Lichte der Speziellen Relativitätstheorie. Berlin: Verlag von Julius Springer. 1921. 58 S.
3. HU Archiv (Архив Гумбольдтского университета). В 02.04 Promotionen bis 1945. № 591. Л. 364-418. Clemens von Horvath.
4. Klemens von Horvath, Über die Aufnahme von Hysteresisschleifen mit Hilfe der Magnetischen Wage von du Bois. Weide, 1919. 84 S.
5. ГАРТ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 1128. 8 л. Прошение профессора университета А.Н. Хорвата и супруги его Теофилии об узаконении детей их Климента, Артемия и Исидоры.
6. ГАРТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 11031. 30 л. Документы об оставлении при университете для приготовления к профессорскому званию... Климента Хорвата.
7. ГАРТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 11857. 4 л. Документы о допущении преподавателя Казанского учительского института К.А. Хорвата к испытаниям на степень магистра физики.
8. ГАРТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 12260. 17 л. Документы о принятии К.А. Хорвата в число приват-доцентов Университета по кафедре физики.
9. Новое слово. Берлин. 1940. 8 декабря. № 50.
10. Усманова Д.М. Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906–1917. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 2002. 140 с.

Усманова Дилара Миркасымовна, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; dusmanova2000@mail.ru

Kazan physicist, friend of Einstein: Clemens von Horvath at the University of Berlin (first third of the 20th century)

The article examines the unknown biography of one of the three representatives of the scientific dynasty. Members of this family Horvath of Kazan scientists have left their mark on the history of Kazan and Kazan University. The professional career of Klement Alekseevich Horvat (1884 – 1940) are closely connected both with Kazan University, as well as with a number of leading universities in Germany (as Humboldt University), where he received recognition as a scientist. His personal fate was strongly influenced by those political disasters that occurred in Russia and Europe in the first third of the 20th century. In the 1915–1920s Dr. Clemens von Horvath was connected by professional relations and personal friendship with Albert Einstein.

Keywords: Klemens von Horvath (Dr. Clemens von Horvath), Kazan University, University of Berlin, Scientific Dynasty

Usmanova Diliara Mirkasy`movna, Doctor of history, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; dusmanova2000@mail.ru

Хамматов Ш.С.

**Профессор Ф.Г. Мищенко – редактор
«Ученых записок Казанского университета»**

Статья посвящена развитию научного издания «Ученые записки Казанского университета» в период, когда редактором был профессор Ф.Г. Мищенко (1890–1903). Рассмотрены структурные и организационные изменения, произошедшие с журналом при других редакторах до него. На основе архивных документов показаны основные аспекты деятельности Ф.Г. Мищенко на посту редактора: увеличение печатных листов, предоставляемых факультетам университета, рассылка по подписке известным ученым, и государственным деятелям, а также обмен журнала на издания научных учреждений, ученых обществ, как отечественных, так и иностранных.

Ключевые слова: «Ученые записки Казанского университета», Ф.Г. Мищенко, Казанский университет, Совет университета, редактор журнала, подписчики

В 2019 году исполнилось 185 лет с начала издания «Ученых записок Казанского университета». В предисловии к 1 книжке, подписанной к печати 7 февраля 1834 года, редактор журнала Н.И. Лобачевский (он занимал эту должность до 1844 г.), характеризуя условия развития науки, когда «...университеты, не нуждаясь в средствах, могут жертвовать значительными издержками для успехов просвещения», ставит задачу перед «членами университета»: им «...надлежит трудиться собственно для науки и ожидать награды в своей известности, в ученой славе» [II, с. 540]. За время существования журнал возглавляли поочередно несколько редакторов, он менялся благодаря их деятельности и решениям Совета университета, появлялось что-то новое.

После Н.И. Лобачевского с 1844 по 1860 гг. эту должность занимал профессор монгольской словесности О.М. Ковалевский. В 1862–1864 гг. издание разделили на два отделения: 1) историко-филологическое и политико-юридическое, под редакцией преподавателя уголовного права А.П. Чебышева-Дмитриева, 2) физико-математических и медицинских наук, под редакцией профессора зоологии Н.П. Вагнера, выходявшие бессрочными выпусками по два номера в год. Во времена редакторства профессора русской словесности Н.Н. Булича (1865–1866), кроме «Ученых записок», стали выходить и «Известия», в котором публиковались протоколы Совета университета. Оба издания выходили вместе, включая 1883 г., по 6 раз в год выпусками от 10 до 15 листов, составляя к концу года два отдельных тома. В 1867–1871 гг. редактором становится профессор турецко-татарского языка Н.И. Ильминский. Во время редакторства профессора всеобщей истории Н.А. Осокина (1872–1874) по решению

Совета была изменена структура издания, введены отделы «Заметки» и «Критики», подготовлен первый систематический указатель. При редакторе А.М. Осипове (1875–1882) специально избранная комиссия выработала новые правила и положения, предоставлявшие каждому факультету 30 печатных листов ежегодно и определенное число ученым обществам, состоящим при университете. В 1883 г. редакторство перешло опять к Н.Н. Буличу, при нем в январе 1884 г. был принят новый проект журнала, он издавался в виде отдельных сборников по факультетам объемом до 80 печатных листов за подписью деканов и под редакцией своих особых редакторов. «Известия» было решено издавать раз в год отдельным томом за подписью ректора. 28 октября 1889 г. были утверждены Советом «Положения», по которым «Ученые записки» были снова объединены в одно издание без разделения по факультетам, выходявшее 6 раз в год, с предоставлением каждому 30 листов в год на печатание ученых трудов. «Известия» перестали печатать отдельно, но на «Извлечения из протоколов Совета» было выделено дополнительные 15 листов в год. В новом виде журнал стал выходить в 1890 году [II, с. 541–542].

Значительных результатов и успехов «Ученые записки» достигли под редакцией профессора классической филологии Федора Герасимовича Мищенко (1890–1903)¹. Ф.Г. Мищенко – автор ряда трудов по истории Древней Греции и древнегреческой литературы и переводов, справедливо названных образцовыми, основных произведений древнегреческой исторической литературы: Геродота, Фукидида, Полибия и Страбона с наличием подробного критического исследования о каждом авторе и примечаний.

В Казань Мищенко прибыл в 1889 г., получив назначение в университет ординарным профессором по кафедре классической филологии после пятилетнего перерыва в службе². Также ученый был в числе сотрудников Энциклопедического словаря Брокгауза

¹ Федор Герасимович Мищенко (1847–1906), уроженец г. Прилуки Полтавской губернии, получивший образование во 2-й киевской гимназии, затем в университете св. Владимира. После периода «подготовки к профессорскому званию» (1870–1872), получив звание приват-доцента, он преподавал по вакантной кафедре греческой словесности. После защиты магистерской диссертации в 1874 г. «Отношение трагедий Софокла к современной поэту, действительности» Ф.Г. Мищенко был утвержден доцентом по той же кафедре. В 1881 году защитил докторскую диссертацию: «Опыт по истории рационализма в древней Греции». См.: [III, с. 132].

² В 1884 г. Ф.Г. Мищенко в числе нескольких профессоров был обвинен в антиправительственной деятельности, уволен со службы и в административном порядке выслан из Киева. Подробно см.: [6]. Эту историю Ф.Г. Мищенко припомнили в 1900 г., когда у него появилась возможность стать профессором по кафедре греческого языка и словесности Московского университета. См.: [4].

и Ефрона. Всего насчитывается 63 статьи по истории Греции и греческой литературе, подписанных Ф.Г. Мищенко¹. Кроме того, он в 1895 г. избран членом-корреспондентом Императорской академии наук по разряду классической филологии и археологии.

Редакторство Ф.Г. Мищенко является важным периодом в истории развития периодического издания Казанского университета. Недаром А.С. Шофман называет его деятельность на посту редактора «Учёных записок» «очень плодотворной»². После ряда постановлений и распоряжений «Положения» несколько изменились в соответствии с потребностями университета и развитием журнала. Был расширен отдел критики и библиографии, решен вопрос о вознаграждении авторов по правилам, выработанным в 1892 г. Число листов для каждого факультета увеличилось до 40, количество экземпляров ввиду широкого обмена изданиями с разными научными обществами, учреждениями и журналами возросло до 650. Увеличилась сумма, предоставляемая на таблицы, рисунки, а по постановлению Совета с января 1895 г. журнал стал выходить книгами по 15 листов каждая и ежемесячно. См.: [II, с. 542]. Кроме того, Ф.Г. Мищенко составил и выпустил систематический указатель статей, помещённых в «Учёных записках» с 1834 по 1899 г., который «подвёл итог более чем шестидесятилетней истории издания и завершил его выпуск в XIX веке» [1, с. 123].

Во времена редакторства Ф.Г. Мищенко было опубликовано большое количество статей по многим отраслям знаний, среди них особенно выделяется работа В.М. Бехтерева «Проводящие пути мозга», опубликованная в ноябре – декабре 1892 г., вскоре переведенная на иностранные языки и ставшая настольной книгой невропатологов во всем мире [3, с. 185]. Также в 1890 и 1891 гг. отдельными отгисками вышел второй том «Из первых лет университета (1805–1819)» Н.Н. Булича – первый опыт написания истории Казанского университета³.

¹ В разряд «наиболее значительных по объему оригинальных статей» попали «Геродот» (в 16 полутоме) «Дикастерии» (в 20 полутоме), «Писистрат» (в 46), «Рок, или судьба», «Скифы» и «Скифия» (в 59), «Театр у греков и римлян» (в 64), «Троя» (в 66) [5, с. 141].

² В «Учёных записках» можно найти большое количество рецензий, отзывов, статей на самые разнообразные темы, связанные с проблемами истории афинского политического устройства, с переводами Полибия, с гомеровским эпосом. В конце каждой книги «Учёных записок» Мищенко помещал рубрику «Книжные новости», где сообщал о вновь изданных книгах, как русских, так и иностранных. Как редактор, он принял на себя труд по составлению истории издания «Учёных записок» университета ввиду приближающегося его столетнего юбилея. См.: [6, С. 17-18].

³ Первый том был напечатан отдельными отгисками в 1875, 1880, 1886 гг. Ф.Г. Мищенко в 1892 г. обращал внимание членов Совета на необходимость завершения третьего тома, посвященного эпохе Магницкого, значительная часть которого

При Ф.Г. Мищенко становится интенсивным обмен журнала на иностранные издания, высылка издания отдельным персонам и учёным, а также рассылка в крупнейшие библиотеки и университеты России. Уже в 1891 г. Ф.Г. Мищенко поднял вопрос об увеличении числа экземпляров с 300 до 356 ввиду увеличения числа подписчиков и предстоящей рассылки в иностранные учреждения. Совет распорядился увеличить до 400 [I. Д. 8394. Л. 19]. Если в 1891 г. за границу было выслано 39 экземпляров, то через два года число возросло до 58, а в 1894 г. – до 65. Из отчёта за 1901 г. известно о 86 экземплярах «Учёных записок» [I. Д. 8394. Л.321об.; Д. 8766. Л. 2; Д. 8972. Л. 1об.; Д. 10612. Л. 4]. Благодаря этому университетская библиотека пополнялась иностранными изданиями. В 1893 г. благодаря обмену на «Ученые записки» были получены издания академий: Берлинской, Мюнхенской, Мадридской, Лиссабонской, Ирландской, Итальянской, Краковской, Югославской, Стокгольмской; университетов: Киля, Мюнхена, Копенгагена, Утрехта, Лейдена, Упсалы, Буэнос-Айреса, Токио [I. Д. 8766 Л. 2об.]. А в 1901 г. значатся университеты, библиотеки, учёные общества Австралии, Англии, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Германии, Голландии, Дании, Португалии, Ирландии, Испании, Италии, Норвегии, Сербии, США, Швеции, Шотландии, Японии [I. Д. 10612. Л. 12об.-13, 14 об.-15, 16 об.-17, 18 об.-19].

Журнал также высылался персонально определенным лицам, среди них: химик Д.И. Менделеев, лингвист, историк литературы и искусства, глава русской мифологической школы Ф.И. Буслаев, юрист, сенатор С.В. Пахман, историк И.Е. Забелин, профессор и декан историко-филологического факультета Петербургского университета И.В. Помяловский, один из основоположников физической химии и химической динамики Н.Н. Бекетов, физиолог и гистолог, академик Петербургской академии наук Ф.В. Овсянников, врач, заслуженный профессор Императорской медико-хирургической академии, лейб-медик Н.Ф. Здекауэр [I. Д. 8972. Л. 7]. В отчете за 1899 г. еще значатся К.П. Победоносцев, С.Ю. Витте, а за 1901 г. – математик и философ Н.В. Бугаев и духовник императорской фамилии И.Л. Янышев [I. Д. 10224. Л. 6; Д. 10612. Л. 5об, 7].

Совет университета высоко оценивал старания Ф.Г. Мищенко на должности редактора Ученых записок Казанского университета,

была уже в обработанном виде. Но несмотря на обещание Н.Н. Булича продолжить работу, завершена она не была [I. Д. 8574. Л. 9]. Кроме того, Н.Н. Булич в 1891 году подарил университету полный комплект «Известий и Ученых записок» за 1865–1889 гг. Ввиду уникальности их было решено поместить в библиотеку, использование разрешить как с рукописными и ценными изданиями, без выдачи на дом [I. Д. 8394. Л. 171об.].

неоднократно объявляя благодарности и назначая вознаграждения из остатков сумм, выделяемых на журнал [И. Д. 8394. Л. 322]. А в 1893 г., осозная, какой это «титанический труд» – комплектование журнала, чтение рукописей, корректуры, значительная переписка с авторами, поступило предложение назначить постоянное вознаграждение 50 рублей за книжку, которых в год выходило 6, следовательно, 300 рублей из типографских или иных сумм университета [И. Д. 8766. Л. 9-10].

Но не всегда было признание заслуг и благодарности. В 1896 г. медицинским факультетом был представлен проект о замене единоличной должности редактора коллегиальным учреждением. Ф.Г. Мищенко был обвинен в самоуправстве и нарушении правил. Правда, в конечном счёте решено было оставить заведование журналом в руках единоличного редактора, избираемого Советом из числа профессоров на четыре года [2, с. 13].

Таким образом, периодическое издание Казанского университета благодаря стараниям Ф.Г. Мищенко стало весьма разнообразным по содержанию: ученые труды факультетов, критика ученых сочинений, ученая полемика, официальные сведения о деятельности Совета в виде извлечений из протоколов, актовые речи, отчеты, обозрения преподавания, акты, освещающие и характеризующие университетскую жизнь. Поэтому период редакторства Ф.Г. Мищенко справедливо можно назвать особым периодом в истории и развитии Ученых записок Казанского университета.

Библиография

- I. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет.
- II. Агафонов Н.Я. Поездка в Квебек. Материалы для истории, топографии и географии Казани. 1502 с. // ОРРК НБ им. Н.И. Лобачевского. Ед. хр. 226.
- III. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань: Типогр. Имп. ун-та, 1904. 553 с.

1. Габдельганеева Г.Г. «Учёные записки» Казанского университета (из истории научного книгоиздания в России) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Л.: ГПБ, 1989. Вып. 4. С. 116-124.
2. Георгиев П.В. «Ученые записки Казанского университета» в поле научных коммуникаций России (1834–1917) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 7-18.
3. Исаков А.П., Исаков Е.П. Летопись Казанского государственного университета (история в фактах, подтверждённых документами): в 2 т. Казань; Лондон: МИАН, 2004. Т. 1: 1804–1945 гг. 488 с.
4. Карпюк С.Г. Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета // *Journal of Ancient History* / под ред. А.И. Иванчик / М.: Наука, Российская академия наук, 1993. Вып. 1. С. 175-181.
5. Филимонов В.А. Антиковеды – авторы «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 139-164.

6. Шофман А.С. Фёдор Герасимович Мищенко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 112 с.

Хамматов Шамиль Сабитullaевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Россия; 73_shamilo8@mail.ru

**Professor F.G. Mishchenko – editor
of «Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta»**

The article is devoted to the development of the scientific publication «Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta» (Scientific notes of Kazan University) at a time when the editor was Professor F.G. Mishchenko (1890-1903). The structural and organizational changes that have occurred with the magazine with other editors before it are considered. Based on archival documents, the main aspects of F.G. Mishchenko as editor: an increase in printed sheets provided to university faculties, subscription mailing to famous scientists and statesmen, as well as an exchange of the journal for publications of scientific institutions, academic societies, both domestic and foreign.

Keywords: «Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta», Fedor Gerasimovich Mishchenko, Kazan University, University Council, journal editor, subscribers

Khammatov Shamil` Sabitullaevich, Candidate of History, Associate professor, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia; 73_shamilo8@mail.ru

Раздел 4

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

УДК 930.1

Белов М.В.

«Политика памяти» или «историческая политика»: в чем разница?»¹

Сравнительно недавно появившееся понятие «историческая политика» абсорбирует ранее употреблявшуюся «политику памяти». В недавнем исследовании Г. Касьянова предложен вариант ее включенности в более широкую область «исторической политики» как наименования практик за пределами сферы образования и науки. В качестве поправок к такой иерархии значений выступает дестабилизация разграничений в открытой информационной среде.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, историческая память

На протяжении 2000-х словарь *memory studies* политизировался. И именно тогда, как ни странно, понятие «историческая политика» вошло в язык исследователей, а равным образом – в публичный обиход [6]. Странность столь позднего образования понятия вытекает из привычки злоупотреблять прошлым со стороны власть предержащих в разные эпохи человеческой истории, особенно заметно – в XX веке. Но, может быть, именно карикатурность подобных потуг на фоне новейшей информационной революции очертили контуры явления?

К обсуждению феномена памяти теперь подключились новые когорты специалистов (политологи, философы) и это привело к приумножению и без того избыточного словаря. К уже так часто конкурировавшим прилагательным – коллективная, социальная, культурная, историческая... – добавилась «политическая память» [4, с. 149-163]. И, разумеется, ускоряющееся производство понятий вело к их ситуативным подменам, частичным наложениям значений, сплетениям и неразберихе, навязчивой тавтологии и, как

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

следствие, нарастанию «шумности» дискурса. В результате молодые исследователи и наставники новых поколений вынуждены констатировать невозможность построения в области *memory studies* какой-то универсальной теории и соответствующей ей строгой терминологической системы [2; 3].

В случае новорожденной «исторической политики» ее двойником и предшественником выступала «политика памяти», которая если верить критику «мемориального бума» А. Конфино оказалась в центре внимания общественности и экспертов в 1990-е годы [5]. «Политика памяти» в американском контексте являлась на самом деле синонимом или продолжением «политики идентичностей» меньшинств в их борьбе за права и ресурсы. Критикуя политизацию культуры в работах ангажированных исследователей, Конфино вольно или невольно метил в эпоху мультикультурализма. В середине нулевых она уже клонилась к упадку.

«Историческая политика» вроде бы описывала совершенно иные феномены, привязанные к государственным и негосударственным институтам или корпорациям профессиональных историков. Однако вопреки этому два понятия нередко дублировали друг друга, поскольку в иных контекстах «политика памяти» ранее применялась к действиям государства и его полномочных представителей.

В основном исследовании исторической политики современной Украины Г. Касьянов отвел значительное место наведению терминологической точности. Он определил «историческую политику» как «... *разновидность политики, целью и содержанием которой является целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических целях «исторической памяти» и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций, в том числе профессиональной историографии*» [1, с. 35]. В свою очередь «историческая память» рассматривается здесь как разновидность «коллективной» или «культурной» памяти, как «... мифологизированная форма групповых представлений о прошлом, существующих, как правило, в виде набора символов и «мест памяти». В условиях информационного общества она приобретает статус гиперреальности...», наполненной симулякрами [1, с. 34, 36]. «Политика памяти в этом случае является более узким термином, охватывающим практики, связанные преимущественно с формированием коллективной/исторической памяти, и не включающим интервенции в сферу профессионального историописания и дидактической истории» [1, с. 36].

Можно продолжить, что в подобной иерархии значений «историческая политика» в предельно узком смысле направлена на исследовательские и образовательные практики, тогда как в широком –

охватывает весь комплекс политически мотивированных обращений к прошлому.

Но насколько возможно столь широкое и согласованное воздействие из доминирующего центра в плюралистической и открытой информационной среде? И каковы пределы автономии специализированных сфер науки и образования, если занятые в них специалисты могут совмещать профессиональную деятельность с иными формами активности за пределами корпораций и институций. С другой стороны, они могут испытывать влияние тех или иных форм «политики памяти», не обращенных к ним как профессионалам. Соответственно, границы понятий меняются в зависимости от социального, политического и культурного/информационного контекста.

Как подчеркивает Касьянов, число агентов «исторической политики» возрастает, и они находятся в отношениях конкуренции и сложного взаимодействия: «...политические свободы и расширенный доступ к средствам производства информации позволяет любым группам интереса быстро и эффективно организовываться для артикуляции и распространения нужных им версий прошлого, для... давления на оппонентов» [с. 33]. Впрочем, быстрота информационного воздействия не всегда сопровождается долготой его эффекта. В силу лавинообразного роста информационных рынков распределение внимания к их продуктам сильно дифференцировано, все более зависит от медийных свойств, а предписанный им «срок годности» резко сокращается. В силу описанных обстоятельств «историческая политика» (как и сама «историческая память») неизбежно обретает мозаичный или, точнее, калейдоскопический характер.

Ситуация перманентной трансгрессии и привела к неуверенности в стабильных понятиях. Модный словарь пополняется новообразованиями с приставкой «пост»: наряду с «постпамятью» права гражданства недавно обрела «постправда»; на очереди, как можно предположить, – «постистория» и «постполитика». Призрачный мир гиперреальности порождает сомнения, но не дает ответов. И все же, вопреки сетованиям на превращение качественного исторического исследования (из-за его сложности, а значит – высоких затрат на внимание и низкой медийности) в «нишевый» продукт, профессиональный долг историков в нынешней ситуации только возрастает. Это значит, что им придется участвовать в «исторической политике», защищая высокие стандарты научного знания.

Библиография

1. Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика 1987–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 632 с.
2. Коротецкая Л.В. Социальная память: социологический анализ дискурса прошлого в немецком самосознании. Дис. ...канд. социол. наук. М., 2018. 230 с.

3. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

4. Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012.

5. Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // American Historical Review. Vol. 102. No. 5 (Dec., 1997). P. 1386-1403.

6. Troebst S. Geschichtspolitik. Politikfeld, Analyserahmen, Streitobjekt // Geschichtspolitik in Europa seit 1989. Deutschland, Frankreich und Polen im internationalen Vergleich / Hg. E. François, K. Kończal, R. Traba und S. Troebst. Göttingen: Wallstein Verlag, 2013. S. 15-36.

Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; belov_mihail@mail.ru

“Politics of memory” or “politics of history”: what is the difference?

The recently appeared concept of “politics of history” absorbs the previously used “politics of memory”. In his recent study G. Kasyanov proposed a variant of its inclusion in the wider field of “politics of history” as the name of practices outside the sphere of education and science. The destabilization of distinctions in an open information environment acts as amendments to such a hierarchy of values.

Keywords: politics of memory, politics of history, historical memory

Belov Mixail Valer`evich, Doctor of History, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; belov_mihail@mail.ru

УДК 94(476)

Гронский А.Д.

История белорусской государственности между наукой и идеологией

В 2018 г. сформирована новая концепция истории белорусской государственности, которая подразумевает существование государственности без наличия государства. Также белорусские учёные утверждают, что история белорусской государственности начинается 100 тыс. лет до н.э., когда в Европе ещё не было Homo sapiens.

Ключевые слова: Белоруссия, наука, идеология, государственность, исторический миф

Любое государство стремится легитимировать себя в глазах как собственных граждан, так и внешних сил. Причём, для подобной легитимации необходимо создать цельное представление о государстве как естественной форме бытования конкретной территории. Если государство молодо, не имеет укоренённости в истории,

оно вынуждено создавать особый образ прошлого, в котором государство существует или, по крайней мере, потенциально старается появиться. Особый интерес представляет изучение легитимации новых государств, появившихся после распада социалистического лагеря. Объяснение причин независимости формируется не только как объективный исторический процесс, но и как сугубо положительное явление.

С 2014 г., который начался политическим кризисом на Украине, белорусские власти начали ускоренное формирование исторической мифологии белорусской государственности. И через несколько лет появилась достаточно оригинальная концепция, описывающая белорусскую государственность как некое явление, непрерывное на протяжении тысячелетий. В 2018 г. институт истории Национальной академии наук Белоруссии начал выпуск пятитомного академического издания «История белорусской государственности».

Интересно, что мотивация этого труда не научная, способствующая достижению истины, а идеологическая, предполагающая национализацию далёкого, ещё доэтнического прошлого территории. Так, во введении к пятитомнику авторы пишут: «[...] в современных геополитических условиях белорусам крайне необходим собственный взгляд на историю, который позволит противостоять навязыванию искажённых и чуждых представлений о нашем прошлом. Только таким образом можно увидеть национальное и государственное наследие, сделать выводы на перспективу» [2, с. 5]. Т.е. именно собственный взгляд на историю противостоит навязыванию искажённых и чуждых представлений о прошлом, но в этом случае «собственный взгляд» должен быть объективным, иначе он будет таким же искажённым, как и «чуждые» взгляды. Белорусские учёные, критикуя навязываемые искажённые (или якобы искажённые) взгляды не заявляют о том, что предлагаемый ими взгляд объективен. Более того, утверждение, что «только таким образом можно увидеть национальное и государственное наследие», допускает такой же искажённый взгляд на прошлое. Ведь, если не применять «национальную» оптику для изучения прошлого, ничего «национального» в прошлом может не оказаться. Т.е. предлагается собственная субъективная система оценок прошлого, которая позволяет увидеть «национальное и государственное наследие». Встаёт вопрос, а существует ли это «национальное и государственное наследие» в условиях бытования иных точек зрения на прошлое? Т.е. объективно ли это наследие, если оно улавливается лишь с помощью альтернативной исследовательской оптики, специально сформированной для нахождения именно собственного «национального и государственного наследия»?

Для того, чтобы создать необходимую национальную оптику, пришлось пересмотреть ряд терминов. Например, поменял своё значение термин «государственность». Надо сказать, что данная дефиниция до сих пор чётко не определена, однако она практически всегда связана с наличием государства [см.: 3; 5] (лишь в одном определении она связана с «выражением организованной властной воли людей» [5, с. 128]). Но белорусские учёные предложили следующую трактовку: «Мы рассматриваем государственность как внутреннюю потенциальную способность этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающую право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития». Собственно государство, по мнению белорусских учёных, – это «конкретно-историческое воплощение потенциала государственности, совокупность государствообразующих факторов» [2, с. 6]. Т.е. государственность может существовать и без государства. Более того, белорусская трактовка государственности вообще не подразумевает наличие государства или властной воли, это всего лишь «право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития». Называя собственную трактовку дефиниции «государственность» «значительным научным достижением отечественной исторической науки», авторы, тем не менее, видят её потенциал не в науке, а в «важном значении для дальнейшей разработки идеологии белорусской государственности» [2, с. 6].

Белорусские исследователи утверждают, что «в истории белорусской государственности можно выделить три периода». Первый период получил название «догосударственный», а его хронологические рамки обозначены так: 100 тыс. лет до н.э. – первая половина XI в. [2, с. 6].

Поскольку, по мнению белорусских учёных, государственность – это «способность этнонационального сообщества» к самостоятельному историческому существованию, она должна быть связана с какой-либо этнонациональной группой. Если речь идёт о белорусской государственности, значит, группа должна принадлежать к белорусскому этносу. Иначе это будет другая, не белорусская государственность. В связи с этим стоит учесть, что человек вида *Homo sapiens* появился в Европе примерно 40–50 тыс. лет назад [1]. Таким образом, у истоков белорусской государственности стояли неандертальцы, поскольку именно они населяли Европу 100 тыс. лет до н.э. Также интересным является то, что в этом же томе «Истории белорусской государственности» утверждается, что «этап освоения территории Беларуси неандертальцами считается гипотетическим, так как все находки единичны, определены типологически, не имеют

геологических привязок и сопровождающей органики» [2, с. 60]. Т.е. подтверждений заселения этих земель неандертальцами нет, есть лишь орудия труда, которые могли потерять перемещающиеся по территории охотники. Поселения неандертальцев существовали южнее, на территории современной Центральной Украине [4].

В целом, современная белорусская историческая наука подключилась к идеологическим разработкам. При этом она не усиливает идеологический компонент объективными данными, а создаёт потенциальную возможность для критики идеи белорусской государственности, включая в её истоки неандертальцев и достаточно оригинально трактуя сам термин «государственность».

Библиография

1. Бобринская С.А. О митохондриальной Еве и генетическом разнообразии современного человечества // Антропогенез.ру. – URL: <http://antropogenez.ru/article/76/> (дата обращения: 13.08.2019).
2. История белорусской государственности. В 5 т. Т.1. Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / отв. ред. тома: О.Н. Левко, В.Ф. Голубев. Минск: Беларуская навука, 2018. 598 с.
3. Казбан Е.П. Государство и государственность. К вопросу о соотношении понятий // Вестник университета. 2012. № 4. С. 34-38.
4. Попов М.М., Нераденко Т.Н. Последние палеоантропы Центральной Украины // II Виноградовские чтения / Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г.). Армавир: Дизайн студия Б, 2018. С. 5-9.
5. Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия ИГЭА. 2012. № 3 (83). С. 126-130.

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра постсоветских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, г. Москва, Россия; agronskij@yandex.ru

The history of Belarusian statehood between science and ideology

In 2018, a new concept of the history of Byelorussian statehood was formed, which implies the existence of statehood without the state. Byelorussian scientists also claim that the history of Byelorussia statehood begins 100 thousand years BC, when there was no Homo sapiens in Europe.

Keywords: Byelorussia, science, ideology, statehood, historical myth

Gronskij Aleksandr Dmitrievich, Candidate of History, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakova RAS, Moscow, Russia; agronskij@yandex.ru

Ермаченко И.О.

«Дружба империями»? Место монархического компонента в публицистическом обосновании русско-японского сближения накануне и в годы Первой мировой войны

В докладе в русле интеллектуальной истории рассматривается пропагандистское обеспечение политико-дипломатического сближения России и Японии, начавшееся уже вскоре после войны 1904 – 1905 гг. Необходимость преодоления в общественном сознании эха этого конфликта, который сопровождался активным конструированием «образа врага», заставила русскую прессу актуализировать монархическую составляющую имиджевого уподобления двух столь разных империй.

Ключевые слова: Первая мировая война, русско-японские отношения, монархия, пропаганда, публицистика

Десятилетие 1907–1916 гг. рассматривается ныне как время весьма динамичного сближения Японии и России, невзирая на тяжелое поражение последней в войне 1904–1905 гг. (см.: [5; 6; 7] и др.), при этом наименее исследованы культурно-идеологические и информационно-коммуникативные механизмы этого сближения.

Многочисленные переводные и реферированные материалы из японской периодики, публиковавшиеся тогда в России, свидетельствовали о сложной процедуре принятия военно-политических решений японской правящей элитой как итоге столкновения интересов разных общественных институтов и политических групп. И в преддверии, и в ходе войны это представление, подтверждавшее мнение либералов о наличии в Японии реального парламентаризма, лишь углублялось: пресса сообщала о соперничестве партий, отстаивавших приоритет либо армии, либо флота; о конкуренции военно-оборонительных программ и претензиях к ним со стороны парламента, оборачивающихся политическими кризисами и сменой кабинетов; об особой роли гэнро – «совета старейшин» при императоре, который зачастую выглядел лишь церемониальной фигурой. Правда, такое упрощение корректировалось упоминаниями о личном участии микадо в организации «императорских учений» и иных военных мероприятий, а также разъяснениями его высокого конституционно-правового статуса. Ряд публикаций содержали неоднозначную оценку роли почившего в 1912 г. императора Мэйдзи (Муцухито) в модернизации Японии и в ее победе над Россией (отметим, что при обилии в 1904–1905 гг. антияпонских карикатур персону самого Муцухито они практически не затрагивали).

С началом мировой войны новый пропагандистский стиль задал установку на шаржирование образов вражеских монархов (ср.: [3]) при идеализации венценосцев из лагеря Антанты. Подобная символическая «дуэль монархов» (например, «хищника» Вильгельма с королем Альбертом – «рыцарем Фландрии») олицетворяла столкновение двух типов «национального духа» – низменно-варварского и самоотверженно-гуманистического. Проблема состояла в том, что новый император Ёсихито (1912–1926), правление которого привело к дальнейшей либерализации и возникновению «демократии эпохи Тайсё» (см.: [10]), не ассоциировался у русской публики со столь же значимыми достижениями, как его предшественник. Его пропагандистское соотнесение с «героическим духом японского народа», проявленным при взятии в ноябре 1914 г. немецкой военно-морской базы Циндао, выражалось довольно формально – например, помещением портрета микадо на открытке из серии «гимны союзных наций» (причем даже без имени, с подписью «Император Японии», см.: [8]). Важным для российской публики стало освещение прессой официальной коронации Ёсихито (отложенной на 3 года в связи с трауром) – благодаря внешнему сходству и хронологической близости массовых торжественных манифестаций в Японии по этому поводу и по поводу провозглашения русско-японского военного союза, которые совокупно изображались как проявления японской «народной души», склонной к дружбе с Россией (ср.: [2]). Решающим аккордом в репрезентации этого союза стал широкий отклик на обмен визитами двух лиц «императорской крови» – великого князя Георгия Михайловича, посетившего микадо в связи с его интронизацией в январе 1916 г., и принца Кангын Котохито, осенью того же года проехавшего через всю Россию для встречи с Николаем II в могилевской ставке и с другими членами императорской фамилии в Петрограде. Связь принца с Россией могла восприниматься публикой двойственно. С одной стороны, он был почетным председателем Японско-русского общества в Токио и в этом качестве контактировал по приезду с главой Русско-японского общества в Петрограде, экс-премьером В.Н. Коковцовым. Столичная печать подробно освещала эти рауты, публикуя взаимные дружественные речи и тосты в честь обоих императоров. С другой стороны, газеты упоминали о боевом участии принца в русско-японской войне в качестве командира конного полка. Однако проявившиеся уже в 1904–1905 гг. симпатии к японцам (тогда как к «достойному врагу», который теперь сравнивался прессой с «германцами» совсем не в пользу последних), приобрели в новых обстоятельствах столь демонстративную правительственную поддержку (в том числе подчеркиванием личных дружеских контактов между принцем Кангын и Георгием Михайловичем), что антияпонские голоса из консервативного лагеря если и не сошли на нет,

то оказались под спудом. Амбивалентность «бывшего врага, а теперь друга» была модернизирована и «усовершенствована» за счет иной «конструктивной» амбивалентности – образа восточного соседа, сумевшего органично сочетать «монархию» и «конституцию». Этот образ был актуально оттенен неудачной попыткой восстановления Китайской империи главой республики Юань Шикаем в декабре 1915 – марте 1916 г., которая вызвала преимущественно негативный отклик русской прессы именно из-за ее «неорганичности» вкупе с восприятием длительного китайского нейтралитета в войне как «прогерманского».

Библиография

1. Агитация русской прессы в пользу русско-японского союза // Китай и Япония. 1912. № 103. С. 12-14.
2. Ардов А.С. Японцы – наши друзья. Пг.: Артист. заведение А.Ф. Маркс, 1916. 22 стб.
3. Ермаченко И. Тело врага: Стереотипы изображения в отечественной прессе времен Русско-японской и Первой мировой войн // Репрезентации телесности. М.: РГГУ, 2003. С. 57-71.
4. К русско-японскому союзу. К пребыванию в Японии его имп. высочества великого князя Георгия Михайловича // Китай и Япония. 1916. № 236. С. 114-123; № 237. С. 100-112.
5. Османов Е.С. «Золотое» десятилетие русско-японских отношений (1907 – 1916 гг.): особенности двустороннего взаимодействия // История и культура Японии 11. СПб.: Гиперион, 2018. С. 268-277.
6. Пестушко Ю.С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2008. 236 с.
7. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905 – 1914 гг. Хабаровск; М.: Изд-во Института востоковедения РАН, 2008. 320 с.
8. Японский гимн [открытка] // Старый альбом: магазин для коллекционеров – URL: https://old-album.ru/catalog/otkrytki/drugie_tematiki/noty/7297/ (дата обращения: 21.05.2019).
9. Японский принц Котохито Кан-Ин в Царской ставке // Нива. 1916. № 39. С. 2-3.
10. Dickinson F.R. World War I and the Triumph of a New Japan, 1919–1930. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2013. XII, 221 p.

Ермаченко Игорь Олегович, доцент, кандидат исторических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; igertm@yandex.ru

«A friendship of empires?»: Monarchism in the context of journalistic discourse concerning the Russo-Japanese rapprochement on the eve and during the First World War

This presentation, based in modern intellectual history, examines the propaganda efforts concerning the political and diplomatic rapprochement between Russia and Japan, which began shortly after the Russo-Japanese War (1904-1905). The need to overcome in the public consciousness the echo of this conflict, in particular the active construction of an «image of the enemy», forced the Russian press to utilize the ideology of monarchism. Thus there arose a symbolism that likened two very different empires.

Keywords: World War I, Russo-Japanese relations, monarchy, propaganda, journalism

Ermachenko Igor Olegovich, Candidate of History, Associate Professor, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia; igerm@yandex.ru

УДК 94(470):323

Идрисов Р.А., Краснова М.Н.

Развитие политической логистики в современной России

В статье рассматривается путь развития политической логистики в России от момента распада СССР до современного периода. Автор делает попытку выделения ее ключевых принципов в отечественных условиях, выработанных в результате накопленного исторического опыта и практики деятельности действующих в стране органов власти.

Ключевые слова: политическая логистика, государственная власть, политическая система, электорат

Применение дефиниции «политическая логистика» в современной политической науке России до сих пор остается достаточно скромным. Между тем проблема в данном случае в большей степени состоит в слабой апробации этого понятия и отсутствии устойчивого дискурса. Функциональная типология логистики достаточно широка и позволяет использовать это понятие при характеристике политических процессов. Смысловое содержание понятия является вполне определенным и производным от общего определения логистики. В данном случае, политическая логистика – это оптимизация управления материальными, информационными и людскими ресурсами с целью захвата и сохранения власти. Исходя из данного понимания предлагаемой дефиниции, попытаемся выделить этапы развития политической логистики в современной России.

Точкой отсчета для формирования современной политической логистики в нашей стране следует считать этап 1991–1993 гг., когда в связи с ключевыми событиями тех лет произошло усвоение определенного опыта борьбы за власть представителями государственных органов. Попытка захвата власти на «излете» СССР со стороны ГКЧП, противодействие ей государственных органов новой России, последующий переход власти на фоне распада СССР, новое столкновение теперь уже Президента РФ Б.Н. Ельцина с Верховным Советом РФ в 1993 г. привели к выработке некоторых базовых постулатов в арсенале российской политической логистики.

Первый из них, это – сохраняющийся приоритет силовой составляющей как на стадии захвата власти, так и на этапе обладания ею. Если описывают события августа 1991 г., то в том числе называют и высокую политическую активность населения Москвы, открыто проявлявшего свое несогласие с действиями путчистов. Однако, обманываться значимостью «народного сопротивления» не стоит. В действиях конкретных представителей силовой составляющей (армии, милиции, органов безопасности) в том момент явно ощущалась растерянность и внутренний разлад. Это было следствием отсутствия четких и единых распоряжений от руководящего силового центра, внутри которого существовали разногласия. Рядовые исполнители в этих условиях просто не захотели брать на себя прямую ответственность за возможную эскалацию напряженности и открытые столкновения на улицах столицы. Таким образом, провал ГКЧП стал прямым следствием бездействия силовых органов в новых, непонятных для них условиях. Именно такой вывод из произошедшего был сделан представителями новой российской власти. Применение этого вывода на практике последовало уже в 1993 г.

Второй постулат отечественной политической логики – это сохраняющаяся высокая значимость личных взаимосвязей представителей различных государственных структур. В этом отношении теория разделения властей сохраняет свое бессилие, проигрывая конкуренцию с традиционным для российской политической системы личностным фактором. В 1991 г., например, личные отношения между Б.Н. Ельциным и командующим ВДВ П.С. Грачевым способствовали нейтрализации выше указанной силовой составляющей рвавшегося к власти ГКЧП [3]. При рассмотрении примеров использования «личностного» постулата следует также иметь в виду, что он никак не связан с идеологическими ограничителями. Более существенное значение здесь имеют группы интересов и группы давления, инсайдеры которой могут скрываться внутри разных, бывает, что и противоположных идеологических направлений. Поэтому официальная партийная принадлежность в данном случае ничего не значит.

Третий постулат из арсенала политической логики начала 90-х гг. – это возможность манипулирования значительными группами населения при условии обладания административными, финансовыми и информационными ресурсами. Причем из этих трех видов ресурсов первый является приоритетным, он дает автоматический доступ к двум другим. Опыт 1991 г. научил представителей новой российской власти не пренебрегать политическим рекрутированием населения, однако он же в купе с опытом 1993 г. свел это

рекрутирование к ограниченному арсеналу политических технологий. Еще одно следствие этого опыта в отечественной политической логистике – кластеризация электоральной массы населения страны. Так ли велико было преобладание противников ГКЧП на всей территории СССР в августе 1991 г., как это стало представляться после провала его кратковременной деятельности? [2]. Ответ на этот вопрос теперь не важен, потому что позиция значительной части населения столицы оказалась более показательной, она была отражена СМИ и перекрыла в итоге мнение другой части населения регионов. Отсюда еще один вывод: борьба за власть в России – это прежде всего борьба за власть в столице. Со времен Российской империи в этом отношении мало что изменилось.

Последующий этап 90-х гг. дал основное приращение в области политических технологий, преимущественно заимствованных в западных государствах, обладающих развитым избирательным процессом. Поэтому большинство этих заимствований на отечественной почве не прижились и привели в итоге к определенной дискредитации политики как науки. Но некоторые наработки следует отметить.

Президентские выборы 1996 г. показали возможности использования политтехнологий в избирательном процессе [1, с. 46]. Они же обогатили опыт органов власти по организации противодействия кандидату от оппозиции. Во-первых, подтвердилась значимость указанного выше второго постулата: именно достижение личной договоренности между Б.Н. Ельциным и А.И. Лебедем способствовало окончательной победе первого над Г.А. Зюгановым. Во-вторых, в ходе выборов, допускающих участие сильной оппозиции, необходимо участие третьей силы в качестве отвлекающего фактора для электората. Таковым на указанных выборах и стал А.И. Лебедь, таковыми на последующих парламентских выборах являлись либерально-демократическая партия, партия «Справедливой России» и некоторые другие.

Однако логика политической логистики сводится в конечном итоге к использованию максимально простых, экономически целесообразных и действенных методов сохранения власти. Поэтому в 2000-е годы проблема противодействия оппозиции была решена кардинально: необходимо добиваться отсутствия реальной оппозиции в избирательном процессе. Учитывая неизменную актуальность описанных выше трех постулатов, этот подход оказался вполне осуществим.

Другое изменение, наблюдаемое в 2000-е годы, – это создание устойчивой и долговременной партии власти. В этом присутствует учет опыта советской политической системы и ошибок предыдущего периода 90-х гг., когда необходимость в партийной опоре в составе парламента была недооценена. При этом советский опыт

заметен и еще в одном аспекте. Это возможность перманентного приращения партии власти за счет надпартийного блока в форме народного фронта. Подобная форма позволяет расширить электоральную базу, периодически актуализировать необходимые власти направления деятельности и сохраняя демократическую тональность политического режима. Еще один относительно новый способ потенциального приращения партии власти – это организация общероссийских праймериз, отличающих ее от всех других. Внутрипартийный вопрос из текущей повестки дня превратился в итоге в общенациональное политическое событие.

Еще одно изменение, наверное, самое неприятное, это возврат в ограниченных масштабах к возможности использования силовой составляющей. Ситуация 1991 или 1993 гг. с использованием общевойсковых частей в данном случае вряд ли возможна, однако ограниченное применение специальных профессионально подготовленных формирований вполне допустимо. Подобная возможность тем более может быть подкреплена тезисом о наличии угрозы со стороны внешнего противника.

Таким образом, на сегодняшний день политическая логистика власти представляется достаточно простой и рациональной. Использование трех указанных выше постулатов при сохранении контроля за административной системой управления и ограниченном применении избранных приемов политических технологий, а также наличие партии власти позволяет в целом рассчитывать на успешное функционирование действующей политической системы.

Однако, следует отметить несколько серьезных трудностей, преодоление которых в определенных обстоятельствах может оказаться невозможным. Во-первых, внешне стабильное состояние политической системы не всегда отражает ее реальное состояние. Политическая система СССР первой половины 80-х гг. представлялась практически незыблемой не только руководству страны, но и абсолютному большинству населения. Однако, оказалось достаточно пяти лет «перестройки», чтобы эта «незыблемость» рухнула. При этом наблюдается разительное отличие качественного состава населения страны второй половины 80-х гг. от современного. «Перестроечное» пятилетие изменило мировоззрение представителей в целом еще «советского» поколения граждан. Сейчас все активней заявляет о себе новое поколение, не имеющее опыта существования не только в советском периоде нашей страны, но даже и в 90-х гг. прошедшего столетия. Родившиеся в 2000 г. уже обладают избирательными правами, с каждым прожитым годом будет расти и процент этой категории электората. При этом результатами серьезного анализа их политического облика мы практически не обладаем. Сведения

об официальных отчетных мероприятиях патриотического характера ориентиром в данном случае являться не могут.

Вторым, способным оказаться в отечественных условиях еще более решающим, обстоятельством, может оказаться поведение младшего поколения действующей в стране политической элиты. При сохранении значимости описанного выше второго постулата отечественной политической логики, базирующемся на действительности в нашей политической системе личностных связей, этот вроде бы частный аспект проблемы способен создать ее неожиданное продолжение. Если вспомним, сколько младших представителей советской элиты успешно интегрировалось в экономическую систему новой России после распада СССР, стало ее яростными сторонниками и двигателями, то легко представим их появление на широкой политической арене страны уже в ближайшем будущем.

Библиография

1. Бушуев А. «Голосуй или проиграешь!»: предвыборная компания 1996 г. и российская молодежь // Власть. 2011. №6. С. 46-50.
2. Васильева О. Республики и переворот в Центре // Путч. Хроника тревожных дней. – URL: <http://old.russ.ru/antolog/1991/vasil1.htm> (дата обращения: 16.09.2019).
3. Последнее интервью Павла Грачева: «По Белому дому, беглыми, огонь!» // Военное обозрение. – URL: <https://topwar.ru/20105-poslednee-intervyu-pavla-gracheva> (дата обращения: 14.09.2019).

Идрисов Рустем Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; ridrisov21@mail.ru

Краснова Марина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; makrasnova@mail.ru

Development of political logistic in modern Russia

In the article examined the way of development of political logistic in Russia from a moment of disintegration of the USSR to the modern period. The author makes an attempt of selection of key principles in domestic conditions, developed as a result of the accumulated historical experience and practice of activity of operating in a country government bodies.

Keywords: political logistic, state power, political system, electorate

Idrisov Rustem Anatol'evich, Candidate of History, Associate Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Cheboksary, Russia; ridrisov21@mail.ru

Krasnova Marina Nikolaevna, Candidate of History, Associate Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Cheboksary, Russia; makrasnova@mail.ru

Караваева Д.Н., Созинова К.А.

Британский ислам, идеал глобальной женской общности *sisterhood*, развлекательная культура и британская национальная идентичность в современной Великобритании¹

В статье представлены результаты исследования т.н. «британских мусульманок» и мультикультурализма в контексте национальной идентичности на территории современной Великобритании. Показано, что «иммигрантское» мусульманское население интегрируется не только с идеологией глобального ислама, глобальной женской солидарности, но и собственно идеей мультикультурной/интеркультурной национальной идентичности (*Britishness*). Работа основана на уникальных историографических, политических, музейных, медийных источниках, а также авторских полевых этнографических материалах.

Ключевые слова. Великобритания, мультикультурализм, иммиграция, британские мусульмане, гендер, сестринство, *sisterhood*, хиджаб, мода, национальная идентичность, британскость, *Britishness*

Исследование национальной идентичности в контексте исламской иммиграции и мультикультурализма в современном постколониальном пространстве Великобритании основано в том числе на уникальных авторских материалах полевых сезонов 2012–2018 гг. в Великобритании. В фокусе – идентичности современных британских мусульманок бангладешского и пакистанского происхождения т.н. «третьего поколения» родившихся и получивших образование в Британии – британцев по паспорту и британо-мусульман по культуре. Опыт Британии, в том числе и в отношении трансформации гендерных ролей в рамках ислама, важен в научном и научно-практическом отношении для постсоветской России, являющейся одним из ярких примеров кризиса «постимперской» национальной идентичности, «мультикультуралистского» кризиса и площадкой для развития различных «гендерных» движений.

Ислам играет важную роль в жизни наших респондентов бангладешского и пакистанского происхождения (районы Тауэр-Хэмлетс в Лондоне, Глодвиг в Олдеме Манчестера и Бредфорд): все они стали мусульманками по рождению и в результате апроприации окружающей культуры, вследствие того, что в социально-экономическом и культурном отношении «иммигрантское» население Британии довольно однородно (например, бангладешцы Лондона как правило

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ (МК-1206.2019.6, рук. Д.Н. Караваева).

являются выходцами из региона Силхет, Бредфорда – Мирпури и т.д.). Около 90 % от общего числа бангладешцев и пакистанцев в Англии и Уэльсе (513 000) в 2011 г. определяют себя как мусульмане [7]. Британский ислам, синкретирующий элементы бангладешской, мусульманской и британской идентичностей, становится объединяющим фактором и медиатором формирования постколониальной «промежуточной» мигрантской культуры (*“in-between” culture*), выражающейся как в манере готовить шотландское национальное блюдо хаггис из халляльных ингредиентов, так и в общей идентичности.

Одним из способов заявления и презентации идентичности для «третьего поколения» «новых мусульманок», как и во многом современного британского феминистического движения, становится идея сестринства в проекции художественной и развлекательной культуры, моды. И таким образом «иммигрантское» мусульманское население интегрируется не только с идеологией глобального ислама, глобальной женской солидарности, но и собственно идеей *Britishness*.

Хиджаб, «крутой, модный аксессуар», стал мейнстримной основой для целой исламской индустрии моды (и такого явления как *Hijabi Barbie* [3]), а также социального и политического духа британо-мусульманской общности [5]. Модели носят хиджаб на подиуме или спортзале (например, компания *Nike* выпустила серию спортивной «мусульманской» одежды для женщин [4]), многие торговые точки ориентированы на новую мусульманскую женщину, которая ищет красочную и модную одежду, носит платок с джинсами, дорогие кроссовки / каблуки и слушают *iPod*, когда они сидят в ресторанах (как правило, разделенных по гендерному признаку и где не подают алкоголь), – в том числе для того, чтобы выделиться в среде женщин. Одетые в яркий хиджаб, длинные юбки и ювелирные украшения, Хиджаби-Барби, утверждает Фэнташ, пресыщены фанатизмом, экстремизмом и угнетением, и все чаще предпочитают выражать свою идентичность и веру через их одежду [3]. Эти женщины объединили элементы религии с модой. Современные, модные, религиозно сознательные, они пытаются подчеркнуть свою женственность в рамках патриархальных практик [6, р. 187].

Таким образом, специфическая исламская мода создает пространство, где женщины выражают собственные идентичности. Как говорит одна из наших респонденток: «Мне не нравится отвратительная одежда, которую носит моя мама... Я покупаю в основном в H&M. У меня много цветных хиджабов, чтобы можно было сочетать их с цветом моей одежды». Или другая респондентка: «Я думаю, мой выбор платья – это мое утверждение веры и индивидуальности. Мне неприятны англичанки, которые ходят полуголые или обтягивают свои толстые тела рваными колготками,

напиваются по пятницам, ходят в туалет при всех прямо на улицах после этого, ведут беспорядочную жизнь» [8].

Очевидно, что выбор платья позволяет мусульманкам найти некий компромисс между своими множественными идентичностями британского мусульманского подростка. Их вопрос: «Почему я не могу быть одновременно и модной, и религиозной?» очень важен, и знаменует собой появление особой британо-исламской культуры. Такой подход также может рассматриваться как сопротивление против бангладешской «патриархальности», желание справиться с комплексами привлекательности и «замаскировать» свои «недостатки», или же противостоять индустрии западной рекламы с ее пиететом к оголенному телу и разным формам эротизма, презентовать хиджаб как видимое выражение своей культурной позиции (а не средства для скрытия себя) и провозглашать верность идеалам *sisterhood* в рамках своей социальной и культурной группы.

Несмотря на попытки отдельных респондентов и авторов представить данные процессы в качестве отражения патриархальных гегемонистских мужских стратегий и структур [1; 2, p. 154], ношение платка – это позиция женщин как носителей реальной, воображаемой и идеологизируемой британской исламской идентичности, позволяющей им выстроить позитивные взаимоотношения с остальными членами британского общества. И хотя гендерное отношения в рамках британского ислама остаются незавершенным и сложным процессом, женщины в рамках британского ислама чувствуют себя частью местного и глобального сообщества сестринства, и могут «противостоять» дилемме идентичности, когда получается, что они не принадлежат ни бангладешской этнической, ни британской национальной общине.

Несомненно, данные процессы не вписываются в традиционный европейский феминистический дискурс, для женщин, предпочитающих носить хиджаб или джилбаб, акт «сокрытия» является своего рода символом перехода от традиции к современности. Хиджаб также олицетворяет собой духовный путь, дающий им чувство принятия и достоинства, позволяет женщинам сопротивляться и отвергать традиционные патриархальные бангладешские культурные обычаи и родительские порядки, становится символом «сопротивления» и «отвержения» Запада и «распущенной» феминистской женской «западной» культуры. Как следствие, многие из них требуют признания общественных мест как гендерно-нейтральных зон и становятся «видимыми» (заметными) в общественных местах, где доминируют мужчины, а также активными и уверенными членами британского общества – далекими от «ориенталистской» конструкции пассивности и покорности. Женская мусульманская идентичность через символизм одежды стала публичным выражением личной идентичности и политики признания.

Библиография

1. Alibhai-Brown Y. This is not about a woman's right of dress, it is about the values of our secular society // *The Independent*. 2006. 16 October. P. 29.
2. Aminul H. British-Islamic Identity: Third-generation Bangladeshis from East London. L.: Trentham Books, 2015. 176 p.
3. Fanshawe S. The millions of reasons to see Islam in a new light // *The Guardian*, 15 November 2006, 6. – URL: www.theguardian.com/society/2006/nov/15/comment.guardiansocietysupplement.
4. Hijab för kvinnor. Nike Pro. – URL: <https://www.nike.com/se/t/hijab-pro-y7mzD8>.
5. Iqbal N. Beyond the veil // *London Evening Standard*, 2010, 5 November. P. 24–25.
6. Sanghera G., Thapur-Bjerkert S. Because I am Pakistani... and I am Muslim... I am political – Gendering political radicalism: Young femininities in Bradford / Abbas T. (ed.) *Islamic Political Radicalism: A European perspective*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 320 p.
7. Sedghi A. UK Census: Religion by age, ethnicity and country of birth // *The Guardian Datablog*. 2013, May 16. – URL: www.theguardian.com/news/datablog/2013/may/16/uk-census-religion-age-ethnicity-country-of-birth.
8. ПМА 50 – Полевые материалы экспедиции автора в Манчестер (Манчестер), октябрь, декабрь 2018 г. (информанты: работница исламского культурного центра Т. Джавид, домохозяйка З. Миа) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 50.

Караваяева Дина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия; dina.karavaeva@bk.ru

Созинова Ксения Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия; makrushina86@list.ru

British Islam, the sisterhood ideal of global female community, an entertaining culture and British national identity in modern Britain

The article presents the results of a study of the so-called "British Muslims" and multiculturalism in the context of national identity in modern Britain. It is shown that the "immigrant" Muslim population integrates not only with the ideology of global Islam, global female solidarity, but also with the idea of multicultural / intercultural national identity (Britishness). The work is based on unique historiographic, political, museum, media sources, as well as copyright field ethnographic materials.

Keywords: Great Britain, multiculturalism, immigration, British Muslims, gender, sisterhood, sisterhood, hijab, fashion, national identity, Britishness, Britishness

Karavaeva Dina Nikolaevna, Candidate of History, Senior Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia; dina.karavaeva@bk.ru

Sozinova Ksenia Andreevna, Candidate of History, Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia; makrushina86@list.ru

Кузнецова С.В.

Историческая политика в пост-югославских государствах¹

«Мемориальный бум» 1980-х гг. обозначил обращение всеобщего внимания к проблематике памяти. В частности, возрос интерес к исторической политике в государствах, образовавшихся на территориях бывших СССР и Югославии. Во втором случае исследования осложнены конфликтными отношениями стран-участниц югославского кризиса, историческая политика которых служит средством защиты и после окончания войны.

Ключевые слова: memory studies, историческая политика, национализм, Югославия

В XX – начале XXI вв. историческая наука как область гуманитарного знания пережила ряд поворотов (антропологический, лингвистический, культурологический и др.), что, несомненно, обогатило ее методологический арсенал. «Мемориальный бум» 1980-х гг. обозначил обращение всеобщего внимания к проблематике памяти, в результате чего произошло оформление междисциплинарного направления исследований memory studies. Число работ в данной области едва ли поддается подсчету, и можно утверждать, что произошел подлинный «мемориальный поворот», обогативший историков множеством новых понятий. Тем не менее появление и активное использование таких категорий, как «историческая память», «культурная память», «коммуникативная память» и др. не только расширили терминологию, но и значительно усложнили ее. Например, центральное понятие «память» до сих пор не имеет ясного определения [2]. Различаются подходы историков к соотношению понятий «память» и «история» [3]. Продолжается обсуждение содержания «исторической политики», «политики памяти» и «исторической памяти», которыми, в частности, пестрят работы по проблемам образования новых государств на территориях бывших СССР и Югославии. Отсутствие единогласия в принятии какого-либо одного варианта определения для каждого из терминов дает историкам право предлагать собственные версии. Так, Г. Касьянов обозначает историческую политику на Украине и на посткоммунистическом пространстве конца 1980-х–2016 гг. как «разновидность политики, целью и содержанием которой является целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

целях «исторической памяти» и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций, в том числе профессиональной историографии» [1, с. 35]. Это толкование кажется нам вполне применимым к практике обращения с историей и памятью в пост-югославских странах.

Историческая политика государств, образовавшихся в ходе распада Югославии, тесно связана с идеологией национализма. С одной стороны, она направлена на формирование и укрепление чувства национальной общности, основанной на общем прошлом, и служит политической мобилизации сообщества. В связи с этим исторический опыт представляется уходящим в глубь веков. Так, в случае Хорватии, сама древность нации и ее культурное своеобразие служили обоснованию притязаний на независимое государство, которое было «тысячелетней мечтой» (*centuries-old-dream*) хорватского народа [4, р. 67-68], осуществленной в ходе «тысячелетней борьбы» (*millennial struggle*) [6, р. 30-31]. С другой стороны, историческая политика государств региона не лишена враждебности по отношению к соседям. Это находит выражение в создании образа Другого как агрессора и в позиционировании себя в качестве жертвы. Отрицание собственных военных преступлений свойственно и сербам, и хорватам, и боснийцам [9, р. 69].

Значительное влияние на историческую политику Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины оказала работа Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ). Безусловно, характер и динамика сотрудничества названных государств с МТБЮ в каждом случае различается, однако так или иначе свидетельства, обвинительные заключения и судебные решения используются для создания памяти о войне и включены в национальные нарративы в целом. Их интерпретации, исключающие признание вины, превращены в дискурс о героизме, жертвенности и мученичестве [10, р. 223]. В результате сложились три разных варианта памяти: «память победителей» в Хорватии, «память жертв» в Боснии и «память побежденных» в Сербии [10, р. 95–220]. В случае Хорватии военный конфликт 1991–1995 гг. получил название «Отечественная война» (*Homeland War*), что априори оправдывает любые преступления как необходимую защиту [5, р. 72] и героизирует военных, в том числе признанных МТБЮ преступниками [9, р. 70].

Сотрудничество стран бывшей Югославии с МТБЮ было необходимым шагом в налаживании отношений с Европой и последующем вступлении в ЕС. Евроинтеграция подразумевала не только соответствие Копенгагенским критериям, но и условие «преодоления прошлого», в том числе примирение с врагами [8, р. 894]. В связи с этим историческая политика видоизменяется и европеизируется.

Например, национальные символы реинтерпретируются в общевропейском значении. Так, Вуковар, который для Хорватии является символом борьбы за независимость, на европейском уровне позиционируется в качестве жертвы тоталитаризма, темы, которая включена в пространство европейской памяти, поддерживаемой Европейским Парламентом [8, p. 900].

Таким образом, самый краткий обзор исторической политики в странах бывшей Югославии демонстрирует, что изучение конкретных случаев должно включать не только анализ содержания самого национального нарратива, но и его помещение в поле нарративов соседей, учет влияния работы МТБЮ, формирующего свой нарратив о войне, и внимание к интеграции национальной исторической памяти в общеевропейскую. Приступая к исследованию, следует также помнить, что его терминологический аппарат требует уточнения. Сам предмет изучения отличается во всех смыслах конфликтным характером, чтобы нагружать его использованием понятий, понимание которых у автора и читателя может различаться.

Библиография

1. Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика 1987–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 632 с.
2. Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12-27.
3. Федорова М.М. История/память: «трудная» дилемма // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 108-121.
4. Bellamy A.J. The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-Old-Dream? Manchester and New York: Manchester University Press, 2003. 224 p.
5. Biondich M. «We Were Defending the State»: Nationalism, Myth, and Memory in Twentieth-Century Croatia // Ideologies and National Identities the Case of Twentieth-Century Southeastern Europe. Ed. by Lampe J.R., Mazower M. Budapest, New York: Central European University Press, 2004. P. 54-109.
6. Zakošek N. The Heavy Burden of History: Political Uses of the Past in the Yugoslav Successor States // *Politička misao*. Vol. XLIV. No. 5. 2007. 29-43.
7. Milošević A. Back to the Future, Forward to the Past: Croatian Politics of Memory in European Parliament // *Nationalities Papers*. Vol. 45, No. 5. P. 893-909.
8. Racivic S. We Are Not Like Them: Denial of the Other in Serbia, Croatia and Bosnia-Herzegovina // *Nation-States and Xenophobia: In the Ruins of Ex-Yugoslavia*. Ed. by Pajnik M. and Kuzmanic T. Ljubljana: Peace Institute, 2005. P. 61-74.
9. Ristić K. Imaginary Trials. War Crime Trials and Memory in former Yugoslavia. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2014. 246 p.

Кузнецова Светлана Вячеславовна, кандидат исторических наук, ассистент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; kuznetsova.s.v@gmail.com

The Politics of History in post-Yugoslav states

“Memorial Boom” of the 1980s outlined the attention to memory issues. In the case of Yugoslavia, any research is complicated by the conflict relations between the countries

participating in the crisis. Their politics of history serves as a means of protection even after the end of the wars.

Keywords: memory studies, politics of history, nationalism, Yugoslavia

Kuznetsova Svetlana Vyacheslavovna, Candidate of History, Assistant, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; kuznetsova.s.v@gmail.com

УДК 94(438)

Кутявин В.В.

Традиции Первой Речи Посполитой в политической культуре современных государств Центральной и Восточной Европы

III Конгресс зарубежных исследователей истории Польши (Краков, 11-14 октября 2017 г.) обратил внимание профессионального сообщества историков на настоятельную необходимость изучения проблем наследия, традиции старой Речи Посполитой (XV–XVIII вв.) в исторической и современной жизни, прежде всего в политической культуре, народов и государств, наследников этого цивилизационного феномена. Следует признать, что проблемы наследия, традиции российского цивилизационного пространства (в имперской и советской конфигурациях) являются сейчас не менее актуальными. Полезно также сравнить политические матрицы обеих цивилизаций, перекрещивающихся геополитически и культурно-исторически.

Ключевые слова: III Конгресс зарубежных исследователей истории Польши; старая Речь Посполитая; память; наследие; традиция; политическая культура

Третий Конгресс зарубежных исследователей истории Польши (Краков, 11–14 октября 2017 г.) сформулировал заглавную тему (девиз) так – «Старая Речь Посполитая: история, память, наследие» [1]. Польско-Литовское государство XV–XVIII веков (старая или Первая Речь Посполитая) еще во времена своего существования привлекало внимание наблюдателей, ибо именно тогда поляки создают самые своеобразные формы цивилизации во всех основных сферах жизни. Прошлое этого культурно-цивилизационного феномена до сегодняшнего дня сохраняет свою притягательность для историков и публицистов, однако организаторы последнего Конгресса историков-полонистов считают остро актуальным сейчас особый ракурс этой проблематики – память, наследие, традицию. Конечно, не обошлось здесь без влияния «мемориального поворота» в современной историографии. Но значительно важнее обстоятельства злободневные, в том числе и сиюминутно политические – новейшие геополитические изменения и общественные настроения в государствах субрегиона Речи Посполитой. Во взаимоотношениях некоторых из этих

государств вопросы истории воспринимаются сейчас как труднейшие и важнейшие, отодвигая иногда проблемы политические и экономические. Исторические дискуссии в такой ситуации ожидаемо драматичны.

Субрегион Первой Речи Посполитой – традиционно полиэтнический и многоконфессиональный, исторически переживший бесконечные потрясения, много раз формировавшие новый геополитический ландшафт, умножая в будущем число государств-наследников, зарождавшихся и развивавшихся под влиянием политической традиции Польско-Литовского государства. Обычный в такой ситуации процесс конструирования истории, сопровождающий становление этих государств, неизбежно будет испытывать политическое и общественное давление, провоцировать «мечты о прошлом», а значит и неизменное присутствие мифа. Между тем, самого серьезного внимания профессиональных историков заслуживают сложившиеся в Речи Посполитой концепции федерализма, функционирование институтов самоуправления, многочисленные политические проекты народов, входивших в ее состав. По-прежнему привлекает внимание вопрос о возможной модернизации в XXI веке модели Речи Посполитой как «сообщества народов».

Традиции Первой Речи Посполитой остаются неотъемлемым, устойчивым, а иногда и структурообразующим элементом политической культуры современных государств, ее наследников, формируя стандарты и нормы политического поведения, политические представления, политические символы и ценности, общественно-политические привычки. Польские исследователи достигли заметных успехов в изучении политической культуры польского общества в ее основных аспектах – историческом, современном, сравнительном [см., например: 2; 3; 4]. При этом признается, что культурно-цивилизационный потенциал наследия старой Речи Посполитой мог (и может) объединять или разделять народы, способствовать успешному общественному развитию или затруднять его.

Исключительно сложная и актуальная проблематика наследия, традиции Первой Речи Посполитой и польский опыт ее изучения напоминает исследователям о важности изучения наследия субцивилизаций. Речь идет, например, о габсбургской или османской субцивилизациях, их традициях в политической культуре государств-наследников. Но для наших исследователей, конечно, приоритетным остается изучение российской субцивилизации (в имперской и советской конфигурациях), традиции которой слишком часто сводятся к этнографической архаике, нагруженной патриотическими эмоциями. Польская и российская субцивилизации, а значит, и их традиции, как известно, перекрещиваются, что создает

превосходный материал для сравнительного анализа. Аналитические процедуры, в свою очередь, помогают историку, выходящему в сферу публичности, сохранить статус и репутацию профессионального работника науки.

Библиография

1. Chwałba A., Noga Z., Salamon M., Zamorski K. III Kongres Zagranicznych Badaczy Dziejów Polski. 11-14 października 2017. Sprawozdanie // *Historyka. Studia Metodologiczne*. T. 48. 2018. S. 475-482.
2. *Kultura polityczna w Polsce i w Niemczech* / Redakcja naukowa G. Meyer, S. Sulowski, W. Łukowski. Warszawa: Elipsa, 2007. 252 s.
3. Opaliński E. *Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1995. 348 s.
4. *Państwo I kultura polityczna. Doświadczenia Polski XX wieku* / Redakcja naukowa W. Jakubowski, T. Słomka. Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. A. Gieyszтора, 2009. 516 s.

Кутявин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия; vladimir.kutiavin@gmail.com

Traditions of Polish-Lithuanian Commonwealth background in political culture of modern Central and Eastern European states

3rd Congress of International Researchers of Polish History (Krakow, 11-14 October 2017) has attracted attention of community of academic historians to an urgent need of studying problems of heritage and traditions of Polish-Lithuanian Commonwealth (15th – 18th centuries) in history and current society, primarily in political culture of peoples and states which have inherited that civilizational phenomenon. It must be acknowledged that problems of heritage and traditions of Russian civilization space (in its Imperial and Soviet incarnations) are not less important than the former ones. It is also useful to compare “political templates” of both civilizations which geopolitical and cultural-historical borders overlap each other.

Keywords: 3rd Congress of International Researchers of Polish History; old Rzeczpospolita; memory; heritage; traditions; political culture.

Kutiavin Vladimir Vladimirovich, Candidate of History, Associate Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia; vladimir.kutiavin@gmail.com

Ловчев В.М.

Образы и сюжеты античной истории в процессе профессиональной подготовки социальных конфликтологов

Античное наследие в подготовке конфликтологов заключается в следующем: истолкование понятийного аппарата; использование достижений научной и художественной мысли, вовлечение в педагогический процесс артефактов, обобщение методического опыта; привлечение студентов-конфликтологов к распространению информации об античности в ходе публичных акций.

Ключевые слова: конфликтолог, античность, высшее образование, опыт, педагогика

Конфликтология является суперактуальной и архипрагматичной дисциплиной. На первый взгляд излишней тратой драгоценного учебного времени являются обращения к судьбам потомков Ромула или покорителей Трои. Однако каждая последующая эпоха мировой истории знала своё Возрождение (или свои Возрождения). Таким образом, античный период в истории человечества является в лице его образов и сюжетов неперменным участником всех крупных современных проблем и конфликтов. Поэтому даже в такой непрофильной с точки зрения классической античности специальности, как конфликтология, наследие древних греков и римлян является обязательным инструментом педагога высшей школы.

Использование античного наследия можно логическим путем разделить на несколько элементов. Наиболее востребованным является истолкование понятийного аппарата современной науки и культуры.

Названия большинства наук, дисциплин, направлений полностью или частично восходят к латинским или греческим корням.

Любимейшие автором данной статьи стихотворения (или небольшие поэмы И.А. Бродского) своими латинскими названиями позволяют кратчайшим образом обрисовать соотношения понятий элитарная и массовая культуры. Если представленные на презентации слова «Anno Domini» [2, с. 168-170] находили среди юных конфликтологов верное истолкование, то поэма «Post aetatem nostram» [2, с. 345-354] ни в одной студенческой группе не была переведена адекватно без помощи всемогущего Гугла.

Очень востребованы ключевые образы античной мифологии, и здесь заключены значительные резервы роста. Название книги «Отречение от Диониса» [4] понятно большинству учащихся,

но загадкой остается топонимика из печального стихотворения классика «По дороге на Скирос» [2, с. 171-172].

Характеристика достижений научной и художественной мысли древних греков и римлян открывает, практически, каждый учебный конфликтологический курс, ибо в первой, вводной лекции рассматриваются истоки соответствующей дисциплины. Видимо самым поминаемым из античных мудрецов является Гераклит Эфесский. Диалектический подход к изучению конфликтов требует хотя бы краткой отсылки к основоположнику диалектики. Немногим уступает Гераклиту по частоте обращения «Отец истории» Геродот [3]. Преподаватели, в частности, автор данной статьи, почтительно величают его, в зависимости от предмета, и «Отцом географии», и «Отцом этнографии», и «Отцом наркоконфликтологии», и «Отцом конфликтологии международных отношений» и т.п.

Систематическое обобщение методического опыта, предпринятое во второй половине 10-х годов конфликтологами КНИТУ имело в качестве первой монографии серии обращение к первому европейскому конфликтологу – к Гомеру [5]. Успешный опыт данного исследования позволил выстроить логическую цепочку. Использование классических текстов в преподавании конфликтологии выглядит на сегодня так:

- Античность представлена монографией о Гомере;
- Средние века – монографией о Данте Алигьери;
- Возрождение – монографией о Шекспире;
- Раннее Новое время – монографией о Гёте.

В исследовании о Гомере охарактеризованы 16 учебных дисциплин бакалаврского цикла, в процесс преподавания которых могли быть вовлечены образы из «Илиады» и «Одиссеи». В магистерском цикле отмечены уже 20 дисциплин, в которых герои Троянской войны служат преподавателю инструментом активизации слушателей.

Вовлечение в педагогический процесс артефактов имеет существенное нравственное ограничение. Преподаватель конфликтологии не имеет возможности отломить на память фрагмент стены Акрополя. Однако практически безграничны возможности, отражающие влияние античности на современную массовую культуру. На прошлогодней конференции «Античное наследие в последующие эпохи» автор данной статьи отметил использование образы совы на монете в один евро [1, с. 144].

Важным элементом повседневной культуры является использование подставок под чашки. Подставки из Греции выгодно отличаются своей двусторонностью. На одной стороне подставки представлен шедевр архитектуры в современном виде, на другой – вариант его реконструкции.

54 листа карточной колоды «Greek Philosophers» (произведено в Афинах в 2011 году) позволяют продемонстрировать студентам огромный запас мудрости, накопленный древними эллинами.

Привлечение студентов-конфликтологов к распространению информации об античности в ходе публичных акций начиналось со «словесных пазлов», важным элементом которых является ныне фраза Аполлония Тианского о преимуществах рекреации человека в трезвом виде [Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. II. 36].

Наиболее привлекательными внешне являются так называемые «Профилактические пятнашки». Гость массовой акции, правильно расставив пятнашки, получает представление о следующей очередности появления богов согласно древнегреческой мифологии [6, с. 68-69].

Самым бюджетным и весьма «азартногеничным» античным материалом, с которым работают наркоконфликтологи на публичных акциях, являются так называемые «гомеровские пазлы».

Новейшим примером использования античного наследия, является вопрос в интерактиве по популярному сериалу «Игра престолов». Он отсылает участника акции к поговорке, идущей, якобы, от древних римлян: «Кому принадлежит абсолютно правильная мысль: «Люди, говорящие, что мудрость заключена в вине, просто глупцы?»

Возможности использования античного наследия в профессиональной подготовке конфликтологов, практически, безграничны. Автор данной статьи ставил себе задачу по выделению основных групп методических материалов и опирался, в первую очередь, на собственный педагогический опыт. Обобщение коллективного опыта конфликтологов различных регионов внесет, несомненно, новые группы в предложенную типологию.

Библиография

1. Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация? Российско-германский образовательный симпозиум. Казань: Изд-во Казанского унта, 2018. 180 с.
2. Бродский И.А. Стихотворения и поэмы в 2 т. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2019.
3. Геродот. История в девяти книгах. М.: Издат. центр «Ладомир», 1993. 600 с.
4. Ловчев В.М. Отречение от Диониса (к вопросу о возможности культурологического подхода к профилактике наркотизации). Казань: Изд-во КНИТУ, 2015. 304 с.
5. Ловчев В.М. Первый конфликтолог Европы? Использование поэм Гомера в изучении и преподавании конфликтологических дисциплин. Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. 184 с.
6. Ловчев В.М. Профилактические пятнашки / Шестые традиционные чтения // Эйфория. 2015. № 1 (126). С. 68-70.
7. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985. 328 с.

Ловчев Владимир Михайлович, доктор исторических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия; v.Lovchev@yandex.ru

Images and plots of ancient history in the process of training social conflictologists

Resume: the ancient heritage in the training of conflictologists is as follows: interpretation of the conceptual apparatus; using the achievements of scientific and artistic thought, involving artifacts in the pedagogical process, generalizing methodological experience; involvement of conflict students in the dissemination of information about antiquity during public events.

Keywords: conflictologist, antiquity, higher education, experience, pedagogy

Lovchev Vladimir Mikhailovich Doctor of History, Associate Professor, Kazan National Research University of Technology, Kazan, Russia; v.Lovchev@yandex.ru

УДК 94(44)"18/19"

Моисеева Е.Н.

Пропаганда имперской политики в трудах французских историков конца XIX – начала XX вв.

В статье анализируются исторические сочинения Л. Дешама и П. Гаффареля. Работы этих авторов являются частью имперского дискурса, формировавшегося во Франции в последней трети XIX – начале XX вв. Изучая историю французской колонизации, они пропагандировали необходимость современной им экспансии. С помощью основополагающих понятий националистического дискурса они формировали имперское самосознание нации.

Ключевые слова: Франция, имперский дискурс, имперская пропаганда, Л. Дешам, П. Гаффарель, историческая наука

Изучая имперскую идеологию Нового времени, важно понять, как европейцы приняли идею о том, что удаленные территории можно и нужно завоевывать, а туземное население нуждается в цивилизаторском воздействии Запада. О том, что эта идея взросла внутри самой культуры метрополии, пришел к выводу Э. Саид в своей знаменитой работе «Культура и империализм» [6]. Большой вклад в формирование этой идеи внесли ученые. Наряду с политиками, экономистами, журналистами они конструировали дискурс империализма. В период III-й Республики во Франции появилось немало исторических исследований, посвященных истории французской колонизации. Следует выделить таких авторов, как Поль Гаффарель (1843–1920), Леон Дешам (1849–19...). Изучая историю французской колонизации, они пропагандировали необходимость современной им экспансии, писали о политической и экономической необходимости колонизации и внушали соотечественникам веру в их «колониальный гений».

Принимая во внимание тот факт, что «империя глубоко затронула французскую национальную идентичность и общество метрополии» [8, с. 142], а империю неоправданно противопоставлять национальному государству [7], необходимо изучать имперские идеи в их взаимосвязи с дискурсом национализма. Как историки с помощью таких основополагающих понятий националистического дискурса как «общество», «нация», «отечество» и т.п. пытались укрепить в обществе имперское самосознание? В 1891 г. вышла в свет работа историка Леона Дешама «История колониального вопроса во Франции» [1]. В ней автор поставил перед собой следующие вопросы: «Есть ли у французов вкус к колонизации? Национальное чувство поддерживает или нет колонизацию? Если колонии были в неблагоприятной ситуации, то по каким причинам это происходило?» [1, Avant-propos, p. 9].

Р. Жирарде пишет о противостоянии во Франции в последней трети XIX в. двух типов национализма: имперского и континентального [5, p. 108]. Дешам был из тех, кто связывал будущее величие Франции с колониальной экспансией. Он считал, что «для того, чтобы колонизация была успешна, она должна быть поддержана всей нацией» [p. 8]. Колониальный вопрос для него – это «вопрос воспитания» нации [p. 388]. Для того, чтобы доказать своим соотечественникам, что они обладают колонизаторскими способностями, Дешам обратился к прошлым колониальным успехам Франции. Он писал, что во Франции, начиная с XIV в. существовал интерес к открытиям новых земель. По мнению историка, французы гораздо раньше не только Англии и Голландии, но Испании и Португалии проявили интерес к заморским экспедициям. Дешам имел в виду моряков из Дьеппа, которые достигли Гвинеи «пока еще португальцы и испанцы не вышли из своих портов (XIV в.)» [1, p. 4]. Обращение к исторической памяти французов, опора на давние этнические идентичности своих читателей, напоминание о прошлом экспансионизме дьеппских моряков должны были вызвать к жизни современный экспансионизм французов.

На страницах книги Л. Дешама чередой проходили французские первооткрыватели, путешественники, герои, которые своими прошлыми успехами должны были освещать настоящую колониальную экспансию. Автор высоко оценивал деятельность Шамплэна, Ришелье, Кольбера и других исследователей, политиков и пропагандистов колонизации. Были в работе Дешама и антигерои, среди них Наполеон Бонапарт. По мнению историка, ответственность за крах колониальной политики Франции в начале XIX в. целиком лежала на нем [1, p. 347]. По итогам Наполеоновских войн «...Франция становится последней из колониальных держав»

[1, p. 352]. «Само слово “держава” к ней уже сложно было применить» [1, p. 352]. Историк очень эмоционален в оценке Наполеона. Язык национализма – это язык страсти. По его словам, Наполеон был повинен не только в колониальных потерях, но и в изменении отношения французов к колониальной экспансии. «Он заставили нас потерять вкус к колонизации» [1, p. 349]. Сами французы имели «колониаторский дух», но Наполеон не дал ему реализоваться [1, p. 354]. «Неприятие» в современном французском обществе колониальной политики Л. Дешам связывал именно с Наполеоном, обвиняя в том, что он «приковал ее (Францию) к материку с железными цепями» [1, p. 254]. Поль Гаффарель – автор работ «Колониальная политика Франции с 1789 по 1830 гг.» [3] и «Наша колониальная экспансия в Африке: с 1870 по наши дни» [4] и др. выразил аналогичное мнение: «Самое плачевное в том колониальном крахе, за который ответственен Бонапарт, что он имел последствия для нации. Парализованная и прикованная к континенту своими победами Франция потеряла интерес к колониям» [3, p. 13].

Вернуть «вкус к колонизации», «переделать национальный характер» [1, p. 388] было можно, изменив систему образования во Франции. Дешам считал, что школа должна дать средним слоям общества качества, необходимы колонисту и коммерсанту [1, p. 389]. Автор выступал за профессионального колонизатора, обладающего особыми знаниями. Он написал для учащихся «Краткую историю Французской колонизации» [2], которая должна была послужить делу колонизации, развить у молодежи «вкус к колонизации» и дать «колониальные знания». В предисловии к книге Дешам так и пишет: «это рассказ о колонизации, цель которого лучше узнать современную ситуацию в империи, это практические знания о наших колониях, которые помогут извлечь из них экономическую пользу» [2, Avant-propos, p. 12]

Будущее французской нации историки связывали с экспансией. Континентальная политика была для них «гибельной». Слово «держава» (*puissance*) Дешам понимал, как государство, обладавшее значительными заморскими территориями. Для Гаффареля колониальная история – часть национальной истории Франции. Первооткрыватели и колонизаторы становились национальными героями на страницах книг Дешама и Гаффареля. Такие понятия, как «Империя», «величие нации» не исключали, а взаимно дополняли друг друга и формировали новую идентичность французов.

Библиография

1. Deschamps L. Histoire de la quèstion coloniale en France. Paris: Librairie Plon **Nourrit et Cie**, 1891. 405 p.

2. Deschamps L. Histoire sommaire de la colonisation française. Paris: F. Nathan, 1894. 156 p.
3. Gaffarel P. La politique coloniale en France de 1789 à 1830. Paris: Félix Alcan, 1908. 489 p.
4. Gaffarel P. Notre expansion coloniale en Afrique de 1870 à nos jours. Paris: Félix Alcan, 1918. 282 p.
5. Girardet R. Le Nationalisme français, 1874–1914. Paris: A. Colin, 1966. 278 p.
6. Said E. Culture and Imperialism. London, 1994. 380 p.
7. Бурбанк Д., Купер Ф. Траектория империи // Ab Imperio. 2007. № 4. С. 47-85.
8. Мюррей-Миллер Г. Трассредиземноморская Франция / перевод с англ. Ю.В. Ткаченко // Французский ежегодник. 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М., 2017. С. 141-161.

Моисеева Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия; moiseevaen@rambler.ru

Propaganda of imperial politics in the works of French historians of the late XIX - early XX centuries

This article analyzes the historical writings of L. Deschamps and P. Gaffarel. The works of these authors are part of the imperial discourse, which was formed in France in the last third of the XIX – early XX centuries. They promoted the need for modern expansion when they studied the history of French colonization. With the help of the fundamental concepts of nationalist discourse, they formed the imperial self-consciousness of the nation.

Keywords: France, imperial discourse, imperial propaganda, L. Deschamps, P. Gaffarel, historical science

Moiseeva Ekaterina Nikolaevna, Candidate of History, Associate Professor, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia; moiseevaen@rambler.ru

УДК 930.1

Попова А.А.

«Вавилон» против «Библии»: как стать знаменитым после одной лекции

Автором рассматриваются две тесно связанные друг с другом проблемы: легитимации нового знания в поле науки и его последующего распространения во внеаучной сфере общества. Данные процессы изучаются на примере первой лекции из цикла “Babel und Bibel” немецкого ассириолога Фридриха Делича.

Ключевые слова: ассириология, германская историография, история науки, Фридрих Делич, «Вавилон и Библия»

Вопрос возникновения и легитимации научного знания пока остается в науке дискуссионным, еще менее изучен процесс проникновения знания за пределы поля одной науки как в пределы других

наук, так и во вненаучное поле, а также их взаимовлияния. Мы попытаемся рассмотреть данный процесс на конкретном примере.

Германский ассириолог Фридрих Делич (1850–1922) по праву считается одним из основателей ассириологии как научной дисциплины. Он внес огромный вклад в изучение аккадского языка, был учителем многих известных ассириологов, а также являлся одним из первых популяризаторов этой науки.

Зимой 1902 г. Делич выступил с первой лекцией цикла “Babel und Bibel” в рамках ежегодного отчета о деятельности Германского восточного общества (ГВО). Помимо членов общества и его спонсоров в зале присутствовал Вильгельм II со свитой [3, S. 95].

Накануне первого выступления Делича с лекцией германское общество было заинтересовано новыми находками из загадочной Месопотамии, основной задачей ученого же было, во-первых, дать краткий экскурс в историю и культуру этой страны, а во-вторых, обобщить новые данные, полученные археологами Германии за время раскопок, для чего он лично посетил несколько древних месопотамских городов. Хотя формально эта цель нигде не ставилась, и Делич предлагал руководству ГВО несколько тем для выступления, в итоге была избрана именно эта – потому что сквозь призму широко известного неподготовленному слушателю библейского материала было гораздо проще воспринять историю и культуру упоминаемой в Священном Писании страны.

“Babel und Bibel” – общее название трёх лекций, прочитанных Деличем последовательно в 1902, 1903 и 1904 гг. Каждая лекция не имела собственного названия, но была посвящена определенной тематике; при этом первые две выступали как форма отчета перед ГВО и его спонсорами, а последняя имела вид классической. Мы остановимся только лишь на первой лекции, поскольку именно она впервые привлекла внимание к ассириологии представителей интеллектуального сообщества Германии за пределами узкого круга специалистов.

Эта лекция была посвящена доказательству основного тезиса: ветхозаветную традицию можно адекватно понять только в свете новых открытий в области ассириологии. Поскольку Ветхий Завет составлялся на протяжении многих веков, смысл многих символов, понятий, ритуалов был утерян. Новые открытия в сфере ассириологии могут помочь понять происхождение и развитие еврейской традиции [2, S. 3-5].

Делич доказывал, что поскольку вавилонская традиция древней израильской, то многие религиозные концепты и идеи, вошедшие позже в Священное Писание, были заимствованы из вавилонской культуры, а не являлись автохтонными элементами, как

полагалось ранее. Например, идея о создании мира, понятие греха, представления о рае и даже, с некоторыми оговорками, монотеизм. Исходя из этого, также нельзя говорить о существовании божественного откровения [2, S. 34-38, 40-41, 45-50].

Первая лекция обрела скандальную славу, активно освещалась в прессе и была опубликована довольно крупным тиражом. Когда читатели ознакомились с ее содержанием, она вызвала настоящий фурор в интеллектуальных кругах. Только меньшинство было согласно с высказываниями Делича (хотя нужно отметить, что тогда это было наиболее влиятельное меньшинство, возглавляемое самим кайзером), тогда как большинство: философы, богословы, церковники (католики, протестанты, раввины), историки выступали открыто против и писали многочисленные отзывы и рецензии, чаще всего негативные. По подсчетам самого Делича, отзыву на его лекции было посвящено 1350 небольших и более 300 крупных газетных и журнальных статей, а также 28 брошюр и множество статей в иностранных изданиях. «Письма, которые я получил, могут опоясать всю Землю: от Калькутты до самой дальней фермы Калифорнии, и от Норвегии до Кейптауна» – писал он [1, S. 3].

Однако стоит разобраться, что же вызвало такую бурную реакцию. Несомненно, высказывания Делича представляли опасность не только для библеистики, прочно укрепившейся в университетском образовании со времен средневековья, но и для церкви в целом. Авторитет Библии был поставлен под сомнение. В связи с этим становится понятной негативная реакция богословов как христианских, так и иудейских.

Дополнительным раздражающим фактором было и то, что некоторые из этих идей были недостаточно аргументированы или же высказаны нечетко. Делич стремился интерпретировать как можно больше нового материала, незатронутого библеистами, облечь его в доступную форму, но времени для этого было крайне мало (ведь лекции проходили в рамках *ежегодного* отчета). И если некоторые из высказанных им мыслей звучали непротиворечиво для непрофессионалов, присутствующих в зале, то на проверку специалистов они оказывались недостаточно доказанными.

Например, сам ученый в последующей работе скорректировал свою позицию относительно монотеизма ассирийцев, отмечая, что монотеизм не был заимствован евреями, а был издавна известен семитским племенам. Интересно, что в лекции этой мысли проследить невозможно, а сам Делич ошибку не признал и даже был возмущен, что его неверно поняли – забывчивость это или попытка уйти от спора, понять уже нельзя [1, S. 16-17]. Точно таким же образом он изменил свои взгляды относительно отсутствия

боговдохновения Священного Писания, пояснив, что не отрицает возможности этого, но сомневается в точности его передачи из-за поздней записи текста [1, S. 47-49].

Тем не менее Деличу удалось привлечь внимание общественности к ассириологии, указать на ее познавательные возможности, доказать ее полезность и в связи с этим получить материальные ресурсы для дальнейшего исследования Месопотамии. Все это дало серьезный стимул к развитию этой науки.

Рецепт популярности лекции и, соответственно, ее распространения за пределы узкого поля ориенталистики заключается в следующем: 1) провокационность высказываний, поскольку именно они привлекли внимание к лекции широких кругов общественности; 2) злободневность темы, ведь на начало XX в. пришли видные археологические открытия, перевернувшие взгляд на историю человечества в целом; 3) публичность лекции и связанное с этим широкое распространение в печати, что позволило ознакомиться с материалами весьма широкому кругу как специалистов, так и далеких от ассириологии людей; 4) ориентация на доступную форму: судя по отзывам, Делич читал уверенно и интересно, использовал иллюстрации и фотографии, что усиливало впечатление от его слов [4, S. 173].

Библиография

1. Delitzsch F. Babel und Bibel ein Rückblick und Ausblick. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1904. 75 s.
2. Delitzsch F. Babel und Bibel. Ein Vortrag. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1902. 78 s.
3. Larsen, M.T. "The Babel/Bible": Controversy and Aftermath // Civilizations of the Ancient Near East. Vol. I. New York: Charles Scribner's Sons, 1995. P. 95-106.
4. Lehmann R.G. Friedrich Delitzsch und der Babel-Bibel-Streit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. 444 s.

Попова Алиса Андреевна, аспирант, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; alispopova13@yandex.ru

Babylon vs. the Bible: how to become famous after one lecture

In this paper the author examines two closely related problems: the legitimation of new knowledge in the field of scholarship and knowledge distribution in society. These processes are studied on the example of the first lecture from the series "Babel und Bibel" by the German Assyriologist Friedrich Delitzsch.

Keywords: Assyriology, German historiography, history of scholarship, Friedrich Delitzsch, "Babel und the Bibel"

Popova Alisa Andreevna, Postgraduate Student, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky; Omsk, Russia; alispopova13@yandex.ru

Поршнева О.С.

10-лeтий юбилей Первой мировой войны в политике памяти Коминтерна¹

В 1920-е гг. Коминтерн активно использовал образ Первой мировой войны в своей политике памяти для мобилизации недовольства трудящихся за рубежом, легитимации большевистского режима и социальной мобилизации раннесоветского общества. Одним из средств переформатирования образа войны, ре-интерпретации в большевистском духе стали массовые «юбилейные» кампании. Наиболее яркой из них стала инициированная Коминтерном Неделя борьбы против войны 1924 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, политика памяти, юбилей, коммеморации, Коминтерн

Коминтерн был одним из наиболее влиятельных акторов политики памяти в межвоенный период, а его Исполком являлся аналитическим центром, предлагавшим концептуализацию войны, инициировавшим и организовывавшим публичные коммеморации. Эффективными лозунгами мобилизации масс, после пережитой народами трагедии Великой войны, стали призывы не допустить новой войны, бороться с милитаризмом.

Теории империализма, справедливых и несправедливых войн, разработанные В.И. Лениным, пораженческая позиция большевиков в период войны, их потребность в удержании власти и ее легитимации – все это способствовало утверждению в коммунистическом движении, функционировавшем под эгидой Москвы, концепции «захватнической с обеих сторон», несправедливой, «империалистской» войны [1] как интерпретационной модели, применявшейся по отношению к Первой мировой войне.

Коминтерн инициировал и возглавил главную юбилейную коммеморацию межвоенного периода, посвященную Первой мировой войне, – массовую кампанию «Неделя борьбы против империалистических войн», проводившуюся в 1924 г. с 27 июля по 4 августа в ознаменование 10-летия начала войны и «краха Второго Интернационала» [РГВА. Ф. 9. Оп. 13. Д. 369. Л. 63]. Неделя борьбы против войны носила международный характер и по официальной версии была инициирована Германской коммунистической партией в Письме ее ЦК Исполкому Коминтерна от 3 июня 1924 г. [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 63. Л. 1]. Повидимому, за данной инициативой стояло Политбюро ЦК РКП(б),

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053). «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях».

игравшее определяющую роль в подготовке V Конгресса, утвердившего проведение кампании. При этом из решений Политбюро видна не вся действительная роль, которую оно выполняло в подготовке и проведении Конгресса [4, с. 257]. Представители ИККИ от ЦК РКП(б) О. Куусинен, А. Лозовский, Д. Мануильский побывали на съезде КПГ в апреле 1924 г. и, по всей вероятности, подготовили появление данной инициативы [4, с. 252].

11 июня 1924 г., по Постановлению Секретариата ИККИ от 10 июня, была создана Комиссия по подготовке Недели борьбы против войны. Она развернула широкую пропагандистскую кампанию за рубежом, сопровождавшуюся проведением митингов, собраний, демонстраций, публикацией коминтерновских материалов в коммунистической и рабочей прессе, выпуском листовок и прокламаций. Циркулярные письма и тезисы для агитаторов были разосланы Исполкомом Коминтерна (далее – ИККИ) не только делегациям V Конгресса Коминтерна, но и Профинтерна, Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала молодежи, Международного женского союза, Спортинтерна, МОПРа, Международной кооперативной секции [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 63. Л. 166].

Подготовкой и организацией кампании внутри СССР руководил непосредственно ЦК РКП (б), о чем свидетельствует секретное Циркулярное Письмо от 11 июля, адресованное «всем Облбюро ЦК, ЦК Нацкомпартий, Обкомам и Губкомам РКП(б)» [РГВА. Ф. 9. Оп. 13. Д. 369. Л. 63]. В нем определялись формы, даты и лозунги мероприятий, детально расписывался механизм политической мобилизации. Главным событием Недели должны были стать массовые демонстрации 3 августа [там же. Л. 63]. В дополнение к общей инструкции была разработана секретная «Инструкция о проведении кампании десятилетия империалистической войны в печати» [там же. Л. 65]. Проведение кампании должно было сопровождаться масштабной трансляцией большевистского нарратива о мировой войне как «империалистической». В Инструкции о проведении кампании предлагалось публиковать «статьи, освещающие со всех сторон значение империалистической войны 1914 г.», говорилось о том, что «печать должна выявить предательскую роль II Интернационала, и в частности, наших меньшевиков, в минувшую войну... Наряду с этим необходимо подчеркнуть ту интернационалистско-классовую позицию, которую занимали большевики во главе с Лениным в вопросе о войне... В то же время печать должна вскрыть роль буржуазно-патриотической агитации в начале войны, поддержанной социал-соглашателями, и выявить подлинные причины войны 1914-18 гг.» [там же].

В СССР в ходе Недели, особенно в назначенный для демонстрации день 3 августа, проходили грандиозные манифестации, в которых участвовали до десяти и более тысяч человек. Они сопровождались театральными постановками, политсудами над виновниками войны, полит-играми, карнавальными шествиями [2, с. 79; 5]. В методических материалах к 10-летию юбилею войны для рабочих, красноармейских и школьных клубов содержались рекомендации не только принять участие в шествии, но и «придумывать более или менее оригинальные костюмы для участников шествия, например, генералов, инвалидов, калек, костюмы в виде пушек, снарядов, танков». Группы артистов в ходе празднования Недели, согласно методическим рекомендациям, должны были представлять «агит-балаганы, частушки, сценки, живые картины для исполнения на улицах» [3, с. 15].

В демонстрации против империалистических войн 3 августа 1924 г. в Екатеринбурге, проходившей в форме карнавала, приняли участие делегаты V Конгресса Коминтерна, члены его Исполкома, Монмуссо и Трэн – представители Франции, Цеттель – Германии, Киарини – Италии, Ляго – Бельгии [Уральский рабочий. 1924. 5 августа].

За рубежом результаты кампании не были столь впечатляющими. В отчете Агитпропа ИККИ о ее проведении отмечалось, что она была наиболее организованной и масштабной в Германии и Англии, менее успешной – во Франции [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 63. Л. 5-9], при этом компартии запросили на проведение кампании значительные денежные средства [там же. Л. 167].

Неделя борьбы против войны 1924 г. стала одной из массовых пропагандистских кампаний (наряду с «военной тревогой» 1927 г., Антивоенным Красным Днем 1 августа, с 1929 г.), ставших эффективными инструментами реформатирования образа Первой мировой войны в сознании масс. При этом именно 10-летие мировой войны ознаменовалось в СССР особым размахом и массовостью юбилейных мероприятий, разнообразием их форм, поощрением «творчества снизу». В отличие от зарубежных компартий, не добившихся кардинального изменения памяти о войне основных слоев населения, в СССР эти процессы происходили более успешно, а Коминтерн стал институтом, инициировавшим и координировавшим публичные коммеморации.

Библиография

1. Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 307-350.
2. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917 – 1927). Казань: Рутен, 2005.
3. Никонова О.Ю., Раева Т.В. Первая мировая война в праздничной коммеморации раннесоветской эпохи // Проблемы истории российского социума: труды межвуз. науч.-практ. конф. преподавателей вузов, ученых и специалистов. Челябинск, 2011. С. 4-23.

4. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы / Федер. арх. служба России; Рос. гос. арх. соц.-полит. истории; Сост. Г.М. Адиевков, Ж.Г. Адиевкова, Л.А. Роговая, К.К. Шириня. М.: РОССПЭН, 2004.

5. Ульянова С.Б. Кампания против «империалистических войн» в 1924 году: задачи, проведение, результаты // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С. 41-44.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия; o.s.porshneva@urfu.ru

The 10th anniversary of the First World War in politics in memory of the Comintern

In the 1920s the Comintern actively used the image of the First World War in its politics of memory to mobilize the discontent of workers abroad, legitimize the Bolshevik regime and for the goals of early soviet society social mobilization. Mass “anniversary” campaigns were among the means of reformatting the image of the War and re-interpreting it in Bolshevik sense. The most remarkable of them was the Comintern-initiated Week of Struggle against the War of 1924.

Keywords: World War I, politics of memory, anniversary, commemoration, Comintern

Porshneva Ol'ga Sergeevna, Doctor of History, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; o.s.porshneva@urfu.ru

УДК 94(100) "1914/19"070

Ростиславлева Н.В.

Наука vs политика: всеобщая история на страницах журнала «Голос минувшего» в годы Первой мировой войны¹

В статье рассматривается издательская политика исторического журнала «Голос минувшего» в годы Первой мировой войны. Автор изучает данную проблему сквозь призму анализа журнальных публикаций, посвященных всеобщей истории и прежде всего истории Германии и ее союзников, а также на основе неопубликованной переписки между соредакторами журнала – В.И. Семевского и С.П. Мельгунова. В статье показано, каким образом был соблюден баланс между принципами научности и политическими вызовами военной поры.

Ключевые слова: Первая мировая война, журнал «Голос минувшего», всеобщая история, В.И. Семевский, С.П. Мельгунов

Журнал «Голос минувшего» в начале XX в. был одним из ведущих исторических журналов. Во главе издания стояли известные историки В.И. Семевский и С.П. Мельгунов. В годы Первой мировой

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта 19-59-12006\19.

войны издатели оказались перед дилеммой: активно включиться в процесс формирования культуры безопасности в России или сохранить научные приоритеты журнала. Особенно это касалось публикации статей по всеобщей истории, поскольку сюжеты по истории Германии, Австро-Венгрии, международным отношениям с началом мировой войны оказались очень востребованными, так как с их помощью можно было показывать читающей публике извечную склонность Германской империи и ее союзников к милитаризму.

Между издателями журнала по этому вопросу не было единства: С.П. Мельгунов предлагал публиковать материалы, которые бы соответствовали моменту и звучали «в унисон теперешним настроениям печати и чувством общественности», т.е. избегать академических текстов [6, л. 56-57]. В.И. Семевский отказывался расширять раздел всеобщей истории, он полагал, что он не должен составлять более трети от всего контента номера журнала. Главная причина этого: не допускать на страницы издания статей-скороспелок, за которые после завершения войны было бы стыдно [1, с. 196-203].

Особо остро вопрос о научности стоял в отношении статей, рассматривающих связи России и Германии накануне войны. Мельгунов мечтал молниеносно напечатать статью об О. фон Бисмарке, полагая, что это не страшно, если статья будет компилятивной. Семевский занимал иную позицию: необходимо сохранить определенную научность публикуемых материалов и упрекал коллегу, что тот разрушает журнал [6, л. 56].

Точка зрения С.П. Мельгунова была не совсем однозначной: он искал ответ на вопрос, нужно ли «во имя национальной культуры, во имя защиты от пангерманизма» отказываться от плодов общечеловеческой культуры. И в этом поиске отчасти прислушивался к мнению коллеги В.И. Семевского.

Научная достоверность не ушла из публикаций по всеобщей истории. В этой связи можно назвать работы и рецензии В.Н. Перцева, В. Фишера, которые свидетельствовали, что журнал в годы мировой войны не превратился в адепта антигерманской истерии, которой было охвачено российское общество. Так, в рецензии на книгу профессора М. Рейснера (Reusa), «Вильгельм II и железная империя» В. Перцев замечал, что эта книга «представляет собой в высокой степени отрицательную характеристику современного состояния германской культуры, германского общества и германской политики. В картине, нарисованной проф. Рейснером нет ни одного светлого тона...» [4, с. 299]. Историк не поддерживал такую интерпретацию германской истории и личности Вильгельма II. Он писал: «Нам кажется, что в огульных осуждениях немецкой культуры надо соблюдать особую осторожность в данный момент, когда эти

осуждения так сильно питаются «*ira et studio*» и когда требования научного беспристрастия так часто нарушаются. С этой точки зрения и книга проф. Рейснера, может быть удовлетворяющая настроениям текущего момента, нуждается, однако в значительных поправках» [4, с. 300-301]. В заключение Перцев с осторожностью резюмировал: «Несмотря на все эти недостатки, книга Рейснера, прочтенная с большим интересом, даст читателю много ярких картин из жизни современной Германии» [4, с. 301]. Автор явно не желал подчиняться требованиям текущего момента и попытался на страницах журнала «Голос минувшего» призвать историков к сохранению научной объективности.

В сентябрьском номере «Голоса минувшего» в разделе «Из иностранных журналов», В.Н. Перцев напечатал обзор изданной в 1912 г. переписки германской императрицы Августы, которая была супругой Вильгельма I. Он писал, что «историкам был известен далеко незаурядный облик этой немецко-русской принцессы (она была дочерью великой княгини Марии Павловны и великого герцога Саксен-Веймарского)...» [5, с. 253].

В восхвалении императрицы Августы просматривается некоторая критика в сторону Бисмарка, который нередко вступал с ней в конфронтацию, а в своих мемуарах изображал ее как покровительницу всего иностранного. Перцев на основе анализа опубликованной переписки утверждал, что хотя Августа нигде не писала «о всемирно-исторической миссии Германии, и что интересы Пруссии она принимала ближе к сердцу, чем интересы Германии, ее письма обнаруживают в ней самую горячую противницу Австрии» [5, с. 240]. Августа, по мнению историка, всегда была против политики Бисмарка «крови и железа». Публикацию этой небольшой заметки можно интерпретировать, как нежелание огульно осуждать, схематизировать и подчинять текущему моменту восприятие германской истории.

Однако журнал не оставался в стороне от участия в процессе формирования образа Германии как врага. Среди специалистов по всеобщей истории и зарубежной литературе подобные сюжеты публиковали Е.В. Тарле, В. Проферансов, В. Фриче. Они превращали историческое знание в политику, демонизировали образ Германии и ее союзников. Тогда как исторические материалы о союзниках России в войне представляли тех, как борцов за цивилизацию и культуру.

Показательна в этой связи публикация Е.В. Тарле. В 1915 г. на страницах журнала он представил анализ брошюры анонимного прусского автора «Чего немцы должны требовать от русских? 1854». Историк полагал, что правящие круги Берлина стремились к экономической эксплуатации России и «они никогда не теряли

окончательно надежды достигнуть этой основной цели без военного риска»; доказывал, что эта тенденция сложилась уже в годы Крымской войны» [7, с. 263-265].

Журнал «Голос минувшего» в годы войны полностью не поврал с научными принципами. Немалая заслуга в этом принадлежит В.И. Семевскому. Уже после его кончины 21 сентября 1916 г. С.П. Мельгунов назвал своего соредатора благородным гуманистом, человеком кристальной честности, не терпящим лжи и обмана [3, с. 5-6]. А. Кизеветтер в связи с кончиной Семевского отмечал, что тот соединил «в своей работе служение науке со служением общественному долгу» [2, с. 222]. Таким образом, именно В.И. Семевский, будучи как исследователь специалистом по отечественной истории, сделал многое для сохранения научности в публикациях по всеобщей истории.

Неоднозначная позиция С.П. Мельгунова не в последнюю очередь определялась и коммерческими соображениями. В условиях войны подписка сокращалась, журналы терялись при пересылке, и Мельгунов хотел «оживить» журнал публикациями, соответствующими вызовам момента. Однако он признавал заслуги своего соредатора в деле публикации тех сюжетов по всеобщей истории, за которые после завершения войны не будет стыдно.

Библиография

1. Гаврилов С.В., Гаврилова И.А. В.И. Семевский versus С.П. Мельгунов: концепция развития «внепартийного журнала «Голос минувшего» в 1913–1916 годах // Вестник ТГПУ (TPSU Bulletin). 2016. № 5 (170). С. 196-203.
2. Кизеветтер А. В.И. Семевский в его ученых трудах // Голос минувшего. 1917. № 1.
3. Мельгунов С.П. Дорогой памяти Василия Ивановича Семевского // Голос минувшего. 1917 № 10.
4. Перцев В. Рецензия на книгу профессора М. Рейснера (Реуса), «Вильгельм II и железная империя» // Голос минувшего. 1914. № 10.
5. Перцев В.Н. Из переписки Гогенцоллернов // Голос минувшего. 1914. № 9. С. 253.
6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 305 (Подборка писем С.П. Мельгунова, которая показывает его взгляд на содержание исторического журнала военной поры). Оп. 1. Д. 104.
7. Тарле Е.В. Чего немцы должны требовать от русских? (Was haben Deutsche von Russen fordern?) 1854 // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 263-269.

***Ростиславлева Наталья Васильевна**, доктор исторических наук, профессор, директор Российско-германского учебно-научного центра, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; ranw@mail.ru*

Science vs Politics: World History on the Pages of the Journal “Golos minuvshego” during the First World War

The article is devoted the publishing policy of the historical journal “Golos minuvshego” in the period of the first world war. The author studies this problem through the prism of analysis of journal publications devoted to the world history and, above all, the history of Germany and its allies, as well as on the basis of unpublished correspondence between the co-editors of the journal – V.I. Semevsky and S.P. Melgunov. The article shows how a balance between the principles of science and the political challenges of the war era was maintained.

Keywords: the First World War, Journal “Golos minuvshego”, World History, V.I. Semevsky, S.P. Melgunov

Rostislavleva Natal'ya Vasil'evna, *Doctor of History, Professor, Director of Russian-German Center for Study and Research, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; ranw@mail.ru*

УДК 93/94

Русанова В.С.

«Социология революции» П. А. Сорокина в оценках современников

В статье предпринята попытка обозначить отношение русских и американских учёных к вышедшей в 1925 г. в США книге П.А. Сорокина «Социология революции».

Ключевые слова: П.А. Сорокин, «Система социологии»

В рамках очередного юбилея – 130-летия со дня рождения видного русско-американского социолога П.А. Сорокина (1889–1968) актуализируется ряд тем, связанных с его жизнью и научным наследием. В числе прочего исследователи вновь обращаются к фундаментальным трудам учёного, таким как «Социальная и культурная динамика» (1937–1941), «Кризис нашего времени» (1941), «Россия и США» (1944), а также многим другим работам мыслителя. Переоценивается сегодня и одна из первых крупных монографий Сорокина, изданных на американской земле – «Социология революции» (1925). На ней и сосредоточим внимание читателей. Прежде, отметим, что ввиду ограниченного объема статьи, многие положения, важные для понимания заявленной проблемы, будут опущены.

«Социология революции» первоначально была подготовлена на русском языке в 1923 г., когда Сорокин ещё находился в Чехословакии. Перебравшись в США и осев в Миннесоте, учёный осуществил перевод труда на английский язык и представил его американскому научному сообществу в начале 1925 г. В письме к Долмату Лутохину от 21 октября 1924 г. он писал: «Два дня назад вышла моя

книга воспоминаний «Leaves from a Russia Diary», но я её ещё не имею. Через две недели выходит моя «Sociology of Revolution». Посмотрим, как они будут встречены» [1, с. 138]. Вопрос, как была встречена «Система социологии» современниками, заинтересовал и автора данной статьи. Для раскрытия темы были привлечены рецензии российских и американских коллег, современников П.А. Сорокина, в числе которых Д.А. Лутохин (Ф. Репейников) [2, с. 16-17], Ф.А. Степун, М.Я. Козырев (М. Мухин) [3, с. 204], В. Власьев, М.И. Рубинов, У.К. Абботт, Гарри Элмер Барнз, Джон Грирсон. Среди рецензентов отсутствуют советские авторы тех лет по причине того, что работа Питирима Александровича не была опубликована на то время в СССР. Добавим, эти восемь рецензий общим объемом 25 страниц, что равно средней брошюре, никто специально не оценивал. Мы попытаемся впервые заполнить эту лакуну. Кроме названного, автор данной статьи обращался к письмам социолога, адресованным Д.А. Лутохину и Н.Е. Шаповалу. Переписка датируется концом 1924 – началом 1925 гг. Так что же отмечали авторы рецензий?

Познакомившись с отзывами на книгу можно выделить шесть ключевых положений, о которых писали если не все рецензенты, то их большая часть. Перечислим их: 1) данные о событиях в России 1917 г., приводимые Сорокиным как свидетелем и участником тех дней; 2) анализ теоретической части книги, касающейся взгляда социолога на революцию как таковую и анализируемую им посредством рефлекторной теории И.П. Павлова и рефлексологии В.М. Бехтерева; 3) грамотность английского текста и стиль написания исследования; 4) небрежный вид труда (далее раскроем, что включало в себя это понятие); 5) фактический материал книги; 6) эмоциональное наполнение работы. Теперь же постараемся дать краткое пояснение к каждому из шести выделенных аспектов.

Внимание американских учёных при чтении «Социологии революции» Сорокина привлекли данные о событиях 1917 г. в России. По этому поводу Дж. Грирсон писал: «...главную ценность книги представляет материал, касающийся России, и получаемый, так сказать, из первых рук» [4, с. 634], У.К. Абботт добавляет: «...прочитать её следовало бы большому числу людей... она имеет дело с реальностью...» [4, с. 631].

Положительно оценивается рецензентами и теоретическая часть, связанная с обоснованием концепции революции, предлагаемой Питиримом Александровичем на страницах его труда. К примеру, М. Мухин отмечал: «...в несомненную заслугу ему [Сорокину] следует поставить серьезную обоснованность всех его утверждений и несомненную убедительность его аргументации в контексте

основной его концепции» [4, с. 637]. Точку зрения Мухина разделил У.К. Абботт и Г. Барнз.

Многие эксперты обратили внимание и на оформление книги, в основном оценив его критически. Высказывалось недовольство в отношении недостающего количества современной литературы по описываемой Сорокиным проблематике, а также отсутствием оформленного научно-библиографического аппарата исследования (Д. Лутохин); говорилось о низкой грамотности английского текста (М.И. Рубинов); о наличии положений касательно революции как социального явления, не имеющих аргументации (М. Мухин), обращалось внимание на отсутствие логики изложения (Д. Лутохин). Следующим критерием в оценке «Социологии революции», который обозначили практически все, кто рецензировал книгу, стал фактический материал книги. Здесь оценки разнились.

Положительно приводимые Сорокиным факты о революциях в истории человечества оценили У.К. Абботт и Дж. Грирсон. Первый по этому поводу записал: «В ней [Социологии революции] рассматривается как одно из самых лучших из когда-либо сделанных описаний революции – рассказ Фукидида о революции в Керкире, так и события во Франции в XVIII в. и в России в XIX в.» [4, с. 630]. Второй же был более краток и уместил оценку фактического наполнения исследования в следующей фразе: «...фактический материал книги действительно уникален» [4, с. 634]. Критический отнеслись к фактам, приводимым социологом, о революциях с древнейших времён до современности Гарри Барнз и приятель Сорокина Д. Лутохин. Если Барнз говорил о том, что для аргументации некоторых положений Сорокин «ссылается на опыт зафиксированных в истории революций – как реальных, так и вымышленных» [4, с. 632], то Лутохин останавливается на конкретных фактах и отмечал, что «даже постоянно цитируемый автором знаменитый папирус Ипувера о революции в Древнем Египте излагается по журнальной статье В. Викентьева в «Новом Востоке», а не по английскому изданию первоисточника...» [4, с. 645]. В данном случае критика Лутохина выглядит убедительно. Надо сказать, что его рецензия на «Социологию революции» наиболее критически наполненная в сравнении с остальными отзывами. Примечательно, что замечания, высказанные Долматовым Александровичем в «Лице революции» послужили разрыву дружеских отношений между двумя некогда близкими людьми, что подтверждает их переписка.

Об эмоциональном наполнении труда Сорокина рецензенты писали следующее. Работа Сорокина «публицистически очень страстная» (Ф. Степун) [7, с. 388]; социолог «эмоционален» и «позволяет своему настроению прорываться наружу» (Дж. Грирсон)

[4, с. 634]. Не соглашается со своими коллегами профессор Гарвардского университета Абботт, который, наоборот, исследование Питирима Александровича считает «объективным и на редкость спокойным описанием революции и её результатов» [4, с. 629]. Добавим, что эмоциональность изложения присутствует в труде Сорокина, когда речь касается анализа Русской революции 1917 г., что вполне понятно, зная биографию социолога.

Таким образом, исследование П.А. Сорокина, посвящённое анализу революции, не осталось незамеченным. Социолог смело заявил о себе по приезду в Америку, издав друг за другом два крупных труда, одним из которых стала «Социология революции». Несмотря на то, что сам Сорокин в переписке с близкими друзьями отмечает большое количество похвальных отзывов о своей работе, имеющиеся в распоряжении автора данной статьи рецензии скорее говорят об обратном. Да, книга имела высокие положительные оценки по ряду критериев, но критических замечаний со стороны учёных – современников Сорокина, всё же наблюдается больше.

Библиография

1. Дойков Ю. Две судьбы // Высшее образование в России, 2000. С. 135-141.
2. Толстяков А.П. Кто вы, маска? Создаётся новый словарь псевдонимов // Книжное обозрение. 1998. № 12, 24 марта.
3. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М.: Изд-во Всес. книжной палаты, 1957. 387 с.
4. Листки из русского дневника. Социология революции / сост. подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с.
5. Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. 1000 с.

Русанова Вера Сергеевна, аспирант, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; vera.petrashun@yandex.ru

«Sociology of Revolution» P.A. Sorokin in the assessments of contemporaries

The author of the article made an attempt to identify the attitude of Russian and American scientists to the book P.A. Sorokin «Sociology of revolution», published in 1925 in the USA.

Keywords: P.A. Sorokin, «System of Sociology»

Rusanova Vera Sergeevna, Postgraduate Student, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; vera.petrashun@yandex.ru

Свешников А.В., Герш К.В.

И.М. Гревс как политический публицист. Обзор тематики

В статье предпринята попытка анализа публицистических статей по вопросам политики, написанных известным русским медиевистом профессором И.М. Гревсом, проведен анализ публикаторской активности и тематики политико-публицистических статей историка.

Ключевые слова: политическая публицистика, И.М. Гревс, история исторической науки, история русского либерализма, кадетская партия, периодическая печать, русская революция

Среди многочисленных исследований, посвященных изучению жизни и творчества выдающегося русского медиевиста и антиковеда, профессора Санкт-Петербургского (позднее Петроградского, Ленинградского) университета Ивана Михайловича Гревса (1860–1941), практически нет работ, в которых предпринимались бы попытки анализа его публицистических статей на политические темы [1; 31]. Исследователей творчества историка в гораздо большей степени интересовали его публицистические статьи по вопросам теории и практики экскурсионного дела, краеведения, методики преподавания гуманитарных дисциплин. Единственным исключением в этом отношении являются, пожалуй, только работы Б.С. Кагановича, в которых попытался кратко обрисовать эволюцию политических взглядов И.М. Гревса, в том числе и на основании анализа его политических статей [29; 30]. Достаточно редко упоминается имя И.М. Гревса и в работах по истории российского либерализма, кадетской партии, периодической печати и даже публицистической деятельности профессиональных российских историков начала XX века [2].

А при этом в 1900 – 1910-е гг. И.М. Гревс был достаточно плодовитым политическим публицистом. Его перу принадлежит несколько десятков опубликованных статей по вопросам внутренней политики и примерно столько же неопубликованных, черновые материалы которых сохранились как в личных фондах историка в ОР РНБ и СПФА РАН, так и в других архивных хранилищах. В нашей работе, не претендуя на всесторонний анализ темы, мы попытаемся кратко предварительно рассмотреть эволюцию тематики политических статей, написанных И.М. Гревсом.

Первая статья И.М. Гревса, посвященная сюжетам, связанным определенным образом с текущей политической ситуацией, была

опубликована в 1904 году в газете «Наши дни» [3], а со следующего 1905-го года, написанные им политико-публицистические статьи регулярно выходили в газетах и журналах, ассоциированных с кадетской партией. На тот момент Гревс являлся достаточно известным преподавателем, одним из лидеров «либерального кружка петербургской профессуры», и был связан с ядром формирующейся кадетской партии (В.И. Вернадским, А.А. Корниловым, С.Ф. Ольденбургом) как личной дружбой, так и общностью политических убеждений. На наш взгляд, стремление Гревса примерить на себя роль политического публициста определяется рядом причин. Во-первых, свою роль сыграло обострение внутривнутриполитической обстановки и активизация различных форм оппозиционной деятельности в России в 1905–1907 гг. В форме студенческих волнений протестные движения напрямую затронули и университет, где служил И.М. Гревс. Во-вторых, обнародование Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года, даровавшего неприкосновенность личности, свободу слова и политических союзов. Публикация Манифеста привела к резкому увеличению количества различных оппозиционных печатных изданий, в том числе и либеральной направленности. Тематика их публикаций на первом этапе во многом определялась выборами в Государственную Думу. О статьях Гревса, имевшего ранее проблемы с полицией, в нелегальной печати пока ничего не известно. В-третьих, это был период резвого всплеска политической активности близких друзей Гревса, от которой историк не смог остаться в стороне.

Анализируя политическую публицистику Гревса в динамике, мы можем выделить два периода всплеска активности: 1905–1907 гг. (13 статей) и 1917–1918 гг. (15 статей). В период между ними Гревс публиковал статьи на политические темы, но не так активно, до и после – нет. Как уже говорилось, политические статьи И.М. Гревса выходили преимущественно на страницах изданий, так или иначе связанных с партией кадетов. В газете «Право» он опубликовал 5 статей, в газете «Речь» (самой влиятельной кадетской газете) – 15, в журнале «Полярная звезда» – 2, одна из которых, разделенная на части, публиковалась в двух номерах, в газете «Русская свобода» – 4. Были отдельные публикации и в других изданиях, схожей идеологической направленности.

Тематика политических статей Гревса трансформировалась в соответствии с изменением актуальной политической конъюнктуры и повесткой дня. Начинать он свою публицистическую деятельность как эксперт по делам высшей школы и, в частности, университетов. В первых статьях он анализирует ситуации связанную с прекращением занятий в Петербургском университете и знаменитыми «Письмом 23-х» и «Запиской 342-х», критикует

правительственную политику в сфере высшей школы [4; 5]. Затем выходит целый блок статей, появление которых следует связать с выборами в Первую и Вторую Государственные думы. В них Гревс призывает избирателей принять участие в выборах и отдать свой голос за кадетскую партию, программу или, говоря его словами, «философию», которую он пытается разъяснить [6; 7; 8; 9]. После 1906 г. он вновь переключается на критику правительственной образовательной политики [12; 13], а также затрагивает вопрос о подготовке учителей нового поколения и реформе образования в целом [11]. Новый всплеск активности Гревса-публициста приходится на 1917–1918 гг. Тематика его статей, написанных в этот период, более разнообразна. Она касается осмысления революции и ее последствий [15; 19; 23; 24; 25], возможности участия в революционных процессах молодежи [16; 17], анализа и критики правительственной политики в области высшей школы, науки, свободы слова и органов периодической печати [14; 18; 20; 21; 26; 27; 28], а также прорисовки перспектив дальнейшего развития в новых условиях [22; 26; 27; 28]. По своему содержанию эти статьи, во-первых, вполне совпадают, как и ранее, с кадетскими позициями и оценками. А, во-вторых, в них заметно усиливается антибольшевистская направленность, что, понятно, сделало деятельность Гревса-публициста после революции практически невозможной.

Библиография

1. Вахромеева О.Б. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: Изд-во «Знаменитые универсанты», 2005. 166 с.
2. Волобуев О.В. Революция 1905–1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков // Исторические записки. Т. 102. М.: Наука, 1978.
3. Гревс И.М. Забытая наука и униженное звание // Наши дни. 1904. № 10. С. 2-3.
4. Гревс И.М. Возродится ли у нас подорванное научное просвещение // Право. Ежедневная юридическая газета. 1905. № 9. Стб. 634-644.
5. Гревс И.М. Временные правила 27 августа об управлении университетами и освобождении науки // Право. Ежедневная юридическая газета. 1905. № 36. Стб. 2923-2939.
6. Гревс И.М. Идейная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии) // Полярная звезда. 1906. № 11. С. 787-804; 1906. № 12. С. 55-75.
7. Гревс И.М. Дружно к урнам! // Речь. 1906. № 26. С. 2.
8. Гревс И.М. После победы // Речь. 1906. № 42. С. 2-3.
9. Гревс И.М. Не разрознят они нас и никого не обманут // Речь. 1906. № 47. С. 2.
10. Гревс И.М. Из истории политических настроений четверть века назад // Свобода и культура. 1906. № 7. С. 490-513.
11. Гревс И.М. К просветительской взаимопомощи // Речь. 1906. № 121. С. 2-3.
12. Гревс И.М. Университеты под режимом 8 июля 1906 г. // Право. 1906. № 33. Стб. 2621-2630; 1906. № 34. Стб. 2679-2690.

13. Гревс И.М. Строительство и разрушение в высшей школе // Право. Ежегодная юридическая газета. 1908. № 29. Стб. 1581-1596; № 31. Стб. 1661-1678.
14. Гревс И.М. Новые научные периодические органы по истории в России (В ожидании «Русского исторического журнала») // Речь. 2017. № 6. С. 3-4.
15. Гревс И.М. Старый революционер за эволюцию // Речь. 1917. № 80. С. 2.
16. Гревс И.М. Женская и мужская молодежь в высшей школе // Речь. 1917. № 95. С. 2.
17. Гревс И.М. Молодежь и революция // Русская свобода. 1917. № 2. С. 3-8.
18. Гревс И.М. Демократия и наука // Русская свобода. 1917. № 8. С. 13-20.
19. Гревс И.М. Как искоренить беспризорность детей? (К новым районным делам) // Речь. 1917. № 130. С. 2.
20. Гревс И.М. Университет и современная жизнь (По поводу совещания деятелей высшей школы) // Речь. 1917. № 147. С. 2.
21. Гревс И.М. Занятие Смольного института // Речь. 1917. № 179. С. 2.
22. Гревс И.М. Лига русской культуры // Речь. 1917. № 195. С. 6.
23. Гревс И.М. Русским – украинцам // Русская свобода. 1917. № 20-21. С. 3-11.
24. Гревс И.М. Культ революции // Русская свобода. 1917. № 24-25. С. 19-28.
25. Гревс И.М. Последнее прощание мученикам высокой любви // Наш век. 1918. № 9. С. 1.
26. Гревс И.М. За духовную культуру России // Наш век. 1918. № 16. С. 1.
27. Гревс И.М. Гибель одного культурного дела // Наш век. 1918. № 79. С. 5.
28. Гревс И.М. Свободные голоса // Наш век. 1918. № 101. С. 2.
29. Каганович Б.С. О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства» // Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 90-103.
30. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперперрон, 2007. 244 с.
31. Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк // Гревс И.М. Тацит. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946. С. 223-248.

Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; pucholik@rambler.ru

Герш Ксения Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, Новокузнецкий филиал (институт), Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк, Россия; bambizova@mail.ru

I.M. Grevs as a political publicist. Topic Overview

The article attempts to analyze journalistic articles on political issues written by the famous Russian medievalist, Professor I.M. Grevs analyzed the publication activity and topics of political historian articles.

Keywords: political journalism, I.M. Grevs, history of historical science, history of Russian liberalism, the Cadet Party, the periodical press, the Russian revolution

Sveshnikov Anton Vadimovich, Doctor of History, Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; pucholik@rambler.ru

Gersh Kseniya Vadimovna, Candidate of History, Associate Professor, Novokuznetsk branch (institute), Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia; bambizova@mail.ru

Селивёрстова Н.М.

**О необходимости европейского контекста
в изучении истории высшего сословия
Российской империи XIX века**

Статья посвящена вопросу об условности дисциплинарных границ между всеобщей и отечественной историей на материале истории российского дворянства XIX века. Делается вывод о необходимости обновить изоляционистский подход к изучению истории высшего сословия Российской империи XIX века за счет расширения круга источников.

Ключевые слова: дворянство, Российская империя XIX века, межкультурные контакты, европейский контекст

В ходе изучения проблем российской истории исследователи как правило не выходят за очерченные территориальные рамки, не вторгаются в пределы всеобщей истории. Как следствие, отечественная история чаще всего рассматривается из своих собственных оснований, и в ходе её изучения особенно подчеркивается её специфичность. Вопросы внешней политики и международных отношений, в которых европейский контекст, также как всемирно-исторический контекст играет важную роль, составляют скорее редкое исключение, подтверждающее общее правило. Причин, породивших такой изоляционизм, достаточно много, и мы не будем сейчас на них останавливаться.

В то же время ни для кого не секрет, что в период существования Российской империи, особенно в XIX – начале XX века наша страна являлась неотъемлемой частью Европы, причем не только в силу внешнеполитических контактов и участия в масштабных войнах, но и за счет включенности в общие социально-экономические, социально-политические, социокультурные процессы и прежде всего в обмен идеями. Передовые для своего времени идеи проникают в среду образованного общества, способного их усвоить и транслировать дальше. В условиях Российской империи первой половины XIX века и отчасти второй половины столетия высшее сословие обладало наивысшим культурным потенциалом. В силу сложившихся в дворянской среде традиций воспитания европейские языки, среди которых особое место занимал французский язык, составляли важную часть культурного багажа образованного человека. Не будет преувеличением назвать высшее сословие Российской империи в XIX веке ориентированным в значительной своей части на европейские ценности, в основе которых лежали идеалы эпохи

Просвещения. Кроме того, сложившийся образ жизни, включавший в себя не только регулярные поездки за границу, но и личные контакты с представителями европейского дворянского общества, интеллектуальной элиты, ставили высшее сословие Российской империи в преимущественной положение. Конечно, стоит оговориться, что подобный уровень жизни был доступен далеко не для всех категорий многосоставного и неоднородного высшего сословия, но представлял собой культурный образец, соответствовать которому были способны не только представители придворной элиты, но и среднепоместные дворяне.

Даже в повседневной жизни у себя дома, в имениях, в Петербурге, в губернских городах российские дворяне старались быть в курсе всех новостей европейской политики, культурной и интеллектуальной жизни, и даже великосветских сплетен. Роль современных социальных сетей исполняли новости, передающиеся из уст в уста в салонах, личная переписка, выдержки из которой с важными новостями принято было зачитывать вслух гостям дома, выписываемые из-за границы газеты и журналы, самым популярным из которых был «*Revue des Deux Mondes*». В XIX веке французский язык являлся интернациональным языком, на котором говорили представители европейской аристократии, что в значительной степени облегчало межкультурные контакты. В России он также исполнял роль своеобразного социального маркера, отделяя элиту от простой публики. Анализ документов личного происхождения представителей дворянства, и особенно переписки, показывает, что в одном документе как правило сочетаются тексты на русском и французском языках. Причем, то, что касается хозяйственной, служебной деятельности обычно излагается по-русски, в то время как наиболее откровенные отрывки, касающиеся политики, личной жизни, написаны по-французски. Можно понять, что отчасти это объясняется опасениями возможной перлюстрации.

Степень распространенности французского языка в России удивляла и поражала самих французов. Во время путешествия в Париже И.С. Аксаков встретил у И.С. Тургенева А. Дюма, который восхищался русскими, и говорил, что в России его оценили лучше, чем на родине. Он утверждал, что считает себя русским писателем, поскольку в России все вокруг говорили по-французски, а лет через сто и мужики перестанут говорить по-русски. «*On parlera français, tout le monde parlera français, ce sera completelent inutile de parler russe, nos écrivains seront vos écrivains* и проч. Какая наивность (это было сказано совершенно искренно, он думал даже этим угодить), какая глупость, какая дерзость и какой срам для нас!» [2, с. 14]. Как мы видим, автор письма не оспаривает факт распространенности

французского языка в России, его негативную реакцию вызывают далекоидущие необоснованные выводы Дюма.

Итак, для российского дворянина европейский контекст был постоянно присутствующим фактором, оказывающим воздействие на его поведение и сознание. Политика, культура Западной Европы не воспринимались как внешний фон, задник разыгрываемой на российском материале пьесы. Это не всегда проговаривалось, но было понятно и считалось само собой разумеющимся. Хорошо известный современникам, но впоследствии забытый факт: согласно ходившим в дворянской среде слухам, освобождение крестьян в России связывалось с тем, что данное условие было поставлено российскому императору Наполеоном III, когда итог Крымской войны стал очевиден.

Причем, данное влияние было в некоторой степени обоюдным, взаимообуславливающим. Нельзя представить себе светское общество Парижа, Лондона, Рима, популярных европейских курортов без участия русской аристократии. Хорошо известно, что представители русского зарубежья участвовали в общественной, и реже в политической жизни страны своего пребывания, чему способствовало их долговременное проживание за границей, из которого выросло детальное знакомство с местной ситуацией [1, с. 666].

Следует отметить, что те представители российского дворянства, которые на родине выстраивали свое социальное поведение в соответствии с принятыми в России нормами и правилами, могли успешно адаптироваться к иной ситуации за рубежом, в соответствии с другой шкалой социально-политических координат. Например, княгиня Д.Х. Ливен, имевшая тесные связи с российским императорским двором, во Франции периода июльской монархии достаточно быстро поняла, что политическое могущество и влияние не связано с королевским двором (хотя она и посещала Тюильри без всякого энтузиазма), но с правительством [3, с. 269].

Поэтому исследователь истории российского высшего сословия XIX века, ставящий за скобки этот контекст, а подчас игнорирующий его, не может с достаточной степенью достоверности интерпретировать имеющиеся в его распоряжении исторические источники и адекватно объяснять действия и поступки людей, которые действовали в иной, отличающейся от современной реальности. Но для того, чтобы достичь желаемого результата и максимально полно реконструировать условия существования российского дворянства XIX века следует расширить круг используемых исторических источников, в том числе и за счет иноязычных, а также оживить в памяти основную канву ключевых событий европейской истории века революций и социальных потрясений.

Библиография

1. Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008. 703 с.
2. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: В 3 т. Т. III. Письма 1857–1886 гг. М.: Русская книга, 2004. 608 с.
3. Martin-Fugier A. La vie élégante ou la formation du Tout-Paris. 1815–1848. Paris: Perrin, 2017. 596 p.

Селивёрстова Наталья Матвеевна, доктор исторических наук, доцент, Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева, Москва, Россия; nseliverstova@mail.ru

On the necessity of a European context in the study of the history of the Russian Empire`s upper estate of the XIX century

The article is devoted to the question of the conventionality of disciplinary boundaries between world and national history based on the history of the Russian nobility of the XIX century. The conclusion is drawn about the need to update the isolationist approach in studying the history of the upper estate of the Russian Empire of the XIX century by expanding the circle of sources.

Keywords: nobility, Russian Empire of the XIX th century, intercultural contacts, European context

Seliverstova Natalia Matveevna, Doctor of History, Professor, Russian University of Chemical Technology named after D.I. Mendeleev, Moscow, Russia; nseliverstova@mail.ru

УДК 930(47)

Таньшина Н.П.

Кнут как образ власти Российской империи (по материалам книги Жермена де Ланьи)¹

Статья, написанная в рамках имагологического подхода, посвящена анализу образа власти императора Николая I на основе работы Ж. де Ланьи «Кнут и русские. Нравы и устройство России». В статье делается вывод, что, несмотря на то что автор порой тиражирует известные клише и стереотипы, его работа представляет несомненный научный интерес. Считая кнут символом российской власти и вовсе не являясь русофилом, Ж. де Ланьи тем не менее создает более сложную и неоднозначную картину политического устройства Российской империи.

Ключевые слова: образ власти Николая I, взаимоотношения России и Франции, Жермен де Ланьи, Астольф де Кюстин, имагология, стереотипы взаимного восприятия

Россия в годы правления императора Николая I вызывала неизменный интерес со стороны иностранцев, несмотря на то что Николай Павлович был противником активного приезда иностранных

¹ Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

путешественников в Россию, опасаясь, как бы сказали в советское время, «тлетворного влияния Запада». Особенно это касалось французов, ведь после произошедшей во Франции в 1830 г. Июльской революции отношения между нашими странами были весьма напряженными, а Николай, хоть и признал режим Июльской монархии (1830–1848), рожденный на баррикадах, к королю Луи-Филиппу до конца своих дней относился как к узурпатору трона. Соответственно, контакты между странами были предельно ограничены. Но запретный плод сладок, и многие французы стремились побывать в России. При этом французов, переживших очередную революцию, особенно интересовала система власти в России, и, непосредственно персоне императора [1, с. 206-215]. И если легитимисты, недовольные нелегитимной, на их взгляд, монархией Луи-Филиппа, искали в России идеал для подражания, то либералы, напротив, клеймили Россию позором как царство деспотизма и произвола. Впрочем, автор, пожалуй, самой нашумевшей книги о нашей стране – «Россия в 1839 году», легитимист маркиз Астольф де Кюстин, как известно, разочаровался в России, и в итоге создал обличительный пасквиль, сформировав образ «фасадной России». П.П. Черкасов справедливо отмечает, что путешествие маркиза имело негативные последствия для репутации Российской империи, которая оказалась основательно «подмоченной» по меньшей мере на полтора столетия вперед [2, с. 76]. Как писал французский историк Мишель Кадо, эту работу уже не сможет обойти ни один автор, в каком бы ключе он бы ни писал о России [3, р. 540]. Но, что интересно, в России побывало немало французов, которые оставили самые разные суждения о нашей стране, но об их работах современному читателю известно очень мало [1, с. 161-176]. Как правило, в восприятии французами России не было золотой середины, нас либо любили, либо ненавидели, при этом и тех, и других книг было предостаточно. Но, как правило, работы с негативной оценкой появляются накануне и в годы Крымской войны, когда нагнеталась антирусская истерия, а противник априори не мог быть привлекательным.

Как раз в 1853 г. была опубликована работа Жермена де Ланьи с весьма характерным названием: «Кнут и русские. Нравы и устройство России». Кнут в этой книге символизирует власть как таковую, являясь олицетворением грубой и репрессивной силы. Но, что интересно, по прочтении книги вовсе не складывается гнетущее впечатление о России, а образ императора, более того, является безукоризненным. Такой подход контрастирует, например, с книгой Фредерика Лакруа «Тайны о России», где создан крайне одиозный образ России как деспотичного государства, где деспотизм является

словом-маркером, проходящим через всю книгу, и где все тайны раскрываются буквально на первой странице [5, р. 2].

С книгой де Ланьи все гораздо сложнее, и этим она интересна. Хотя автор, воспроизводит и устоявшиеся стереотипы. В частности, как и большинство его соотечественников, он пишет о России так, будто до него никто о нашей стране не писал либо излагали одни небылицы и мифы [4, р. 9]: «Относительно этой страны царит полное неведение», а в книгах «вымысел занимает место правды». При этом, по словам де Ланьи, русские историки не могли быть объективными: «Национальные историки не имеют права писать по совести: их оценка зависит от золота правительства» [6, р. 1].

Что касается путешественников, то и они, по его словам, тоже не могли дать объективную оценку: «...они находятся под таким строгим надзором, что это им позволяет составить только такие впечатления от путешествия, какие позволяет сделать русская полиция» [6, р. 2]. Все это, по словам писателя, «объясняет, почему так мало знают об этом колоссе» [6, р. 3].

Автор – явно не русофил. По его словам, вся Европа ненавидит Россию и русских: «В Германии, как, впрочем, повсюду, одно только русское имя вызывает омерзение. Оно есть самое полное олицетворение варварства и дикости; и для большинства других наций Европы Россия – это все еще кочевая Тартария Чингиз-хана или Тамерлана». Автор согласен, что так оно и было, но, на его взгляд, так было в прошлом: «...все это было во время царей, пьяных от вина и крови, когда по улицам и площадям Москвы и Новгорода бродили медведи, волки и голодные собаки, чтобы сожрать изуродованные и окровавленные тела жертв...» [6, р. 3]. Несмотря на то, что тех времен больше нет, Россия, по его словам, и сегодня остается такой же монстроподобной: «Сегодня варварство – такое же, как прежде, только оно приняло более лицемерные, и, я бы рискнул сказать, более цивилизованные формы» [6, р. 4].

Де Ланьи задается вопросом: почему до сих пор Европа находится во власти предрассудков и заблуждений относительно России? Виной тому сами русские: «Привычка к маскировке и лести зашла у них так далеко, что все, без исключения, становятся защитниками царя и его правительства, обманывая себя и вводя в заблуждение путешественников...» [6, р. 4]. Как видим, образ России как «царства фасадов», созданный А. де Кюстином, уже хорошо укоренился в сознании.

Но, согласно де Ланьи, Россия – это не только царство фасадов, это царство кнута! Кнут олицетворяет грубую власть силы, жестокости и деспотизма: «Кнут! Нет ни во французском языке, ни в языке другого цивилизованного народа слова, которое одно резюмирует

в себе столько сверхчеловеческих жестокостей и страданий!». Именно кнутом достигается рабская покорность народа: «Кнут! От одного этого слова у русского холодеет сердце, кровь стынет в его жилах, это слово бросает в жар, поселяет ужас в душе, и подавляет 60-ти миллионный народ. Но знаете ли вы, что такое кнут? Это – смерть, – скажете вы. Нет, это не смерть, это в тысячу раз хуже» [6, p. 216].

Если Россия – царство кнута, то император должен олицетворять жестокую власть? Вовсе нет, ничего подобного в тексте мы не находим! «Император Николай, безусловно, самый достойный человек в своей империи, равно как самый красивый, самый справедливый, самый гуманный и самый просвещенный. Он внушает уважение и почтение всем, кто его окружает или кто имеет счастье к нему приблизиться, не столько из-за преклонения перед священной властью, сколько из-за его редких и выдающихся качеств» [6, p. 272].

При этом правит страной этот идеальный правитель как абсолютный самодержец: «Он управляет страной, согласно только своим собственным намерениям, сообразуясь всегда только со своей собственной волей. Находиться под чьим-то влиянием для него равнозначно отречению» [6, p. 21-22].

При этом даже жестокость Николая оправдана дикостью народа: «Он знает, что его народ... совершенно не способен жить при режиме, находящемся в гармонии с евангельскими заповедями» [6, p. 274]. Это тоже общее место авторов, доброжелательных по отношению к России: они оправдывают абсолютную власть, подчеркивая, что только таким образом можно управлять русскими.

В то же время, и это опять общее место, нет особой необходимости применять кнут, настолько народ покорен и безропотен. А эта покорность является следствием крепостного права: «Приученный к покорности и ужасающему рабству, крестьянин совершенно безразличен ко всему, что его окружает» [6, p. 172]. Крестьяне – абсолютно бесправны, закон их не защищает: «Закон защищает только жизнь и имущество бояр. Крепостной, рассматриваемый как пахотная машина, не нуждается в законах...» [6, p. 174]. Собственности – тоже нет: «Для крепостного собственность – это вещь неизвестная, этого слова не существует в его языке». Равным образом в русском лексиконе нет слов «гражданин» и «свобода» [6, p. 176].

В то же время, как и прежде, на каждый тезис Ланьи выдвигает антитезис: он осуждает крепостное право, но подчеркивает, что состояние крепостничества в условиях России предпочтительнее того, что крестьян ждет на свободе. Поэтому он согласен с утверждением, что «у русских крестьян нет стремления к свободе, и что они счастливы в условиях рабства» [6, p. 190].

Какой же вывод делает автор этой книги? Россия – страна парадоксов. Вроде бы, все плохо, но, в то же время, для русских – очень даже нет, поэтому весь набор негативных штампов: самодержавие, деспотизм, крепостничество, – на деле не столь однозначен. В то же время де Ланьи уверяет читателя, что европейцам нечего опасаться России, ведь она – колосс на глиняных ногах. Поэтому, «не надо верить в то невероятное будущее, которое ей предсказывают большинство государственных людей, видевших эту страну только на карте» [6, р. 13-14]. Но пройдет еще четверть века, и Франция сама будет искать союза с Россией...

Библиография

1. Танышина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 334 с.
2. Черкасов П.П. Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. 2009. № 3. С. 73-77.
3. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839-1856. Paris: Fayard, 1967. 643 p.
4. Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Didier, 1967. 489 p.
5. Lacroix F. Les Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. Paris: Pagnerre, 1845. 472 p.
6. Paris: D. Giraud, 1853. 324 p.

Танышина Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; nata.tanshina@mail.ru

The Knut as an image of the Russian Empire power (based on the book of Germain de Lagny)

The article written in the framework of the imagological approach is devoted to the analysis of the image of the Emperor Nicholas I power based on the work of G. de Lagny "The Knut and the Russians. The manners and the device of Russia». The article concludes that, despite the fact that the author sometimes replicates some well-known clichés and stereotypes, his work has undoubted scientific interest. Considering the whip as a symbol of Russian power and being not at all a Russophile, G. de Lagny, nevertheless, creates a more complex and ambiguous picture of the Russian Empire political structure.

Keywords: the image of the power of Nicholas I, the relations between Russia and France, Germain de Lagny, Astolphe de Custine, imagology, stereotypes of mutual perception.

Tan`shina Nataliya Petrovna, Doctor of History, Professor, Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; nata.tanshina@mail.ru

Туркевич А.Л.

Профессор В.Е. Майер и советская власть: история взаимоотношений

На основании архивных материалов и воспоминаний проведен анализ гражданской позиции историка-медиевиста В.Е. Майера, его отношения к советской власти. Коммунистические убеждения, привитые в юношестве, были закреплены в период обучения в МГУ и годы Великой Отечественной войны. Несмотря на репрессивные меры, предпринятые Советской властью в отношении самого В.Е. Майера и его родственников в 1937–1953 гг., убеждения, усвоенные им, оставались неизменными.

Ключевые слова: В.Е. Майер, Великая Отечественная война, коммунизм, немцы, репрессии, Удмуртия

Советская эпоха – чрезвычайно яркий и вместе с тем удивительно противоречивый период российской истории. Отношения Человека и Государства могут быть названы одним из таких противоречий, а жизнь советского историка-медиевиста Вильгельма (Василия) Евгеньевича Майера (1918–1985 гг.) – его яркой иллюстрацией.

1937 год стал для В.Е. Майера во многом определяющим. С одной стороны, в сентябре он стал студентом исторического факультета МГУ. Именно университет определил его судьбу как специалиста: колоссальный опыт и знания, полученные здесь, позволили Вилли Майеру осознать, что дальнейшую жизнь он намерен связать с историей: и как преподаватель, и как исследователь. Не без влияния однокашников, у него окончательно сформировались твердая убежденность в истинности коммунистических идеалов и искреннее стремление вступить в партию. Вспоминая одного из своих близких друзей Михаила Митькова, он писал: «Меня особенно поражала логика Миши, его беспокойство о всех политических и партийных делах. <...> В одной из бесед Миша сказал мне: “Я бы тебя, Вилли, рекомендовал в партию”. В дальнейшем я всегда помнил, что лучший мой товарищ <...> хотел рекомендовать меня в партию» [4, с. 193].

С другой стороны, в декабре 1937 г. был арестован и репрессирован Оскар, старший брат Василия Евгеньевича. Сейчас трудно сказать, как именно отнесся к этому событию Вилли Майер, но в дальнейшем этот факт стал серьезным препятствием в карьере историка.

В целом в предвоенные годы В.Е. Майер предстает перед нами убежденным, искренним сторонником Советской власти: воспи-

таннный в атеистических идеалах, политически активный студент-агитатор исторического факультета МГУ.

По-видимому, первый опыт столкновения идеалов историка с жесткой советской действительностью был связан с начавшей Великой Отечественной войной. 7 июля 1941 г., в числе многих студентов исторического факультета МГУ, В.Е. Майер ушел добровольцем на фронт. Однако в соответствии с директивой НКО СССР № 35105 от 8 сентября 1941 г. поздней осенью 1941 г. он был направлен в составе взвода, составленного из лиц «немецкой национальности», из Москвы в Марийскую АССР и далее – в Удмуртию. Отзыв с фронта по национальному признаку был тяжело воспринят В.Е. Майером: «недоверие» со стороны советского правительства воспринималось им как ущемление его права защищать Родину вместе со своими товарищами-однокурсниками. Советское законодательство первых месяцев войны по отношению к российским немцам коснулось и родителей В.Е. Майера. 1 октября 1941 г., согласно решению Верховного Совета СССР, они были перевезены в Ордынский район Новосибирской области [1, л. 1].

Впрочем, советское законодательство этого периода не повлияло серьезным образом на майеровские убеждения. «С января–февраля 1942 г., – вспоминал В.Е. Майер, – могу считать себя активным пропагандистом слова партии. <...> я постоянно читал лекции, проводил беседы <...> в колхозах, цехах завода, на лесопунктах, в госпиталях, школах» [4, с. 191]. В 1943–1944 гг. историк был привлечён НКВД для работы с немецкими военнопленными. Помимо переводческой деятельности, в его задачи входило проведение политических и агитационных бесед с военнопленными. По словам В.Е. Майера, политическая и воспитательная политика партии в годы войны произвела на него колоссальное впечатление, лишь укрепив в нем убежденность в ее действенности и правильности, а также тесной связи профессии историка с агитацией и пропагандой [4, с. 191].

Очередной виток репрессивных по сути законов в отношении советских немцев [3, с. 175-176]) и полученный В.Е. Майером статус «спецпоселенца» поставил его в униженное положение «неполноправного» гражданина с ограниченной свободой. Это особенно тяготило историка в важнейший период работы над кандидатской диссертацией. Осознавая несправедливость законодательства, В.Е. Майер писал И.В. Сталину: «28.4.1949 года отдел спецпоселения Удмуртской АССР взял меня на учет <...> потому, что я немец. Для меня это удар. <...> Конечно, у меня нет никаких заслуг перед Советским правительством. <...> я надеюсь, что с Вашей помощью этот вопрос может быть положительно решен. <...> я никогда не порывал с комсомолом, с самого детства я готовлюсь быть членом ВКП(б), в наше время исключительно важное значение имеет

сознательность каждого человека индивидуально. Последним я не хочу игнорировать сознательность коллектива» [5, с. 27]. Осознавал, по-видимому, Василий Евгеньевич и бесполезность такого письма, которое так и не было отправлено адресату.

В 1953 г. правовые ограничения, наложенные на В.Е. Майера и его родителей, а также факт репрессии брата стали формальным поводом для отмены прикомандирования ученого в МГУ для завершения работы над кандидатской диссертацией и, по сути, увольнения из УГПИ (на период запланированной командировки уже был приглашен новый специалист). Его письма в Президиум Верховного Совета СССР и Н.С. Хрущеву отчетливо демонстрируют насколько несправедливым и предвзятым он считал такое решение: «Интересно, что во всей этой истории ни разу не вставал вопрос о качестве моей кандидатской диссертации. <...> Товарищи совершенно не считаются с тем, что я работал над диссертационной темой, требующей глубокого знания германских диалектов XV–XVI веков. <...> В конце концов, выходит, что мои родственники, которые даже не знают, над чем я работаю, определяют, могу ли я быть кандидатом [наук] или нет. Я прошу Вас разобраться в этом сложном для меня вопросе и помочь мне в устройстве на работу и в восстановлении в правах прикомандированного аспиранта МГУ» [5, с. 46].

Однако В.Е. Майер не проявил разочарованности в коммунистических идеалах. Напротив, чувство ущемленности лишь развилось еще студенческую идею о вступлении в партию. Вдова историка вспоминала, каким радостным это событие, давшее долгожданное ощущение равенства, стало для него: «Прямо с порога: “Поздравляю меня! Я в партии”» [5, с. 67].

Друзья и коллеги вспоминали В.Е. Майера как искреннего и принципиального человека, «подлинного коммуниста-интернационалиста». Принципиальность проявил Василий Евгеньевич и в феврале 1985 г., когда студенты УдГУ, возмущенные переименованием Ижевска в Устинов, попросили высказать свое мнение. Историк ответил, что Ижевск должен сохранить свое историческое название, за что «получил жесткое порицание со стороны некоторых не в меру рьяных партийных функционеров» [2, с. 6]. В этот же вечер ученого поразил инсульт [5, с. 292].

В.Е. Майер определенно был человеком своей эпохи. Воспитанный на советских идеалах, он никогда от них не отступал. Хотя, казалось бы, само государство давало ему для этого немало поводов, Василий Евгеньевич воспринимал подобные явления не как системные ошибки, а как досадные «перегибы», исключения из правил.

Библиография

1. ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 1.
2. Владыкин В.Е. В Ижевск, к Майеру... // Историк и его дело. Вып. 1. Ижевск, 2002. С. 3-8.
3. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. 448 с.
4. Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». М., 2009. С. 191-194.
5. Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. 418 с.

Туркевич Андрей Львович, кандидат исторических наук, специалист по учебно-методической работе, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; andreylt1988@ya.ru

Professor V.E. Mayer and Soviet power: relationship history

Based on archival materials and memoirs, the analysis of the civil position of the medieval historian V.E. Mayer, his relationship to Soviet power. Communist beliefs, instilled in youth, were reinforced during his studies at Moscow State University and during the years of World War II. Despite the repressive measures taken by the Soviet government against V.E. Mayer and his relatives in 1937-1953, the beliefs learned by him remained unchanged.

Keywords: V.E. Mayer, World War II, communism, Germans, repression, Udmurtia

Turkevich Andrej Lvovich, Candidate of History, Specialist in educational and methodical work, Udmurt State University, Izhevsk, Russia; andreylt1988@ya.ru

УДК 94(430) "19"

Хряков А.В.

Политическая деятельность «аполитичных»: немецкие историки в политической жизни Германии в первой трети XX века

Статья посвящена критике, сформировавшегося на рубеже XIX-XX веков мифа об «аполитичности» немецких историков. Миф возник как ответ на протекавшие в немецком обществе процессы модернизации, затронувшие, в том числе, научную и образовательную сферы Германии. Рассматриваются различные формы участия историков в политической деятельности.

Ключевые слова: «миф Гумбольдта», университеты Германии, немецкие историки, Германская империя, Веймарская республика, политические партии, «аполитичность»

Одним из наиболее распространенных мифов о немецкой университетской профессуре в целом и немецких историках в частности является миф об их принципиальной «аполитичности». Эти представления, являлись составной частью университетского мифа Германии или «мифа Гумбольдта». Они были сформулированы

на рубеже XIX–XX вв. и вплоть до сегодняшнего дня играют значительную роль не только в самоидентификации историков, но и в понимании принципов взаимодействия университетского сообщества с государством и обществом. Один из протагонистов данного мифа философ и историк образования Ф. Паульсен в своей работе 1902 г. писал: «Ученые не могут и не должны заниматься политикой» [5, S. 325]. Данное заявление, как и подобные ему являются осознанной дискурсивной стратегией, разработанной самим университетским сообществом и некритично заимствованной многими его последующими исследователями. Признание пресловутой профессорской «аполитичности» стало общим местом в их характеристике и распространенным объяснением поведения историков в момент прихода к власти А. Гитлера [1, S. 189–208].

Долгое время понятие «политический профессор» в Германии связывалось исключительно с событиями неудачной революции 1848 г. и деятельностью Франкфуртского парламента [2, S. 70]. Но якобы после достижения долгожданного единства страны в 1871 г. роль профессорского сословия в политике стала сходить на нет, а в общественном сознании закрепилось мнение, что наука и политика являются двумя принципиально различными сферами жизни, не связанными между собой. В настоящее время масштабы политической ангажированности немецкого профессорства уже не вызывают сомнения. Невозможно закрыть глаза на явные «политические» последствия «аполитичного» поведения немецкой профессуры конца XIX – первой трети XX вв. [6].

В первые годы после объединения Германии от имени профессионального сообщества историков выступали лишь Зибель и Трейчке, а подавляющее большинство историков предпочитало оставаться в тени, не вступая в актуальные общественно-политические споры. Но уже после 1890-х гг. ситуация изменилась. Значительно вырос спрос на публичные выступления и комментарии историков, посвященных актуальным событиям. Историки самых разных дисциплин и направлений обратились к активной публицистической деятельности. Конечно, активность историков зависела от их дисциплинарной принадлежности, если среди историков древности, пожалуй, только о Т. Моммзене и Э. Мейере можно сказать как об активных публицистах, то среди медиевистов и особенно новистов подобного рода ангажированных историков было гораздо больше.

Основными причинами политического влияния историков в публичной сфере Германской империи могут быть названы следующие: 1) сохранившаяся в обществе и активно поддерживаемая учеными-историками традиционная вера в силу образования (*Bildung*)

и прежде всего, исторического; 2) сохранявшаяся вера в «объективность» истории, подкрепленная методологически и укрепившаяся в результате превращения истории в профессиональное занятие; 3) Германская империя, рожденная «железом и кровью» требовала укоренения молодого «воображаемого сообщества» в далеком прошлом.

В ходе мировой войны и особенно после поражения и возникновения новой Веймарской республики политизация историков возросла многократно. Несмотря на имевшиеся между университетами различия, общий партийно-политический расклад в стенах университетов характеризовался некоторыми схожими чертами. Во-первых, в университетах Германии порядка 20–30% всех вузовских сотрудников были членами тех или иных политических партий. Во-вторых, среди академической элиты был представлен практически весь политический спектр Веймарской республики, включая как сторонников, так и противников молодого демократического государства. В-третьих, партийная принадлежность веймарской университетской элиты характеризовалась резкой поляризацией между партиями националистического толка, с одной стороны, и буржуазно-демократическими – с другой. Наконец, в-четвертых, большое влияние на партийные пристрастия оказывала позиция, занимаемая тем или иным сотрудником в университетской иерархии.

Во многом сама университетская профессура стала создателем мифа о своей принципиальной сущностной «аполитичности» (*unpolitisch*) и «внепартийности» (*überparteilichkeit*). Слово «аполитичный» в лексиконе академической элиты стало означать «лояльный» и «патриотичный», тогда как «политичный» являлось синонимом «оппозиционный» [3, S. 96-101]. Считалось грехопадением вступать в разнообразные межпартийные коалиции, компромиссы, политические соглашения, обмены, взаимные поддержки не приветствовались и считались отступлением от «высшей истины», которой обязаны служить академики. Начиная с XIX в., в немецкой научной среде понятие «партийность» (*Parteilichkeit*) использовалось как антоним понятию «объективность» [4]. Конечно, все рассуждения и заявления о «внепартийности» и «аполитичности» немецкой интеллектуальной элиты в целом были ничем иным как идеологической маской, призванной скрыть их собственный откровенно политический интерес. Это позволяло ей, как и прежде, претендовать в глазах общественности на особый сакральный статус духовных лидеров нации, якобы не связанных узкими партийно-политическими интересами, а ориентированными исключительно на службу «общему благу». В обострившейся общественной борьбе

за материальный капитал репутация «аполитичного» ученого, якобы ориентированного только на научную деятельность, была действенным аргументом. Очень важным для распространения собственных взглядов было поддерживать иллюзию пребывания «над схваткой», демонстрировать всем свое «объективное» мнение, оценивать реальное положение вещей.

Библиография

1. Abendroth W. Das Unpolitische als Wesensmerkmal der deutschen Universität // Universitätstage 1966. Nationalismus und die Deutsche Universität. Veröffentlichung der Freien Universität Berlin. Berlin, 1966. S. 189-208.
2. Brocke vom B. Professoren als Parlamentarier // Deutsche Hochschullehrer als Elite 1815–1945 / Hrsg. von R. Schwabe. Boppard am Rhein, 1988. S. 55-92.
3. Marquardt S. Polis contra Polemos. Politik als Kampfbegriff der Weimarer Republik. Köln: Böchlau, 1997. 319 S.
4. Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft / Hrsg. von R. Koselleck, W.J. Mommsen, J. Rüsen. München: Deutscher Taschenbuch, 1977. 495 S.
5. Paulsen F. Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium. Berlin: Asher & Co, 1902. 575 S.
6. Stern F. Die politischen Folgen des unpolitischen Deutschen // Das kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft 1870–1918 / Hrsg. von M. Stürmer. 2. Aufl. Düsseldorf: Droste, 1984. S. 168-186.

Хряков Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Высшая школа экономики (СПб), г. Санкт-Петербург, Россия; alexchryakov@yandex.ru

Political activity of the “apolitical”: German historians in the political life of Germany in the first third of the twentieth century

The article is devoted to criticism, formed at the turn of the XIX-XX century, the myth of the «apolitical» of German historians. The myth arose as a response to the processes of modernization taking place in German society, affecting, inter alia, the scientific and educational spheres of Germany. Various forms of participation of historians in political activity are considered.

Keywords: “The Humboldt myth” German universities, German historians, German Empire, Weimar Republic, political parties, apolitical

Khryakov Aleksandr Vasilyevich, Candidate of History, Associate Professor, Higher School of Economics (St. Petersburg), St. Petersburg, Russia; alexchryakov@yandex.ru

Шмелев Д.В.

Современная французская геополитика

Автор рассматривает ключевые аспекты эволюции французской геополитики на примере дипломатии Э. Макрона. В центре внимания находятся вопросы, связанные с утверждением ведущей роли Франции в мире, союзнические отношения с США, азиатские векторы (в особенности отношения с Китаем), статус Франции как заморской державы, франкофония. Автор отмечает прагматизм французской геополитики в период президентства Макрона, концентрацию французской дипломатии на конкретных целях, призванных укрепить позиции страны, постепенный отказ от некоторых голлистских постулатов в вопросах обороны. Вместе с тем автор выделяет ряд проблем, с которыми столкнулась французская дипломатия на современном этапе: отношения с Россией, поиск наиболее приемлемого формата отношений с Китаем или иранская ядерная проблема.

Ключевые слова: Франция, геополитика, Эммануэль Макрон, внешняя политика, мультилатерализм

Французская школа геополитики насчитывает не одно десятилетие. Изначально она была подчинена вопросам, связанным с расширением французского влияния в Европе, утверждением ведущей роли Франции на континенте и противоборству со своими основными конкурентами – Великобританией и Германией. На протяжении нескольких столетий эти аспекты конкретизировались, обретая прагматизм и конкретные очертания, но также дополнились новыми тезисами. К последним можно отнести критику немецкого географического детерминизма, продвижение идеи прав человека, проблему безопасности. В интеллектуальных кругах активно обсуждались такие проблемы, как взаимопроникновение моря и суши, организация территории, социальная географии и политическая культура, воля и усилия человека (принцип POSSIBILISMA), сближение и ассимиляция франкофонных народов и др. [2].

После Второй мировой войны Франция закрепила свою роль одной из ведущих держав в мире, став постоянным членом Совета Безопасности ООН и инициатором создания ЕС. Международное положение страны и ее внешняя политика являются одной из главных тем политических дебатов на национальных выборах. Сегодня Франция стремится играть ключевую роль в функционировании ЕС, более самостоятельную роль в отношениях с США и выстраивать прагматичные отношения с Россией. В то же время французская геополитика пережила в начале XXI века сильную идеологизацию, когда реальная политика была вытеснена с приходом в МИД таких фигур, как Б. Кушнер (в президентство Н. Саркози), Б.-А. Леви или Л. Фабиус (в президентство Ф. Олланда), что нашло отражение

в действиях Франции во время конфликтов в Сирии и Украине. Президентство Э. Макрона внесло коррективы в реализацию французских геополитических целей. В области внешней политики он обещал укрепить механизмы безопасности, придать ей большую гибкость и прагматичность, лучше обеспечить национальные интересы страны. Переплетение прагматизма и традиционных геополитических целей составило своеобразие его подхода [7].

Современная мощь государства есть скорость, ритм, адаптация и инновация. Причем на современном этапе именно в инновации, в ее технологической, социально-экономической и интеллектуальной формах вырисовываются черты могущества страны [4]. На чем строится сегодняшняя геополитическая мощь Франции? Во-первых, это признание, что Франция является больше континентальной, чем морской державой, т.н. дромархией. Ее географическое положение позволяет ей играть центральную роль в Европе. В то же время Франция обладает довольно большим морским пространством (11 млн км² исключительной экономической зоны), сохранив крепкую связь с отдаленными регионами (французский суверенитет над заморскими территориями). Данный факт позволяет Франции эксплуатировать ресурсы заморских территорий, но в то же время вовлекает в территориальный пограничный спор с ближайшими соседями. Кроме того, в Новой Каледонии и Полинезии присутствуют французские вооруженные силы, что придает заморским территориям военно-стратегическое значение [5].

Во-вторых, это разворот в сторону Азии, произведенный президентом Э. Макроном, который призвал «переосмыслить» отношения с регионом. В течение 2018 г. он совершил визиты в Китай, Индию, Японию и Южную Корею, а в 2019 г. во Вьетнам. Под этим имеются серьезные основания. Франция исторически и политически присутствует в АТР, будучи членом СБ ООН и обладая статусом ядерной державы. 2/3 французского импорта проходит через регион. Индия и Китай активно покупают французские вооружения. Сегодня Франция в отличие от недавнего колониального прошлого делает упор на мультилатеральное сотрудничество и участие в совместных проектах. Отсюда проистекает амбициозный проект Макрона – проложить новые торговые маршруты в Азии. Это также проявляется в развитии привилегированных отношений с Китаем с середины 1990-х годов, дипломатическом и стратегическом (в том числе по северокорейской проблеме), а также торговом (в рамках заключенного ЕС с Японией соглашения о свободном торговом обмене в июле 2017 г.) сотрудничестве с Японией.

В-третьих, Франция остается нацеленной на укрепление союзнических отношений с США. В этом контексте прошел визит

Э. Макрона в Вашингтон, подтвердивший курс на сильную интенсификацию контактов между странами. Таким образом США остаются главным союзником в рамках НАТО и в двусторонних отношениях.

В-четвертых, ключевым направлением политики влияния Франции остается франкофония и пропаганда французского языка, образа жизни, продукции (в том числе предметов роскоши), культуры, туризм, национальное достояние. Все это создает важным элементом французской исключительности (варианта *soft power*).

В то же время современные геополитические стратегия Франции имеет ряд проблем. Несмотря на пышный прием российского президента В.В. Путина в Версале в мае 2017 г., французская дипломатия считает, что Россия, являясь важным партнером в деле гарантии европейской безопасности и равновесия на континенте, несет значительный риск [3]. Другая сложность – это отношения с Китаем, которые после превращения КНР в глобальную супердержаву, грозят перерасти в асимметричное партнерство. Наконец, это непредсказуемый исход иранской ядерной проблемы, в решении которой Франция пытается принять активное участие. В целом, сегодня Франция демонстрирует свою жизнеспособность и готовность отстаивать национальные интересы, размывая, когда это необходимо, идеологические ориентиры и стремясь реализовать на практике «дипломатию с взаимным уважением».

Библиография

1. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. 147 с.
2. Цыганков П.А. Французская школа геополитики в 2000-х годах: отношения ЕС с Россией // Международные процессы. 2011. Том 9. №2 (26). С. 4-15.
3. Чернега В.Н. Геополитический выбор Франции // Международная жизнь. 2017. № 5. С. 44–53.
4. Buhler P. La puissance au XXe siècle. P.: Ed. CNRS, 2014. 619 p.
5. Géopolitique de la France // Diplomatie. № 44. Avril-mai 2018.
6. Kempf O. Géopolitique de la France. Entre déclin et renaissance. P.: Technip, 2013. 220 p.
7. Macron E. Révolution. P.: XO Editions, 2016. 268 p.
8. Verluise P. (dir.). Une nouvelle Europe. Comprendre une révolution géopolitique. P.: Karthala, 2006. 312 p.

Шмелев Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; dmistryshmelev@mail.ru

Modern French geopolitics

The author examines the key aspects of the evolution of French geopolitics on the example of E. Macron's diplomacy. The focus is on issues related to the statement of the leading role of France in the world, allied relations with the United States, Asian vectors (especially relations with China), the status of France as an overseas power, and Francophonie. The author notes the pragmatism of French geopolitics during the presidency of Macron, the concentration of French diplomacy on specific goals designed to strengthen

the country's position, the gradual abandonment of some of the Gaullist postulates in defense matters. At the same time, the author highlights a number of problems faced by French diplomacy at the present stage: relations with Russia, the search for the most acceptable format of relations with China, or the Iranian nuclear issue.

Keywords: France, geopolitics, Emmanuel Macron, foreign policy, multilateralism.

Shmelev Dmitrij Viktorovich, Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; dmitryshmelev@mail.ru

УДК 94(47) "18"

Шнейдер К.И.

Интеллектуальное наследие российских либералов середины XIX века в современной исторической политике

Текст содержит сравнительную характеристику базовых аксиологических положений концепции раннего русского либерализма середины XIX в. и современной политической риторики президентских посланий 2000-2015 гг. Предпринимается попытка обосновать гипотезу об актуализации идейного наследия отечественного либерализма в постсоветский период развития российского общества.

Ключевые слова: ранний русский либерализм, право, демократия, свобода, закон, государство, личность

Ранний русский либерализм в исторической ретроспективе формировался на протяжении длительного периода, достигнув, вероятно, своего «совершеннолетия» в середине XIX в. Метафорический взгляд историка «из настоящего» создает основу для перманентного переосмысления любых, даже «хорошо» известных событий и культурных феноменов, что активно эксплуатируется в настоящее время в политосфере. В частности, некоторые ценностные доминанты раннего русского либерализма середины XIX столетия неоднократно обсуждались (осознанно или нет?) в современной политической риторике первых лиц российского государства. Закономерно возникает исследовательский интерес к изучению процесса актуализации и реинтерпретации некоторых положений раннелиберальной концепции в текстах президентских посланий Федеральному Собранию в период 2000–2015 гг. [1, с. 368-395; 2].

Сразу же появляются сомнения по поводу корректности сопоставления концептуальных рецептов родоначальников отечественного либерализма с программными заявлениями первых лиц государства в настоящее время. Среди аргументов в пользу релевантности данной процедуры можно выделить, во-первых, близость исторического контекста этих двух переходных этапов, когда в обоих

случаях появилась необходимость в проведении системных преобразований в обществе, ставших следствием кризиса жесткой мобилизационной модели развития, во-вторых, рецепция альтернативных (либеральных) методов управления социумом и их последующая интеграция в традиционный этатистский дискурс пореформенной и современной России. В-третьих, конструирование до некоторой степени схожей либерально-консервативной программы регулирования с акцентом на постепенные изменения «сверху» под непосредственным присмотром власти.

Исследование современного российского политического дискурса на примере президентских посланий 2000–2015 гг. позволяет выявить некоторые его характерные особенности и содержательные параллели с предшествующей интеллектуальной традицией. На протяжении большей части этого периода в официальной риторике высших должностных лиц государства постоянно обсуждалась онтологическая проблема – соединение и совмещение либеральной идеи свободы и сильной власти, что несомненно актуализирует уже в новых временных условиях концепцию раннего русского либерализма, сложившуюся в середине XIX столетия.

В 2000–2011 гг. в президентских обращениях нередко использовалась (скорее неосознанно) раннелиберальная аксиологическая матрица – «либеральные меры и сильное государство», централизация власти (президентская власть), неприятие любых революционных практик, правовой центризм (диктатура закона), европеизм (евроинтеграция), постепенные реформы «сверху» с максимальной адаптацией традиционных форм существования к нововведениям, индивидуализм и свобода личности (демократические ценности), неприкосновенность частной собственности и свободное развитие экономики, формирование общественного мнения (гражданское общество) и т.д.

Вместе с тем было бы наивно полагать, что речь идет о прямой интеллектуальной рецепции либеральной аксиологии середины XIX в. в актуализированном российском политическом пространстве. Допуская вероятность распространения некоторого знания истории отечественного либерализма в среде сегодняшней властной элиты России, следует скорее всего обратить внимание на особенности национальной модернистской парадигмы. На новом переходном этапе в ее границах возросла конфликтность между традиционалистскими ценностями (социокультурная чересполосица больших территорий, правовой нигилизм, патернализм в социальных коммуникациях и т.д.) и телеологией модернистского прорыва в число ведущих мировых держав.

Возможно, интуитивное обращение президента В.В. Путина (Д.А. Медведева) к программным положениям раннелиберальной концепции мотивировалось в конечном счете исключительно внешнеполитическими амбициями, допускающими использование элементов исторической политики в виде риторических формулировок о сильном государстве, централизации власти, евроинтеграции и демократических свободах. В свою очередь, для либералов середины XIX в. великодержавные интенции вообще не входили в перечень их концептуальных деклараций.

Однако более интересной могла бы стать версия о содержательной близости аксиологии раннего русского либерализма и современного политического дискурса российской элиты в период 2000–2004 гг., когда геополитические успехи мыслились как результат, прежде всего, плодотворного внутреннего реформирования общества. И только впоследствии в силу нарастающих сложностей и противоречий в проведении системных реформ в стране и неудачи во внешней интеграционной политике обозначилось стремление к разрыву с прежним курсом и репрезентации имперской модели развития.

В 2012 г. завершился «национально-патриотический поворот» в политической риторике (и не только) высшей российской государственной элиты. По разным причинам (внутренним и внешним) в очередной раз (как в конце XIX в. в период контрреформ) преобразовательный вектор движения сменился на политику культивирования традиционных ценностей в качестве опоры стратегического национального «инжиниринга» в разрыве с современным западным опытом. С этого периода концептуальные параллели с программой раннего русского либерализма середины XIX столетия окончательно потеряли свою актуальность. Возможно, по прошествии некоторого времени Россия снова окажется перед необходимостью решать вопросы исторического транзита, совершая при этом привычную ревизию собственной интеллектуальной истории.

Библиография

1. Малинова О.Ю. Историческая политика в XXI веке. Сб. статей / Науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение. 2012. 646 с.
2. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 207 с.
3. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (дата обращения: 17.12.2015).
4. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 г. – URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml> (дата обращения: 10.12.2015).

5. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 г. – URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения: 12.12.2015).

6. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. – URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения: 16.12.2015).

7. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 26.12.2015).

8. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 26.12.2015).

9. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 27.12.2015).

Шнейдер Константин Ильич, доктор исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия; kshneyder@yahoo.com

The intellectual heritage of Russian liberals mid-19th century in modern historical politics

The text includes a comparative description of the basic axiological positions of the concept of early Russian liberalism of the mid-19th century and modern political rhetoric of presidential messages of 2000-2015. This is the attempt of proving the hypothesis of actualizing the ideological heritage of domestic liberalism in the post-Soviet period of development of Russian society.

Keywords: early Russian liberalism, law, democracy, freedom, state, personality.

Shnejder Konstantin Il'ich, Doctor of History, Associate Professor, Perm State National Research University, Perm, Russia; kshneyder@yahoo.com

СОДЕРЖАНИЕ

Чиглинцев Е.А. Могущество памяти: всеобщая история и ее исследователи в социокультурном измерении (<i>вместо предисловия</i>)	3
Раздел 1. Проблемы теории и методологии исторического познания	
Репина Л.П. Интеллектуальная история в России: двадцать лет спустя	8
Чеканцева З.А. Проблематика времени в исторической культуре Антропоцена	12
Вжосек Войцех. История – это наука о культуре. Идея интенциональности Йозефа Марголиса в контексте исторического конструктивизма	16
Пиков Г.Г. Этнокультурный трансфер	22
Воробьева О.В. Гуманитарные науки в России: проблемы и перспективы	28
Кцоева С.Г. Интеллектуальная биография Карла Яспера в контексте его собственного психоисторического метод	31
Гарбузов Д.В. Проблема подлинности и фальсификации истории: оригинал и подделка как культурно-исторический феномен	35
Грошева И.А., Грошев И.Л. Образы прошлого в сознании молодежи: конструирование новой идентичности	39
Рыженко В.Г. Возможности интеллектуальной истории для разработки региональных и локальных исследовательских проектов	44
XX век – век школы «Анналов»? (к 90-летию основания журнала «Анналь»)	
Гордон А.В. От «методической школы» к «школе Анналов» (динамика французского историознания)	48
Золотов В.И. Социальное пространство в «геоистории» Фернана Броделя и втором томе «Всемирной истории»	52
Калимонов И.К. Кино и историческая память через призму творчества Марка Ферро	56
Новосёлов А.Л. Методология изучения «чудесного» в трудах М. Блока и Ж. Ле Гоффа	61
Прокопенко С.А. Хайме Висенс Вивес и «историографическая революция» в Испании	65

Румянцева М.Ф. Структурная история в 1950–1970-е годы: социальная история Вернер Конце – второе поколение Школы «Анналов» – источниковедение в СССР	69
Саетзянова Г.Д. Историческая антропология Средневековья: традиции и новации	72
Селунская Н.А. Школа «Анналов» и италянистика XX в.: медиевист и мыслитель Пьер Тубер	76
Тоштендаль-Салычева Т.А. “Scandia” – шведские “Annales”? Новое направление в шведских исторических исследованиях начала XX века	81

Раздел 2. Историк в истории: личность, труды, коммуникации

Система научных коммуникаций в науке

Алеврас Н.Н., Скворцов А.М. Проблемы историографии и методологии истории в диссертациях российских историков первой половины XIX в.	85
Гришина Н.В., Выдрин О.В. Траектории академических карьер историков-всеобщников XIX – начало XX вв.	89
Ауров О.В. Научное наследие С.Д. Червонова (1955–1988) и его роль в развитии российской испанистики	92
Бурганова Л.А. Альбион Вудбери Смолл – первый декан социологического факультета Чикагского университета	95
Валеева-Хакимова Р.Р. Музейные предметы как атрибут российско-бриганского культурного сотрудничества в XVI–XXI вв. (на примере экспонатов из Королевской коллекции) ...	99
Волошина В.Ю. Институциональное пространство научных коммуникаций историков русского зарубежья в 1920–1930-е гг.	104
Воробьева О.В. Историография как транскультурный концепт	108
Галямичев А.Н. Саратовская школа историков средневекового города: прошлое и настоящее	111
Кащеев В.И. Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет: от «идеи университета» к ее воплощению	115
Корзун В.П., Колеватов Д.М. Юбилей Академии наук в первой половине XX века: практики перформативирования коммуникативного поля	119
Крылова О.С. Электронная интернационализация: опыт анализа сайтов исторических журналов вузов Поволжья	123
Мионов В.В. Английская школа международных отношений как центр изучения истории международной политики	126
Попова Т.Н. Кафедральная корпорация: к проблеме изучения..	130
Рамазанов С.П. Историографическая школа в Томском университете: проблема смены лидера	134
Савицкий Е.Е. Этнические выставки конца XIX – начала XX вв. и проблемы их историографического осмысления ...	137

Чикалова И.Р. Становление научных школ в области всеобщей истории императорских университетах России	141
Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Особенности коммуникации археологического сообщества Великобритании в 1920–1960-е гг. по материалам Отдела рукописей и архивов Кембриджского университета	145

Историк в истории: XVIII–XIX вв.

Агеева Н.Н. Вклад С.Ф. Фортунатова в развитие отечественного англоведения	149
Бычков С.П. Общая церковная история и история русской православной церкви в Петербургской духовной академии в начале XX века: В.В. Бологов – А.В. Карташев. Особенности восприятия идей и ценностей	152
Герш К.В. Историк-медиевист И.М. Гревс в меняющейся повседневности: к постановке проблемы	156
Жуковская Т.Н. Преподавание истории в Петербургском педагогическом институте и университете. 1800–1820-е гг.: предметные рамки и методы	159
Золотарев В.П. В.И. Ульянов (Ленин) и Н.И. Кареев	162
Иванова Т.Н. «Понять историю через личность»: исторические биографии в научном творчестве В.И. Герье	167
Казаков Р.Б. Категорический императив Иммануила Канта в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина	171
Кирсанова Е.С. «...согласовать стремление демократии с интересами цивилизации». О политических взглядах В.И. Герье (1837–1919). Памяти историка	175
Клюев А.И. Опыт исторических экскурсий Николая Оттокара .	179
Михальченко С.И. Ф.В. Тарановский как историк (по его переписке до 1917 г.)	182
Нисковская М.И. Профессиональная идентичность отвергнутых историописателей Ф.А. Эмина и И.П. Елагина.....	186

Историк в истории: XX век

Груздинская В.С. «Да, Сергей Федорович, всякие неожиданности бывают в жизни!»: эпистолярный диалог А.А. Васильева и С.Ф. Платонова (1920-е гг.)	190
Девятайкина Н.И. Историк в истории: учебная повседневность первой половины 1950-х гг. медиевиста С.М. Стама ...	194
Долгова Е.А. Н.И. Кареев как профессор: учебные курсы постреволюционного пятнадцатилетия	198
Зорина А.А., Лукина С.Г. Изучение социальной истории средневековой Германии XIV–XVI вв. по материалам вайстюмов	202
Зубова И.Л. Всеобщий историк Н.Г. Левинтов: проблема полноты реализации возможного в научном творчестве	206

Колесникова М.Е., Танцеева А.В. Вклад профессора В.П. Невской в развитие кафедры всеобщей истории Ставропольского государственного педагогического института (к 100-летию со дня рождения)	210
Кузнецов А.А., Селиванова О.В. Неопубликованный текст С.И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» («Социальная история Англии в работах русских историков»): историографический труд и это - документ	213
Кузнецов А.А. Преломление политической истории первой половины XX в. в научном творчестве С.И. Архангельского	218
Кутузова А.А. Я.М. Захер: своим убеждениям не изменил (по материалам архива Красноярского управления ФСБ) ...	223
Сашанов В.В. «...Изучайте Византию, это золотое дно»: всесоюзные византиноведческие сессии в 1944–1950-й гг. ...	226
Селиванова О.В. «Сохраняя благодарную память...» (о П.Г. Виноградове по материалам фонда И.Н. Бороздина в Архиве РАН)	230

Раздел 3. Казанский университет в судьбах историков – судьбы историков в истории университета

Кафедра всеобщей истории в памяти выпускников

Бухараев В.М., Мягков Г.П. Историк Ю.А. Михайлов: между поколениями «шестидесятников» и «застойных времен» ...	235
Ловчев В.М. Не руководитель, а вдохновитель: Василий Иванович Адо	240
Мартынов Д.Е. Назифа Арифовна Мазитова и «Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете» ..	244
Недашковская Н.И. Опережая время: антропологические аспекты исследования А.В. Сергеева о слависте В.И. Григоровиче	248
Петрова Э.Б. О кафедре всеобщей истории и о моих Учителях	251
Сыгченкова Л.А. Картинки в памяти: неофициальный портрет Аркадия Семеновича Шюфмана	256

Университетские культурные и научные практики

Бродовская Л.Н., Буравлева В.В. Н.И. Ильминский в культурно-исторической памяти народов Поволжья и Приуралья	261
Галиуллина Р.Х. Востоковед Франц Эрдман – отдельный цензор Казанского университета (1828–1845 годы)	264
Георгиев П.В. У истоков традиции изучения жизни и творчества В.И. Григоровича: М.П. Петровский	268
Ильина К.А. Профессора классической филологии в Казанском университете в 1830 – 1870-е годы	271

Левченко В.В. Издания трудов ученых Императорского Казанского университета в коллекции книг профессора Б.В. Варнеке: история и провененции	276
Мальшева С.Ю. Историк и власть: судьба профессора И.А. Стратонова (1881–1945)	279
Руденко К.А. Трансформация мировоззрения и научных концепций казанских историков и археологов в переломный период истории: 1917 – 1930 г.	282
Сальникова А.А. «Детское пространство» провинциального российского города первых десятилетий XX в. в воспоминаниях В.И. Адо	285
Сидорова И.Б. Зарубежные периодические издания в библиотеке Музея искусств и древностей Казанского университета	289
Усманова Д.М. Казанский физик, друг Эйнштейна: Клемент Хорват в Берлинском университете (первая треть XX в.)	293
Хамматов Ш.С. Профессор Ф.Г. Мищенко – редактор «Ученых записок Казанского университета»	298

Раздел 4. История и политика

Белов М.В. «Политика памяти» или «историческая политика»: в чем разница?	304
Гронский А.Д. История белорусской государственности между наукой и идеологией	307
Ермаченко И.О. «Дружба империями»? Место монархического компонента в публицистическом обосновании русско-японского сближения накануне и в годы Первой мировой войны	311
Идрисов Р.А., Краснова М.Н. Развитие политической логики в современной России	314
Караваяева Д.Н., Созинова К.А. Британский ислам, идеал глобальной женской общности <i>sisterhood</i> , развлекательная культура и британская национальная идентичность в современной Великобритании	319
Кузнецова С.В. Историческая политика в пост-югославских государствах	323
Кутявин В.В. Традиции Первой Речи Посполитой в политической культуре современных государств Центральной и Восточной Европы	326
Ловчев В.М. Образы и сюжеты античной истории в процессе профессиональной подготовки социальных конфликтологов	329
Моисеева Е.Н. Пропаганда имперской политики в трудах французских историков конца XIX – начала XX вв.	332
Попова А.А. «Вавилон» против «Библии»: как стать знаменитым после одной лекции	335
Поршнева О.С. 10-летий юбилей Первой мировой войны в политике памяти Коминтерна	339

Ростиславлева Н.В. Наука vs политика: всеобщая история на страницах журнала «Голос минувшего» в годы Первой мировой войны	342
Русанова В.С. «Социология революции» П.А. Сорокина в оценках современников	346
Свешников А.В., Герш К.В. И.М. Гревс как политический публицист. Обзор тематики	350
Селивёрстова Н.М. О необходимости европейского контекста в изучении истории высшего сословия Российской империи XIX века	354
Таньшина Н.П. Кнут как образ власти Российской империи (по материалам книги Жермена де Ланьи)	357
Туркевич А.Л. Профессор В.Е. Майер и советская власть: история взаимоотношений	362
Хряков А.В. Политическая деятельность «аполитичных»: немецкие историки в политической жизни Германии в первой трети XX века	365
Шмелев Д.В. Современная французская геополитика	369
Шнейдер К.И. Интеллектуальное наследие российских либералов середины XIX века в современной исторической политике	372

Научное издание

**ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Сборник статей и сообщений

Том 1

Оригинал-макет

Г.П. Мягкова

Дизайн обложки

Э.Р. Рахматуллиной

Подписано в печать 27.12.2019 г.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 22,3

Тираж 500 экз. Заказ 448/11.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. профессора Нужина, 1/37

Тел. (843) 233-73-59, 233-73-28